

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

7МД/К
С-750

СРАВНИТЕЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ИЗУЧЕНИЕ
ЯЗЫКОВ
РАЗНЫХ СЕМЕЙ

•

ЗАДАЧИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ

•

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1982

78

Настоящая монография представляет собой первый в советском и мировом языкознании опыт теоретического обобщения результатов современных исследований в области сравнительно-исторического языкознания. В ней освещается степень изученности всех основных генетических семей языков, неравномерность развития компаративистики в отдельных отраслевых языкознаниях, что связано со спецификой исследуемого материала. Большое внимание уделяется проблеме усовершенствования самих приемов исследования, разработке новых методов, использующих достижения смежных отраслей языкознания. Книга продолжает публикации исследований по указанным проблемам, начатые в монографии «Сравнительно-историческое изучение языков разных семей (Современное состояние и проблемы)» (М., «Наука», 1981).

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук

Н. Э. ГАДЖИЕВА (ответственный редактор),

доктор филологических наук

В. К. ЖУРАВЛЕВ,

доктор филологических наук

В. П. НЕРОЗНАК,

Г. И. АНДРЕЕВА (ответственный секретарь)

214-1-838/42
(авг 20-82)

С 460200000-291
042(02)-82

484-82, кн. 1 © Издательство «Наука», 1982 г.

САНСКРИТ

Толчком к возникновению сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков послужило знакомство с санскритом¹ западных ученых в конце XVIII—нач. XIX в. Было замечено поразительное сходство между этим языком и древними европейскими языками: греческим, латинским, германскими, кельтскими и др., что вызвало необходимость объяснения — разработку системы регулярных закономерных фонетических соответствий между этими языками и трактовку их как генетически родственных, восходящих к одному индоевропейскому «праязыку», разными отражениями которого они являются. Таким образом, научное изучение санскрита в Европе с самого начала оказалось неразрывно связанным со сравнительно-историческим изучением древних и.-е. языков, и это повлияло на дальнейшее развитие санскритологии.

Установление генетического родства и.-е. языков поставило перед необходимостью реконструкции «праязыка», который первоначально понимался весьма конкретно (ср. басню, написанную А. Шлейхером на «праязыке») и в тот период в значительной степени отождествлялся с санскритом. Дальнейшая эволюция взглядов компаративистов привела к трактовке общего и.-е. языка как условной абстракции, системы соответствий между засвидетельствованными языками [Мейе 1938]. Из сравнения реальных языков, принадлежащих к разным семьям, складывалось представление об общем и.-е. языке как о совокупности диалектов, распространенных на территории большой протяженности, что соответственно означало отказ от идеи первоначального единства. Вовлечение в сферу компаративистики материалов хеттского и других анатолийских языков, с одной стороны, и тохарских языков — с другой, сделало еще более актуальным изучение диалектного членения языка-основы и привело к необходимости произвести некоторую переоценку взаимного соотно-

---

¹ Термин «санскрит» здесь понимается широко: в него включается как ведийский санскрит, или ведийский язык, так и более поздний классический и эпический санскрит.

шения во времени и пространстве отдельных языковых семей.

Нужно сказать, что с самого начала в сравнительно-исторической грамматике и.-е. языков наблюдается тенденция «приблизить» к исходному состоянию какой-нибудь один язык или группу языков, хотя теоретически модель исходного состояния вполне могла бы включать в себя равномерно черты, взятые из разных языков или разных семей. Сначала был предельно «приближен» таким образом санскрит, затем — группа языков с развитой литературной традицией: санскрит, греческий, латинский, и, наконец, в какой-то момент эта роль перешла к хеттскому языку. Так или иначе в настоящее время постоянно предпринимаются попытки пересмотреть интерпретацию санскритских фактов разных уровней в свете новой ориентации сравнительно-исторической грамматики и.-е. языков. Необходимость этого отчасти вызвана также применением новых методов исследования: не только сравнение фактов или систем разных языков, на основании чего производится реконструкция предшествующего состояния, но и внутренняя реконструкция, опирающаяся на использование несистемных элементов одного отдельно взятого языка (еще для А. Мейе восстановление истории изолированного языка представлялось невозможным), а также широкое корректирование результатов реконструкции с помощью типологических критериев.

В силу сложившейся исторически связи между санскринологией и индоевропеистикой любая новая грамматика санскрита прямо или косвенно дает материал для сравнительных штудий. Так, хотя последняя из опубликованных грамматик ведийского языка написана ее автором, покойным мэтром ведийской филологии Луи Рену, с сугубо «внутренних» позиций и описывает исторические изменения только в пределах самого древнего периода развития ведийского языка, засвидетельствованного в метрических ведийских текстах — мантрах [Renou 1952], она получает оценку и с точки зрения компаративистики. В этой связи известный голландский санскритолог Я. Гонда говорит, что индоевропеист из этой грамматики «может понять, насколько сложнее язык метрических текстов веды, чем упрощенное впечатление об этом, почерпнутое из руководств по сравнительному языкознанию» [Gonda 1971, 3]. Особенно ценно в этом отношении внимание автора ко всем многочисленным аномалиям и несистемным формам, ко-

торыми так богат язык мантр, за что в свое время книгу с упреком называли грамматикой исключений. Системная часть изложена в грамматике Рену менее удобно, поскольку не дается традиционных парадигм. Это отчасти можно оправдать тем, что в языке мантр, засвидетельствованном ограниченным числом текстов, во-первых, и отличающемся с синхронной точки зрения не всегда последовательно проведенной грамматикализацией форм, во-вторых, от одного корня или основы вся парадигма бывает засвидетельствована нечасто (отсюда необходимость реконструирования всей парадигмы с помощью форм от разных корней, ср. очень удачную для учебных целей грамматику А. Макдонелла для студентов [Macdonell 1916]). Не дается также и исчерпывающего списка форм, как в большой ведийской грамматике Макдонелла [Macdonell 1910]. Правда, у Рену есть специальная глава, посвященная синтаксису (что важно также в сравнительных и типологических целях), а у Макдонелла такого раздела вообще нет.

В ведийской грамматике автора этих строк [Елизаренкова 1982] была сделана попытка представить прежде всего основную систему языка мантр, описанную в терминах современной лингвистики, т. е. в виде формальных оппозиций грамем, с которыми соотносятся (иногда не вполне последовательно и однозначно) семантические оппозиции. Помимо традиционного раздела фонетики дается также фонологическая интерпретация по парадигматической и синтагматической оси. На синтаксическом уровне даны инвентарь элементарных синтаксических конструкций и основные правила их комбинации в предложении. Анализ лексики предваряется кратким описанием семантики ведийских собраний — самхит, определяющей до некоторой степени ряд особенностей функционирования других, собственно языковых уровней. Описание выполнено в синхронном плане. Оно может послужить материалом для типологии древних и.-е. языков.

Грамматика санскрита излагается с сравнительной точки зрения в двухтомной книге Тумба—Хаушильда [Thumb, Hauschild 1958], которая представляет собой 3-е издание грамматики А. Тумба, вышедшей в 1905 г., основательно переработанное и дополненное Р. Хаушильдом. Первоначально предназначенная быть компаративистским учебником санскрита для начинающих, эта книга в 3-м своем издании, где учитываются в основном (хотя

и не все) достижения индологии и компаративистики, накопившиеся за полвека, разрастается до весьма больших размеров (есть раздел об истории санскритологии, о древних арийских диалектах на территории Малой и Передней Азии и т. п., но фактически нет раздела о синтаксисе) и фактически сильно меняет свой жанр по сравнению с 1-м изданием.

Систематическое описание санскрита в его связи с другими и.-е. языками дается в книге Т. Барроу, вышедшей на английском языке в 1955 г. [Barrow 1955] и переведенной в 1976 г. на русский язык [Барроу 1976]. Книга Барроу отличается широтой охвата проблем и теоретическим характером. Описание начинается с краткой характеристики древних и.-е. диалектов, взаимоотношений групп *satəm* и *centum*, отмечаются контакты между индоиранскими и финно-угорскими языками, лаконично излагается история арийцев на Ближнем Востоке, предшествующая появлению индоарийского языка. Особая глава посвящена истории санскрита в связи с разными жанрами памятников на этом языке. Центральное место в собственно грамматической части описания занимает глава о словообразовании имени, вызвавшая оживленную дискуссию и критику со стороны большинства ученых (см. об этом подробнее в связи с характеристикой словообразования). Столь же оригинальны взгляды автора на происхождение санскритской глагольной флексии: местоименная гипотеза отвергается, и личные окончания связываются со словообразовательными суффиксами. Книга завершается главой о неарийском влиянии на санскрит в области лексики. Главы о синтаксисе нет. При всей спорности общих взглядов автора эта книга знакомит читателя с ключевыми проблемами современного и.-е. языкознания с позиций санскрита, и, наконец, здесь впервые в книгу типа *Handbuch* включена тема неарийского влияния на санскрит, в разработку которой сам Барроу внес существенный вклад.

Два аспекта изучения санскрита: внутренний, при котором описание определенных закономерностей языка является самоцелью, и внешний, трактующий данные санскрита в свете сравнительно-исторической грамматики и.-е. языков, — связаны друг с другом на современном этапе еще и в том отношении, что первый вносит коррективы в построение второго с помощью филологических изысканий. За последние десятилетия благодаря многочисленным работам ряда ученых, прежде всего Рену и

Гонды, были достигнуты большие успехи в экзегетике «Ригведы» и в филологическом анализе текста этого памятника, уникального с точки зрения сохранения некоторых архаичных черт. Эпоху составляет серия «Ведийские и панинийские этюды» (т. 1—17), выпускавшиеся Рену с 1955 по 1969 г. (последний том вышел посмертно) [Renou 1955—1969], которые постепенно превратились исключительно в ведийские этюды, а еще точнее — в переводы циклов гимнов «Ригведы», сопровождаемые тонким филологическим комментарием и лингвистическим анализом форм, а также исчерпывающей библиографией. Использование данных «Ригведы» в работах по сравнительно-исторической грамматике и.-е. языков без учета этих частных филологических интерпретаций, толкований отдельных стихов и установления значений морфологически недостаточно охарактеризованных форм (а таких особенно много в глаголе), исходя из контекста, представляется некорректным.

Далее следует перейти к краткой характеристике сравнительно-исторического изучения санскрита на разных уровнях.

Фонетика — фонология. Интерпретация санскритских фактов на этом уровне приобрела на современном этапе иной вид под влиянием ларингальной теории, принятой большинством ученых после того, как в 1927 г. Е. Куриловичем была установлена генетическая связь между хеттским звуком h и тем неотожествленным, но предвиденным за полвека до этого де Соссюром элементом, который лежал в основе единой теории и.-е. аблаута [Соссюр 1977]². Спорные вопросы этой теории, в частности сколько ларингальных следует принимать, оказались для санскрита не столь существенными из-за совпадения в этом языке в одном гласном *a* трех и.-е. гласных разных тембров: *e*, *o*, *a*. С помощью ларингальной теории находит единое объяснение целый ряд фонетических фактов и — что еще важнее — типов чередований в санскрите, лежащих в основе морфологии этого языка³

² Нужно сказать, что Хаушильд, перерабатывая грамматику Тумба, остался на старых позициях и не прибегал к ларингальной теории для объяснения фактов фонетики и морфонологии.

³ В принципе морфологические чередования следовало бы описывать в разделе «Морфология», поскольку приходится согласиться с Куриловичем в том, что аблаут нельзя рассматривать как фонетическое явление ввиду его происхождения из морфологических оппозиций [Kuryłowicz 1964, 50; 1968, 7].

[Kuiper 1947]. Так, эта теория по-новому моделирует особенности чередования санскритских корней с конечным исконным долгим гласным, корней на долгие слоговые плавные сонанты, дающих рефлексy *ir*, *ur* или *īr*, *ūr* (в зависимости от фонетического контекста): *tirāti* (< *tṛH-é-ti) наряду с *tárati* и *tīrṇá* (< *tṛHnó) от *tar-* 'пересекать', корней на долгие носовые сонанты: *san-* 'побеждать', *sā-tá-* (< *sṇH-tó-), некоторые особенности именного и глагольного словообразования и формообразования, ср., например, склонение имен существительных жен. рода на -ā-, -ī-, -ū- типа *sénā* 'войско', *vṛkī* 'волчица', *tanú-* 'телo' (трактуются как оканчивающиеся на -a-H-; -i-H-; -u-H-) или образование глагольных основ презенса с носовым элементом, что дает возможность единой интерпретации глаголов 7, 5 и 9-го классов [Barroу 1976 — соответствующие разделы; Kuryłowicz 1956, 125, 252, *passim*].

В свете ларингальной теории класс глухих придыхательных согласных в санскрите (из и.-е. языков этот класс встречается только в индоиранском) трактуется как результат сочетания глухих непридыхательных с последующим *H*. В отличие от звонких придыхательных глухие придыхательные рассматриваются большинством ученых как позднее явление [Barroу 1976, 70—71; Gonda 1971, 30; Kuryłowicz 1977, 197—205]. Иную реконструкцию и.-е. консонантизма предлагают Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, исходя из типологического критерия, выдвинутого Р. О. Якобсоном [Якобсон 1963]. Согласно этой реконструкции противопоставление по признаку придыхательность/непридыхательность не было фонологически значимым в и.-е. системе смычных — соответствующие придыхательный и непридыхательный согласный представляли собой аллофоны одной фонемы: *bh/b*, *ph/p* и т. д. В результате индоиранские языки считаются претерпевшими наибольшие преобразования по сравнению с общеиндоевропейским состоянием, а древнеармянский — наиболее архаичным в отношении консонантизма [Гамкрелидзе, Иванов 1980_{1, 2, 3}].

Закон Зиверса о распределении в ведийском языке и.-е. щелевых сонантов (в формулировке Эджертона: после тяжелого слога постконсонантные *y*, *v* > *i**y*, *u**v* перед гласным), при том что на фонетический уровень налагаются некоторые (не всегда отчетливые) морфологические ограничения [Елизаренкова 1974, 23 и след.], получает более

четкое истолкование в терминах ларингальной теории. Согласно этой теории ведийское -уа- < у + а произносится после легкого слога как один слог, а ведийское -уа- < < iHa- — как -iуа- [Барроу 1976, 84].

Считавшееся до сих пор метрическим изменение качества, которому подвержены конечные гласные в «Ригведе», также объясняются с точки зрения ларингальной теории [Kuiper 1955]. Долгие гласные, возникшие из сочетания краткого гласного с *H*, сохраняются перед начальным согласным следующего слова и сокращаются (т. е. происходит утрата конечного *H*) перед последующим гласным.

Несмотря на то что ларингальная теория в целом получила широкое признание, границы ее применения и многие детали нельзя считать окончательно установленными, и они продолжают обсуждаться. По некоторым вопросам мнения сильно расходятся. К их числу принадлежит проблема вокалического ларингального, который большинством ученых отождествляется с э (шва) традиционной грамматики. Противником целесообразности введения понятия «шва» для объяснения ряда чередований гласных в санскрите выступил Барроу, изложивший свои взгляды сначала в статье [Burrow 1949], а затем более подробно в книге [Burrow 1979]. Коротко аргументация последнего варианта гипотезы Барроу сводится к следующему. Понятие редуцированного гласного э (шва) было введено для моделирования разных результатов чередований и.-е. исконных долгих гласных *ā*, *ē*, *ō*, дававших в слабой степени во всех и.-е языках *a* (например, лат. *stā-*, *sē-*, *dō-*: *status*, *satus*, *datus*), но в санскрите (и в меньшей степени в иранском) *-i* (например, санскр. *sthā-*: *sthitá-*), и ряда сопоставлений типа лат. *pater* 'отец' — санскр. *pitar-*. Барроу утверждает, что в санскрите долгие гласные могут быть представлены нулевой ступенью (*dā-* 'давать': *da-d-más*) или более часто встречающейся редуцированной, слабой ступенью *a* (*dā-*: *dá-tra-* 'дар'). Гласный же *i*, который рассматривался как ступень чередования корня, следует трактовать как соединительный и анализировать соответствующие формы как *sth-i-tá-*, *p-i-tár-*. Что же касается санскритского *i*, то оно всегда восходит только к и.-е. *i*. Принимать ларингальный в и.-е. реконструкциях можно только тогда, когда в хеттском в соответствующем слове засвидетельствован звук *ḫ*. Вокалический шва не имеет оснований в действительности и возник в резуль-

тате непонимания сути рассмотренных чередований. При этом консонантный шва имеет реальную основу, поскольку он оставил свои следы в санскрите в ряде особенностей чередований глайдов, сонантов, гласных. Барроу считает, что выводы из его исследования не вступают в противоречие с принятием полного набора и.-е. ларингальных, поскольку санскр. $i <$ и.-е. i [Burgow 1979, 31]. Соединительный гласный i в санскрите не имеет фонетического происхождения; первоначально он был связан только с системой спряжения глагола.

Гипотеза Барроу является, таким образом, попыткой альтернативного истолкования определенного типа и.-е. чередования гласных в санскрите по сравнению с ларингальной теорией. Отказавшись от вокалического ларингального в реконструкциях, автор, однако, признает целесообразность консонантных ларингальных. Словообразовательный анализ санскритского материала отличается большой смелостью.

Данные санскритской фонетики обсуждаются в работах по компаративистике в связи с рядом ключевых проблем и.-е. реконструкций. Так, продолжается дискуссия по вопросу о рядах гуттуральных в общем и.-е. языке. До последнего времени санскрит, принадлежащий к группе *satəm*, рассматривался как язык со сравнительно архаичным консонантизмом, и группа *satəm*, в которой палатальные $k̄$, $ḡ$, $gh̄$ подверглись ассибиляции, трактовалась как отражающая более точно исходное состояние гуттуральных, в то время как в группе *centum* произошла их мутация [Kuryłowicz 1977, 190—197]. В последнее время в индоевропеистике предпринимаются попытки пересмотра общей ситуации в свете хеттско-анатолийских данных и с привлечением типологических критериев. В связи с и.-е. рядами гуттуральных высказывается предположение о том, что лабиовелярные составляли самостоятельный фонологический ряд, а палатализованные велярные выступали в системе как дополнительный ряд по отношению к немаркированному ряду велярных смычных. Постулирование трех рядов гуттуральных смычных в и.-е. фонологической системе подтверждается особенностями построения и.-е. корня. Как наиболее маркированный, палатализованный ряд велярных смычных оказывается наименее стабильным [Гамкрелидзе, Иванов 1980₂]. Особенности распределения и.-е. палатализованных фонем в индоиранских языках, и прежде всего в древнеиндийском, свиде-

тельствуют о том, что палатализованные велярные проявлялись только в определенных позициях в слове, в других же происходила нейтрализация противопоставления по признаку палатальности. Разница между языками *satəm* и *centum* определяется изначально различной траекторией движения маркированного палатализованного ряда велярных, склонного к исчезновению [Гамкрелидзе, Иванов 1980₃].

Ряд церебральных смычных согласных, представляющих собой характерную особенность санскритского консонантизма, выделяющего его среди других и.-е. языков, продолжает привлекать внимание лингвистов. Уже на самом раннем этапе развития санскрита, в языке «Ригведы», церебральные выступают как класс фонем, противопоставленный дентальным, хотя на дистрибуцию церебральных по синтагматической оси наложены жесткие ограничения (церебральные не встречаются в начале слова, в абсолютном исходе представлены очень слабо) [Елизаренкова 1974, 69, 81]. Встречаясь в середине слова, они большей частью бывают позиционно обусловлены, что даже дало основания для трактовки церебральности на фонологическом уровне в качестве супrasegmentного признака [Allen 1951; 1954]. Тем не менее некоторая часть церебральных представляет собой явно самостоятельные фонемы, и — при том что закон Фортунатова не раз вызывал обоснованную критику — остается необходимость объяснения их появления в санскрите. В отдельных случаях здесь, видимо, имеет место развитие церебральных в санскрите из и.-е. сочетаний типа *-zd-*, *-rt-*, как в *nīḍá-* 'гнездо', *paṭ-* 'танцевать' [Gonda 1971, 40]. В части случаев происходила спонтанная церебрализация дентальных в санскрите [Burrow 1971; Maqrhofer 1968, 509—517]. Наконец, значительную роль в распространении и становлении церебральных как класса фонем сыграли заимствования из других языков — пра-критизмы, встречающиеся начиная с «Ригведы», многочисленные заимствования из языков субстрата: дравидийских и мунда, см. этимологии в словаре М. Майрхофера [Maqrhofer 1956—1980].

Интересна попытка объяснения установления церебральных как класса фонем в языке «Ригведы» с социолингвистических позиций [Deshpande 1979]. Становление церебральных рассматривается как результат «одравидивания» арийского языка в процессе продвижения ариев в Индии и смешения их с дравидийским населением.

В устной передаче текста «Ригведы» выделяются два периода: период формирования гимнов (1500—1200 г. до н. э.) и период их редактирования (около 700 г. до н. э.). В промежутках между этими двумя периодами церебральные звуки стали органической частью фонологической системы санскрита, при этом родной, дравидийский язык редакторов гимнов оказал немалое влияние на редактируемый текст.

Архаический характер ведийского ударения делает его основным источником для реконструкции и.-е. ударения. В результате получается, что новые исследования в области ведийского ударения связаны прежде всего с «внешним» подходом к этому языку с позиций компаративистики. Так, Курилович с помощью метода внутренней реконструкции, опираясь на архаичные, несистемные элементы в системе ведийского ударения, реконструирует предшествующее состояние и этот результат соотносит с данными греческого и балто-славянских языков [Kuryłowicz 1958].

Роль ударения в связи с системой морфологических чередований гласных определяется следующим образом. В первичных (немотивированных) словах ударение представляет собой просодическое качество. Во вторичных (мотивированных) производных словах оно характеризует производящий аффикс [Kuryłowicz 1968, 8].

М о р ф о л о г и я. Самое значительное, что сделано в области морфологии санскритского имени за последние десятилетия, относится в первую очередь к области словообразования. Выходит в свет посвященный словообразованию том грамматики Вакернагеля—Дебруннера [Wackernagel, Debrunner 1896—1954], принадлежащий перу Дебруннера. Это — объединяющий ведийское и санскритское словообразование компендиум древнеиндийских форм, собранных с удивительной полнотой и систематизированных. Словообразование древнеиндийского имени излагается, с одной стороны, с учетом его и.-е. истоков, с другой стороны, принимается во внимание история развития именных суффиксов на индийской почве. Этот том является достойным завершением монументальной (но, к сожалению, неполной — нет глагола и синтаксиса) грамматики древнеиндийского языка.

Годом позже в 1-м английском издании книги «Санскрит» Барроу излагает свою новую теорию словообразования санскритского имени, которая вызвала весьма рез-

кую критику [Burgow 1955, гл. IV]. Согласно этой теории практически все фонемы могут выступать в качестве суффиксов, первоначально не различавшихся между собой по значению. Семантические различия между ними развились постепенно в результате специализации. В словообразовании главную роль играла формальная оппозиция места ударения: на корне — на суффиксе, чему соответствовала семантическая оппозиция: средн. род / ном. actionis — общий род, прилагательные / ном. agentis. Критика была направлена против ориентации этой теории на факты хеттского языка при описании словообразования в санскрите, ее гипотетичности и некоторой механистичности.

Морфонологические чередования, лежащие в основе словообразования в санскрите, интерпретировались Куриловичем в свете общей и.-е. теории аблаута в ряде его работ по сравнительно-исторической грамматике и.-е. языков [Kuryłowicz 1956; 1964; 1977].

Частные вопросы именного словообразования санскрита нашли свое освещение как в ряде работ по индоевропестике, так и в специальных исследованиях по санскриту. Среди первых надо назвать прежде всего книгу Э. Бенвениста об именах деятеля и именах действия в индоевропейском [Benveniste 1948]. Согласно общей концепции, развиваемой в этой книге, суф. -tu- в санскрите, обозначая ном. act., выражает действие как субъективное, совершаемое в силу предопределения или внутренней склонности, в то время как суф. -ti-, гораздо более продуктивный в этом языке, выражает действие как объективное, завершающееся само по себе, вне субъекта. Этой двойной структуре имен действия соответствует двойная структура имен деятеля. Nom. act. на -tu- находится в корреляции с ном. ag. на -tár- (< и.-е. *-tér-). Этот суффикс обозначает агента как посвятившего себя действию, в то время как -tu- — действие как манифестацию агента. Nom. act. на -ti- коррелируется с ном. ag. на -tar (< и.-е. *-tor-) — суффикс, обозначающий автора действия, которое он замыслил как внешнее по отношению к себе. Суф. -tar- квазипричастный и требует управления вин. падежом, суф. -tár- — родительным.

Эта общая концепция вызвала ряд откликов и уточнений в деталях. В частности, санскритские имена действия на -tu- интерпретировались в свете представления о том, что формальный элемент -u- символизировал в и.-е. язы-

ках сакральную лексику [Havers 1954; ср. также: Havers 1947].

Суффиксу -ti- в его истории развития посвящено подробное исследование Г. Либерта [Liebert 1949], в котором прослеживаются формальные особенности имен на -ti- в ведах, где они употребляются преимущественно от глаголов с префиксом или в качестве второго члена сложных слов, и в санскрите. Этому суффиксу приписывается абстрактное значение *nom. act.* без учета того, завершено ли действие и ведет ли оно к какому-либо результату.

Суф. -as-, встречающийся преимущественно в абстрактных именах средн. рода и неоднократно привлекавший внимание компаративистов в связи с теорией и.-е. словообразования, описан в монографии Ж. Манесси [Manessi 1961]. Анализируя его значение в «Ригведе», автор приходит к выводу о том, что он способен выражать не только абстрактные значения, но также и конкретные, обозначая силы и субстанции.

Наибольшие изменения за последние десятилетия произошли в трактовке санскритского глагола. Пересмотру и переоценке подверглись как общая проблема соотношения санскритской глагольной системы с индоевропейской, т. е. место санскритской глагольной системы среди глагольных систем других и.-е. языков, так и частные вопросы, связанные с происхождением и развитием отдельных санскритских глагольных категорий.

Традиционно в сравнительно-исторической грамматике и.-е. языков сложные, разращенные и во многом параллельные флективные системы санскритского и греческого глагола возводились к доисторической общности. С введением в индоевропеистику материала новых языков, прежде всего хеттского, глагол которого отличается от индо-греческой модели значительной простотой, встал вопрос о том, которая из двух типов систем — индо-греческая или хеттская — стоит ближе к общеиндоевропейскому состоянию.

В небольшой монографии Р. Бирве [Birwé 1956] санскритская и греческая глагольные системы сопоставляются для того, чтобы дать ответ на этот вопрос. Рассматривая те многочисленные общие элементы, которые объединяют эти две системы, автор приходит к выводу о том, что современная реконструкция общеиндоевропейской глагольной системы не должна базироваться на данных греческого и арийского. Ряд общих черт этих двух систем следует

рассматривать как их параллельные новообразования, объясняемые соседством греков и арийцев в доисторическое время.

В томе «Индогерманской грамматики», посвященном глаголу, К. Уоткинс говорит о том, что решающие новые факты для теории и.-е. глагольной флексии дает хеттский язык [Watkins 1969, 67]. И хотя санскрит очень широко используется в этой грамматике, в ней последовательно, шаг за шагом показано послеобщиндоевропейское развитие целого ряда граммем санскритского глагола (двойственное число, тематический аорист, класс *tudāti* и др., не говоря уже об общих принципах конфигурации оппозиций в системе), что имеет свои параллели в греческом и некоторых других и.-е. языках.

Частный случай параллельного развития в индоиранском и греческом рассматривается в книге К. Штрунка, где описывается соотношение носовых презентных классов и аористов в этих языковых семьях [Strunk 1967]. Автор прослеживает парадигматическую связь основ 5-го и 9-го классов, с одной стороны, и соответствующих им корневых аористов — с другой: $\zeta\eta$ - 'слышать', през. $\zeta\eta$ - η - $\acute{o}$ - $\acute{t}i$ — аор. $\acute{a}$ - $\zeta\eta$ - $\acute{o}$ - t , $\rho\alpha\gamma$ - 'наполнять', през. $\rho\gamma$ - η - $\acute{a}$ - $\acute{t}i$ — аор. $\acute{a}$ - $\rho\gamma\acute{a}$ - t . Основа аориста отличается здесь от соответствующей основы презенса только отсутствием носового инфикса. Та же особенность прослеживается в структуре греческого глагола.

До сих пор речь шла о реконструкции, достигаемой с помощью сравнения санскритской глагольной системы с глагольными системами других древних и.-е. языков. Как известно, к той же цели можно прийти, пользуясь методом внутренней реконструкции, при котором на основании несистемных элементов одного синхронного среза строится гипотетическая модель другого, предшествующего среза. Метод внутренней реконструкции был применен автором этих строк к системе аориста в «Ригведе» [Елизаренкова 1960₁], отличающейся большим числом аномалий: нечеткой дифференцированностью ряда своих фрагментов по отношению к системе презенса, несоответствием между формальной и семантической интерпретацией некоторых граммем в системе. Анализ противопоставленности аориста в «Ригведе» другим граммемам времени, с одной стороны, и попытка выяснения принципов противопоставленности разных типов аориста — с другой, помогают выявить те узловые пункты, которые связывают аорист с иными гла-

гольными образованиями, и попытаться проследить историю становления всей системы в целом. Существование кроме формально охарактеризованных типов основ презенса и аориста определенной структурно общей части основ, способных в «Ригведе» употребляться с первичными и вторичными окончаниями, заставляет предположить существование единой аористо-презентной системы в предыдущий период, которую формально можно возвести к инъюнктиву. Учитывая, что футурум принадлежит последующей системе, а плюсквамперфект является результатом симметричного разращения форм в системе, можно прийти к реконструкции первоначальной оппозиции в виде: праинъюнктив—праперфект. Можно предполагать, что в этой гипотетической модели санскритского глагола первый член оппозиции противостоял второму как форма, выражающая активное действие, связанное с деятелем, форме, выражающей безличный процесс [Елизаренкова 1960₁, гл. III; 1960₂]. Эта интерпретация, естественно, гипотетична.

Описанию подсистемы сигматического аориста в ведах посвящена монография Й. Нартен [Narten 1964]. В этой работе, отличающейся удивительной полнотой фактов, установив соответствия между структурой корня, характерной для него ступенью корневого гласного и свойственным ему типом сигматического аориста, автор проводит хронологическую стратификацию классов аориста в активном и медиальном залоге, а именно аорист на *-iṣ-* у корней на *ā, ī, ū*, шумный согласный или носовой является пережитком; продуктивен у этих корней аорист на *-s-*. Корни же, оканчивающиеся на шумный согласный после *i, u, r*, видимо, не имеют исконных аористов на *-s-*, а их медиальные формы являются инновацией, как и активный аорист на *-iṣ-*. У корней на *-r, -l* встречаются только активные формы. Уже в «Ригведе» продуктивный аорист на *-iṣ-* стал образовываться от корней любой структуры. Хотя реконструирование предшествующей системы не входит в задачи автора, описание дает четкое представление о путях распространения разных типов сигматического аориста. Книга Нартен широко используется в исследованиях по сравнительно-исторической грамматике и.-е. языков.

Проблема становления отдельных образований аориста и связанного с ним прекатива затрагивается в работе М. Леймана о морфологических новообразованиях в древ-

неиндийской глагольной системе [Leumann 1952]. Особенно интересна форма 3 sg. pres. act. bhūyās, которую автор возводит к *bhūyāst, считая, что отправной точкой для образования парадигмы прекатива с элементом -s-, предшествующим флексии, послужили формы аориста на -s- от uā- 'ехать' или имперфекта от as- 'быть'. В дальнейшем Барроу удалось доказать архаичный характер окончания 3 sg. pres. act. -s, имеющий параллели в «Авесте» [Burrow 1954].

Основная часть книги Лёймана посвящена описанию распространения окончаний с элементом г в парадигме санскритского глагола. Морфологический анализ глагольных форм с г подкрепляется филологическими изысканиями в области ведийских текстов, и в заключение проводится сопоставление с данными «Авесты».

Видовой оппозиции презенса и аориста в «Ригведе» посвящено исследование Я. Гонды [Gonda 1962₁]. Разграничивая категории вида и способа действия (Aktionsart), автор приходит к выводу о том, что разница между основами презенса и аориста заключается в способе действия: презенс дуративный—аорист точечный. Эта оппозиция релевантна не только для индикатива, но и для модальных форм и причастий. Нужно заметить, что каждая из этих граммем времени рассматривается в работе как нечто формально установленное и семантически единое (хотя есть точка зрения, заключающаяся в том, что разные структурные типы презентных основ выражают разные способы действия [Елизаренкова, 1961]). Формальная сторона затрагивается мало, исследование носит прежде всего семантический характер. Частная проблема санскритской грамматики трактуется с позиций компаративистики. Приводя параллели санскритским фактам из других и.-е. языков, автор делает вывод, что в общеиндоевропейском существовали глагольные формы, которые структурно соответствовали оппозиции арийско-греческого презенса и аориста, но как интерпретировать эту оппозицию во временном и аспектуальном плане, остается неясным.

Пересмотру подвергается также интерпретация системы наклонений, прежде всего в том разрабленном виде, как она засвидетельствована в ведийском языке. Выявление узловых пунктов, связывающих категории наклонения и времени, проливает свет на предысторию системы. Так, субъюнктив в «Ригведе» кроме чисто модального значения имеет и временное: он выражает будущее время

(специальная форма футурума встречается в этом памятнике только от 10 глаголов). Неотделимость более позднего объективного значения будущего времени от субъективных модальных оттенков является архаизмом в системе [Gonda 1956₃, 71].

Особенно сложный клубок противоречий связан в «Ригведе» с инъюнктивом, не охарактеризованным четко ни формально (по форме он совпадает с безаугментными имперфектами и аористами), ни семантически (по значению он совпадает с разными граммемами времени и наклонения). В своем исследовании и.-е. наклонений Гонда рассматривает ведийский инъюнктив не как безаугментные формы индикатива, а как особое самостоятельное наклонение, характеризующееся функциональной неясностью и находящееся в противоречии со всей системой дифференцированных временных и модальных противопоставлений, видя в нем древнюю унаследованную формацию [Gonda 1956₃, 36 и след.]. Уоткинс в «Индогерманской грамматике» считает, что инъюнктив как таковой является не индоевропейской, а индоиранской категорией, но его формальные признаки — временная основа со вторичными окончаниями — восходят к и.-е. периоду [Watkins 1969, 45].

С синхронных позиций инъюнктив исследуется в книге К. Гоффмана [Hoffmann 1967], ставящего перед собой цель — показать место инъюнктива как грамматической категории, функционирующей в ведийской глагольной системе. При исследовании инъюнктива сочетаются точные методы лингвистического описания с тонким филологическим анализом ведийских контекстов, в которых встречаются формы инъюнктива. Последовательно рассматривая его модальные значения (реализующиеся чаще всего в предложениях, выражающих запрет) и значения, которые с определенной точки зрения можно квалифицировать как временные, автор подчеркивает, что функция обязательного выражения претеритальности принадлежит аугменту, что же касается инъюнктива, то он может и выражать и не выражать это значение. Стилистическая стратификация гимнов, сопровождаемая лингвистическим анализом глагольных форм, позволяет автору установить, что инъюнктив употребляется преимущественно в «описаниях путем упоминания» (а не в повествовании), например в перечислениях постоянных характеристик богов. Таким образом, в ведийской глагольной системе инъюнк-

тив можно охарактеризовать с помощью одних отрицательных дифференциальных признаков как невременной, немодальный и неповествовательный. Иными словами, инъюнктив нейтрален в отношении выражения времени и наклонения, но не нейтрален в отношении оппозиции: повествование—неповествование. Основную функцию инъюктива в ведийском языке автор определяет как упоминание действия, т. е. меморативную, что является новой синхронной интерпретацией, дающей ценный материал и для сравнительно-исторической грамматики и.-е. языков.

Вопрос о категории залога санскритского глагола, имеющего в своем распоряжении несимметричную систему оппозиций: во-первых, активный—медиа́льный залог, противопоставляемые друг другу по типу флексии, во-вторых, активный—пассивный залог, различающиеся и типом основы (пассив маркирован суффиксом -yá-) и типом флексии (у пассива всегда бывает медиа́льная флексия), снова привлек внимание исследователей в последнее время. В работе, посвященной санскритскому пассиву [Gonda 1951₂], Гонда прослеживает структурные и семантические связи между 4-м классом презенса, основа которого образуется с помощью того же суф. -ya-, корень имеет ту же слабую ступень и только место ударения отличное, и пассивом. Известно, что многим глаголам 4-го класса свойственно непереходное значение. Исследуя семантику глаголов, структурно охарактеризованных как пассив, Гонда показывает, что именно в ведийском языке они часто имеют «эвентивное» значение, т. е. выражают процессы или действия, имеющие отношение к состоянию субъекта, например *muc-yá-te* 'освобождается', *çiṣ-yá-te* 'остается'. Настоящая пассивная конструкция имеет место в той небольшой части случаев, когда упоминается агент действия. Таким образом, пассив и глаголы 4-го класса произошли из одного и того же типа образования на *-je-/-jo-.

По поводу оппозиции активного—медиа́льного залога между учеными наметились разногласия. Существует точка зрения Куриловича—Уоткинса на характер диатезы в и.-е. языках. Согласно этой точке зрения, медиа́льный залог представляет собой лишь семантическую разновидность активного залога, а максимальная оппозиция: активный—пассивный, налагается на чисто семантический контраст: активный—медиа́льный. В индоиранском и в греческом обновляется оппозиция: непереходность—пассивность, для того чтобы отделиться от омонимичной

медиальности [Kuryłowicz 1964, 76; Watkins 1969, *passim*]. По мнению Гонды, посвятившему специальную монографию медиальному залогу в «Ригведе» [Gonda 1979], оппозиция залогов: активный—медиаальный, является кардинальной и ее следует считать характерной для и.-е. глагола. Формальная сторона дела оставлена в этом исследовании без внимания (хотя типы сочетаемости активных и медиаальных форм от одного корня могли бы пролить свет на некоторые ключевые проблемы [см.: Николаев, Старостин 1977]). Это чисто семантическое исследование, выполненное с помощью филологического метода — анализа и интерпретации ригведийских контекстов, из которых выводится значение конкретной глагольной формы. Выбор диатезы описывается в зависимости от лексического значения глагольного корня. В оппозиции залогов: активный—медиаальный, маркированным является второй член как обладающий особым признаком — соотносительностью действия с субъектом. В книге подробно рассматриваются различные обусловленные контекстом варианты этой семантической оппозиции, с помощью которой автор стремится объяснить все случаи употребления активных и медиаальных форм в этом памятнике.

С и н т а к с и с⁴. Основы сравнительного и.-е. синтаксиса были заложены в трудах Б. Дельбрюка, перу которого принадлежит также ряд исследований по синтаксису санскрита [например, Delbrück 1888]. В отличие от фонетики и морфологии за последние десятилетия не было создано единого обобщающего труда в области синтаксиса, который мог бы сравниться по широте и глубине охвата фактов с работами Дельбрюка (из старых работ ср. также обстоятельное исследование Й. Шпайера [Speyer 1895]). Однако за этот период выдвинулся целый ряд новых проблем в области синтаксиса, наметился новый подход к некоторым старым синтаксическим проблемам, к материалу санскритского синтаксиса стали применяться новые, современные методы исследования (анализ по непосредственно составляющим, трансформационный анализ, типологическое сопоставление и др.), и, кроме того, естественно, продолжались накопление и классификация фактов.

⁴ Проблемы синтаксиса глагольных форм рассматривались здесь на морфологическом уровне в связи с семантической интерпретацией ряда формальных оппозиций.

Следует отметить, что в области синтаксиса акцент перенесен на современном этапе со сравнительно-исторического на типологический метод. Судя по всему, на этом уровне описания особенно важно, прежде чем переходить к реконструкции и.-е. данных на материале древнеиндийского языка, сначала проверить этот материал с помощью типологического критерия.

В связи с разработкой общей теории падежей в и.-е. языках начался пересмотр интерпретации падежных систем отдельных древних языков, в том числе санскрита. Здесь следует в первую очередь назвать Я. Гонду, который в ряде статей стремился реконструировать основное, исходное значение того или иного санскритского падежа (в других терминах — инвариант), проявляющееся в текстах во всем разнообразии его функций (т. е. в вариантах). Основное значение им. падежа определяется Гондой в соответствии с традицией древнеиндийской грамматики как выражение значения именной основы. Независимо от его синтаксической функции в предложении его фундаментальное значение всегда сохраняется. В противопоставлении вин. падежу именительный выступает как беспризнаковый, немаркированный. Конструкции, встречающиеся в «Ригведе», типа X, 85, 3 *sómat manyate parivān* 'он считает, что он выпил сомы', Гонда интерпретирует как трансформации предложений с прямой речью: *manyate: parau (iti)* [Gonda 1956₂, 293]. Особо рассматривается вариант им. падежа, употребляющегося в функции вокатива, например: I, 2, 5 *vāyav índraç sa* 'о Ваю (вок.) и Индра (им. пад.)!' [там же; Zwolanek 1970], где, по мнению Гонды, его следует объяснять семантикой эмфатической частицы *sa*, указывающей на единство элементов, дополняющих друг друга. Подобное двуединство в ведийском языке могло выражаться также таким особым эллиптическим типом сложных слов в двойств. числе, как *mitrā* 'Митра и Варуна' (букв. 'Митра в двойств. числе').

Общее значение вин. падежа определяется Гондой на основании оппозиции значений в санскритской системе падежей, где вин. падеж в противопоставлении другим косвенным падежам выражает не определяемое точно, не квалифицируемое значение (иными словами, это немаркированный падеж среди косвенных падежей, вместе с которыми он противостоит им. падежу как некосвенному) [Gonda 1957₁]. Этим общим значением моделируется все разнообразие значений санскритского вин. падежа, за-

свидетельствованное в текстах: обозначение места, времени, цели, внешнего и внутреннего объекта и т. д. Из частных наблюдений следует отметить, что наречное употребление *pāta* 'по имени' автор трактует не как асс. adv., а как форму, происходящую из им. падежа [Gonda 1959].

Дат. падеж в санскрите трактуется Гондой как выражающий неближний объект («object in view») [Gonda 1962₂]. Эта функция подразумевает маргинальное положение объекта по отношению к тому, что констатируется в предложении как существующее, квалифицируемое, происходящее. С глаголами движения этот падеж может употребляться наряду с винительным цели; в первом случае подразумевается намерение агента достигнуть цели, чего нет в аккузативных конструкциях. Обороты с двойным дат. падежом, весьма характерные для ведийского языка, Гонда квалифицирует не как аттракцию, а как типичный случай естественной речи, в которой аналитическое сочетание предпочитается синтезу и сочинению, например I, 24, 8: *śakāra sūryāya pānthām ānvetavā* и 'Он создал путь, чтобы по нему следовало солнце' (букв. 'Он создал путь для солнца для следования') [Gonda 1957₂].

В сравнительно-историческом плане рассматривается санскритский местный падеж в статье Топорова [Топоров 1964], в которой прослеживается вовлечение многофункциональной древней бесфлективной формы в падежное пространство древнеиндийского языка и отнесение ее к сфере выражения локативных значений. В падежной системе древнеиндийского языка местный падеж был зафиксирован, видимо, позднее, чем другие косвенные падежи, о чем свидетельствуют многочисленные бесфлективные формы местного падежа и сохранение этим падежом многообразного круга значений (в некотором смысле он универсален в системе древнеиндийских падежей) — особенность, объясняемая как отражение формы, предшествующей этому падежу. Исходная реконструируемая модель включает по крайней мере три падежа: *casus indefinitus* (немаркированный), эргатив на -s и аккузатив на -m. Следующий этап развития падежной системы заключался в вычленинии из эргатива номинатива и генитива (первоначально позиционных вариантов, оформленных элементом -s), вследствие чего сужалась сфера *casus indefinitus*. Дальнейший этап эволюции древнеиндийской падежной си-

стемы уже засвидетельствован в старых текстах. Основные этапы этой эволюции интерпретируются в статье в терминах дифференциальных признаков.

Согласно реконструкции Куриловича [Kuryłowicz 1964, 199] дат. и инструм. падежи были первоначально второстепенными функциями локатива, и их нельзя отнести к общему и.-е. состоянию, для которого постулируются три праформы: I sing. nom.-acc.-voc., II sing. gen-abl. III sing. loc.

Решительную полемику с подходом к теории падежа у структуралистов (Якобсон, Курилович) ведет Ж. Одри в своей книге, посвященной описанию употребления ведийских падежей с позиций сравнительно-исторического синтаксиса и.-е. падежей [Haudry 1977]. Объединяя в своем исследовании синхронический и диахронический аспекты, автор не стремится к исчерпывающему описанию ни в одном из них, и его реконструкция носит фрагментарный характер. Синхроническое описание выглядит более полным. Беря за основу понятие функции, т. е. синтаксической позиции, существенной для данного языка, автор анализирует ведийские падежи с точки зрения присущих им функций, что дает возможность раскрыть синонимичное и специфичное в значении падежей, выступающих в одной и той же функции (но оставляет в стороне морфологию падежных флексий). На основании семантического критерия словообразование сопоставляется с формообразованием: прилагательное на *-*yo-* — с Gen., прилагательные на *-*went-* и сложные слова *bahuvrīhi* — с Instr., имена с суффиксами инструмента *-*tro-* и *-*men-* — с Instr. Этот подход нов, но объем выводов из него не вполне ясен. В диахроническом плане для Одри наиболее важен тип развития, что отражает общую установку на фрагментарность описания. Центральной в диахроническом плане является теория двух моделей, описывающих семантическую структуру, в которой участвуют: субъект, объект в контакте с субъектом, объект, внешний по отношению к субъекту. Модель 1 включает Instr. объекта в контакте и Acc. внешнего объекта. Модель 2 включает Acc. объекта в контакте и Dat., Loc. или предложную конструкцию внешнего объекта. Для исторического развития существенна, по мнению Одри, проблема эквивалентности Acc. и Instr. в функции внутреннего объекта. Активной силой был Acc., который во многих случаях вытеснил из этой функции Instr. Понятие *casus indefinitus* отвергается авто-

ром как противоречивое. Ведийские формы типа *ūti*, *svasti* трактуются как *Dat.* По мнению автора, на протяжении всей истории развития ведийских падежей *Dat.* был близок инфинитиву и чужд прямым падежам, а *Instr.* был тесно связан с ними с самого начала. В результате синтаксического анализа системы ведийских падежей для и.-е. состояния реконструируются три падежа: *Nom.* (-*s), или активный падеж, *Acc.* (-*m)-Н, или пассивный падеж, *Instr.* (*-H).

При изучении порядка слов в санскрите с точки зрения отражения в нем некоторых архаичных и.-е. тенденций наибольший интерес представляют ведийские метрические тексты (мантры), хотя они же создают свои трудности, поскольку синтаксис в них преломлен сквозь призму поэтического стиля [Рену 1965]. Несмотря на то что в силу указанных причин порядок слов может на первый взгляд показаться весьма свободным, тем не менее существуют некоторые отчетливые тенденции в отношении структуры ведийского предложения нейтрального стиля. Самой очевидной из них является постановка в начале фразы серии частиц (эмфатических, отрицательных и др.) или — более широко — коротких слов, включающих также местоимения или связанные с ними союзы. Именно с описания частиц начинается Л. Рену анализ порядка слов в своей «Ведийской грамматике» [Рену 1952]. Первое или второе место, занимаемое ими во фразе, зависит от их проклитического или энклитического характера. Так как эта особенность находит прямое соответствие в хеттском языке, ее возводят к общему и.-е. состоянию. Вообще за последнее время заметно возрос интерес к роли частиц в широком смысле слова в ведийском синтаксисе [Gonda 1951₁; 1957₃], где они играют очень важную роль. Общая тенденция в отношении места глагола в ведийской фразе проявляется в его конечном положении. Поскольку ударный префикс-наречие (полусамостоятельное слово в ведийском языке) тяготеет к началу фразы, а энклитическая, т. е. безударная в самостоятельном предложении, личная форма глагола — к концу, они образуют нечто вроде рамки, охватывающей предложение. При этом конечное положение глагола отнюдь не безусловно [Gonda 1952]. Как считает Рену [Рену 1965, 232], в ведийских мантрах под влиянием стиля нередко имеет место соположение слов (*juxtaposition*), а не их синтаксическое упорядочение.

Синтаксическая структура санскрита (прежде всего ве-

дийского) изучается в плане синтаксической типологии древних и.-е. языков в «Протоиндоевропейском синтаксисе» У. Ф. Лемана [Lehmann 1974]. Ведийскому языку в основном был свойствен порядок слов в предложении OV (прямое дополнение — глагол), отражающий характерную черту протоиндоевропейского синтаксиса, хотя конструкции типа VO в ведийском языке тоже начали вводиться. В именных предложениях порядок слов был: имя-топик—имя-предикат, как в хеттском языке. Служебные слова имели тенденцию выступать в постпозиции, а не в препозиции. Подлежащее не было центральным членом предложения (оно часто отсутствовало при личной форме глагола), существенным элементом был глагол-сказуемое. Частицам была присуща важная делимитативная функция в предложении. Структуре OV соответствовала препозиция определения по отношению к определяемому и определительного придаточного по отношению к главному предложению. Маркер-местоимение *ya-* понадобился в этом придаточном, только когда придаточное стало постпозитивным по отношению к главному предложению в связи с переходом к общей структуре VO. Глагольные сложные слова были изоморфны в своей структуре основной конструкции предложения OV. Ряд частиц употребляется для введения предложений, хотя роль их не вполне ясна. Местоименные формы выступают в роли союзов. Таковы типологически важные черты, характеризующие ведийский синтаксис и находящие соответствия в синтаксических структурах других древних и.-е. языков.

При описании ведийского предложения в терминах элементарных синтаксических конструкций (ЭСК) [Елизаренкова 1982] возникает проблема слова в этом языке. Целесообразным оказывается выделить два яруса ЭСК в зависимости от семантики составляющих их элементов. Ярус I моделирует сочетания полнозначного слова с неполнозначным, например имя + послелог или предлог: *múhur á* 'в мгновение', *sahá dhībhís* 'с молитвами', наречие-префикс + глагол, например: *á gahi* 'приходи!', *anayan á* 'они привели'. Степень слияния значений бывает весьма различной. Ярус II объединяет в себе сочетания двух полнозначных слов, при этом ЭСК яруса I входят в состав ЭСК яруса II в качестве одного из компонентов, например: *ámād. . . titviṣe sám* 'я трясся от ярости'. Такая постановка вопроса о границах слова в ведийском языке дает материал для типологии древних и.-е. языков.

Этимология. Лексикология. Итогом этимологических исследований в области санскритской лексики на современном этапе является четырехтомный «Краткий этимологический словарь древнеиндийского языка» М. Майрхофера, выходявший отдельными выпусками на протяжении четверти века [Maurohofer 1956—1980]. Несмотря на то что словарь назван кратким, словник его весьма обширен. В словарь включены подробные библиографические сноски на специальную литературу и широко учтены также «субстратные» (т. е. дравидийские и австронезийские) этимологии санскритских слов. При том, что современная лексикографическая и этимологическая работа в области санскрита невозможна без словаря Майрхофера, остается много неясных и спорных вопросов, ожидающих своего решения.

Как видно из словаря Майрхофера, за последние десятилетия наметились некоторые новые направления в изучении санскритской лексики. Поскольку уровень этимологической изученности лексики этого языка весьма высок, внимание ученых обратилось к ее периферийным пластам. В первую очередь здесь следует назвать «субстратные» этимологии санскритских слов (эта тенденция намечается в ряде работ уже в 20-х годах этого века и особенно усиливается в послевоенный период), связанные прежде всего с именем Ф. Кёйпера, авторов дравидийского этимологического словаря Т. Барроу и М. Эмено, М. Майрхофера. Если для автора первого этимологического словаря, К. Уленбека, этимологические связи санскритских слов имели в основном только одно направление — они ориентировались на лексику других древних и.-е. языков, то теперь в связи с успехами в изучении языков других семей на территории Индии (в первую очередь дравидийских) открылись новые перспективы для этимологического изучения определенной части санскритской лексики. Начался бурный пересмотр и.-е. этимологий ряда санскритских слов, и лишь постепенно «субстратная» этимология вошла в свое русло, оставив полосу спорных слов на границе арийской и неарийской этимологических сфер. Австрозападное происхождение признается, например, за рядом санскритских слов — ботанических названий, как *udumbāra-* 'Ficus glomerata и его плод', *godumba-* 'дыня', *tumba-* 'тыква', возводимых к австрозападным словам *ḍub*, *ḍumka*, *ḍimbu*, обозначающих 'круглый, набухший, овальный (о плоде)' [Kuiper 1948]. Заимствованиями из драви-

дийских языков считаются, например, такие санскритские слова, как *kāla-* 'черный' (ср. там. *kāḡ*, канн. *kāḡ* 'чернота', *kaḡu* 'чернеть'), *pañḍita-* 'мудрый', собственно 'созревший, зрелый' (ср. тел. *pañḍu* 'созревать, зрелый', *pañḍa* 'мудрость, ум' и др.), *bila-* 'дыра, нора, пещера' (ср. там. *viḷavu* 'трещина', *viḷ*, *viḷlu* 'трескаться, раскалываться', мал. *viḷlu* 'трескаться' и т. д.) [Барроу 1976, 354 и след.]. Нередко происходят споры, из какого именно неарийского источника произошло то или иное санскритское слово; и наконец, есть слова, на которые претендуют все три группы языков, например *phala-* 'плод, фрукт', *liṅga-* 'характерный признак, penis' и др. [Gonda 1971, 213]. В результате всех этих новых этимологических изысканий область и.-е. этимологий санскритской лексики несколько сузилась.

Другое новое направление представлено «пракритскими» этимологиями санскритских слов. Его развитие связано с работами Тедеско, Барроу, Кёйпера, Майрхофера, Тиме и др. Известно, что «пракритизмы» встречаются в санскрите, начиная с «Ригведы» (ср. полуассимиляцию в *juotis-* 'светило' и корень *dyut-* 'светить', *vikaṭa-* 'ужасный, страшный' < *vikṛta-* от *vi* + *kar-* 'преображать, видоизменять'), что объясняют существованием в то время наряду с сакральным иератическим языком вед разговорного языка среднеиндийского типа. С течением времени число «пракритизмов» в санскрите, естественно, возрастало. Нужно, однако, отметить, что пракритизмами считали неясные санскритские слова, у которых нет надежной и.-е. этимологии и фонетический облик которых противоречит санскритским правилам дистрибуции звуков. Обе эти характеристики свойственны также и «субстратным» заимствованиям. В определенный период развития санскритской этимологии роль пракритского элемента была несколько преувеличена. В результате целый ряд таких неясных слов имеет двойное объяснение: как «пракритизм» и как заимствование из субстрата, например: *gaṇá-* 'толпа, стая' < **gṛṇá-*: греч. *a-geirō* 'я собираю' и т. д. [Mayrhofer 1956—1980, I, 316], или трактуемые как протомундское заимствование [Kuiper 1954]. Короче говоря, введение материалов субстрата и пракритизмов в сферу санскритской этимологии сильно углубило ее возможности, хотя и пошатнуло ряд прежних сопоставлений со словами других древних и.-е. языков.

В основном лексическом фонде внимание этимологов

за последнее время было привлечено к анализу некоторых ключевых понятий в модели мира древнего индийца. Речь идет прежде всего о культовой лексике, образующей своего рода лексическое ядро ведийских текстов. Этимологические исследования были бы невозможны без тщательного семантического и лексического анализа этих слов, для которых характерны полисемия, символичность значений, суггестивность, предполагающая возможность их понимания в нескольких планах [см., например: Renou 1958; 1954; Thieme 1952]. В первую очередь здесь следует упомянуть обсуждение семантики и этимологии слова bráhmaṇ-, значения которого далеко расходятся между собой: от 'молитвенная формула' до 'универсальный принцип' (исследователи отмечали трудность перехода между этими значениями [Renou 1949]), и который в разных контекстах отождествляется с не сводимыми друг с другом понятиями. В качестве первоначального значения этого слова постулировалось 'inherent firmness' или 'fundamental supporting principle' [Gonda 1950], 'Formung, Gestaltung, Formulierung' [Thieme 1952₁; 1952₂] и др. Этимологически слово bráhmaṇ- сопоставлялось с авестийским bar^osman 'связка травы для жертвоприношения' (которое в свою очередь сравнивалось с ведийским barhís- 'жертвенная солома'), отчасти привлекались славянские и балтийские факты. Последняя предложенная этимология bráhmaṇ- [Топоров 1974₂] основана на сопоставлении с обширной славянской и балтийской лексикой, отражающей и.-е. корень *bhelgh/bhergh и означающей: '1) стропила: перекладина; 2) подушка, подстилка', в результате чего исходное значение bráhmaṇ- выводится как 'опора, основание, соединение', а предметное значение этого слова идентифицируется как 'жертвенный столп', символизирующий мировое древо. Еще для одного из труднопереводимых ключевых слов — vṛatá- 'порядок, образ жизни, обет, завет и пр.' — предлагалось около 10 разных этимологий, в том числе от санскр. vṛ- 'выбирать', vṛ- 'препятствовать, окружать', vṛt- 'поворачивать', и.-е. *uer- 'говорить' и пр. [Schmidt 1958; Gonda 1971], однако без достаточной степени надежности.

Главная трудность при этимологическом анализе таких слов заключается в отсутствии критериев, позволяющих построить цепочку смысловых переходов, которая объединяла бы известную смысловую структуру с искомой, объясняющей этимологию данного слова. Эти соображения

высказываются в связи с анализом значений одного из центральных понятий ведийской модели мира — ṛtá- ‘космический закон’ и проч. [Топоров 1981]. Формальная этимология ṛtá- как причастия от глагола ṛ- ‘приводить в движение’ семантически интерпретируется как выражение закона и истины в динамическом аспекте, т. е. не только в настоящем, но и в будущем. Семантико-этимологическое исследование глагола rad- ‘проводить борозду — открывать путь — родить’ свидетельствует о его принадлежности к кругу глаголов, кодирующих космогонические действия. Обнаруженные балто-славянские параллели к ведийскому rad- (отражение соотношения *rod- : *rad-, засвидетельствованное литовским rasti ‘находить’ и проч.: лит. rodyti ‘указывать’ и проч.) позволяют связать два круга фактов [Топоров 1974₁].

Наряду с этимологическим анализом ключевых слов и их семантических полей за последние десятилетия было дано немало иных и.-е. этимологий санскритских слов, принадлежащих к самым различным лексическим слоям. Так, например, существительное karmāga- ‘кузнец’, которое раньше производили от корня kṛ- ‘делать’ (kárman- ‘работа’) возводится к форме *kalmāga и далее сопоставляется с лит. kalti ‘ковать’, kalvis ‘кузнец’, др.-прусск. greicalis ‘наковальня’. В этих словах из балтийских языков имеет место специализация более широкого и.-е. значения ‘рубить, ударять’ (сходное развитие значений засвидетельствовано в старославянском) [Burrow 1961]. На основании значения санскр. snih- ‘липнуть’ уточняется значение соответствующего и.-е. корня *sneig^uh, установленного ранее как ‘идти (о снеге)’, которое предлагается считать лишь специализацией исходного, более общего значения ‘липнуть’, при этом значение ‘снег’ (и.-е. *snoig^hho) в арийских языках засвидетельствовано иранским snaēža- и даже праकритским siṇha-, siṇhā- [Hoffmann 1965]

Наконец, нельзя не упомянуть в связи с санскритской лексикографией большого «Энциклопедического словаря санскрита на исторической основе», который начал издаваться под общей редакцией А. М. Гхатаге в Деканском колледже в Пуне [Ghatage 1979]. Судя по началу (до настоящего времени выпущены тома 1-й и 2-й, что не исчерпывает даже первой буквы алфавита «а»), словник отличается гигантскими размерами, в словарных статьях приводятся ссылки на источники, значение слова дается в раз-

витии. Для сравнительно-исторической грамматики и.-е. языков этот словарь даст ценный материал.

· **Поэтические формулы.** Ведийский санскрит из всех и.-е. языков наиболее часто используется для реконструкции формул общиндоевропейского поэтического языка (*indogermanische Dichtersprache*). Хотя эта проблема была поднята еще Я. Вакернагелем, поворотным пунктом послужила книга Р. Шмитта о поэтическом творчестве в общиндоевропейский период [Schmitt 1967]. С этого времени возродился интерес к проблеме и.-е. поэтического языка и появляется ряд публикаций [о состоянии проблемы см.: Елизаренкова, Топоров 1979]. Специфика этого уровня описания языка заключается в реконструкции не звуков, не форм и не синтагм, а целых фрагментов текста, что в обратном порядке предполагает реконструкцию всех уровней. Реконструированные формулы представляют собой способ проверки частных реконструкций внутри отдельных уровней языка. Вместе с тем благодаря анализу поэтических формул удается установить известные правила сочетаемости слов, а также нередко выйти за пределы ЭСК, дальше которых обычно не идет реконструкция синтаксиса. Наконец, установление инвентаря формул имеет особое значение для реконструкции древнейших образцов и.-е. поэтического творчества и — более того — широкого культурного контекста.

ХЕТТО-ЛУВИЙСКИЕ (АНАТОЛИЙСКИЕ) ЯЗЫКИ

В последнее десятилетие (в особенности в самые последние его годы) выяснилось, что многие вопросы в исследовании хетто-лувийских (анатолийских) языков оказались теснейшим образом связанными с ключевыми проблемами индоевропейского языкознания в целом. Важнейшей из них остается степень близости хеттского и родственных ему анатолийских языков ко всем другим индоевропейским. От решения этой проблемы зависит признание индохеттской гипотезы Э. Стёртеванта в том новом ее варианте, на котором в целой серии публикаций настаивает, в частности, В. Каугилл [Cowgill 1975; 1979], а с ним и многие другие современные компаративисты. Каждая из областей сравнительно-исторического изучения хеттского и лувийского языков в той или иной мере способствовала уяснению этой центральной проблемы (о более ранних этапах изучения хетто-лувийских языков см. [Нерознак 1981]).

Ее решению помогли два существенных открытия. Во-первых, исследования последних лет выяснили наличие очень больших диалектных различий между хеттским (и прямо его продолжающим лидийским) языком и языком лувийским (в более древней его клинописной и более поздней иероглифической записи) и примыкающим к нему поздним его продолжением — архаическим милийским, или ликийским В [Королев 1976; Баюн 1979; 1980]. Эти различия настолько велики, что правомерно поставить вопрос: не явилась ли так называемая анатолийская (хетто-лувийская) семья языков вторичным ареальным образованием благодаря длительному контакту на территории древней Малой Азии носителей двух близких, но тем не менее отличных друг от друга архаичных и.-е. диалектов. Их несомненная изначальная близость преимущественно связывается с сохранением некоторых общих древних явлений. Но с точки зрения сравнительной и.-е. диалектологии это еще не является критерием изначальной общности. Число же таких общих изоглосс, которые охватывали бы все анатолийские языки, но не другие и.-е. диалекты, относительно невелико.

Во-вторых, в недавнее время установлено, что в ряде случаев хеттский язык обнаруживает инновации, общие с древнеиндийским и некоторыми другими диалектами, но не с тохарским, значительно лучше сохраняющим исходное состояние [Bader 1976; Иванов 1981]. Существенно, что именно в глагольной системе, из которой и черпают в настоящее время наибольшее число доводов в пользу индо-хеттской гипотезы, хеттский язык (даже в самых ранних древнехеттских текстах) уже обнаруживает много таких инноваций. Поэтому представляется, что индо-хеттская гипотеза в ее традиционном виде не может быть принята.

Следует разграничить две стороны вопроса — бесспорно раннее время обособления хеттского (и лувийского) и степень его отличия от других диалектов. Точка зрения, согласно которой хеттский язык раньше других диалектов отделился от остальных индоевропейских, была (как и множество иных многократно потом повторенных идей относительно других языков Малой Азии, тогда только еще открытых) в начале 20-х годов нашего века впервые высказана замечательным швейцарским хеттологом Э. Форрером, а следом за ним А. Угнадом и П. Кретчмером [к истории вопроса см.: Villar, 1979, 172]. Двое последних ученых предложили соответственно различать «протоиндоевропейский» («Protoindogermanisch»), к которому они возводили хеттский, и «праиндоевропейский» («Urindogermanisch») — классический праязык младограмматиков, к которому возводились остальные диалекты. Позднее сходная точка зрения развивалась Э. Стёртевантом, различавшим соответственно «индо-хеттский» (примерно соответствующий «протоиндоевропейскому» Угнада и Кретчмера) и собственно индоевропейский [ср. там же, 173—177]. Выделение двух промежуточных праязыков, друг с другом не связанных, — общеанатолийского (общехеттолувийского) и «праиндоевропейского» (в классическом младограмматическом смысле) — основывалось на желании сохранить без изменений последний и при этом опиралось на методологически неверный принцип выделения диалекта по сохранившимся в нем архаизмам, а не инновациям. Индо-хеттская гипотеза противоречит вхождению хеттского (и других анатолийских языков) в относительно более новые диалектные группировки внутри общеиндоевропейского, в частности в анатолийско-тохаро-италийскую группу, характеризующуюся использованием *k^wi-

(а не *уо-) как относительного местоимения; к той же группе примыкает и фригийский по изоглоссе наличия медиопассивных форм на *-f(o)r-, *-nt(o)r, явно вторичных по отношению к исходному состоянию.

Если принять, что хеттский и лувийский при достаточно раннем их обособлении от индоевропейского продолжают основные структурные черты праязыка, общего у них с другими и.-е. диалектами, то сам этот праязык следует реконструировать не так, как это делали младограмматики.

Ссылаясь на доклад, сделанный автором настоящего обзора в 1957 г., где предполагалось существенно изменить восстанавливаемый и.-е. язык в свете хеттского, испанский компаративист Ф. Вильяр 22 года спустя писал о неизбежной победе концепции, признающей архаизм хеттского, на котором в существенной степени и должна основываться реконструкция индоевропейского: «. . . большая перспективность точки зрения, которая соответствует этому взгляду, должна заставить индоевропейцев принять этот подход, не разрешая себе сохранять предрассудки какого бы то ни было характера и не страшась задачи новой реконструкции, которую, как мы видели, сформулировал Иванов на VIII конгрессе лингвистов» [Villar 1979, 187, примеч. 8]. Нельзя не заметить с некоторой горечью, что 25 лет (приблизительно два научных поколения в среднем исчислении) ушло на изживание этих предрассудков или хотя бы их части.

Следует сразу же оговориться, что хеттский и лувийский не всегда полностью меняют представления о реконструированном праязыке. Скорее, можно говорить о постоянно требующемся уточнении прежних реконструкций.

В области хеттской и анатолийской исторической фонологии наиболее существенные результаты были достигнуты благодаря сравнению хеттского с другими анатолийскими языками. В частности, сопоставление хеттских форм с начальным $k-(g-) < *g^h$ типа *keššar* 'рука' (родственно греч. *χεῖρ*) и этимологически соответствующих лувийских с отсутствием начального согласного: лув. *iššari*, лик. В *izge* 'рука' — позволило выявить наличие палатального $*g^h$, противопоставленного непалатальному $*g^h$ [Čop 1971]. Из этимологий, подтверждающих этот звуковой закон, большой интерес представляет лув. *ipal-*, тох. В *špāl*, *šwāl* при хурр. *šaphali-* 'левый', представляющем собой древнее заимствование из такого и.-е. диалекта, где на-

чальный палатальный *ġ спирантизировался. Развитие и.-е. *ġ^h > лув. ʃ подтверждает сохранение исходного противопоставления палатального ряда непалатальному в пралувийском. Для общеванатолийского тот же вывод следует из наличия группы слов, где и.-е. *k палатальное отражено в позиции перед анатол. *u(w) как спирант: лув. иер. ś, хет. š. Предпринимавшиеся до недавнего времени объяснения части подобных слов как заимствований из арийского сомнительны и не распространяются на такие бесспорные случаи, как лув. иер. śurna- ~ лат. cornu ~ нем. Horn ~ др.-инд. śr̥ṅga ~ и.-е. *kr-n- 'рог' ~ хет. šuwa- 'наполняться' (~ греч. κλέω). Однако предположение о более широком процессе палатализации, охватывающем и другие позиции [Josephson 1979], пока все еще не нашло общего признания, хотя отражение в хеттском и лувийском всех трех рядов и.-е. «гуттуральных» — палатальных, лабиовелярных и непалатальных заднеязычных нелабиализованных — несомненно [Иванов 1980₁, 148].

Характер противопоставления разных серий смычных, соответствующих трем и.-е. сериям, традиционно реконструировавшимся как звонкие (=глоттализированные по новой интерпретации), глухие и звонкие придыхательные, в самих анатолийских языках постепенно начал проявляться. Выявляется, что существуют законы преимущественного или почти исключительного употребления некоторых слоговых знаков в орфографически последовательной передаче некоторых слов, причем традиционная хеттская орфография во многом близка к традиционной и.-е. реконструкции глухих и звонких [Oettinger 1979, 551—556]: др.-хет. ki-ir ~ греч. κῆρ ~ прусск. βῆr 'сердце'; др.-хеттск. gi-e-nu ~ лат. genu 'колени'; др.-хет. ta 'и' ~ ст.-сл. то 'то'; хет. da-a-i 'он берет' ~ лат. dō 'даю' и т. п.; передача звонких придыхательных менее последовательна. По-видимому, с этим выводом, который можно распространить и на орфографию других анатолийских языков, хотя и с меньшим количественным основанием, согласуются результаты исследования передачи позднеанатолийских языков алфавитным письмом: лик. В da- 'давать' ~ хет. da-a-i 'он берет' [Иванов 1980₁, 148; Баюн 1980, 16]. Поэтому в настоящее время представляются менее обоснованными многократно высказывавшиеся ранее гипотезы о передвижении согласных, существенно изменившем соотношения между тремя сериями смычных фонем в анатолийском.

В отношении спирантов хеттский язык регулярно обнаруживает $\check{s}$ - в таких случаях, где соответствующий согласный в части других языков отсутствует: хет. $\check{s}uwai\text{-}\check{s}$ ~ лат. $avis$ 'птица'; хет. $\check{s}ankui\text{-}\check{s}$ ~ лат. $unguis$ 'ноготь'; в лувийском в таких случаях хет. $\check{s}$ - соответствует d :- ср. хет. $\check{s}akuwa\text{-}$ ~ лат. $ocu\text{-}(lus)$ ~ лув. $dawi\text{-}$ 'глаз' (с упрощением $-kw\text{-}$ > $w\text{-}$); этим подтверждается наличие особой и.-е. фонемы (спиранта?) в анлауте; происхождение из палатализованного ларингального [Josephson 1979, 101] пока не представляется убедительным.

Многочисленные исследования в области ларингальных и их отражения в хеттском и других анатолийских языках за более чем 50 лет, прошедших после открытия Е. Куриловичем соответствия между хет. h и «сонантическим коэффициентом» ($*\check{e} = *H$) Соссюра, позволили многое уточнить [Lindemann 1970]. Вместе с тем не вполне выясненными остались морфологические вопросы, в частности, касающиеся глаголов с корневым $*\text{-}H\text{-}$, которые в хеттском регулярно обнаруживают $-i\text{-}/\text{-}y\text{-}$ перед окончанием в парадигме [Lindemann 1979; Иванов 1981]. В настоящее время большинство ученых в подобных случаях ищет не особые фонетические рефлексы ларингальных, а результаты развития сочетаний с ларингальными на морфемном шве.

В области истории вокализма существенные новые выводы сделаны на основе сравнения хеттского с другими анатолийскими. Установлено, что в праанатолийском имелось $*\check{e}$ долгое, которое в лувийском и палайском отражается как i : лув. $ni\text{-}i\text{-}i\check{s}$, лув. иер. $ni\text{-}i$ ~ лик. В ni ~ пал. $ni\text{-}i$ < $*n\check{e}$ (лат. $n\check{e}$) 'да не', лув. иер. $ti\text{-}ya\text{-}am\text{-}mi$ $*d^he\check{g}^h\acute{o}m\text{-}i$, хет. $tekan$ 'земля' [Oettinger 1979, 535—536; Иванов 1980₁, 147; Баюн 1980, 16]. В хеттском ступень растяжения $*\check{o}$ представлена в собирательных формах мн. числа: $\acute{u}\text{-}i\text{-}da\text{-}a\text{-}ar$ 'вбды' (ед. ч. $wa\text{-}a\text{-}tar$ 'вода'), ср. греч. $\acute{\upsilon}\delta\omega\rho$ 'вода', тох. А $us\acute{a}r$ 'кровь' [Иванов 1980₁, 146—147; Hart 1980, 13, примеч. 29]. В безударном положении хет. $\check{e}$ краткое изменяется в i еще в древнехеттском [Hart 1980, 10; Баюн 1980, 13, примеч. 15]: род. п. ед. ч. $i\check{s}\text{-}\check{h}a\text{-}na\text{-}a\text{-}a\check{s}$ 'крови', мест. п. ед. ч. $i\check{s}\text{-}\check{h}a\text{-}ni\text{-}i$ 'в крови'; при форме с ударным начальным гласным $e\text{-}e\check{s}\text{-}\check{h}ar$ (им.-вин. ед. ч. ср. п.) [Hart 1980, 11]; ср. др.-инд. $\acute{a}sr\text{-}k$ 'кровь', род. п. $asna\acute{s}$.

Установлено, что чередование ударения, в хеттской клинописи передаваемого двойным написанием гласного, на корневом слове в им.-вин. п. ед. ч. ($e\text{-}e\check{s}\text{-}\check{h}ar$ < $*\acute{e}sHr$ >

др.-инд. $\acute{a}sr-$) и на окончании в косвенных падежах хорошо сохранилось в архаических древнехеттских именах существительных: хет. $te-e-kán < *d^h\acute{e}g^hóm \sim$ лув. $ti-ya-am-mi < *d^h\acute{e}g^hómi \sim$ др.-инд. $ksami < *d^h\acute{g}^hómi$ 'земля'; локатив с нулевым окончанием хет. $ta-ga-a-an < *d^h\acute{g}^hóm \sim$ тох. $Atkam$ 'земле'; хет. $\acute{s}a-ak-kar < *sók\acute{r}$ [Hart 1980, 13], ср. греч. $\sigma\acute{\kappa}\omega\rho < *skór$ 'нечистоты, тот же тип, что $*udór >$ греч. $\acute{\upsilon}\delta\omega\rho \sim$ хет. $\acute{u}-i-da-a-ar$ с безударным $wid- < *w_e d-$ 'воды' [Hart 1980]; род. п. мн. ч. $ra-ta-a-na$ 'и ног'; греч. $\pi\acute{\epsilon}\delta-\acute{\omega}\nu \sim$ др.-инд. $pad-\acute{a}m$ 'ног'; хет. им. п. $ne-e-ri\acute{s} < *n\acute{e}bhes$ (древняя баритонированная основа по Иллич-Свитычу: лит. $d\acute{e}besis$, ст.-лит. $d\acute{e}besis$ 'небо'). Соответственно в глаголе выявляется (хотя и в ограниченном числе случаев) противопоставление окситонированных форм спряжения на $mi-$ типа $ku-en-te-en$ 'убивайте!', $a-da-a-an$ 'съеденный' и баритонированных форм спряжения на $-hi$ типа $\acute{s}e-ik-ten$ 'знайте!', $\acute{s}a-ak-kán$ 'узнанный' [Иванов 1981]. Противопоставление этих двух типов акцентуации в глагольных формах возводится к общеиндоевропейскому, как и тип акцентных чередований в парадигме глаголов спряжения на $-mi$: хет. $e-e\acute{s}-zi$ (ударение на корне), $a-\acute{s}a-an-zi < *sónti$ (ударение на окончании) 'он есть'; характерно, что в этом случае ступень редукции и в хеттском и в других анатолийских языках представлена безударным гласным a .

Одним из основных грамматических вопросов, от решения которых зависит, утратил ли хеттский язык некоторые категории, имеющиеся в других древних языках, или же, напротив, сохранил исходное состояние, является вопрос о грамматическом роде. В хеттском и других анатолийских языках различаются два рода — одушевленный и неодушевленный (средний). Многократно предпринимавшиеся попытки найти в хеттском (в частности, в прилагательных на $-i$ типа $danku-i$ 'темный') следы образований жен. рода, позднее утраченного, оказались опровергнутыми [Laroche 1970, 50—57; Meid 1979, 167—169]. Существеннее всего то, что двучленная (бинарная) структура категории рода в хеттском еще явным образом связана с категорией им. п. ед. ч. одуш. рода на $-š$, противопоставленного вин. падежу ед. ч. одуш. рода на $-nt-$. Эти две падежные формы могут характеризовать только имена существительные одуш. рода. Имя существительное неодуш. рода подвергается грамматической трансформации в имя одуш. рода на $-nt-$, после чего от него стано-

вится возможным эргативообразное построение им. п. одуш. рода на *-nt-š* > *-nz(a)* [Laroche 1962] — в этом в последнее время усматривают существенный архаизм хеттского синтаксиса [Tchekhoff 1978; Schmalstieg 1980].

В хеттском имя существительное сред. рода не может быть субъектом в эргативообразной конструкции с переходным глаголом и прямым объектом. Для этого оно должно трансформироваться в имя одуш. рода на *-nt*. Имя сред. рода *watar* (нем. *Waßer*, англ. *water* и т. п.) 'вода' имеет в качестве активного трансформа *witen-ant-* (с редукцией гласного в начальном безударном слого от гетероклитической основы косвенных падежей *weten-*: др.-исл. *vatn* и т. п.): *nu-mu ruwüşdu witenanza* 'пусть меня спросит вода'. Имя сред. рода *eşhar* 'кровь' трансформируется в *eşhan-ant-* (от основы косвенных падежей *eşhan-*): *eşhananza eşhanaş inan kararzi* 'кровь (= кровью) болезнь крови устраняется' (предложение исключительно интересно тем, что в нем синтаксически противопоставлены две разные формы от одной основы *eşhan-*: форма им. п. ед. ч. одуш. р. на *-ant-s/anza* *eşhan-anza* и форма род. п. сред. р. *eşhan-aş*, где исторически представлена та же морфема **-š*, но в функции род. падежа, вторичной по отношению к исходной субъектной функции). Имя сред. рода *şehur* 'моча' → *şehun-ant-(s)*: *man-an-za-kan şehunanza-pat tamaşzi* 'если его моча сама по себе отягчает'. Имя сред. рода *uttar* 'слово' → *uddan-ant-*: *pa-at-za ammel uddananteş tarahhir* 'и их мои слова покорили' [Laroche 1962; Иванов 1965; Tchekhoff 1978; Гамкрелидзе, Иванов 1981].

При выяснении древности такого использования суф. **-nt* существенно то, что именные производные на **nt-* в хеттском, как и в других и.-е. языках, являлись активными образованиями от глагольных корней (позднее активными причастиями действительного залога). Для доказательства древности образований этого типа особенно показательно хет. *adant-* ~ ст.-сл. *ѢД-АТ-* 'едящий' ~ лит. *dantis* (ст.-лит. род. п. мн. ч. *dant-u*) ~ прусск. *dantis* ~ др.-инд. *da(n)t-* ~ авест. *dantan* ~ греч. *ὄδων* ~ арм. *atamn* ~ лат. *dens* ~ др.-ирл. *dét* ~ готск. *tunþs* ~ д.-в.-н. *zan(d)* 'зуб'. Особенности редукции гласного в этом названии зуба объясняют тем, что оно было «не правильно построенным причастием, а древним именным производным, сохранявшим первоначальное значение корня» [Oettinger 1979, 99, примеч. 14].

Сосуществование основ на *-nt- в качестве причастий (герм. *-nd-) и имен существительных одуш. рода (готск. *frīund-s* 'друг', ср. *frijondi* как причастие от той же общегерманской основы) в свое время отмечалось в германистических трудах В. М. Жирмунского, а в недавнее время и индоевропейцами: **kr-end-* 'рогатый' > *xrind 'бык', нем. *Rind* [Haudry 1979, 58]. В древнеиндийском, как заметил Э. Бенвенист еще в своем первом основополагающем труде [Бенвенист 1955], наряду с продуктивными (как и в остальных и.-е. языках) причастиями действительного залога на -nt- сохранился изолированный тип имен существительных с этим суффиксом (со значениями, относящимися преимущественно к сезонам года), в точности соответствующих хеттским: вед. др.-инд. *hem-ant-á-* 'зима' является, как и хет. *gimm-ant-* 'зима', активным производным на *-nt- от и.-е. основы **ǵ^heim-* 'зима'. Точно так же построено др.-инд. *vas-ant-á-* 'весна', соединяющееся с предшествующим словом в одном месте «Ригведы»: *śatám hemantán* и *śatám vasantán* 'сто зим и сто весен'. Соответствующий хеттский термин для весны имеет тот же суф.-ant- при другом корне *hamešh-ant-*, ср. также д.-в.-н. *âband* 'вечер' < **ǵ^her-ont-o* ~ др.-англ. *éfen* и т. п. В хеттском активное значение суффикса причастий *-nt- известно только у непереходных глаголов и у глаголов *ed-* 'есть' и *eku-* 'пить'. Это может объясняться вторичным развитием, вызванным изменением суф. -nt- при исчезновении медиопассивного *-mo-, известного в лувийских причастиях, но в хеттском сохранившегося лишь в отдельных архаизмах (*lalukkima-* 'лучезарный', нормальная редупликация от *lukk-* [ср.: Иванов 1981]). В противном же случае пассивное значение причастий на *-nt- от подавляющего большинства переходных глаголов можно было бы считать архаизмом, сопоставимым с лат. *gignetia* (*quae gignuntur*) [Haudry 1979, 58].

Исторически суф. -nt- в причастии и, по-видимому, во вторичной функции 3 л. мн. ч. (огласовка которого в древних языках, в частности в хеттском, обычно совпадает с огласовкой причастия) соотносится с показателем -r в 3 л. мн. ч. прош. вр. Это соотношение глагольных окончаний -r (видимо, архаической второй серии глаголов, инактивных, а исторически, судя по данным ностратического внешнего сравнения, субъективных [Иванов 1980₂, 185—186; 1981, 68—69]) и -nt (видимо, окончание архаической активной — первоначально объектной или посес-

сивной — первой серии, в хеттском представленной первичным $*nz-i < *nt-i$) параллельно соотношению $-r-$ — $-nt-$ в том наиболее архаическом типе и.-е. гетероклитических именных основ сред. рода, древность которых удостоверяется ностратическим внешним сравнением. Присоединение $-s$ к основам типа хет. $e\check{s}har$ было возможно, только если основа на $-r-$ (инактивная) заменялась (древней активной) формой на $-n-$.

Хеттскому гетероклитическому типу с чередованием $-r$ (им.-вин. п. сред. р.)/ $-n-$ (в косвенных падежах) типа $watar/weten-a\check{s}$, $e\check{s}har/e\check{s}hana\check{s}$ и менее распространенному типу с чередованием $-\check{s}/-s$ (им. п. одуш. р.)/ $-n-$ (в косвенных падежах) (из чего следует, что $-n-$ может быть в косвенных падежах обоих родов в отличие от $-r$, имеющего выделенное значение сред. рода) соответствует структурно сходная парадигма в тохарском и дравидийское противопоставление существительных на $-r$ и существительных категории нелица «инкрементом» $-tt- < *n-tt-$ [Иванов 1980₂, 190—191]. Наличие этого внешнего ностратического подтверждения древности парадигмы с чередованием $*-r/*-nt-$, восстановленной для и.-е. глагола (в 3 л. мн. ч.) и имени, заставляет возвести это противопоставление к раннеиндоевропейскому.

Характерной чертой хеттского языка является такое преобразование гетероклитических парадигм этого типа, при котором $*-nt-$ сохраняется только в упомянутом эргативобразном (архаическом) употреблении. В свете хеттских и других им соответствующих индоевропейских и ностратических данных кажется несомненным, что открытое Э. Бенвенистом (вслед за многими его предшественниками, собравшими до него обширный материал, как, например, П. Персон) соотношение гетероклитических чередующихся основ $-r/-nt-$ может функционально иметь отношение к различию форм на $-r$, которые могли быть субъектами только глаголов инактивной (древней субъектной) серии, не имевшей при себе объектов, ср. хет. $ra\check{h}ur wagan\check{i}$ 'огонь горит' и т. п., и форм на $-n-$, которые могли быть показателями конструкций с прямым объектом. Эта гипотеза вместе с тем позволяет объяснить и происхождение медиопассива на $*-r$, $*-tog$ в хетто-лувийских и других родственных им языках [Иванов 1965]: форма типа хет. $itar$ 'хождение' (лат. $iter$, род. п. $itineris$ из $*itinis$) имеет общее происхождение с формой типа лат. $itur$ 'идет'. С другой же стороны, некоторые из глагольных форм с но-

совым аффиксом, в частности каузативные, могут быть сближены с активными именными производными на -п-.

При исследовании эргативообразных конструкций в хеттском и лувийском приходится иметь в виду, что не исключено (хотя бы в качестве катализатора, который мог помочь сохранению древних черт синтаксического строя) воздействие таких эргативных («активных») языков, бесспорно повлиявших на древнехеттский, как хаттский (где имелся эргатив на -ma, родственный адыгскому и восточнокавказским на -m) и хурритский, воздействовавший главным образом на новохеттский и лувийский.

Сама по себе эта особенность хеттского, несмотря на наличие интересной параллели в древней функции и.-е. (и общеанатолийского) суффикса причастия наст. времени действительного залога *-nt-, необязательно должна быть архаизмом, так как на появление эргативообразной конструкции известное влияние могли оказать и и.-е. языки Малой Азии (хаттский и хурритский). Но бесспорным архаизмом является тип образования им. п. одуш. рода на -š, противопоставленный им.-вин. п. неодуш. рода без -š [Schields 1978; Schmalstieg 1980]. Исконное состояние, как это давно уже предполагалось, может быть реконструировано благодаря архаизму хеттского, сохраняющего совпадение им. п. на -š и род. п. на -š (nekut-š 'вечера') [Neu 1979, 185—186], что особенно наглядно обнаруживается в совпадении формы им. и род. п. ед. ч. одуш. рода тематических основ на -a-š < *-o-s (каждая из других и.-е. групп, в том числе и лувийско-лийская, заменяет эту древнюю форму тематических основ новообразованием). Хеттский язык, по-видимому, сохраняет не только морфологический, но и синтаксический след исходной функции род. п. ед. ч. в конструкции типа waš-tul-aš '(человек) греха — грешник', где форма на -(a)š выступает в предикативной функции им. падежа [Rosenkranz 1979, 221; Lehmann 1974, 75; Ivanov 1979, 77].

Можно предполагать, что в хеттском частично отражены два типа тех форм, которые образовались при присоединении древнего местоимения *s(e/o) (хет. -aš как энклитика им. п. ед. ч. одуш. рода в зависимости от выделения темы — ремы, т. е. от актуального членения). В конструкциях, где ремой было имя, его выделение (в позднейшем им. или род. п.) осуществлялось с помощью постпозитивного местоимения, что и дало форму на -(o/e)s. Когда ремой была глагольная форма, местоимение

ей предшествовало, чем объясняется разница между хет. *atta-š* 'отец, отца' и *p-aš aki* 'и он умер'. Точно такое же противопоставление (намеченное типологически еще Г. Шухардтом в его исследовании различия между разными формами синтетического выделения) проводится и в хатском (с одной стороны, эргатив на *ma* типа *wa-šḫ-ab-ma* 'богами' из местоимения *ma* 'этот', с другой — глагольные формы типа *ma-zila-t* 'стоит') и адыгском, но сходство здесь чисто типологическое.

Вместе с тем в архаической форме род. п. одуш. рода ед.-мн. ч. *-an* < **-ōm* (типа *antuḫš-an* 'человека, людей') можно усмотреть след возникновения формы род. п. мн. ч. из (акцентуационного) варианта древнего падежа на *-n* < **-m* (исходно имевшего функцию падежа объекта). Хеттское соотношение падежей субъекта (эргативного, или «активного», на *-š* < **-s*) и объекта («винительного») на *-n* < **-m* отражает исходное и.-е. состояние времени до становления языка «аккузативного» типа. Но хеттский сохранил и еще один грамматический архаизм этой ранней эпохи.

Наибольшей неожиданностью явилось недавнее открытие в древнехеттском особого «абсолютного» немаркированного падежа с нулевым окончанием в конструкциях типа ¹*Ḫu-uz-zi-ja* *SUM. SU* 'Хуцция — его имя' [Laroche 1969]. Детальный сравнительно-исторический анализ приводит к выводу, что в подобных древнехеттских формах отражен праиндоевропейский «неопределенный падеж» (*Casus indefinitus*), давно предполагавшийся, в частности, на основании исследования архаичных синтаксических конструкций, отраженных в и.-е. словосложении [Neu 1979, 180—185]. Это позволяет по-новому понять связь, во-первых, архаических сложных слов, в которых давно видели след «неопределенного падежа», во-вторых, звательного падежа, в своих древних формах (в том числе и в хеттском) также характеризующегося нулевым окончанием, и, в-третьих, хеттского абсолютного падежа. Все эти три типа форм непосредственно продолжают и.-е. абсолютный—неопределенный падеж с нулевым окончанием. Хеттский абсол. падеж, как и пережитки неопр. падежа в и.-е. (в том числе и в древнеанатолийском) словосложении, отражает его употребление в неапеллятивной функции, тогда как зват. падеж исторических и.-е. диалектов, в том числе и в хеттском, восходит к тому же неопр. падежу в апеллятивной функции (обращения ко

2 лицу) [там же, 184]. Это открытие представляет исключительный интерес для реконструкции и.-е. системы склонения в целом, так как детальный анализ выявляет в ней и ряд других свидетельств существования неопр. падежа [Haudry 1978; 1979].

Из фактов других и.-е. языков, которые получают непосредственное объяснение при таком понимании форм с нулевым показателем, следует прежде всего отметить северновеликорусские (древненовгородские) формы на *-e* (им. п. ед. ч. м. р.) тематических основ (регулярные в ранних берестяных грамотах), связь которых со звательной формой, давно предполагавшаяся, теперь должна разъясниться как прямой рефлекс древней абсолютной формы, ср. также и возможный след аналогичного нулевого показателя в славянском типа им.-вин. п. ед. ч. сред. р. *polje (русск. *поле*). О формах типа лит. *gėra*, слав. *město см. [Schmalstieg 1980].

Возможно, что к тому же неопр. падежу можно возвести и древнехеттские формы локатива с нулевым окончанием типа *t(a)gān* ~ *tox*. А *tkam* < **dhg^hōm* 'на землю' [см.: Kammenhuber 1979, 123—124; Neu 1979, 120]. В таком случае можно полагать, что имя существительное, только называемое (при обращении, как в зват. падеже, или же при его упоминании, как в конструкциях называния или локативных конструкциях), не имело первоначально особого показателя в отличие от маркированного употребления (субъективного или объективного). Следует подчеркнуть, что эта грамматическая особенность общиндоевропейского имени существительного давно была реконструирована и достаточно рано [см.: Бенвенист 1955] связана с такими пережиточными формами, как локатив с нулевым окончанием.

Сложной проблемой при описании древнехеттского зват. падежа основ на *-u* и на *-nt* является объяснение окончания этого падежа *-i* (вероятно, древний безударный вариант морфы *-e*, также засвидетельствованной в языке эпоса: *haššue* 'о, царь!' от *haššu* 'царь' ~ др.-исл. *æsir* 'боги-асы'), *-a* < **-o* [Eichner 1975; Neu 1979, 179]. Очевидно, речь идет об окончании **-e/-o*, характерном для зват. падежа тематических основ на *-o*. Перенос этого окончания в атематический тип, скорее всего, явился результатом вторичного развития (очевидно, после обособления зват. падежа от других неапеллятивных употреблений абсол. падежа). Однако нельзя полностью исклю-

чить, что *-e/o- в этих звательных формах (как и в формально и функционально с ними сходных императивных обращениях (2 л. ед. ч. повелит. накл.) на -i: e-iš-ši 'сделай' (от основы на *-so-: ešša-), li-e na-a-ḫi 'не бойся' (от основы naḫ-), pa-aḫ-ši 'защити' (от основы paḫš-), škall-i 'разрежь' [Oettinger 1979, 211, 410]) может иметь дополнительную грамматическую функцию, выяснение которой имело бы большое значение для всей сложной проблемы роли морфы *-e/o- в и.-е. тематических основах.

Из падежей с локальными (в широком смысле слова) значениями с общеиндоевропейскими формами (иногда еще полунагечного типа) сопоставим (кроме локатива с нулевым окончанием) локатив на -i, в частности в хеттских формах инфинитива на -wanz-i < *u-ont-i [Laroche 1970; Neu 1979, 189], а также древнехеттский директив на -ā < *-ō (ступень растяжения тематического *e/o (?) и отложительный падеж на -a-z < *-o-ti [Neu 1979, 186]; к развитию -i в конце формы ср. 2 л. ед. ч. повелит. накл. медиопасс. -ḫu-t < *hu-ti < *Hu-dhi и т. п.), соответствующий лув. отложит.-твор. п. на -ati (ср. хеттскую возвратную частицу -z : лув. -ti и т. п.).

Отличительной особенностью хеттского именного склонения является крайне слабая развитость локальных падежей мн. числа [ср.: Neu 1979, 196]: -aš < *o-s(u/i). Хеттский и другие анатолийские языки в этом смысле представляются более архаичными по сравнению с диалектами, где выработывались окончания типа балто-славяногерманских на -m- (предлагавшиеся иногда сближения с хеттскими местоименными формами мн. числа типа -š-maš 'вам, им' нуждаются в ряде оговорок [см.: Benveniste 1962, 76]), и с диалектами греческо-армяно-арийского ареала, где (как отчасти и в италийско-венетской группе) в сходной функции использовалось *-b^h-, возможно родственное основе хет. ара-s, лик. ebe- 'этот'; ср. также лувийскую частицу -pa (позволяющую лучше понять происхождение функций греч. микен. -pi < *-b^hi)

Система хеттского склонения достаточно существенно отличается от лувийского, где система падежей мн. числа была перестроена позднее на основе окончания вин. п. мн. ч. *-ms- > *-ns- > -nz-, к которому присоединялись другие показатели: род. п. мн. ч. -nz-an (тип, общий у лувийского с хеттским местоименным склонением).

Существенный архаизм хеттского склонения проявляется в образовании форм вин. п. ед. ч. местоимений с мор-

фой -u-, ср. др.-хеттск. одуш. р. u-ni, лат. uti [Laroche 1979, 151; Neu 1979, 192]. Это позволяет объяснить хет. вин. п. мн. ч. -u-š как построенный агглютинативно (подобно другим падежам мн. числа).

След древнего распределения падежей на -u-, сходного с хеттским, обнаруживается в готском u-k (при хет. tukk(a) 'тебя' в функции вин. падежа). Позднейшее присоединение в хеттском *-m к основе на -u- > вин. п. ед. ч. -un объясняется тем же механизмом, что и присоединение того же -m к тематическому показателю в форме вин. п. одуш. рода и им.-вин. п. сред. рода в других и.-е. языках: *-o-θ-m, подобно *-u-θ-m. Соответственно агглютинация морф *-u-s в хеттском вин. п. мн. ч. представляет собой в обратном порядке ту же последовательность, что и *-s-u (при *-s-i в других диалектах) в местн. пад. мн. ч. Окончание *-u-s имеет прямое соответствие в балтийском и славянском.

Основой для сравнительно-исторического исследования хеттского глагола послужило сделанное в одно и то же время — в 1932 г. — Е. Куриловичем и Хр. Стангом, независимо друг от друга, открытие. Им удалось показать, что окончания и.-е. и хеттского медиума тождественны окончаниям и.-е. перфекта и хеттского спряжения на -hi. Позднее Б. Розенкранц показал глубокое семантическое сходство спряжения на -hi в хеттском с медиальными депонентными глаголами в других и.-е. языках. Позднее происхождение перфекта в той его форме, которая представлена в греческо-арийской диалектной области, подтверждается и исследованием редулицированных форм в анатолийском [Иванов 1981 с литературой вопроса]. Милийский (и, по-видимому, лувийско-ликийская диалектная группа в целом) характеризуется видо-временными противопоставлениями редулицированных и нередулицированных форм от корней, в других и.-е. диалектах выступающих как аористические [Баюн 1979; 1980]. Это дает основание предположить либо чрезвычайно раннее отделение этой группы диалектов от хеттского, где (за исключением архаической причастной формы tittiyant- 'установленный, основанный, поставленный') подобное употребление длительно-результативных редулицированных форм неизвестно, либо существенное преобразование всей системы форм на -hi в дописьменный период истории хеттского языка.

Особое значение имеет недавнее исследование А. Мор-

пурго-Дэвис [Morpurgo-Davies 1979; ср.: Oettinger 1979], в котором на материале всех известных клинописных и иероглифических лувийских текстов показано, что в лувийском (во всех его вариантах) различались формы 3 л. ед. ч. наст. вр. с окончанием *-ti* (соответствующим хет. *-zi* в спряжении на *-mi*) и с окончанием *-i* (соответствующим хет. *-i* в спряжении на *hi*), которое имеет алломорфу *-ia* (как представляется, сопоставимую с алломорфами типа *-ia*, выступающими в хеттском в ряде случаев наряду с алломорфами типа *-i*; по-видимому, *-ia* здесь вторичного происхождения). Некоторые из лувийских форм при этом этимологически тождественны хеттским. Следовательно, окончательно доказываемое наличие двух типов спряжения в общехетто-лувийском (общееанатолийском). Тем не менее А. Морпурго-Дэвис чрезвычайно осторожна в своих выводах. Так, указывая на наличие в лувийском двух параллельных форм 3 л. ед. ч. медиопассива на *-ari* и *-tari*, она ограничивается замечанием, что такова же ситуация в хеттском. Однако поскольку эти две формы медиопассива имеют соответствия в других и.-е. диалектах [Иванов 1965, 1981], соответствующие праформы (на **-o/*-Ø* и на **-t-*) должны быть реконструированы и для сопоставления, предшествующего отделению хетто-лувийских диалектов от других индоевропейских.

Оригинальную концепцию места хеттского глагола среди глагольных систем других и.-е. диалектов в недавнее время выдвинул Б. Розенкранц. Продолжая начатые им самим [Rosenkranz 1978] и автором настоящего раздела [Иванов 1965; 1981 с библиографией вопроса] разыскания в области глаголов на **-sk-*, Розенкранц выделяет целую группу диалектов, в которых именно эти глаголы (как в хеттском и тохарском) служили для выражения значения длительности, что и могло привести к существенному отличию этой группы диалектов от других диалектных групп, где длительные (неаористические) значения выражались позднее противопоставлением неаористических (длительных) и аористических форм (как в греческо-армяно-арийском). Эта же группа диалектов, для которой Розенкранц считает характерным выражение грамматической категории длительности посредством **-sk-*, согласно его концепции, характеризуется существенной ролью производных отглагольных форм на **-l-*. В хеттском они сохраняются преимущественно в виде пережиточных форм 1 л. ед. ч. повелит. накл. типа *eš-l-u-t*, *ašallu* 'да буду

я' (с тем же значением модальных производных на -la- от глаголов с суф. -nu-: barganula- 'подлежащее возвышению', dalugnula- 'подлежащее удлинению', arnuwala- 'подлежащее угону' — обозначение особого социального ранга военнопленных, которых сажали на землю). Однако в лидийском языке производные этого типа стали регулярно образовывать формы прош. времени, что представляет собой разительный аналог развитию в славянских языках грамматических функций форм на *-l. Поэтому кажется вероятным допущение Розенкранца о том, что в более раннем анатолийском глагольные формы на -l могли иметь значительно большее значение.

Из форм с инфинитивными и супинообразными функциями следует отметить группу форм на *-w^e/ont, *-w^e/ont-i (> хет. -uwan, -uwanzi), которые позволяют восстановить более древнюю систему отглагольных производных имен, лишь позднее (как и абстрактные имена на -atar) втянутых в систему глагольного слово- и формообразования [Иванов 1976].

В исследовании хеттского синтаксиса внимание ученых было сосредоточено по-прежнему на анализе структуры начального комплекса энклитик [Ivanov 1979; Rosenkranz 1979; Иванов 1965 с библиографией]. Как сами энклитики, так и их порядок находят соответствие в других анатолийских языках и в некоторых других индоевропейских. В хеттском синтаксисе искали подтверждения структуры SOV в и.-е. предложении [Lehmann 1974; ср. также: Гамкрелидзе, Иванов 1981].

В области структуры сложного предложения наиболее существенный результат получен при сопоставлении хеттских и латинских конструкций от *k^we(i) в артиклеобразной, неопределенной функции [Justus 1978; ср.: Иванов 1979].

Было выяснено, что хеттский тип предложения, при котором начальное kui- 'который' имеет значение 'всякий, кто, любой' (др.-хеттск. kuiš-an arpa uwatezzi 'любой, кто его назад приведет' — Хеттские законы, § 23), имеет точное соответствие в архаическом языке римского права: qui primus ad funus meum venerit 'кто первый придет на мои похороны'. Вместе с тем сходство между латинским и хеттским синтаксисом обнаруживается и в том, как используется постпозитивное quis в значении отождествляющего артиклеобразного элемента, ср. др.-хеттск. natta arun GEŠTIN-an piēr LUGAL-aš kuin aušta 'не то вино они

принесли, царь которое (=что, это) увидел' при лат. *nunc denum enim rescribo iis litteris ques mihi misisti* 'потому что теперь наконец я отвечаю на то письмо, что ты послал мне'. Сравнение хеттского и латинского синтаксиса позволило восстановить исходные структуры, из которых развились оба типа конструкций. Исследование хеттских конструкций с постпозицией *kuiš*, в особенности после прилагательных, имеет (как независимо друг от друга в 1958 г. показали Э. Бенвенист и Б. Розенкранц) особое значение для исследования аналогичных конструкций с **yo-*, синонимичным **kwe(i)-* в части и.-е. диалектов [ср.: Иванов 1979]. В частности, хеттские конструкции позволяют восстановить те исходные синтаксические формы, из которых развились балтийские и славянские членные (определенные) формы прилагательных [Иванов 1965; 1979].

Другую существенную новую область изучения сравнительно-исторического синтаксиса хеттского и других анатолийских языков, исследование которой начал прежде всего Ф. Йозефсон, представляет анализ видовых функций хеттских синтаксических частиц типа *kan* (ср. др.-инд. *kaṃ* со сходным видовым значением, лат. *con-*, имеющим бесспорно видовые функции еще у Плавта, готск. *ga-*, видовые функции которого давно обнаружены, слав. *къ-(n)* и т. п.) и *šan* (ср. др.-инд. *saṃ*, греч. *συν-*, лит. *saṃ-*, слав. *съ-(n)* с видовыми функциями, сохранившимися до настоящего времени). Благодаря исследованию этих хеттских синтаксических частиц удалось выявить синтаксические способы выражения видов в и.-е. предложении [Иванов 1979 с библиографией]. Помимо того интереса, который эти открытия представляют для самого и.-е. синтаксиса, они имеют первостепенное значение для доказательства позднего развития морфологических способов выражения видовых и аспектоидных функций. Это же следует сказать и о далеко продвинувшемся за последние годы [ср.: Иванов 1965; Иванов 1979 с литературой вопроса] исследовании функций и грамматических (в древнехеттском еще морфологических) характеристик таких послелогов-превербов, которые в древнехеттском выступают в качестве склоняемых имен существительных сред. рода, сочетающихся с постпозитивными притяжательными местоимениями, а затем на протяжении истории языка постепенно все более грамматикализуются. Исследование конструкций типа *piran-mit* > *pirammit* 'передо мной'

(букв. 'моя передняя сторона') позволило доказать давно высказанное в сравнительно-исторической грамматике (в частности, А. Мейе) предположение о том, что формы превербов типа *ргō, *рг(e)і и т. п. представляют собой грамматикализованные обломки парадигм подобных имен существительных. Вместе с тем анализ синтаксических сочетаний имен этого типа с постпозитивными притяжательными местоимениями позволяет проследить пути образования тех сочетаний, которые ранее могли привести к становлению посессивного типа глаголов (позднее объектной—инактивной серии): *es-mi 'мое бытие' > 'я есмь'.

Изучение хеттской лексики привело к выделению большого слоя, общего с архаическими и.-е. диалектами, отдельных хетто-греческих, хетто- (и лувийско-) тохарских и других лексических изоглосс и ряда слов, общих только для анатолийских языков (как глагол -raі 'давать' [см.: Иванов 1965; 1980]). Среди последних выделяется значительное число неиндоевропейских элементов, связываемых с языками северокавказской семьи (в том числе хаттским, хурритским, этрусским). Дальнейшее изучение этих лексических слоев важно для истории древней культуры носителей анатолийских языков.

ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

1. Первые письменные памятники греческого языка относятся к XV в. до н. э., по древности они намного старше италийских (латинских и др.) и арийских (Веды, санскрит, Авеста) памятников и уступают только хеттским. Ни один язык в мире не имеет столь богатой письменной фиксации, не представлен столь обильными и разнообразными литературными текстами на протяжении более трех тысячелетий своей истории, и в этом отношении сравнительно-историческое изучение греческого языка занимает совершенно особое место в индоевропейской компаративистике.

История сравнительно-исторического изучения греческого языка характеризуется последовательной научной преемственностью многих поколений эллинистов-индоевропейцев, и проблемы современного сравнительно-исторического изучения греческой фонетики, грамматики и лексики закономерно вытекают из всего комплекса вопросов, поставленных перед наукой в результате достижений предшествующих периодов. Всего в истории эллинистики можно условно выделить три больших периода: 1) от возникновения и.-е. компаративистики до 70-х годов прошлого века; 2) от 70—80-х годов XIX в. до начала XX в.; 3) современный (с первой половины XX в.).

Предшественниками первого научного периода сравнительно-исторической эллинистики следует считать гуманистов эпохи Возрождения. Первая генеалогическая классификация языков Европы была предложена в конце XVI в. Ж. Скалигером, который разделил их на 11 групп, восходящих к 11 языкам-матерям (*matrices*): греческая, латинская (с романскими), тевтонская (германская), славянская (с балтийскими), эфиротская (албанская), ирландская, кимрская (бриттская), татарская (с турецким и др.), финская (с эстонским и лопарским), венгерская и баскская. Эти 11 групп были объявлены «не связанными между собой никакими узами родства» [Scaligeri 1610, 119—122]. Однако уже ко времени Скалигера начали высказываться предположения о более глубоких, первичных связях некоторых языков (еще в XVI в. флорентийский путешественник Филиппо Сассети обратил внимание на

сходство индийских слов с итальянскими и латинскими). Через 100 лет Г. В. Лейбниц объединил греческий и латинский языки вместе с албанским, германскими, ирландскими и бриттскими в одну группу, назвав ее «кельтской». В середине XVIII в. В. К. Третьяковский и М. В. Ломоносов доказывали родство с «кельтскими» славянских и «курляндского» (т. е. балтийских языков). Во второй половине XVIII в. на особое сходство санскрита (а также иранских языков) с греческим, латинским, а также германскими и кельтскими указывал английский востоковед В. Джоунз. Идея отдаленного родства греческого языка с рядом других языковых групп (получивших позже название индоевропейских) была подготовлена уже в XVIII в.

Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание окончательно оформилось в начале XIX в. на базе сравнения с греческим и латинским языками германских (Р. Раск) и санскрита (Ф. Бопп). После трудов А. Х. Востокова, Й. Добровского и В. Копитара по славянским языкам, Я. Гримма по германским у индоевропейцев сложился основной круг языков, привлекаемых для обязательного сравнения при всех компаративистских исследованиях: санскрит, греческий, латинский, готский, старославянский. В середине XIX в. благодаря исследованиям И. К. Цейса в этот круг был включен древнеирландский, а после работ А. Шлейхера — литовский язык. Греческий материал в этих сравнениях занимал всегда центральное положение. Образование греческого языка (как и других индоевропейских) представлялось как результат последовательного членения общеиндоевропейского праязыка на ветви. В концепции Шлейхера единый праиндоевропейский ствол первоначально разделился на северную ветвь (из которой выделились германский, литовский и славянский языки) и южную. Южная ветвь разветвлялась на греко-итало-кельтский «язык» (с позднейшим выделением албано-греческого на Балканах и итало-кельтского на западе) и арийский (сохранившийся на первоначальной прародине). Таким образом, греческий, по Шлейхеру, оказывался генетически ближе к латинскому и кельтскому, чем к санскриту (и иранским), но дальше всего отстоял от германо-балто-славянских.

В виде родословного древа представлялись как генетические связи разных и.-е. языков, так и соотношения близкородственных диалектов. Изучение древнегреческих диалектов имело большое значение для всей сравни-

тельно-исторической эллинистики. Первоначально оно опиралось на античную традицию, возводившую все греческие племена к трем мифическим родоначальникам: Иону, Дору и Эолу. Подчиняясь этой традиции, античные филологи и тексты древнегреческой литературы по диалектному признаку разделяли на эолийские (Алкей, Сапфо, монодическая мелика Коринны), дорийские (хоровая мелика) и ионийские (эпос, элегическая и ямбическая поэзия, ранняя научная проза), но особо выделяли тексты на аттическом диалекте (Эпихарм, трагики, Аристофан, Фукидид, Ксенофонт). Научные исследования нового времени обнаружили неполноту (неточность), а иногда и несостоятельность такой классификации по отношению как к текстам литературных памятников, так и, в еще большей мере, к свидетельствам местных разновидностей народной разговорной речи. Особое значение здесь имело изучение местных диалектных черт в древнегреческой эпиграфике¹.

Первое научное описание греческих диалектов принадлежало Г. Л. Аренсу [Ahrens 1839—1845, т. 1, 18, 174], который традиционно разделял их на три большие ветви (ионийскую, дорийскую и эолийскую), но отнес (вопреки античной традиции) к дорийской ветви и говоры племен (северо-)западной и центральной части материковой Греции (кроме аттического и беотийского), указав вместе с тем и на черты, частично сближавшие говоры Этолии, Акарнании и Эпира с эолийским диалектом. Собственно «эолийцами» Аренс признавал только греческое население северо-западной Малой Азии (Эолида, Троада), о-ва Лесбоса, а на материке — племена Фессалии и Беотии, диалекты же, отраженные в надписях Аркадии (центральный Пелопоннес) и Элиды (западный Пелопоннес) классифицировал как «псевдозолийские». Северо-западные диалекты (Локриды, Фокиды, Этолии, Акарнании, Эпира) были выделены в особую диалектную ветвь (промежуточную между дорийской и эолийской) Р. Мерцдорфом [Merzdorf 1874, 21].

Результаты сравнительно-исторического изучения древнегреческого языка в целом и его диалектов наиболее полно были представлены в фундаментальном труде Г. Курциуса «Основы греческой этимологии» [Curtius 1858—1862], как бы завершающем первый период сравни-

¹ С 1828 г. Прусская академия начала выпускать *Corpus Inscriptionum Graecarum*.

тельно-исторического изучения греческого языка. Курциус представил греческий язык как закономерное отвлечение от общиндоевропейского праязыка и говорил о «правильных» звуковых соответствиях между греческим и другими и.-е. языками (например, π, τ, κ = др.-инд. p, t, k; φ, θ, χ = др.-инд. gh, bh, dh; β, δ, γ = др.-инд. d, d, g) и соответствиях «спорадических» (например, ε, α, ο = др.-инд. a). Акцентируя внимание в первую очередь на сходениях греческого языка с санскритом, латинским и другими и.-е. языками, Курциус еще не мог последовательно выявлять строгие закономерности в различиях между родственными языками.

Второй период в сравнительно-историческом изучении греческого языка связан с установлением строгих фонетических законов в индоевропеистике, которые были открыты прежде всего на базе последовательного сравнения греческого языка с санскритом: закон диссимилиации придыхательных Г. Грасмана, закон отражений «кентум/сатэм» (Г. Асколи, А. Фикк), отражение согласных сонантов (К. Бругман, Г. Остгоф), закономерности и.-е. акцентуации (Я. Вакернагель), закон отражения первичной триады гласных (архаичность греческого вокализма ε, α, ο в сравнении с санскритским a — А. Амелунг, К. Бругман, Г. Коллитц). На основе этих открытий и усовершенствования конкретных приемов сравнительно-исторического исследования формируются основные принципы классической индоевропеистики (Ф. Ф. Фортунатов, младшеграмматики). Наиболее значительными трудами второго периода в области изучения греческого языка (на фактическом материале которых продолжает в целом базироваться и современная сравнительно-историческая эллинистика) была «Греческая грамматика» К. Бругмана [Brugmann 1885], многотомный «Очерк (Grundriss) сравнительной грамматики индогерманских языков» К. Бругмана и Б. Дельбрюка [Brugmann, Delbrück 1886—1892], «Вводная грамматика греческого языка» Кюнера—Бласса [Kühner, Blass 1890—1892] и «Греческая грамматика» Г. Мейера [Meyer 1896].

Классическая индоевропеистика отказалась от представления о различных степенях языкового родства на основе схемы родословного древа. Были выдвинуты «теория географического варьирования» (Г. Шухардт), «теория волн» [Schmidt 1872], теория этнического субстрата (Й. Шмидт, Г. Асколи). В свете новых концепций П. Креч-

мер выдвинул новую теорию образования греческого языка [Kretschmer 1896]: о приходе предков греков с северо-запада на юг Балканского полуострова, где они застали неиндоевропейское население; не было, с точки зрения Кречмера, и.-е. племен первоначально и к востоку от Греции, в Малой Азии, поэтому все древнейшие специфические связи греческого языка с другими и.-е. ветвями (греко-италийские, греко-арийские, греко-армянские) возводились лишь к контактам на предполагаемой средне-европейской прародине.²

Аркадо-кипрские диалектальные связи можно было объяснить как следствие былых контактов и миграций при ахейской талассократии. Распространение дорийских говоров (диалектов) на Пелопоннесе и Крите представлялось как результат нашествия дорийцев, разрушивших ахейскую цивилизацию. К. Бругман в своей «Греческой грамматике» [Brugmann 1885] относил к собственно дорийским диалекты Истма, Саронического залива, Аргоса, Лаконии, Мессении, Южных Киклад и Крита (и их колоний у Малой Азии, в Ливии, Сицилии и Италии), а диалекты Ахейи, Фокиды, Локриды, Дорида, Этолии, Акарнании (т. е. областей, откуда вышли предки пелопоннесских дорийцев) объединял в особую группу, названную им северо-западными диалектами. Неясным оставалось положение крайне своеобразного диалекта Элиды (элейского), который по традиции (восходящей еще к Страбону) продолжали называть (псевдо)эолийским (Г. Мейер) [Meuer 1896, 18—19], но вскоре утвердилось мнение о его родстве с северо-западными. О. Гофман подразделял большую дорийскую диалектную ветвь на три группы (малые ветви): северодорийскую (Эпир, Акарнания, Фтиотида), центральнодорийскую (Этолия, Локрида, Элида) и южнодорийскую (собственно дорийскую в узком смысле) [Hoffmann 1891—1898; 1916]. Позже утвердилось представление, что в юго-западную (дорийскую в широком смысле) ветвь входят две большие группы малых диалектных ветвей (наречий). Первая (собственно дорийская) группа подразделялась на три малые ветви: а) юго-восточное наречие (надписи VII—V вв. до н. э. Крита, Южных Киклад, Южных Спорад); б) лаконский, мессенский диалекты (надписи V—IV вв.); 2) сароническая ветвь (представлен-

² Подробнее эта двусторонняя генетическая связь греческого языка рассматривалась позднее в трудах Г. Хирта [Hirt 1902].

ная надписями VI—IV вв. Северо-Восточного Пелопоннеса и Саронического побережья, Кинурии, Гермियोны, Трезена, Арголиды, Флиунта, Сикиона, Коринфа, Мегары, Эгины). Вторая (западная) группа (представленная надписями VI—IV вв. до н. э.) разветвлялась на четыре наречия: а) элейское (элидское); б) новоахейское (в Ахее на севере Пелопоннеса); в) диалекты Фокиды, Локриды, Дориды, Этолии, Элиды; г) диалекты Акарнании, Амфилохии, Эпира. Ср. подобную классификацию у Швицера [Schwyzer 1928; 1939—1950; см. также: Горнунг 1946, 34].

Дорийским (в широком смысле), или юго-западным, наречиям противопоставлялись три другие диалектные ветви: ахейская (аркадо-кипрская) на юге, ионийская на юго-востоке и востоке, эолийская на северо-востоке, в которую включались (как уже у Аренса) только беотийский диалект, фессалийские говоры и лесбийский диалект (распространенный кроме Лесбоса также в малоазийской Эолиде и Троаде). Исследования А. Фикка привели его к выводу об эолийской основе гомеровских поэм.

Стимулом для дальнейшего развития древнегреческой диалектологии послужило новое научное издание всех греческих надписей, сменившее начавший устаревать *Corpus Inscriptionum Graecarum* (CIG) — это огромное продолжающееся издание, начатое также Прусской академией (с 1873 г.) (*Inscriptiones Graecae editae consilio et auctoritate Academie Regiae Borussiae* — IG). Важное значение имели также специальные издания Г. Рёля [Roehl 1900] и Г. Коллитца—Ф. Бехтеля [Collitz, Bechtel 1883—1915], позже — Ф. Сольмсена—Э. Френкеля [Solmsen, Fraenkel, 1930]. На анализе обширного эпиграфического материала были построены обобщающие труды А. Тумба «Руководство (Handbuch) по греческим диалектам» и К. Д. Бака [Thumb, 1901; 1909; 1932—1959; Buck 1910; 1928; 1959; 1968].

Выявленные диалектные различия, установление их относительной (а реже и абсолютной) хронологии дали основу для построения гипотез и теорий о возникновении этнодиалектного членения древних греков. Поскольку территорию Греции не включали в зону общеиндоевропейской прародины и поскольку утвердилось (неаргументированное, как мы видели) мнение о позднем приходе и.-е. племен в Малую Азию, то естественным казалось предположение о миграции предков греков с севера (А. Фикк, Г. Хирт, П. Кречмер) и связанная с этим гипотеза возник-

новения древнегреческих диалектных ветвей как следствия нескольких миграционных волн родственных прагреческих племен, последовательно наслаивавшихся одна на другую. У. Виламовиц-Мёллендорф, привлекая дополнительно новые археологические данные о смене культур на юге Балканского полуострова, предполагал переселение во II тыс. до н. э. сначала «эолидов», разрушивших неиндоевропейскую, по его предположению, Минойскую цивилизацию, за ними дорийцев [Wilamowitz-Moellendorf 1931, 62; 1971, 152—180]. П. Кречмер первым слоем греческого населения считал ионийцев; ионийцы были вытеснены из материковой Греции дорийцами и другими племенами, двигавшимися с севера, смешение этих новых племен дало эолийцев [Kretschmer 1909, 9—59].

Ионийско-аттическую большую диалектную ветвь на основании современных исследований следует подразделять на три малые ветви: а) аттическую (надписи с конца VIII—нач. VII в. до н. э.); б) эвбейскую (надписи VI—V вв. из Стиры, Эретрии, Халкиды на о-ве Эвбее, также из Оропа на северо-востоке Аттики, из эвбейских колоний в Италии и Сицилии); в) восточноионийские наречия (ионийско-кикладское и ионийско-малоазиатское). В общем, такой классификации придерживался Ф. Бехтель, автор самой полной монографии по древнегреческой диалектологии [Bechtel 1921—1924]. Древнеионийским памятником следует, по мнению Ф. Бехтеля, считать и поздние вставки и окончательную версию гомеровских поэм, хотя в основе «Илиады» лежат не дошедшие до нас эолийские песни, которые можно условно назвать «пра-Илиадой».

На основании классических работ по генетическим связям и истории греческого языка и греческих диалектов был составлен греческий этимологический словарь Э. Буазака [Boisacq 1907—1916].

Третий, современный период сравнительно-исторического изучения греческого языка связан с совершенствованием методов реконструкции и расширением привлекаемого сравнительного материала, с открытием, расшифровкой и прочтением текстов на неизвестных прежде и.-е. языках: агнео-кучанских, хетто-лувийских. Было высказано предположение о принадлежности к и.-е. семье языка лидийских надписей на западном побережье Малой Азии (Е. Литман); позднейшими исследованиями (П. Мериджи, Р. Гусмани) [Pedersen 1938; Carruba 1969] был полностью доказан и.-е. характер языков западноазиатских надпи-

сей конца VIII в. до н. э.—III в. н. э.; постепенно широко распространились гипотезы о родстве древних фригийцев с армянами, а лидийцев, милийцев, термилов, ликийцев, лелегов, кавнов, карийцев — с хетто-лувийским населением Центральной и Юго-Восточной Анатолии. Следует, однако, иметь в виду, что однообразный характер западно-малоазиатских надписей не дает оснований с уверенностью судить о лексике этих языков, что же касается их морфологии (в той мере, как она установлена) и фонетики, то здесь сторонниками «анатолийской» гипотезы еще не найдено основного доказательства более близкого родства — наличия специфических (исключительных) общих новообразований. Вместе с тем обращают на себя внимание явные сходжения языка фригийских надписей и прочитанных Ю. В. Откупщиковым карийских надписей с греческим языком [Откупщиков 1966], и это согласуется со свидетельствами Геродота (I, 171—173; VII, 73, 92), Страбона (VII, 295, 323; XIV, 666) и Павсания (IV, 1, 1) о приходе в Малую Азию фригийцев из Македонии, лелегов из Локриды и Пелопоннеса, карийцев и кавниев с Эгейских островов, термилов и ликийцев с Крита. Несомненное родство с греческим обнаруживают многие дошедшие до нас древнемакедонские глоссы [Kalléris 1954]. Во всяком случае, мы можем теперь с большей уверенностью предполагать, что в начале античной эпохи греки граничили на северо-востоке (в Македонии и у Геллеспонта) и востоке (в Малой Азии) с родственными народами, и это по-новому ставит вопрос о генезисе греческого языка.

В связи с дешифровкой западно-малоазиатских письменностей по-новому встает и проблема происхождения греческого буквенного письма. По-видимому, консонантное письмо северо-западных (средиземноморских) семитов сначала было воспринято и.-е. племенами Малой Азии, которые перестроили его в настоящее алфавитное письмо с отдельным обозначением как гласных, так и согласных, а западно-малоазиатские алфавиты были восприняты и преобразованы греческими племенами (Ф. Молтнер) [ср.: Jeffery 1961].

Переворот в сравнительно-историческом изучении древнегреческих диалектов внесла дешифровка (в 50-х годах) М. Вентрисом и Дж. Чэдуиком крито-микенских надписей линейного слогового письма В (1450—1200 гг. до н. э.), которые оказались греческими [Чэдуик 1976, 101—254], имеющими ряд диалектных сходств как с язы-

ком Гомера (например, окончание род. ед. -οιο, известное также и в эолийском пеласгиотидском в Северо-Восточной Фессалии), так и с аркадо-кипрским (палеоахейским) наречием (глагольная флексия 3 ед. мед. -ται и др.) [Ventris, Chadwick 1953, 84—101; Chadwick 1956, 38—50; 1963]. Интерпретация письма В выявила глубокую древность диалектных различий в греческом языке, изучение которых стало общеиндоевропейской задачей.

В целом эти новые открытия, установление неизвестных ранее генетических связей и контактов греческого языка выдвинули новые, актуальные для современной компаративистики проблемы сравнительно-исторического изучения греческой фонетики, грамматики, лексики, греческих диалектов.

2. Классическая индоевропеистика конца XIX—нач. XX в. при реконструкции общеиндоевропейского языкового состояния опиралась прежде всего на регулярные звуковые соответствия между греческим и древнеиндийским, причем укрепилось мнение, что и.-е. вокализм лучше сохранен греческим, а консонантизм — древнеиндийским языком. В современной компаративистике эти положения пересматриваются.

По характеру отражения консонантизма в и.-е. языках можно выделить три типа: 1) в древнеиндийском были четыре серии шумных смычных согласных: t, th, d, dh; 2) в греческом — три серии: τ, θ, δ; также три серии различались в армянском и могут быть реконструированы для общеталийского и общегерманского; 3) албанский, балтийские, славянские, также кельтские и иранские отражают противопоставления по двум сериям (по глухости / звонкости); в хеттском противопоставлялись глухие напряженные согласные глухим ненапряженным [Широков 1975; 1977; 1980₁]. Более позднее происхождение древнеиндийских глухих придыхательных считается общепризнанным (Т. Барроу), кельтские, иранские и хеттский (а также агнео-кучанские) сохраняют следы различения трех серий, поэтому самым архаичным следует считать трехсерийный тип консонантных противопоставлений, отраженный в греческом и армянском. Греческой 1-й серии глухих напряженных (непридыхательных) π, τ, κ соответствуют армянские глухие ненапряженные (придыхательные), греческой 2-й серии глухих ненапряженных (придыхательных) φ, θ, χ — армянские звонкие, греческой 3-й серии звонких β, δ, γ — армянские глухие напряженные (непридыхатель-

ные). Проблемным является вопрос, какой из двух подтипов трехсерийного консонантизма, греческий или армянский, ближе к исходному, общеиндоевропейскому. 1-я и 2-я серия в греческом различались по напряженности (непридыхательности) / ненапряженности (придыхательности); такого же характера противопоставление можно реконструировать для италийского и венетского (где глухие ненапряженные стали ффрикативными), и, по-видимому, оно отражено в хеттском (где напряженность 1-й серии могла обозначаться удвоенным написанием: хет. ар-ра 'назад' = греч. ὀπίσθεν, хет. kat-ta 'с, вместе, вниз' = греч. κατά, хет. tu-ek-kaš 'тело' = греч. σάκος 'кожаный щит', но хет. ne-pi-iš 'небо', -hu-ti (глагольное окончание), da-lu-ga 'долгий' = греч. νέφος 'облако', императив -θι, δολιχός 'длинный'); в остальных и.-е. языках 1-я серия была глухой, а 2-я — звонкой (в др.-инд. — звонкой придыхательной). Если допустить предположение об оглушении 2-й серии в греческом, то мы сможем реконструировать хетто-греко-италийскую (включая венетский) фонологическую изоглоссу (первоначальное противопоставление по глухости / звонкости изменилось в противопоставление по напряженности / ненапряженности). 3-я серия, как и 2-я, имела в греческом ненапряженную, слабую смычку (в эллинистическую эпоху смычка окончательно утратилась и φ, θ, χ, β, δ, γ, ζ стали ффрикативными)³, эти серии различались по глухости / звонкости.

В хеттском (и лувийском), иранских, славянских, балтийских, албанском, кельтских различие между 2-й и 3-й сериями утратилось (в хетто-лувийских обе серии глухие ненапряженные, в остальных языках — звонкие); в древнеиндийском языке 2-я и 3-я серии различались по наличию / отсутствию придыхания, обе они были звонкими. Однако внутренняя реконструкция в арийских показывает, что звонкой была только 2-я серия: по закону Бартоломе озвончению подвергались лишь те глухие согласные, которые стояли после звонких придыхательных (bh, dh, gh + p, t, k → bdh, gdh и т. д.), но после 3-й серии озвончения не было (b, d, g + p, t, k → pt, kt и т. д.); из этого можно сделать вывод, что в эпоху действия закона Бартоломе звонкой была лишь 2-я серия. Греческие при-

³ Утрата смычки засвидетельствована с V—IV вв. до н. э. (сначала в южных диалектах): ἀνέστηκε, σιός в м. ἀνέθηκε, θεός [Thuc. V, 77, 4; Xenoph. Anab. VI, 6, 34; Xen. Hell. V, 4, 10].

меры типа $\pi\acute{\iota}\sigma\chi\omega$ 'терплю' ($\leftarrow * \pi\alpha\theta\text{-}\sigma\chi\omega$), $\lambda\acute{\epsilon}\sigma\chi\eta$ 'спальня' ($\leftarrow * \lambda\epsilon\chi\text{-}\sigma\chi\acute{\alpha}$) показывают, что подобная прогрессивная ассимиляция после 2-й серии была и в греческом [Kieskers 1925, 89; Rix 1976, 32, 78, 94]; первоначальным положительным признаком, передававшимся следующей согласной, могла быть только звонкость. Но если согласные φ , θ , χ были первоначально звонкими, то согласные 3-й серии (β , δ , γ) должны были отличаться от них другим признаком, следовательно, звонкость 3-й серии (в греческом, итальянских и венецком, кельтских, албанском, балтийских, славянских, арийских) произошла из какого-то другого признака.

В армянском 3-я серия представлена глухими напряженными (непридыхательными) согласными, которые соответствуют глухим согласным в хетто-лувийских и германских языках. Традиционно считалось, что здесь в германских и армянском произошло передвижение согласных, которое искали также в реликтах фракийского и во фригийском языке [Георгиев 1977, 169, 218—219], однако большинство глосс указывает здесь на звонкие рефлексы 3-й серии (т. е. схождение с греческим, а не с армянским: $\acute{\alpha}\zeta\acute{\eta}\nu$ = греч. $\gamma\acute{\epsilon}\nu\upsilon\varsigma$ 'борода' (но арм. *spanw*), $\beta\acute{\epsilon}\delta\upsilon$ = греч. $\ddot{\upsilon}\delta\omega\rho$ 'вода' (но арм. *get*), $\gamma\acute{\epsilon}\lambda\alpha\rho\omicron\varsigma$ = греч. $\gamma\acute{\alpha}\lambda\omega\varsigma$ 'золовка' (но арм. *tal*). Высказываются предположения, что звонкость 3-й серии, представленная в греческом и большинстве других и.-е. языков, развилась из «эмфатичности» или абруптивности⁴. Об этом, в частности, свидетельствуют данные сопоставительно-типологического анализа греческой фонетики. Греческий губной ряд (π , φ , β) соответствует в других и.-е. языках либо исконно губным, либо рефлексам глубоких заднеязычных (поствелярных, лабиовелярных), при этом греческие слова, содержащие исконную (не восходящую к лабиовелярным) β , не имеют хороших и.-е. соответствий. Следовательно, губной ряд был дефектен в 3-й серии, третья серия была дефектна в губном ряду. Во многих неиндоевропейских языках, в других языковых семьях, имевших трехсерийные противопоставления консонантизма, дефектной бывает не звонкая, а глухая (на-

⁴ Впервые о вторичности признака «звонкость» в серии, соответствующей греч. β , δ , γ , др.-инд. *b, d, g*, арм. (и герм.) *p, t, k*, предположил Х. Педерсен [Pedersen 1951], затем Н. Д. Андреев [Андреев 1957, 7—8], позже, на основании некоторых типологических сопоставлений, Дж. Эмондс [Emonds 1972] и П. Хоппер [Hopfer 1973; Широков, 1977; 1980_{1,2}].

пряженная, «эмфатическая», абруптивная) серия, губной ряд бывает дефектным в незвонкой серии с усложненной гортанной артикуляцией (например, в нахско-дагестанском праязыке отсутствовала губная абруптивная)⁵.

Современное решение основных вопросов греческого сравнительно-исторического вокализма связано с проблемой и.-е. «ларингальных» и аблаута. Система греческих гласных дает возможность для восстановления методом внутренней реконструкции пяти ступеней аблаута и по крайней мере двух исчезнувших «ларингальных» фонем. В греческом различаются следующие ступени: 1. протяженная *ē (им. ед. πατήρ 'отец', λιμήν 'гавань'); 2. протяженная *ō (им. ед. εὐπάτωρ 'благородный', λειμών 'луг', φῶρ 'вор', κλώψ 'вор'); 3. полная *e (вин. ед. πατέρα, λιμένα; ἔχω 'имею'; φέρω 'несу', κλέπτω 'ворую', πέτομαι 'летаю', στέλλω 'ставлю, стелю', τεῶν 'буду тянуть', τέμνω 'режу'; πέδον 'почва'; εἶμι 'иду', λείπω 'оставляю', τρέφω 'вскармливаю', εἶδομαι 'кажусь', δέρομαι 'смотрю', τρέπω 'поворачиваю'); 4. полная *o (вин. ед. εὐπάτορα, πόδα 'ногу'; φορέω 'ношу', ποτάομαι 'порхаю'; κλοπή 'воровство', τόνος 'натягивание', τρόπος 'поворот', λοιπός 'остальной', στόλος 'снаряжение в поход', στολή 'платье', στολμός 'вооружение', φόρος 'налог', φορός 'несущий', οἶμα 'стремительность', οἶμος 'путь'; перф. οἶδα 'знаю', λέλοιπα, τέτροφα, δέδορκα); 5. нулевая (род. ед. πατρός; λίμνη 'болото', δίφρος 'колесница', ἐπίβδα 'послепраздничный день'; τατός 'натянутый', перф. τέταται; аористы ἔλιπον, ἔταμον, ἐτάθη, ἐτράφη, ἐστάλην, ἔσχον.). Форму τίθημι 'кладу' можно сопоставить с формами 3-й ступени (ср. εἶμι), а форму θωμός 'куча' — с формами 4-й ступени (ср. οἶμος, στολμος), таким образом реконструируется 1-я «ларингальная» (удлинявшая предшествующую гласную без изменения ее качества: *τιθε₁μι, *θω₁μος). Форму φημι (дор. φᾱμί) 'говорю' можно точно так же сопоставить с формами 3-й ступени (εἶμι, τίθημι), а форму φωνή — с четвертой (ср. κλοπή, также ποινή 'расплата' при τεῖσω 'буду платить'); так восстанавливается 2-я «ларин-

⁵ Этот сопоставительно-типологический аргумент в пользу гипотезы о развитии β, δ, γ из глухих «напряженно-эмфатических» или абруптивных приводился на московской конференции по сравнительно-исторической грамматике ж.-е. языков в 1972 г. [см.: Широков 1975; 1977; 1980_{1,2}]; другие доводы типологического характера приводятся Р. Нормьером и А. Бомхардом [Normier 1974; Bomhard 1975]; иную реконструкцию (где «эмфатической» считается наша 1-я серия) см.: [Rasmussen 1974].

гальная» (влиывшая на качество гласной: $\varphi\bar{\alpha}\mu\acute{\iota} \leftarrow * \varphi\epsilon h_2\mu\acute{\iota}; * \varphi\epsilon h_2\bar{\nu}\bar{\alpha}$). Подобным образом реконструируются две ларингальные в превокальной позиции (не удлинявшие гласных): $\bar{\epsilon}\delta\omega$ 'ем' ($\leftarrow * h_1\epsilon\delta\bar{\omega}$), $\acute{\omicron}\delta\acute{\omicron}\nu\eta$ 'боль' ($\leftarrow * h_1\omicron\delta-$); $\acute{\alpha}\gamma\omega$ 'веду' ($\leftarrow * h_2\epsilon\gamma\omega$, ср. $\epsilon\acute{\iota}\mu\acute{\iota}$, $\sigma\acute{\tau}\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omega$, $\varphi\acute{\epsilon}\rho\omega$), $\acute{\omicron}\gamma\mu\omicron\varsigma$ 'борозда' ($\leftarrow * h_2\omicron\gamma\mu\omicron\varsigma$, ср. $\omicron\acute{\iota}\mu\omicron\varsigma$, $\sigma\acute{\tau}\acute{\omicron}\lambda\mu\acute{\omicron}\varsigma$). Таким образом, греческое чередование $\alpha||\omicron$ ($\bar{\alpha}||\omega$) приравнивается к обычному чередованию $\epsilon||\omicron$ ($\eta||\omega$) при реконструкции ларингальной h_2 .

3. Греческий язык лучше других сохраняет общеиндоевропейскую систему чередований, поэтому еще при внутренних реконструкциях К. Бругмана и Ф. де Соссюра анализ греческого материала был определяющим. Дальнейшие исследования (Э. Бенвенист) привели к созданию единой теории и.-е. апофонии, выявили ее роль в морфологии общеиндоевропейского праязыка. Мы можем теперь сказать, что количественные и качественные чередования корневых и тематических гласных на позднем этапе развития праязыка (вернее, его диалектов, уже превращавшихся в самостоятельные языки) не были обусловлены чисто фонетической позицией или комбинаторикой, но и не образовывали сами по себе грамматических форм, т. е. это не были ни фонетические, ни грамматические чередования: и.-е. апофония сопровождала флексию и суффиксацию, следовательно, была обусловлена морфологически. Анализ и.-е. морфологических чередований, полнее всего сохранившихся в греческом языке, показывает, что в одних случаях они восходят к обусловленным фонетическим, в других — к необусловленным грамматическим чередованиям (внутренней флексии). Реконструкция первоначальной грамматической функции апофонии может осуществляться прежде всего на базе данных греческого языка. Первым на эту важнейшую проблему сравнительно-исторической грамматики обратил внимание А. А. Белецкий, и здесь мы ограничимся лишь некоторыми вопросами, поставленными в его исследованиях.

В древнегреческом языке наблюдается следующая закономерность при образовании глагольных форм индикатива и конъюнктива настоящего времени. В индикативе различаются два основных типа спряжения: атематическое, при котором к глагольным основам флексия присоединяется непосредственно ($\epsilon\acute{\iota}-\mu\acute{\iota}$ 'иду', $\acute{\iota}-\mu\epsilon\nu$ 'идем', $\chi\epsilon\acute{\iota}-\mu\alpha\acute{\iota}$ 'лежу, нахожусь', 3 ед. $\chi\epsilon\acute{\iota}-\tau\alpha\acute{\iota}$), и тематическое, при котором флексия присоединяется при помощи соединительного гласного $-o/\epsilon-$ ($\varphi\acute{\epsilon}\rho-o-\mu\alpha\acute{\iota}$ 'несу', 3 ед. $\varphi\acute{\epsilon}\rho-\epsilon-\tau\alpha\acute{\iota}$).

В конъюнктиве атематические глаголы первоначально присоединяли флексии при помощи гласной -ο/ε- (греч. гом. ἴ-ο-μεν 'если идем', *κῆj-ε-ται → κῆϊται 'если лежит'), а тематические образуют конъюнктив при помощи удлинённой тематической гласной -ω/-η-ται (φέρ-η-ται). «Атематические глаголы, очевидно, становились тематическими в сослагательном наклонении, тематические же глаголы, так сказать, вдвойне тематическими (их признаком была долгота тематического гласного)» [Белецкий 1955, 23].

Привлекая диалектный материал, такого же рода закономерные нефонологические чередования можно обнаружить в других глагольных формах. Аттическим окончаниям медиопассива -μαι, -σαι, -ται, -νται в аркадском диалекте соответствовали 2 ед. -(s)οι, 3 ед. -τοι, 3 мн. -ντα. Сравнения с санскритом (1 ед. -е, 2 ед. -se, 3 ед. -te, 3 мн. -nte) допускают реконструкцию форм *-ai, *-soi, *-toi, *-ntoi (аттические формы объясняются в таком случае как результат выравнивания по аналогии с 1 л. ед. ч.). В таком случае мы получаем формы без беглой гласной -ο- в активе: -σι, -τι, -ντι; с беглой гласной в медиопассиве: -σοι, -τοι, -ντοι. Им противостоят флексии претерита без -ι: в активе без беглой гласной *ς, *-τ, *ντ, в медиопассиве с беглой гласной -σο, -το, -ντο. В императиве есть, кажется, следы «вдвойне тематических» форм (с удлинением беглой гласной): 3 ед. -τω, 3 мн. -ντω. Такого же рода чередования («нуль»: ο/ε : ω/η) восстанавливаются и в склонении. Для тематических основ окончание им. ед. -ς (φύλαξ 'страж'), местн. ед. -ι (φύλαξ-ι), для тематических — им. ед. -ος (οἶκος 'дом'), местн. ед. -οι (οἶκος 'в доме'). В род. ед. и дат. ед. к атематическим основам эти же окончания присоединяются при помощи соединительной гласной -ο/ε-: им. ед. -ος, дат. ед. -ει (φύλακος, Διφειφίλος, Διειτρέφης); к тематическим эти же окончания присоединялись (в дат. ед.) при помощи удлинённой гласной -ω- (οἴκω); допустимо предположение, что след «вдвойне тематического» генитива сохранился в наречиях типа σοφῶς 'мудро', οὕτως 'так'. Исследования в этом направлении должны, очевидно, выявить роль количественных чередований «нуль»: ο/ε : ὄ/ῆ в первоначальной системе индоевропейских флексий⁶.

Другой важной проблемой греческой грамматики

⁶ О других новых проблемах касательно апофонии в греческом см. в обзорной работе Ф. Хаусхолдера и Г. Нады [Householder, Nagy 1972, 33—38], там же и подробная литература вопроса.

является сравнительно-историческое изучение систем времен и залогов и реконструкция первоначальных соотношений глагольных форм. Греческий глагол характеризуется сушплетивизмом трех основ: презентной, аористической и перфектной. При этом обращает на себя внимание простота аористической основы и усложненность (суффиксация) презентной [Householder, Nagy 1972, 41—42]. Основы аориста следует, по-видимому, считать первичными, а презентные — производными. От презентных основ образуются формы настоящего времени и имперфекта, различающиеся только по наличию / отсутствию элемента *-i после флексий (ср. -μι/-ν, -σι/-σ, -τι, -ντι/-ν; -σοι/-σο, -τοι/-το, -ντοι/-ντο); эта частичка означала, вероятно, протяженность действия в момент речи, а ее отсутствие означало отсутствие указания на единовременность с моментом речи. В обоих случаях действие представлялось протяженным в отличие от основ аориста, где указания на протяженность во времени не было. Различие атематических активных флексий и тематических медиальных (-σι/-σοι, -τι/-τοι, -ντι/-ντοι, -ς/-σο, -το, -ν/-ντο) было, по-видимому, связано с обозначением «центробежного действия» / «протекающего во времени признака состояния» (ср. «непринадлежность» / «принадлежность» при противопоставлении атематических флексий номинатива и локатива тематическим флексиям генитива и датива). Греческий перфект обнаруживает следы своего отыменного происхождения и означал первоначально «состояние» (нейтральное в отношении «центробежности» / «центростремительности») ⁷.

Четкое противопоставление форм аориста формам перфекта характерно только для греческого и арийских языков, в других языках сохраняются лишь некоторые следы былых различий. В санскрите и греческом развитие значения перфекта привело к противопоставлению актуального (неперфектного) действия действию результативному, предшествующему (простой перфект — предшествование настоящему времени, плюсквамперфект — предшествование прошедшему, второй футурум — предшествование будущему). Это общая греко-арийская изоглосса.

⁷ Глубинные реконструкции в морфологии глагола и имени влекут за собой постановку новых проблем и.-е. синтаксиса, для разработки которых особое значение имеют анализ и типологические сопоставления гомеровских текстов [Householder, Nagy 1972, 42—48].

Другой греко-арийской изоглоссой (охватывающей также армянский и фригийский) является аугмент в прошедших временах (греч. ἔθηκε 'поставил, положил' = фриг. e-da-es = арм. e-d = др.-инд. á-dha-t). В древнейших греческих и индийских (ведийских) текстах аугмент не ставился регулярно, его развитие принадлежит уже литературным языкам, поэтому само по себе наличие аугмента не может служить доказательством генетической общности этих языков. Но к этому можно добавить еще другие морфологические изоглоссы: суффикс сравнительной степени греч. -τερο- = арийск. -tāga- [Householder, Nagy 1972, 39], медиальные окончания греч. -σοι (-σαι), -τοι (-ται), -υτοι (-υται) = др.-инд. -se, -te, -nte [Порциг 1964, 234—235], и комплекс этих греко-арийских соответствий может говорить об определенных генетических контактах (если же учесть, что первые письменные свидетельства древнеарийских диалектов появляются в клинописных памятниках Северной Месопотамии и Сирии II тыс. до н. э. [Барроу 1976, 30—33], то вероятной становится гипотеза о малоазийской прародине греков [Широков 1969]).

Ряд других грамматических изоглосс объединяет греческий язык с италийскими: падежные флексии мн. числа основ на -ā- (им. греч. -αι = лат. -ae; вин. греч. крит. -αις, ион.-атт. -ᾶς, лесб. -αις = оск. -ass, умбр. -af, лат. -ās; род. греч. гом. ἄων = лат. -agum; твор. греч. -αις = лат. -eis → -īs), форма 3 л. мн. ч. императива (греч. φερόντων, лат. ferunto 'пусть несут') [Порциг 1964, 195, 205, 309, 311]. Примечательных схождений с другими языками греческий не имеет.

4. Выявленные фонологические и грамматические изоглоссы указывают направление поисков специфических схождений греческого языка в лексике. Греко-арийские и греко-армянские схождения впервые были отмечены А. Мейе и В. Порцигом, но досконально изучены Г. Зольта [Solta 1960, 463], некоторые поправки в этой области и дополнения можно внести на основании работ Ст. Мэна [Mann 1963]. Наиболее яркие из этих соответствий: греч. βροτός = арм. mard = др.-инд. mártā-s 'смертный человек', греч. ἄρην 'баран' = арм. garn = др.-инд. úgāṇa-s, греч. ἀλώπηξ = арм. aluêš = др.-инд. loraśá-s, греч. ἔχιδας 'уж' = арм. ogni = осет. ўзын, греч. ἔχιδας, ὄφεις 'змея' = арм. awj (oj) = др.-инд. áhi-s, авест. aži-s (также куч. auk), греч. πόρτις, πόρταξ 'теленос' = арм. ort = др.-инд. pṛthū-ka-s 'детеныш'; греч. τὸ θέρος 'летняя жара' = арм. jer = др.-инд.

haras; греч. στήνιον, στῆθος 'женская грудь' = арм. stin = др.-инд. stāna-s, греч. πρωκτός = арм. erastan-kⁱ = др.-инд. pṛsthā-m 'спина'; греч. μῆτις 'мысль, разумное решение' = арм. met-k' = др.-инд. māti-s; греч. δειλός 'боязливый, трусливый' = арм. erkiw† = авест. dvaeθā 'угроза'; греч. ἀραρίσκω 'складываю, строю' = арм. aṛnem 'делаю' = авест. arānte 'прочно усаживается', греч. ὀρνυμαι 'поднимаю' = арм. aṛnum 'беру' = др.-инд. ṛñomi 'получаю'; греч. ἀλέω 'мелю', ἄλευρον 'мука' = арм. aṛiwṛ 'мука' = хинди āṭā 'мука', перс. ard 'мука'. Если слова родственных основ встречаются в других и.-е. языках, то там они имеют иное значение либо другое морфологическое оформление. Подобные схождения послужили в свое время Ф. Шпехту основанием для выдвижения гипотезы о греко-армяно-арийской общности внутри общеиндоевропейского диалектного континуума [Specht 1939; Широков 1980₂].

Значительных схождений греческого языка с другими и.-е. языками (помимо армянского и греческого) в области лексики не обнаруживается. Но сравнительно-историческое изучение греческой лексики представляет для индоевропеиста интерес и в другом плане: греческий язык часто сохраняет древнейшие значения, утраченные другими языками. Можно для примера привести этимологию слова φράτηρ: во всех древних языках соответствующие слова имеют лишь более позднее значение 'брат', один лишь греческий сохранил значение 'член фратрии' (слово ἀδελφός букв. 'единоутробный' первоначально, по-видимому, было прилагательным и употреблялось с существительным φράτηρ 'родной брат'). В «Ведах», санскрите и «Авесте» засвидетельствовано только значение 'брат' (др.-инд. bhrātā, авест. brātā), но в осетинском неожиданно всплывает древнейшее значение, сходное с греческим: (ä)рвад 'родич; сосед по аулу' (мадырвад 'сверстник из рода матери').

Необходимо назвать два современных этимологических словаря, обобщивших результаты работы в этом направлении нескольких поколений классиков-индоевропеистов: Х. Фриска и П. Шантрена [Frisk 1960—1972; Chantraine 1968—1975]. Без этих словарей сейчас вообще невозможно представить себе какую-либо научную работу в любой области и.-е. сравнительно-исторической этимологии [Householder, Nagy 1972, 48—58].

5. Древность греческих диалектных различий, восходящих к общеиндоевропейской эпохе, ставит сравни-

тельно-историческое изучение диалектов в особое положение в эллинистике. В общем сравнительно-историческом языковедении греческий материал всегда привлекается в диалектальной форме, древнейшие же греческие литературные тексты (гомеровский эпос, ранняя лирика) могут быть использованы компаративистами только при последовательном сравнении с непосредственными свидетельствами местных диалектов в надписях. Особое значение при этом приобретают сравнения с языком линейного письма В [Householder, Nagy 1972, 59—70].

Поскольку наличие мощного эолийского слоя в традиционно-эпическом языке гомеровских поэм не может вызывать сомнения, то при сравнении этого древнейшего литературного текста с древнейшими письменными свидетельствами (письмом В) возник вопрос о возможной генетической связи диалекта крито-микенских надписей, аркадо-кипрского (ахейского) наречия (обнаруживающего явные черты сходства с языком письма В) и эолийских диалектов. В исследованиях последнего времени было установлено, что большинство эолийско-ахейских сходжений вторичные, позднего происхождения и не могут отражать древнейшие диалектальные изоглоссы. В 1954 г. В. Порциг показал, что лесбийский (и гомеровский) переход $-τι-$ → $-σι-$ мог развиваться под ионийским влиянием и не был исконно свойствен эолийским диалектам ($-τι-$ сохраняется в Фессалии и Беотии) [Porzig 1954, 147—169]; вместе с тем эта фонетическая черта свойственна аркадскому и кипрскому диалектам, где уже нельзя предположить позднего ионийского влияния. Не было ли это общей (исконной) ахейско-ионийской чертой? (Вспомним, что по греческой мифологической традиции ионийцы вышли с Пелопоннеса, Ахей и Ион были родными братьями, сыновьями Ксуфа, а Эол и Дор лишь их дядями.) Переход $-τι-$ → $-σι-$ был свойствен и «микенскому» диалекту линейных надписей В, который, таким образом, можно возводить к протоионийско-аркадо-кипрскому ареалу. Именно к такому толкованию пришел в 1955 г. Э. Риш, принявший теорию Порцига и относивший к $-σι-$ -диалектам (первоначальным юго-восточным, искони ассимилировавшим группу $-τι-$) «микенский», ионийско-аттические и аркадо-кипрские, а к $-τι-$ -диалектам (первоначальным северо-западным, сохранившим $-τι-$ или проявлявшим позднюю, не ископную ассимиляцию) дорийские и эолийские диа-

лекты [Risch 1955, 61—76; 1956, 167—172, 249—258; 1959, 215—227].

К схожим суждениям подошел в 1955—1956 гг. В. Пизани, выделивший (на основании неолингвистических интерпретаций диалектных расхождений и межъязыковых схождений) три главные диалектные области на этапе ранней истории древнегреческого языка: 1) область ионийско-аттического и аркадо-кипрского диалектов (результат контактов с анатолийской языковой зоной); 2) эолийскую (фрако-фригийские влияния); 3) дорийскую (иллирийские контакты) [Pisani 1955; 1956]. В 1957 г. П. Шантрэн возродил старое предположение (поддержанное еще А. Мейе [Meillet 1930, 113; Chantraine 1957]), а К.-И. Рёйг привел обстоятельные доводы [Ruijgh 1961, 193—216] о наличии под ионийским и эолийским слоями гомеровских поэм древнейшего ахейского (т. е. «микенско») аркадо-кипрского) слоя. Эта теория трех слоев древнегреческого эпического языка была поддержана И. М. Тронским [1973].

Из дошедших до нас ионийских текстов гомеровских поэм можно лишь в некоторых случаях частично реконструировать более раннюю древнеэолийскую версию. Еще более ранняя, ахейская основа может только фрагментарно просматриваться сквозь толщу эолийско-ионийских наслоений. Одновременно с фольклорно-поэтическим ахейским «наддиалектом» существовал специальный деловой «наддиалект», отраженный, с точки зрения А. Бартонека, в линейных надписях В [Bartoněk 1961₁, 4—6; 1966, 95—103]. В их языке сказывается диалектная пестрота (отсюда отдельные лексические схождения не только с позднейшими аркадо-кипрскими и ионийско-аттическими, но и с эолийскими диалектами).

Согласно исследованиям Бартонека, мы можем в основном принять (с определенными поправками) теорию Риша о древнейшем вычленении в древнегреческом диалектном континууме «юго-восточной» (ионийско-ахейской) зоны (ионийский, аттический, «линейный В», кипрский, аркадский), далее как переходный выступает лесбийский диалект (с эолийской основой и мощными ионийскими наслоениями), за ними идет «мост» фессалийских и беотийских диалектов (эолийских с северо-западным наслоением) и примыкающий к ним памфилийский, далее собственно (северо-)западные диалекты (о их современной классификации говорилось выше). Внутри ионийско-ахейской ионийско-аттическая область характеризовалась переходом

*ā → ä. Расхождение ион. Μῆδα- и кипр. ma-to-i (из иран. Mād_a) могло возникнуть не раньше начала I тыс. до н. э. (следовательно, намного позже всяких переселений протогреков), так как мидяне раньше вообще не были известны. Эолийские диалекты характеризуются непоследовательностью (или вообще отсутствием) перехода лабиовелярных в τ, θ, δ перед гласными переднего ряда; иногда подобный переход рассматривают как и.-е. ареальное явление (и связывают, в частности, с армянской палатализацией *kⁿ, *gⁿh, *gⁿ → č, č, j перед передними гласными), что, в общем, остается пока гипотетичным. Для эолийских характерно также удвоение согласных вместо заменительного удлинения гласных в других диалектах при упрощении групп *-σμ-, *-σν, *-σρ-, *-σλ- (лесб. ἔμμι = атт. εἰμί).

Северо-западные (дорийские) диалекты характеризовались глагольной флексией 3 мн. -μεσ вместо -μεν других диалектов. Флексия -μεσ находит параллели в большинстве других и.-е. языков, флексия -μεν имеет лишь частичное соответствие в хет. -wep(i), лувийск. и палайск. -wan(i). Но в целом анализ греческих диалектных изоглосс показывает, что они возникли уже на греческой территории (по-видимому, в основном во второй половине II тыс.— начале I тыс. до н. э.).

В сравнительно-исторической диалектологии известна одна примечательная закономерность: переплетения и пучки наиболее древних изоглосс сосредоточиваются в местах исконного заселения, области же более поздней колонизации характеризуются меньшим диалектным дроблением [Широкова 1979, 42]. Такой узел первичных изоглосс выявляется на востоке центральной Греции: рефлекс -τι/-σι (атт. φέροσι/дор., беот. φέροντι), рефлекс ā/η (μήτηρ/μάτηρ), рефлекс лабиовелярных τ/π, θ/φ, δ/β (τέτταρες/πίσινρεξ), рефлекс -τι- → -σ-/σσ-/ττ- (атт. μέσος, лесб., фесс. μέσσοσ/беот. μέττος, рефлекс *χι- → σσ-/ττ- (атт. πίττα / ион. πίσσα 'смола'), *χι- → σ-/τ- (атт. τήμερον / ион. σήμερον 'сегодня'), *τ → ττ-/σσ- (атт. τέτταρες / ион. τέσσαρες, беот. πέτταρες) и др.

Диалектные различия в одном языке при небольшой широте расселения могут возникать под влиянием субстратов и суперстратов. Особенно сильно в этих случаях сказывается влияние не генетически далеких, а, наоборот, родственных языков (ср., например, влияние окситанского на образование южнофранцузских диалектов, скандинавское влияние на образование английских диалектов). Древнегреческие авторы постоянно указывали на присут-

ствие иноязычных этнических групп на территории Греции (пеласгов и др.). Современная наука может предполагать в греческих диалектах три слоя древних заимствований: неиндоевропейские (южные) заимствования от носителей доахейской культуры Крита; и.-е. заимствования (разные и разных племен: южные — от термилов и кавниев, более северные — от пеласгов); близкородственные (возможно, от лелегов, также фригийцев или македонян).

Подобно тому как различные влияния родственных наречий и языков в зоне первоначального греческого расселения способствовали ее расчленению на древние диалектные области, так и в конце античного периода влияние эолийского, ионийского, дорийского субстрата на аттическое в своей основе койне способствовало развитию нового диалектного варьирования [Dieterich 1898; Thumb 1901; Anagnostopulos 1929/1930, 220]. Одна из задач сравнительно-исторического изучения современных новогреческих наречий и говоров — выявление в них субстрата древнегреческих диалектов.

В массиве народных говоров современной Греции выделяются две большие диалектные зоны — северная и южная⁸. Между ними с запада на восток тянется (от Ионийских островов по Коринфскому заливу через Атику до Хиоса и Самоса) переходная (центральная) полоса архаичных говоров, более близких к литературному языку. К северу от нее лежит зона северногреческих и саракачанских говоров (Локрида, Этолия, Акарнания, Эпир, Фессалия, Македония, Фракия, Северная Эвбея, Северные Споряды, Пропонтида, Лесбос) [Kretschmer, 1905; Anagnostopulos 1929/1930, 448]. Можно предполагать влияние субстрата северо-западных и эолийских древнегреческих диалектов, а также славянского и албанского суперстратов. К югу от центральной архаичной полосы лежит область южногреческих говоров Пелопоннеса, Крита и Додеканеса (Южных Споряд) [Georgakas 1951, 143; Mirambel 1952, 63—78], где можно предполагать юждорийский субстрат [Tsoranakis 1955, 49]. Особые изолированные периферийные зоны на юге представляют Кипр [Anagnostopulos 1929/1930, 220], п-ов Мани (Майна) на юге Пелопон-

⁸ Впервые эти зоны выделены Я. Хадзидакисом [Hatzidakis 1885, 80; 1892; 1910, 287; 1930, 383; Thumb 1896, 1—36; 1928]. В этом отношении большое значение имеет словарь диалектизмов, восходящих к древнегреческому периоду, Н. Андриотиса [Andriotis 1974].

неса [Mirambel 1929], старые греческие говоры Южной Италии [Caratzas 1958; Rohlfis 1930], Корсики [Dawkins 1927, 374—379; Blanken 1951]. В исследованиях Г. Рольфа [Rohlfis 1950; 1962] в южноитальянских греческих говорах выделяется сильное влияние дорийского субстрата. Особые периферийные зоны на северо-востоке имели тенденцию к оформлению в виде самостоятельных языков: Каппадокция [Dawkins 1916], Трапезунд [Dawkins 1931, 389], Центральное Закавказье (Цалка и Алаверды) [Лазарев 1950; Широков 1973], Приазовье [Чернышева 1958; 1959; 1960; 1964; Белецкий 1959; 1970; Журавлева 1980_{1, 2}]. Здесь следует ожидать (и иногда прослеживается) влияние восточноионийского субстрата. Особую проблему представляет сравнительно-историческое изучение цакопского языка — единственного потомка древнего лаконского диалекта [Pernot 1907—1946].

В целом построение сравнительно-исторической диалектологии новогреческих наречий и говоров (с диахроническим сопоставлением с данными древнегреческой диалектологии и византийских памятников) — одна из самых неотложных задач эллинистики. Ее значение можно иллюстрировать таким сравнением греческого языка с итальянскими, латинским и романскими. Позднеаттическое койне имело приблизительно такое же социолингвистическое отношение к эолийским и дорийским диалектам, как классическая латынь к оскскому и умбскому языкам. Положение цакопского языка среди новогреческих диалектов можно сопоставить с положением среди романских такого языка, который восходил бы непосредственно к оскскому, фалисскому или умбскому, а ионизмы или доризмы новогреческих говоров — с оскскими архаичными чертами, выявляемыми в южноитальянских говорах. Соотношения между современными изолированными новогреческими наречиями (фактически превратившимися в самостоятельные языки) можно сравнивать с соотношениями между романскими языками (так же восходящими к народной латыни, как новогреческие диалекты восходят к народному койне). Следовательно, греческая сравнительно-историческая диалектология в целом — это такая же самостоятельная ветвь индоевропеистики, как сравнительно-историческая романистика или славистика.

КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ

Начало сравнительно-историческому изучению кельтских языков было положено во второй четверти прошлого века. Дж. Причард [Prichard 1831] предпринял попытку сопоставить сандхиальные явления санскрита и валлийские начальные мутации, а также обосновать происхождение из единого источника ряда морфологических элементов в кельтских языках, латыни, греческом и санскрите. Более последовательно идея принадлежности кельтских языков к индоевропейской семье разрабатывалась в трудах А. Пикте [Pictet 1837] и Ф. Боппа [Bopp 1839]. И. К. Цейс, располагая более надежным и богатым материалом, сделал кельтологию равноправной ветвью индоевропеистики [Zeuss 1837; 1853].

К середине XIX в. в разных странах складываются кельтологические центры и школы. Прежде всего следует назвать немецкую школу, к которой принадлежат И. К. Цейс, Э. Виндиш, Г. Циммер, К. Мейер, Р. Турнейзен, Ю. Покорный, К.-Х. Шмидт и ряд других ученых. Во Франции кельтология представлена такими именами, как А. Гайдо, А. д'Арбуа де Жюбенвиль, Ж. Лот, Ж. Доттен, Ж. Вандриес, М. Лежен и др. Если в прошлом веке ведущие центры находились в основном в таких странах, как Германия и Франция, то в XX в. активную роль играют исследовательские центры в кельтских странах — в Ирландии (Д. А. Бинчи, О. Бергин, Т. О'Рахилли, М. Диллон, Д. Грин и др., многие из которых учились в Германии), в Бретани (П. Ле Ру, Л. Флёрю), в Уэльсе и Эдинбурге (К. Джэксон, И. Уильямс). Давно существуют центры в Австрии (А. Вальде, В. Мейд) и Норвегии (К. Марстрандер, А. Соммерфельт). Группы кельтологов и отдельные ученые работали (или работают) в США (Э. Хэмп, К. Уоткинс, У. Леман, В. Халл), Италии (Г. Асколи, Э. Кампаниле), Дании (Х. Педерсен), Испании (А. Товар), Чехословакии (Й. Баудиш).

В начале XX в. язык древнеирландских глосс и средневаллийских памятников был достаточно хорошо описан. С этого времени особое значение приобретает филологическое изучение древнейших памятников, написанных на этих языках. И, таким образом, филологическая акрибия ста-

новится необходимым элементом сравнительно-исторических исследований.

С начала 20-х годов помимо обычного пополнения языкового материала, относящегося к классическому древнеирландскому периоду (новые тексты из поздних рукописей после XII в., но восходящие к VIII—X вв., а также новые оригинальные глоссы из рукописей VIII—IX вв.), можно говорить о появлении принципиально нового материала. Кельтология обязана этим работам Р. Турнейзена, поставившего на прочную филологическую основу изучение языка древнеирландских законов и других архаических текстов. Они были в основном опубликованы еще во второй половине XIX в., однако в крайне неудовлетворительном виде. Кроме того, переводы их были не только не точны, но часто прямо противоречили здравому смыслу. Отметим, что все работы, посвященные истории, экономике и культуре Древней Ирландии (в том числе и появившиеся в нашей стране) и опирающиеся на эти старые переводы [Ancient Laws of Ireland 1865—1901], уже совершенно не соответствуют современному состоянию науки. Р. Турнейзен [например: Thurneysen 1926; 1928; 1931] заново издал и прокомментировал много юридических текстов, а также уточнил чтение и интерпретацию множества отдельных темных мест. Ему удалось показать, что окончательная кодификация дошедшего до нас текста законов (в рукописях XII—XVII вв.) восходит к началу VIII или к концу VII в. Ученик Турнейзена Д. А. Бинчи, также издавший несколько архаических трактатов, склонен, однако, датировать некоторые из них гораздо более ранним временем, по крайней мере началом VII или концом VI в. [Binchy 1934; 1941; 1959; 1966; 1971]. Несомненно, к этому времени могут восходить метрические и ритмизованные отрывки традиционного устного права (Fénechas), как свидетельствуют примеры с непроведенной синкопой, наличие энклитического союза -ch и т. д. Турнейзенем же было установлено, что ирландская традиция, приписывавшая некоторые поэтические произведения авторам VI—VII вв., в основном соответствует действительному положению вещей [Thurneysen 1932].

Эти исследования позволили произвести передатировку многих ранее известных текстов: было показано, что многие языковые особенности, ранее казавшиеся искусственными образованиями поздних авторов, на самом деле являются архаизмами. В последние годы ирландскими уче-

ными П. Мак-Кана и Д. А. Бинчи [MacCana 1968; Binchy 1972] было также доказано, что многочисленные так называемые риторические отрывки, написанные в старых сагах ритмизованной прозой, не представляют собой «ученых» подражаний поздней вычурной латыни (*hisperica famina*), как ранее считал Дж. Карни [Carney 1955], но являются реальными текстами на очень архаическом языке, которые запоминались наизусть и передавались поколениями сказителей-филидов, а позднее (в VII—VIII вв.) были записаны монастырскими писцами. Карни в настоящее время [Carney 1971] также выявил многочисленные фрагменты архаической поэзии, некоторые из них он датирует VI в. Начало письменной традиции на ирландском языке латинскими буквами — в отличие от огамического алфавита [Macalister 1945—1949] — можно теперь надежно отнести к VI в., хотя произведения упомянутых жанров вполне могли быть записаны относительно поздно, сохраняясь до этого исключительно в устной традиции. Памятники архаического ирландского языка опубликованы еще далеко не полностью, не говоря уже об их филологической и лингвистической обработке; так, известно, что до сих пор опубликовано немногим более половины текстов законов и их фрагментов. Иногда, хотя и редко, обнаруживаются также новые рукописи.

До некоторой степени аналогичное положение наблюдается и в валлийской филологии и лингвистике. В основополагающих работах И. Уильямса, начиная с конца 20-х годов, было установлено, что эпические поэмы, традиционно приписываемые древним бардам Анейрину и Талиесину, в своей основе действительно восходят к концу VI—нач. VII в., хотя впоследствии они были сильно модернизированы. По-видимому, они также первоначально сохранялись лишь в устной традиции и были записаны в VIII—IX вв., хотя дошли в рукописях, относящихся к XIII—XIV вв. Напротив, создание элегий, приписываемых Ллиуарху Хену, отнесено Уильямсом ко времени не ранее VIII в. вопреки традиционной датировке [Williams 1935]. Таким образом значительно увеличился корпус древневаллийских текстов; до этого в распоряжении исследователей было крайне незначительное число связных отрывков и относительно многочисленные, но состоящие из одного-двух слов глоссы VIII—XI вв. Отметим, что все эти издания содержат также подробнейший лингвистический комментарий Уильямса, имеющий

самостоятельное значение [Williams 1938; 1968]. Большой вклад в изучение, в частности, поэмы Анейрина «Гододин» внес К. Джэксон [Jackson 1969], который показав, основываясь как на чисто языковых, так и на культурно-исторических критериях, что такая ранняя датировка не представляет собой ничего невероятного, как утверждают довольно многочисленные критики концепции Уильямса. Отдельные уточнения и новые интерпретации, естественно, предполагаются и сейчас, поскольку все эти тексты во многом остаются темными. Как и следовало бы ожидать, наибольшее число архаизмов сохранилось в сфере лексики и синтаксиса, тогда как орфография, фонетика и морфология подверглись наибольшей модернизации. Продолжается публикация и изучение также новых текстов средневаллийского периода, в частности поэтических, часто сохраняющих в силу традиции особенности языка более ранних этапов.

Значительно увеличился материал и по древнебретонскому языку. Однако практически весь материал состоит из отдельных глосс в латинских текстах. Все до сих пор известные глоссы изданы и прокомментированы в работе Л. Флёрю [Fleuriot 1964_{1, 2}]. Изданы также интересные, хотя и не очень многочисленные, тексты на среднебретонском, в частности, раннего периода (XII—XV вв.). Не обнаружено никаких новых материалов, относящихся к раннему периоду истории корнского языка, а довольно многочисленные новокорнские тексты XVI—XVII вв. до сих пор не опубликованы. Что касается шотландского и мэнкского языков, то они — за исключением некоторых частных случаев, относящихся к сфере лексики, — вряд ли попадают в область интересов индоевропеистики, поскольку с лингвистической точки зрения они представляют собой довольно поздние диалектные ответвления (с XI—XIII вв.) ирландского языка.

Очень сильно изменились в связи с новыми находками представления о вымерших континентальных кельтских языках. Наиболее полная сводка знаний о них к началу 50-х годов представлена в работах Дж. Уотмоу, в его корпусе всех лексических данных (надписи, ономастика, глоссы и т. п.) [Whatmough 1970] и в многочисленных статьях. В то же время Ж. Вандриес дал новую и достаточно убедительную интерпретацию нескольких ранее известных галльских надписей [Vendryes 1956]; работа эта продолжается в настоящее время публикациями Л. Флёрю

[Fleuriot 1975], О. Семереньи [Szemérenyi 1974] и др. Однако в течение двух последних десятилетий на территории Древней Галлии обнаружены как многочисленные, но довольно краткие надписи на камне, так и несколько граффити на керамике и свинцовых пластинках, представляющих собой первые весьма длинные связные тексты на галльском языке, имеющие особую ценность для реконструкции пракеельтского синтаксиса. Издание и исследование этих текстов осуществляется М. Леженом [Lejeune 1976/77].

Ценные работы, посвященные морфологии и лексике галльского языка на материале обширной галльской ономастики, принадлежат К.-Х. Шмидту [Schmidt 1957] и Д. Э. Эвансу [Evans 1967]. Леженом издан, исследован и определен как принадлежащий к континентальным кельтским языкам весь корпус так называемых лепонтийских надписей из Северной Италии [Lejeune 1971]. Этот «лепонтийский» язык, хотя и относится к Р-ветви, некоторыми своими особенностями существенно отличается от галльского. В последнее время найдено еще несколько довольно длинных надписей на этом языке [Tibiletti-Bruno 1977]. Наконец, в настоящее время можно с уверенностью говорить об особом «кельтиберийском» языке, который относится к Q-ветви. Произведенная в начале 20-х годов дешифровка иберийского (в основном слогового письма), принадлежащая испанскому археологу М. Гомесу Морено, не была оценена в свое время по достоинству в результате резкой и несправедливой критики таким авторитетом, как Г. Шухардт. Позднее, однако, в работах А. Товара [Tovar 1975], М. Лежена [Lejeune 1955], У. Шмолля [Schmoll 1959] и др. была полностью доказана ее правильность. Но исследование кельтиберского языка затруднялось краткостью текстов и скудостью их содержания. В 1970 г. в Боторрите, недалеко от Сарагосы, была найдена большая бронзовая доска с обширным текстом, по всей видимости, культовое-юридического содержания. Появилось уже несколько интерпретаций, предложенных Леженом [Lejeune 1973], Товаром [Tovar 1975], Флёрно [Fleuriot 1975], К.-Х. Шмидтом [Schmidt 1976], которые, впрочем, весьма разнятся между собой. Изучению этого языка препятствует как фрагментарный в отдельных местах характер надписи, так и неприспособленность иберийского письма для передачи звукового состава этого кельтского языка. Попутно отме-

тим, что интерпретация данной надписи как баскской или даже древнегрузинской (сообщение о чем появилось в нашей печати) лишена малейшего научного основания.

К началу 80-х годов кельтология достигла уровня итоговых обобщающих работ. Так, можно отметить 2-е издание «Сравнительной грамматики» Г. Льюиса и Х. Педерсена с дополнениями Льюиса [Lewis, Pedersen 1961], в области исторической фонологии бриттских языков — работу К. Джексона [Jackson 1953; 1972]. В лексикографии большим событием является завершение полного академического словаря ирландского языка, охватывающего период с древнейших памятников до XVIII в. [Dictionary 1913—1975]. Университетский словарь валлийского языка того же профиля, который содержит и этимологические сведения, доведен до половины [Geiriadur 1950]. Близок к завершению «Исторический словарь бретонского языка» Р. Эмона [Nemon 1958]; для корнского мы располагаем полным этимологическим словарем Э. Кампаниле [Campanile 1974]; ирландский этимологический словарь Ж. Вандриеса, частично вышедший после смерти автора, еще не завершён [Vendryes 1959—1978]. Словарь древнебретонских глосс, составленный Л. Флёрю, представляет собой по существу этимологический словарь этого языка [Fleuriot 1964]. В 1946 г. вышел английский перевод грамматики древнеирландского языка Р. Турнейзена с ценными дополнениями О. Бергина и Д. Бинчи [Thurneysen 1946], во многом имеющей сравнительно-исторический характер. Мы располагаем весьма полной средневаллийской грамматикой Д. С. Эванса [Evans 1964], хотя она, скорее, описательная. Перу Р. Эмона принадлежит историческая грамматика бретонского языка, которая, не будучи сравнительной, тем не менее очень важна для построения сравнительно-исторической грамматики как бриттских, так и всех кельтских языков [Nemon 1975].

Несмотря на некоторые сложности в деталях эволюции, развитие общеиндоевропейской фонологической системы в пра- (или обще-) кельтскую представляется как относительно простая трансформация. Для такой, например, кардинальной проблемы индоевропеистики, как ларингальная теория, кельтские языки дают весьма мало. Некоторые исследователи, например Хэмп [Hamp 1965], полагают, что введение ларингальных уточняет или облегчает объяснение некоторых кельтских форм, однако возможна и иная интерпретация. С другой стороны, Уоткинс

[Watkins 1962, 181] считает, что именно ларингалы позволяют объяснить формы некоторых суффиксов, но, что более важно, по-новому освещают происхождение группы кельтских глаголов с суф. *-a-*. Однако, судя по всему, кельтские данные лишь указывают на наличие ларингала, но не позволяют определить его качество. Во всяком случае, можно утверждать, что в общекельтском падение ларингальных звуков произошло довольно рано. Вопросы, связанные с различными рефлексамии слоговых сонантов в разных ветвях кельтских языков, остаются неясными. Во всех же остальных случаях картина, представленная в грамматиках Педерсена, Льюиса—Педерсена, Турнейзена, осталась в основном без изменений. Больше проблем возникает при изучении внутрикельтского развития. Так, неясны детали эволюции группы *-st-* в различных ветвях: какого рода фонема передавалась в галльском написаниями типа *ss/tt/dđ/ðð*, спорадический переход *st > sv* в британском при обычном ее сохранении и т. п. Спорен также вопрос, имела ли место лениция в континентальном кельтском, и если да, то каков был ее фонологический статус. Уоткинс [Watkins 1955] предполагал ее наличие в галльском, но все еще как чисто фонетического явления. Очень важная работа проделана Джэксоном [Jackson 1953] по установлению абсолютной хронологии этого явления в британском и отчасти в гойдельском; также уточнен механизм его возникновения. Пользуясь вполне традиционной методикой сравнительно-исторического языкознания, он также устанавливает подробнейшую хронологию этапов развития фонетической системы от общепитанского периода до XI—XII вв.

Для реконструкции общеиндоевропейской акцентуационной системы кельтские языки дают весьма мало. Для общегойдельского реконструируется фиксированное ударение на первом слоге; исключения представляют глаголы с двумя превербами, где ударным обязательно являлся второй, что соответствует и.-е. правилу. Общепитанский характеризовался фиксированным ударением на предпоследнем слоге. Довольно часто пытались определить место ударения в галльском на основании позднейшего отражения формы старых кельтских топонимов во французском языке, но эти работы дали крайне противоречивые результаты. Таким образом, реконструкция пра-кельтской акцентуационной системы возможна лишь с помощью внешнего сравнения. В этом плане представляется

весьма плодотворным исследование Дыбо [Дыбо 1961], которому удалось установить сохранение старых долгих гласных и слоговых сонантов под старым ударением в пракельтском и итальянском; в прочих случаях они сократились, например: кельт. *wīros — др.-инд. vīrās, но *nītos — прагерм. *nīfaz, д.-в.-н. nīd. Для пракельтского, так же как и итальянского и прагерманского, удается восстановить две акцентные парадигмы, соответствующие балтославянским.

Если в классической индоевропеистике реконструировались восьмипадежная именная парадигма и соответственно восемь падежей в пракельтском, то в 30—50-е годы нашего века многие исследователи (отчасти под влиянием еще недостаточных в то время хеттских данных, отчасти же в свете гипотезы о протозападноевропейском языке или же, в других терминах, западноевропейском ареале, к которому возводились кельтские, германские и итальянские языки) предполагали для них пяти- или даже четырехчленную падежную парадигму. Аблатив в итальянских объявлялся поздней инновацией, а инструменталь в германских — наречным образованием, вовлеченным в парадигму уже на стадии существования отдельных германских языков. Однако новые памятники галльского и в особенности кельтиберского языков позволяют утверждать о наличии в пракельтском инструменталю (ср. галл. -bi, кельтибер. -is (?)), локатива (ср. галл. -ou), аблатива (кельтибер. -o, -a). Таким образом, для пракельтского теперь можно с уверенностью реконструировать восьмичленную падежную парадигму, которая в традиционной кельтологии лишь постулировалась на основании данных внешнего сравнения, но не находила подтверждения в собственно кельтских данных.

В области имени прилагательного четко прослежено развитие древнеирландского экватива В. Мейдом [Meid 1967], который показал, что эта категория не может быть реконструирована для общекельтского, но образования на -thir, как и греческие на -tero-, представляют собой результат развития старых и.-е. форм имен прилагательных с «интенсивно-дейктической» или «контрастивной функцией». Каугилл [Cowgill 1970] обнаружил далеко идущий параллелизм между кельтскими и итальянскими формами превосходной степени, хотя вряд ли они являются доказательством существования общего итало-кельтского праязыка, как, по-видимому, он склонен предполагать.

Они, скорее всего, являются параллельными инновациями из одного и того же или практически подобного исходного материала.

Новые материалы по континентальному кельтскому свидетельствуют о большом разнообразии основ указательных местоимений, многие из которых уже не сохранились в островном кельтском, но находят точные соответствия в других и.-е. языках: *so-, *i-, *on-/en-, *o/e-. Очень показательно, что старая основа относительного местоимения *iō-, выступающего в галльском и древнеирландском в постпозиции к глаголу, неизменяема, в кельтиберском сохранилась полная парадигма, что является еще одним примером чрезвычайной архаичности этого языка. Употребление формы iom, старой формы средн. рода ед. ч., в качестве союза 'когда', 'как' подтвердило гипотезу Турнейзена о том, что древнеирландский союз a^N 'когда' восходит к старому относительному, а не указательному местоимению вопреки мнению Педерсена [Pedersen 1909—1913].

Однако основное внимание в исторической морфологии всегда уделялось исследованию и реконструкции пра-кельтской глагольной системы и отношению ее к праиндоевропейской. Это объясняется тем фактом, что, с одной стороны, глагол — наиболее сложная часть кельтской морфологии, а с другой — сохраняющая большое число архаизмов. За последние десятилетия выяснены многие проблемы, но остается и много неразрешенного. Исходя из положений Бенвениста о форме 3 л. ед. ч. как «нулевой» или «исходной», Уоткинсу [Watkins 1962] удалось показать, что так называемый претерит в кельтских языках происходит из формы 3 л. ед. ч. сигматического аориста, флексия которого морфологически распространилась на всю парадигму; эта инновация имела свое начало в корнях на сонант, где фонетически закономерно исчезало интерконсонантное *-s-, но -t в ауслауте сохранялось. Таким образом, снимается необходимость в возведении данного образования к и.-е. пассивному причастию на *-to- или к окончанию 3 л. ед. ч. медиального претерита *-to, что вызывало очевидные затруднения как фонетического, так и семантического характера. Много дискуссий продолжает вызывать проблема происхождения древнеирландского будущего с суф. -f(a)-. Традиционная точка зрения, начиная с грамматики Цейса—Эбеля [Zeuss, Ebel 1871], отождествлявшая его с суффиксом латинского будущего на -bō,

поддерживалась позднее Педерсеном, Sommerfeltom, Куриловичем, а в последнее время также Мейдом [Meid 1977₂], считала его характерной итало-кельтской инновацией. Несколько отлична была точка зрения Вандриеса, который полагал, что в италийском и кельтском развитие шло параллельно, но независимо. Возражая против возведения ирландского и латинского суффиксов в одинаковой мере к и.-е. *-bh(w)-, Турпейзен указывал, что в кельтских он не засвидетельствован в британской ветви, неизвестен он также в оскско-умбрской ветви италийских языков. С фонетической же стороны интервокальное др.-ирл. -f- может восходить только к сочетанию *-sw-, но не к *-bh(w)-, хотя древнеирландская орфография в данном случае несколько двусмысленна ввиду появления -b в 1 л. ед. ч.

К. Уоткинс [Watkins 1966_{1, 2}], исходя именно из этого положения исторической фонетики, ищет аналогии в других и.-е. языках и находит их в индоиранских дезидеративных прилагательных с суф. -su-. В протоирландском, по Уоткинсу, небольшая группа односложных глаголов с исходом на гласный образовывала также прилагательные, позднее к ним был присоединен характерный показатель будущего времени *-ā- (собственно старый конъюнктив). Из данной небольшой группы глаголов весьма выразительный показатель распространился на другие, более продуктивные группы (вытеснение «первичного» показателя «вторичным» новообразованием, по Куриловичу); соответственно протоирландское *-aswā/*-iswā- позднее закономерно развилось в -f(a)-. С фонетической точки зрения построения Уоткинса безупречны, однако с точки зрения как семантики, так и морфологии непосредственное образование финитной формы времени от прилагательного вызывает сомнения; правда, определенная параллель обнаруживается в распространенной гипотезе о происхождении латинского имперфекта.

Все еще темным остается происхождение кельтского имперфекта, в частности его флексии, за исключением 3 л. ед. ч. из *-to медиального претерита [Watkins 1969]. Флексии отложительных, медиопассивных и безличных глаголов, содержащих элемент -r-, сопоставляются Уоткинсом [там же] непосредственно с анатолийским медиопассивом на -ri и далее, на раннеиндоевропейском уровне — с греческой частицей ἄρα 'стало быть, как-либо'. С другой стороны, Мейд [Meid 1977₂], который также связывает его

с соответствующими формами тохарских, италийских, анатолийских и фригийского, считает, что этимологически в раннеиндоевропейском *-r- представлял собой показатель процессуальности и что исходной точкой развития была флексия 3 л. мн. ч. перфекта: как известно, с древнейших времен категории медия и перфекта были тесно связаны между собой.

Одной из кардинальных проблем истории кельтского глагола является происхождение противопоставления между абсолютной и конъюнктивной флексией. Подробная история вопроса и дискуссий изложена в монографии Мейда [Meid 1963]. В общем, отмечают две основные позиции исследователей: абсолютная флексия восходит к индоевропейским первичным окончаниям, а конъюнктивная — к вторичным (Турнейзен, Мейд, Уоткинс). Другие же видят в абсолютной флексии результат соединения первичного (или вторичного) окончания с каким-то добавочным элементом, обычно субъектным местоимением типа *is, *ei/oi (Педерсен, Диллон и др.). Вариацией последней точки зрения является гипотеза Б. Болинга [Boling 1972] о суффиксации усилительной частицы *ed (первоначально местоимения 3 л. ед. ч. средн. р.), ср. в ведическом *id*. Однако гипотеза о суффиксированном субъектном местоимении, очевидно, маловероятна с типологической точки зрения и не находит себе аналогий в истории кельтских языков. Гипотеза же, которая предполагает сохранение старого противопоставления первичных и вторичных флексий, вернее, первоначально простых окончаний «инъюнктива» и форм с частицей *i как показателя специально настоящего времени, гораздо более удовлетворительно объясняет как данное явление, так и целый ряд связанных с ним вопросов: дейтеро- и прототонические формы, позицию глагола в предложении, тмезис и т. д.

Одним из интересных фактов, которые принесло открытие новых кельтиберских надписей, является то обстоятельство, что потенциально-перфективирующая функция преверба го- должна быть постулирована уже для общекельтского, хотя ранее исследователи склонялись к мнению, что этот преверб стал выступать в данной роли относительно поздно.

Совершенно необычным как вообще для индоевропейских, так и для кельтских языков являются «агглютинативные» формы 3 л. мн. ч. претерита и имперфекта, обна-

руженные в континентальном кельтском: галл. *lubitus* 'они любили', кельтибер. *gorisetus* 'да убьют'. Флексия *-tuþ*, очевидно, восходит к 3 л. ед. ч. на **-to*, к которому присоединен именной показатель множественности **-s*: яркое доказательство того, что и языки, зафиксированные хронологически значительно раньше, могут обнаруживать инновации, не присущие более поздним языкам.

Центральной проблемой сравнительно-исторического изучения синтаксиса кельтских языков является вопрос о порядке слов. Этот вопрос имеет более чем столетнюю историю, им занимались А. д'Арбуа де Жюбенвилль, Дж. Рис, Дж. Моррис Джоунз и другие патриархи кельтологии. Хороший обзор старой литературы содержится в работе Д. Грина [Greene 1966].

Камнем преткновения является начальное положение финитного глагола в островных кельтских языках. Инновационный характер инициальной позиции глагола никто не оспаривал, споры вызывало и вызывает по сей день происхождение этого явления.

Насколько нам известно, первым систематически изложил субстратную гипотезу Дж. Моррис Джоунз [Morris-Jones 1902 (со ссылкой на Дж. Риса)], который пытался доказать, что источником этой инновации были языки семито-хамитской семьи; приводились также параллели из баскского языка. В последующие годы к этой точке зрения присоединились Э. Леви [Lewy 1967], Ю. Покорный [Pokorny 1927—1930], Г. Вагнер [Wagner 1959]. Аргументацию сторонников субстратной гипотезы трудно назвать убедительной, а анализ материала — объективным и непредвзятым. С самого начала наблюдается стремление найти экстралингвистические подпорки для этой гипотезы. С этой целью совершаются экскурсии в этнографию, археологию и другие сопредельные науки. Для лингвистической методики названных ученых характерны поиски относительно той или иной ирландской или валлийской модели соответствий в языках других семей, принцип историзма, как правило, игнорируется. В представлении сторонников данной гипотезы, и.е. язык, принесенный на острова, под влиянием туземных языков утратил большинство своих черт и это влияние было настолько сильным, что островные кельтские языки следует считать не индоевропейскими, но лишь частично индоевропеизированными автохтонными языками. Выявление неиндоевропейских элементов в порядке располо-

жения элементов в предложении, в определительных конструкциях и т. д., вероятно, следует считать ядром гипотезы. Так, например, Покорный [Pokorny 1949; 1959] утверждал, что неавтономность слова в островных кельтских языках свидетельствует об их особом положении среди других и.-е. языков, а порядок предикат—субъект—объект и обязательная постпозиция определения являются характерными для семито-хамитских языков и, таким образом, должны рассматриваться как проявление субстрата в ирландском и валлийском. Покорный выделяет несколько языковых слоев, т. е. субстратов, на которые наложился язык пришельцев-кельтов. Таким образом, наряду с «бербероидным» субстратом появляется «кавказоидно-эскимойдный», влиянием которого и объясняется широкое распространение в кельтских языках безличных конструкций.

Вагнер в своих работах прибегает к широкому использованию типологических методов, выделяя целые зоны, характеризующиеся определенным порядком слов, попадая в которые индоевропейские языки подвергались соответствующему влиянию [Wagner 1977, 205—206]. Вагнер отвергает правило Бергина [Bergin 1938] (объясняющее конечное положение глагола в архаических ирландских текстах как реликт старой системы) на том основании, что оно было сформулировано на материале поэтических текстов, которые отличаются крайней вычурностью, порядок слов в них во многих случаях обусловлен аллитерацией и риторическими фигурами (хиазм и проч.).

Результаты, полученные исследователями, не разделяющими субстратную гипотезу, как правило, говорят о возможности выведения «бербероидных» черт кельтского синтаксиса из индоевропейского [см., например: Hartmann 1977]. Употребление таких фигур, как хиазм, засвидетельствовано во многих языках, порой чрезвычайно удаленных от семито-хамитских (тохарские). В качестве языковой базы хиазм предполагает относительно свободный порядок слов, который и отражен в консервативном языке древнейшей кельтской поэзии в виде начального положения глагола.

В 1912 г. Ж. Вандриес опубликовал статью, посвященную доказательству и.-е. происхождения модели простого предложения в островных кельтских языках [Vendryes 1912]. Вандриес указывает, что обязательная инициальная позиция глагола не характерна для галльских

надписей, как не характерна для германских и италийских языков. Исходя из теории А. Мейе о том, что в индоевропейском место слова в предложении определялось его семантикой, Вандриес делает вывод о возможном инициальном положении глагола в праязыке. «Своеобразие кельтского состоит в том, что он обобщил окказиональный порядок, сделав из этой возможности необходимость» [там же, 338]. Далее Вандриес переходит к исследованию истории данного явления. Он справедливо указывает, что в галльском класс сложных глаголов еще не сформировался и, вероятно, эта специфическая структура сложилась именно на базе сложных глаголов, так как в глагольных комплексах инфиксации в действительности нет, местоимение суффигируется к предлогу. Такая конструкция может рассматриваться как тмезис. В островных кельтских языках было ограничено число превербов, к которым могли присоединяться местоимения-энклитики. Сходные тенденции существовали и в других языках, специфика же кельтского состоит в формировании особого глагольного комплекса.

В последующие годы исследования в этом направлении были продолжены. Важной вехой стало открытие и объяснение случаев конечного положения глагола в древнейших ирландских памятниках [Bergin 1938]. Хотя Бергин оперировал только ирландским материалом, его работа имеет большое значение для компаративистики и подтверждает теорию Вандриеса. Валлийскому синтаксису была посвящена работа Г. Льюиса [Lewis 1942], в которой утверждается, что в древневаллийском была возможна модель SVO. М. Диллон [Dillon 1947] и Ф. Зоммер [Sommer 1947] независимо друг от друга обнаружили сходство в структуре кельтских глагольных комплексов и хеттских комплексов начальных энклитик. Особое значение имеют работы К. Уоткинса [Watkins 1963; 1964]. Если Ж. Вандриес ограничивался соположением синтаксических элементов, то Уоткинс реконструировал и.-е. архетипы для этих элементов. Для Уоткинса характерно последовательное исследование каждой отдельной языковой традиции (кельтской, италийской и т. д.), включающее методы внутренней реконструкции, и только затем он переходит к сравнительной реконструкции, оперируя законом Вакернагеля и понятием универбации.

Отличительной особенностью работ последних двух десятилетий является широкое привлечение нового ма-

териала, в первую очередь архаической поэзии и права. Использование таких источников, еще недостаточно обработанных филологически, требует особой осторожности, как справедливо указал Д. Грин [Greene 1977]. Попытка Грина с помощью внутренней реконструкции представить правило Бергина как частный случай развития тмезиса едва ли может вызвать существенные возражения. Она является дальнейшей разработкой того направления, начало которому было положено Вандриесом и, по сути дела, не отрицает возможности ненаачальной позиции глагола.

Другой аспект сравнительно-исторического изучения кельтского синтаксиса представлен в небольшой статье Вандриеса [Vendryes 1954], в которой анализируются архаические конструкции, типа *ro innis dó Cú Chulaind amal ro boí* 'она рассказала ему, какой был Кухулин'. Эта конструкция, имеющая соответствия в греческом, латинском и древнеиндийском языках, может датироваться и.-е. временем и представляет собой этап в развитии подчинительных связей. Опираясь на теорию автономии и.-е. слова, Вандриес объясняет исчезновение данной конструкции переоформлением в группировках слов, которое имело место, в частности, при формировании латинских инфинитивных оборотов: *video eum / venire* → *video / eum venire*, аналогичным образом оборот *ro innis Con Chulaind / amal ro boí* предшествовал *ro innis / Cú Chulaind amal ro boí*.

Необходимо также отметить исследования таких оборотов, как *nominativus pendens* [Mac Coisdealbha 1977], и структуры запретительных предложений, сохраняющих ряд глубоких архаизмов [Meid 1962].

Кельтские языки обычно принято — в широком и.-е. кругу — группировать с италийскими. Понятие итало-кельтского праязыка или общности было впервые выдвинуто в 1861 г. К. Лоттнером [Lottner 1861] и с тех пор (с теми или иными оговорками) принималось подавляющим большинством индоевропеистов. Особенно большую роль сыграли труды ученых французской школы, наиболее выдающийся представитель которой, А. Мейе, рассматривал итало-кельтское единство на одном уровне с индоиранским и балто-славянским. Первый удар по этой концепции был нанесен К. Марстрандером [Marstrand 1929], однако до последнего времени ее придерживаются такие ученые, как Диллон [Dillon 1944], Каугилл [Cow-

gill 1970], Мейд [Meid 1968], Хэмп [Hamp 1977]. Основные положения, на которых зиждется представление об итало-кельтском единстве, хорошо известны и здесь повторяться не будут. В 1966 г. К. Уоткинс [Watkins 1966₂] в работе, специально посвященной этому вопросу, подробно рассмотрел все положения итало-кельтской теории и пришел к выводу, что речь идет частично о параллельном развитии общего исходного материала, частично об общих архаизмах, а частично о тривиальных совпадениях, типологически часто повторяющихся, типа дистантной ассимиляции р. . . k^w > k^w. . . k^w. Несмотря на очевидную близость, главным образом в сфере лексики, обе ветви не сводимы к какому-то более раннему единству. С операционной точки зрения понятие итало-кельтского праязыка совершенно излишне. Некоторые новые аргументы против объединения данных ветвей были недавно приведены А. де Сёном [de Coene 1974], хотя его отрицание тождества латинского генитива на -i с кельтским вряд ли правомерно (ср. также венет. -i и мессап. -ihi).

Представляется, что наиболее соответствующим современным взглядам было бы представление об общекельтском праязыке как довольно четко обособленной области в зоне древнеевропейского континуума, из которого в течение II тыс. до н. э. выделились итальянский, кельтский и венетский *. Сюда же, по-видимому, относились такие «реликтовые» языки, как южнопиценский, лигурский, может быть, мессапский, а также язык северо-западной части Пиренейского полуострова, довольно близкий к кельтскому, но отличающийся от последнего сохранением старого *р. В этот же континуум входил и общегерманский язык. Все эти языки и языковые ветви связаны между собой сетью многочисленных изоглосс, часто пересекающихся, но не дающих возможности установить какие-либо более тесные общности [ср., в частности: Birkhan 1970]. В «западноевропейском» (или «древнеевропейском») ареале кельтские языки явственно выделяются своим маргинальным положением, для которого характерно сохранение целой группы архаизмов, часть которых засвидетельствована и в итальянских языках. Это слова, преимущественно относящиеся к сфере культа и общественного устройства (др.-ирл. rí, лат. rēx 'король' и т. д.). Как уже давно отметил Ж. Вандриес в известной

* Ср. понятие древнеевропейского слоя у Г. Крае [Krahe 1954].

работе [Vendryes 1918], лексика этой группы находит соответствие в индоиранских языках, что, по всей видимости, объясняется консервацией глубоко архаичных религиозных и общественных институтов у этих маргинальных и.-е. народов. В последние годы кельто-арийскими параллелями успешно занимался М. Диллон [Dillon 1975]. Характерно, что с такими маргинальными языками, как тохарские, кельтские языки не связаны эксклюзивными изоглоссами, наличие сходных черт объясняется древностью общего наследства [Бенвенист 1959, 104] и параллельным развитием (ср. формирование класса суффиговых местоимений в тохарском и кельтском, которое можно объяснить как следствие закона Вакернагеля).

Бурное развитие исследований в области и.-е. поэтического языка затронуло и кельтологию. Такие исследования едва ли были бы возможны без огромной филологической работы, проведенной большой группой кельтологов. Среди них следует в первую очередь выделить издание генеалогических поэм VI—VIII вв. К. Мейером [Meuer 1913—1914] и упоминавшихся трудов Р. Турнейзена по языку права и древнейшей поэзии.

Существенным вкладом в сравнительно-историческое изучение древнеирландского поэтического языка явилась статья К. Уоткинса, опубликованная в 1963 г. [Watkins 1963₂] и остающаяся по сей день наиболее глубоким и авторитетным исследованием в этой области. Работа Уоткинса охватывает не только поэтический язык как таковой, но и язык юридических поэм. Автор исходит из той предпосылки, что первоначально необходимо доказать архаичность древнеирландской поэтической традиции. Эта цель достигается сравнением терминов, обозначающих виды поэтического творчества, технические приемы и т. п. Уоткинсу удалось доказать, что ряд лексем, ранее считавшихся латинскими заимствованиями (*seis* 'искусство музыки', *ferb* 'слово' и т. д.), на самом деле является исконным и.-е. фондом в ирландском языке. Далее Уоткинс переходит к сравнительному изучению метрики древнеирландского стиха, предварительно определив наиболее архаичные жанры (гномико-эпическая и хвалебная поэзия), в которых наиболее вероятно сохранение и.-е. реликтов.

В последующие годы теория Уоткинса получила довольно широкое распространение и весьма противоречи-

вые оценки. Теория ирландского стихосложения, предложенная Дж. Карни, по словам ее автора, прямо противоположна концепции Уоткинса [Carney 1971]. Так как теория Карни построена только на ирландском материале, мы не имеем возможности подробно ее проанализировать. Без сколько-нибудь серьезных оснований теория Уоткинса отвергается Г. Вагнером [Wagner 1967; 1977] как не соответствующая субстратной гипотезе. Широкое распространение выводы Уоткинса получили среди индоевропейцев, которые порой воспринимают их некритически. В действительности же теория Уоткинса имеет ряд уязвимых мест. Наиболее объективная оценка (с точки зрения истории ирландского языка и метрики) была дана Д. Грином [Greene 1977], который указал на зыбкость многих критериев датировки текстов, используемых Уоткинсом. Грин справедливо заметил, что ирландский материал служит Уоткинсу для доказательства его построений в области и.-е. грамматики. Грин, может быть, чрезмерно скептичен, но его центральная идея — обеспечение филологической надежности материала — бесспорно справедлива и актуальна сейчас, в пору увлеченности реконструкцией и.-е. поэтики. Действительно, нередко тот или иной текст объявляется архаическим уже только потому, что в нем трактуется какой-нибудь правовой вопрос. Вызывает существенные возражения и тезис Уоткинса о факультативности аллитерации в архаическом ирландском стихе. Далеко не все архаические поэмы вписываются в метрические схемы, предлагаемые Уоткинсом.

Становящееся все более распространенным сосюрровское представление об и.-е. стихе как анаграмматическом предполагает высокую технику оперирования звуками (отсюда аллитерация, консонансы, паронимазия и т. п.) и заставляет думать, что сложная и четкая система архаических ирландских аллитераций возникла в эпоху завершения так называемой акцентной революции. Такой вывод лишает убедительности гипотезу Дж. Трейвиса [Travis 1973, 86] о существовании единого германо-кельтского поэтического языка.

К. Уоткинс в работе 1963 г. оставил в стороне вопрос о поэтических формулах. Лишь спустя 10 лет [Watkins 1973], занимаясь выяснением роли обмена дарами в древнеирландском обществе и его преломлением в поэтическом языке, Уоткинс затронул проблему сходных мотивов в поэзии кельтов, греков, индийцев и других и.-е. наро-

дов. Изучение такого рода мотивов имеет в кельтологии давнюю историю и восходит к работам Э. Виндиша. Исследования в этой области основаны на анализе текстов и этимологических изысканиях. Как правило, целью таких работ является доказательство и.-е. происхождения того или иного элемента языка и/или культуры, причем слабым местом остается вопрос о внешних влияниях на кельтскую цивилизацию (соответственно язык), что дает возможность некоторым ученым конструировать труднодоказуемые гипотезы по поводу всевозможных субстратов. Возвращаясь к и.-е. элементам в кельтском, нужно сказать, что особое значение имеют кельтско-индоиранские связи. Первым этот вопрос поставил Ж. Вандриес [Vendryes 1918]. В последние годы вышел ряд работ по этой проблематике, среди которых следует выделить монографию М. Диллона [Dillon 1975], охватывающую значительный материал и являющуюся обобщением многолетних исследований как самого Диллона, так и других лингвистов. Важным аргументом в пользу той точки зрения, согласно которой эти сходства рассматриваются как архаизмы, сохранившиеся в маргинальных языках, автор считает количественную сторону дела: если число изоглосс (в языке и культуре) достаточно велико, то перед нами не результат параллельного развития, а архаизмы, позволяющие судить об и.-е. прототипе. Поискам поэтических клише уделяется довольно мало внимания. Очевидно, это связано со слабой изученностью древнейших поэтических текстов не только с лингвистической точки зрения, но и с метрической. Немногочисленные попытки в этом направлении представлены в некоторых работах Э. Хэмпса [Hamp 1976], В. Мейда [Meid 1974; 1977₁], К. Уоткинса [Watkins 1973].

Из последних серьезных работ, затрагивающих кельтские языки, необходимо отметить статью Мейда [Meid 1977₂]. Важен ряд сформулированных в ней теоретических и методических положений. Мейд считает, что реконструируемые и.-е. формулы относятся к языку, а не к речи. Реконструируемые поэтические единицы, вероятно, относятся не только к разным диалектам, но и к разным хронологическим пластам и.-е. праязыка. Представление об и.-е. поэзии, роли и функции поэта в обществе можно составить, анализируя как сохранившийся материал древних поэтических традиций, так и языковые данные. Так, например, анализ формул говорит о том, что краеугольным

камнем для и.-е. поэтов было понятие «слава». Мейд использует лексико-статистические методы для определения сохранныости и.-е. поэтического словаря в отдельных традициях. Важен поставленный автором вопрос о возможности предсказания изменений в метрике в зависимости от изменений в языке. Мысленный эксперимент, в ходе которого Мейд реконструирует три схемы (арх. *sneig^wht snig^whs, поздн. *sneig^whti snig^whs и еще более поздн. *sneig^wheti snoig^whos 'идет снег', соответственно двух-, трех- и пятисложные строки), наглядно показывает эту зависимость. Реконструировать и.-е. поэтический язык как нечто единое, по мнению Мейда, нельзя, так как этот язык изменялся во времени и имел территориальные варианты.

Выделение отдельных архаических фрагментов в сравнительно поздних ирландских и отчасти валлийских трактатах по поэтике и праву дает в руки исследователей материал для реконструкции и.-е. «металингвистической» традиции («язык богов» и «язык людей», сакральный (обработанный) и обыденный (необработанный, профанический) язык и т. д.) [Watkins 1970] и правовых институтов у индоевропейцев [Binchy 1943; 1959; 1970_{1, 2}].

В заключение представляется необходимым еще раз отметить, что далеко не весь имеющийся на сегодняшний день кельтский материал вошел в научный оборот индоевропеистики и можно надеяться, что более глубокое изучение кельтской языковой и культурной традиции, поиски наиболее целесообразных и гибких методов как реконструкции, так и предварительной обработки материала окажутся полезными для индоевропеистики.

Хотя в настоящее время фундаментальные работы по реконструкции общекельтского языка все еще отсутствуют, современное состояние кельтологии и индоевропеистики делает их осуществление вполне реальным.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Сравнительная грамматика германских языков в ее современном виде сформировалась в последней трети прошлого века, в бурный период утверждения младограмматизма, когда борьба нового со старым в науке о языке уже к 80-м годам, буквально в течение одного десятилетия, привела к победе новых методологических установок в индоевропейском сравнительном языкознании. В 1876 г. еще было возможно переиздание знаменитого «Компендиума сравнительной грамматики индогерманских языков» Августа Шлейхера, в предисловии к которому И. Шмидт и А. Лескин подчеркнули, что этот убедительный по методу труд останется на долгие годы. Однако уже в 1878 г., т. е. всего через два года, Г. Остгоф и К. Бругман выступили с принципиально другой программой сравнительно-исторических исследований и призывали компаративистов выйти «из задымленных туманными гипотезами мастерских, где куются индогерманские формы, на свежий воздух действительности» [Osthoff, Brugmann 1878].

Историческое значение этого призыва заключалось в решительном отказе от пресловутой концепции двух периодов развития языка, воспринимаемой всерьез в течение десятилетий и в философском плане высмеянной К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии» еще в середине 40-х годов, и в признании единства законов глоттогонического процесса. «Доистория», понимаемая как период образования языковых форм, и «история», понимаемая как период их разрушения, перестали наконец противопоставляться друг другу, и на «доисторию», воссоздаваемую путем реконструкции, были распространены закономерности, наблюдаемые в исторический период.

В развитии и.-е. сравнительно-исторического языкознания это был огромный шаг вперед. Но, отказавшись от мистических романтических и натурфилософских представлений о языке, характерных для Я. Гримма, В. Гумбольдта, Ф. Боппа и А. Шлейхера, младограмматики вместе с тем отказались и от широкого понимания принципа историзма, провозглашенного основоположниками сравнительного языкознания, рассматривавшими язык

с позиций идеалистической философии своего времени, как наиболее существенное проявление национальной культуры и «национального духа». Типичные представители эмпирического мышления второй половины века, младограмматики крайне узко поняли исторический подход к явлениям языка и свели принцип историзма в сравнительной грамматике к понятию фонетического закона в его физиологическом, т. е. ограниченном естественными закономерностями, толковании. При генетическом сопоставлении звуков и форм в родственных языках, как было подчеркнуто в «манифесте младограмматиков», необходимо руководствоваться правилом: объяснять все расхождения только фонетическими изменениями, осуществляющимися механически и всегда строго регулярно.

С позиции узкого, ограниченного закономерностями фонетических изменений понимания исторического процесса в отдельных группах и.-е. языков младограмматики определили и основную задачу сравнительно-исторической грамматики германских языков: выяснить звуковой состав и состав флексий общегерманского языка, являющегося основой всех отдельных германских диалектов, и показать, какие изменения претерпел этот язык со времени своего выделения из общиндоевропейской языковой общности [Dieter 1900]. Энгельсу уже в середине 80-х годов было ясно, что путь, на который, казалось бы, очень успешно вступила сравнительная грамматика германских языков, в конце концов заведет ее в тупик [Энгельс 1935]. «То, что мы обнаружили на Рейне в процессе кропотливой и напряженной работы, на 40 лет раньше было открыто взору Энгельса, — писал спустя 60 лет Теодор Фрингс. — В своей работе Энгельс, еще в период безоговорочного господства младограмматиков, отказывается от чисто физиологического, построенного на естественнонаучных закономерностях рассмотрения языка. Вместо застывшего и неподвижного, вместо отдельного и разрозненного, вместо догматического правила Энгельс видит историческое движение и историческую жизнь. Он совершает, не оговаривая это специально, переход к социально-историческому рассмотрению языка. Работы Брауне и Энгельса противостоят друг другу как два мира» [Frings 1946; 1948, рус. пер. 1955, 223].

Младограмматический период в истории сравнительно-исторической грамматики германских языков, начало которому, если иметь в виду обзорные описания, поло-

жила в конце 80-х годов монография Ф. Клуге [Kluge 1889], был необходимым и плодотворным этапом в развитии наук. Многочисленные общие описания структуры германского праязыка [помимо указанных выше см.: Streitberg 1896; Kluge 1913; Hirt 1931—1934; Prokosch 1939; Krahe—Meid 1967—1969], по своей общей установке примыкающие к этому направлению, содержат огромное количество фактов, собранных в течение десятилетий в результате работы ряда поколений ученых, исследовавших памятники древнегерманской письменности [наиболее полную библиографию см.: Markey, Keys, Roberge 1977]. Любая наука на первых этапах своего развития заботится прежде всего о возможно более исчерпывающем описании фактов и их классификации. Младограмматики выполнили эту задачу со всей полнотой.

Основной характерной особенностью младограмматической традиции в сравнительной грамматике было стремление установить генетическое соответствие каждого звука, каждой формы реконструируемого германского праязыка тому или иному фонетическому или морфологическому элементу и.-е. праязыка. Провести такое сопоставление германских и других и.-е. языков, очевидно, также было необходимо, так как благодаря такому сопоставлению было установлено и.-е. этимологическое тождество подавляющего числа германских корней и словообразовательных и словоизменительных морфем.

Однако именно этот наиболее важный аспект младограмматической концепции сравнительной грамматики уже очень скоро вызвал к себе скептическое отношение. В 1917 г. А. Мейе опубликовал широко известную монографию о характерных особенностях германских языков [Meillet 1917], в которой задача сравнительной грамматики германских языков была сформулирована в другом плане. Мейе не отрицал, что установление и.-е. происхождения германских языков являлось первой по времени задачей, потому что нужно было начинать с восстановления «общего незасвидетельствованного оригинала различных индоевропейских языков». Но самое существенное в сравнительно-историческом языкознании, с его точки зрения, заключается не в этом. Совпадающие черты в системе различных и.-е. языков представляют собой не более как пережитки. Даже самые архаичные из них не совпадают с породившей их и.-е. структурой. Поэтому для сравнительно-исторической грамматики главным является не

установление, что тот или иной язык построен из и.-с. элементов, а тот факт, что он является новой системой этих элементов, специфические черты которой и должны изучаться в первую очередь.

Такой подход, по мнению Мейе, особенно важен для германских языков, испытавших по сравнению с другими и.-с. языками наиболее значительные преобразования. Отсюда его вывод: основная задача сравнительной грамматики германских языков заключается в том, чтобы исследовать не «достигнутые изменения», а «движущие принципы» этих изменений, «тенденции, направляющие развитие». Свое практическое осуществление новаторские мысли Мейе получили, однако, только спустя 60 лет в исследованиях советских германистов [ИТМГЯ 1977—1978].

Начиная с середины 20-х годов критической переоценке подверглась также унаследованная младограмматиками от А. Шлейхера и К. Мюлленгофа схема древнейшего членения германской языковой области на восточный, северный и западный ареалы. Как методический прием описания и сопоставления материала, эта схема, отражающая обособление германских племенных группировок и складывающихся народностей в эпоху раннего средневековья, практически широко используется и в настоящее время, но антиисторичность и искусственность этой схемы уже давно показали данные сравнительной диалектологии и исторической диалектографии.

Еще во второй половине 20-х годов Г. Неккель на основании ряда общих признаков объединил скандинавские и восточные языки и таким образом противопоставил северную диалектную область южной (западной) области [Nesckel 1927]. Позже, возражая Ф. Вреде, который в своей так называемой ингвеонской теории пытался объяснить распад исторически некогда единой, по его мнению, западногерманской области на два ареала — собственно ингвеонский и немецкий — вторжением готов из района Баварии по направлению к Рейну, Т. Фрингс указал, что связи между готами и будущими верхними немцами (эрмионами) возникли в первые века нашей эры, когда оба племени обитали по соседству на северо-востоке [Frings 1932].

Наиболее решительным противником концепции о древнем единстве западногерманского ареала и традиционной классификации германских языков в целом выступил

Ф. Маурер. В книге «Северные германцы и алеманны» [Maurer 1942; 1952] Маурер убедительно показал, что принятое в сравнительной грамматике противопоставление восточного, северного и западного ареалов крайне упрощает реальные отношения между древними германскими языками и противоречит данным исторической диалектографии. Никаких четких границ между восточными, северными и западными диалектными областями не существует; наоборот, постоянно приходится сталкиваться с наличием общих многосторонних черт у древних диалектов, относящихся по традиции к разным ареалам.

В книге Маурера приводятся девять списков языковых параллелей, объединяющих генетически разные с точки зрения традиционной классификации диалектные области германских языков. Так, готский язык объединен с северными языками такими явлениями, как и.-е. конечное *s* у имен существительных, наличие морфологически особой группы слабых глаголов на *-nan*; с языком южнонемецкой области его связывают такие явления, как общие формы местоимения 3 лица и общая форма 3 л. ед. ч. глагола *быть*; готский язык вместе с северными языками и алеманским и баварским диалектами различает формы дат. и вин. падежей в склонении местоимений, между тем в ингвеонских языках этого различия нет. Северные и западные языки объединяют такие, например, фонетические явления, как долгое $\bar{a}$ из долгого $\bar{e}$, которое в готском сохранилось, или такие морфологические явления, как специфические формы сильных глаголов 7-го класса, в то время как готский язык сохранил древнюю редупликацию в формах претерита этих глаголов. Западные языки объединяют 12 общих признаков, например геминацию согласных, особую форму 2 л. ед. ч. претерита, отсутствие глаголов на *-nan*.

Анализируя пеструю картину взаимоперекрещивающихся признаков древнегерманских диалектов, Маурер приходит к выводу о том, что традиционное «родословное дерево» не отражает реального исторического процесса распада первоначальной прагерманской общности. Совпадения диалектных черт во многих случаях являются инновациями, возникшими в результате более поздних контактов между племенами. Таковы, например, явления, объединяющие западную группу германских диалектов. Маурер решительно отрицает концепцию о древнем языковом единстве этого ареала. Образование общих западно-

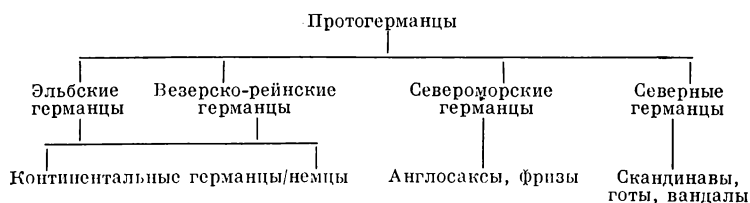
германских языковых признаков он относит к очень позднему времени и связывает с объединением континентальных германских племен в границах государства Меровингов.

В последующих исследованиях западногерманской проблемы взгляды Маурера, в общем, получили поддержку, но в «более осторожной форме» [Жирмунский 1964, 104]. Вторичность происхождения западногерманской языковой общности теперь уже не вызывает сомнения. Современные представления об историческом процессе образования германских племен и языков в самом общем виде могут быть представлены схематически [GPG 1972, 82] (см. схему).

200 лет до н. э.

200 лет н. э.

По-новому за последние десятилетия была решена проблема языкового статуса старших рунических надписей. Как памятники письма древних германцев, возникшие за полтора-два столетия до готского письма, эти надписи сохранили архаические грамматические формы и рассматривались обычно как непосредственное отражение праскандинавского и даже прагерманского языка. Г. Хирт в своем описании прагерманского языка [Hirt 1931, 17] приводит знаменитую надпись на золотом роге из Халлехуса: *ek hlewagastiR holtijaR horna tawido*, и утверждает, что если бы не переход прагерманского *z* в *R*, то язык этой надписи можно было бы рассматривать как прагерманский.

Э. А. Макаев высказал другую, по-видимому более правильную, гипотезу. Сопоставив надпись из Халлехуса с ее реконструкцией на общегерманском языке и переводами на готский и древнеисландский, он пришел к вы-

воду, «что язык рунических надписей формировался как своеобразное руническое койне, первый в истории германских языков наддиалектный литературный вариант той языковой общности, которая охватывала весь позднегерманский за вычетом готского языка» [Макаев 1962, 122].

Благодаря достижениям исторической и современной диалектологии германских языков, главным образом немецкого, стала ясной схематичность сравнительно-исторических построений, основанных на характерном для младограмматической традиции механическом сопоставлении данных древнеписьменных памятников, созданных в разных исторических условиях на протяжении более тысячелетия (от рунических надписей II—III вв. до древнефризских документов XIII столетия). Абстрактные, усвоенные еще от Гримма романтические представления о языке памятников древнегерманской письменности как о языке древнегерманских племен оказались несостоятельными. Массовые лингвогеографические обследования современных немецких, нидерландских, скандинавских диалектов и историко-социологическая интерпретация данных этих обследований отчетливо показали ошибочность старых представлений о диалектах как ответвлениях германского родословного древа. Со всей очевидностью выяснилось, что в истории диалектного дробления германского языкового ареала следует различать по крайней мере три эпохи: период первоначальной общности, сохранившейся, вероятно, до начала нашей эры, когда германцы обитали на ограниченной территории и их язык был относительно единым; период образования племенных группировок, когда в первой половине I тыс. н. э. происходило так называемое великое переселение народов и определились племенные различия в языке; период после IV—V вв., характеризующийся распадом родового строя, смешением диалектов и образованием народностей в рамках возникающих в начальную пору классового общества новых политических границ.

Такая периодизация развития диалектного членения германской языковой области впервые была намечена Энгельсом в работе о франкском диалекте. Полемизируя с В. Брауне [Braune 1874], который классифицировал диалекты немецкого языка по степени осуществления в них явлений верхненемецкого передвижения согласных и отнес не затронутые передвижением нижнефранкские говоры к нижненемецкой, т. е. к саксонской, области,

Энгельс показал, что такой подход вносит только путаницу в суждения о франкском языке, который некогда был единым языком самостоятельного племени франков. Частичное проникновение немецкого передвижения согласных во франкский язык, разбившее его на две группы говоров, произошло позднее, когда на территории Рейна стали возникать средневековые государства. Поэтому, с точки зрения Энгельса, нельзя было решать проблему генетических связей франкского диалекта на основании только одного фонетического признака.

Процесс углубления и расширения исторического подхода в сравнительной грамматике германских языков не ограничился, однако, проблемами внешней лингвистики. Он коснулся также и проблем внутренней лингвистики. В частности, начиная с 50-х годов нашего века решительному пересмотру подверглось само понятие германского праязыка.

Характеризуя прагерманский (Urgermanisch), иначе общегерманский (Gemeingermanisch), язык, В. Штрайтберг, Ф. Клуге, Г. Хирт и др. [историю вопроса см.: Макаев 1977, 92 и след.] представляли его себе, в общем, как некое плоскостное состояние, которому была присуща известная совокупность фонетических и морфологических признаков, выделяющих его среди других и.-е. диалектов. Впервые эти два термина были принципиально противопоставлены друг другу как обозначение двух хронологических срезов в развитии германского языкового ареала на его древнейшем этапе В. Краузе [Krause 1953, 46 и след.]. Он указал, что целый ряд явлений в германских языках возник не в протогерманском, а позднее, в период разделения этого языка на отдельные языки, и таким образом ввел в описание структуры прагерманского языка принцип относительной хронологии.

Систематическое описание процесса развития прагерманского языка с учетом этого принципа было осуществлено в ряде работ Ф. ван Кутсема [Coetsem 1956; 1970]. Германский язык-основа, как полагает Кутсем, существовал не менее одного, а может быть, и двух тысячелетий. Распад его на отдельные языки произошел, видимо, только в первые столетия нашей эры. В течение такого длительного времени система языка могла сильно измениться. Главное изменение произошло в связи с переходом от и.-е. свободного ударения к ударению на первый (корневой) слог слова. Новый тип словесного ударения

и определил различие между двумя основными периодами в истории прагерманского языка — протогерманским и общегерманским.

Более ранний, протогерманский период характеризовался свободным словесным ударением, о чем свидетельствует закон Вернера. Было ли в этот период ударение музыкальным или динамическим, сказать трудно, но можно предполагать, что к концу протогерманского периода динамический характер ударения все более усиливался. Комбинаторные звуковые изменения внутри слова отсутствовали, так как слоги были еще автономны по отношению друг к другу. Именные парадигмы могли характеризоваться постоянной и меняющейся акцентуацией.

Более поздний, общегерманский период характеризовался постоянным экспираторным ударением, падающим на корневой или первый слог слова. Так как все германские языки осуществили переход к новому типу ударения, можно предполагать, что он произошел в эпоху, когда язык представлял собою определенное единство. В этот период изменился весь ритм языка. Автономность слогов слова была утеряна. Сильноударенные, слабоударенные и безударные слоги более тесно примкнули друг к другу. Неударенные слоги получили склонность к ослаблению. Благодаря этому возникли условия для явлений конца слова и ассимилятивных процессов внутри слова, например для перегласовок. Эти явления привели к перестройке системы вокализма.

Переход от 1-го ко 2-му периоду в развитии германского праязыка совершался, по мнению Кутсема, постепенно и закончился, по-видимому, в конце I тыс. до н. э. или даже только к началу нашей эры. Определяя относительную хронологию отдельных явлений, характеризующих диалектную специфику германского ареала, Кутсем относит к эпохе 1-го периода возникновение таких явлений, как совпадение и.-е. кратких и долгих *o* и *a* и как следствие этого — преобразование качественного аблаута в чередование *e—a*, образование сочетаний *ul*, *ug* и т. д. на месте и.-е. слоговых сонорных *l*, *r*, *m*, *n*, а также появление такого специфического морфологического явления, как дентальный претерит, расширение области склонения с основой на *-n* и т. д. 2-й период в развитии прагерманского языка характеризовался, по мнению Кутсема, возрастанием диалектных различий и вместе с тем социальной и стилистической дифференциацией

языка, о которой свидетельствует, например, быстрое распространение ингвонизмов или (со ссылкой на Макаева [1962]) формализованный язык древнейших рунических надписей, близкий к прагерманскому и вместе с тем выступающий в роли койне для северного и западного ареалов [Coetsem 1970].

В советской германистике за последние полтора-два десятилетия проблеме германского праязыка также было уделено большое внимание. При этом отчетливо выделялись два подхода к изучению данного аспекта сравнительной грамматики. Один из них представлен в работах Э. А. Макаева [Макаев 1961; 1962; 1977], другой — в работах В. М. Жирмунского [Жирмунский 1964; 1976_{1, 2}]. Между этими двумя подходами к проблеме германского праязыка существует, как увидим дальше, известное противоречие, но вместе с тем их объединяет стремление к решительному пересмотру младограмматической традиции и дальнейшему углублению исторического осмысления процессов, определивших развитие древнего германского лингвистического ареала.

По мнению Макаева, «общегерманский язык — понятие лингвистической реальности», некий конструкт, понимаемый как «известная совокупность системно организованных фактов языка, находящаяся в пространственно-временных связях с другими совокупностями, представляющая собой отрезок языкового континуума и позволяющая осмысленную интерпретацию в пределах и на основе этой совокупности» [Макаев 1977, 105]. Макаев энергично при этом подчеркивает, что «описание и интерпретация общегерманского языка мыслимы лишь на основе лингвистических критериев при сознательном исключении всех экстралингвистических критериев» [там же].

Кутсем и Макаев резко отрицательно относятся к той модели реконструкции германского праязыка, которая была произведена младограмматиками. Кутсем называет ее линейно-одномерной (linear—eindimensional) и атомистической и ставит вопрос о необходимости новой реконструкции, основанной на многомерном подходе (multi-dimensional), которая должна учитывать, с одной стороны, успехи лингвистической географии и, с другой — современную методику системного анализа, учитывающую парадигматические и синтагматические отношения и связи [Coetsem 1970, 3—4]. «Мы должны приложить все усилия к тому, — пишет Макаев, — чтобы статичная реконструк-

ция уступила место динамической реконструкции, которая могла бы оперировать не одним, а несколькими хронологическими срезами, в основе которой лежало бы новое понимание языкового пространства и что позволило бы учитывать потенции различных ареалов и их различный удельный вес при реконструкции определенного явления или фрагмента системы определенного языка на плоскость праязыка» [Макаев, 1977, 203—204].

Разграничивая в древнейшей истории германского языкового ареала протогерманский период, который определяется как состояние от эпохи распада и.-е. языковой общности до стабилизации германского праязыка, и общегерманский период, характеризующийся как состояние «от германского праязыка до появления таких пучков изоглосс, которые позволяют конституировать отдельные диалектные группы» [там же, 106], Макаев, опираясь на предшествующие исследования, пытается детальным образом (во всяком случае, более подробно, чем все его предшественники) описать систему фонологического и морфологического уровней языка этих двух эпох.

На уровне фонологии слова в протогерманский период самой отличительной чертой, по его мнению, являлась автономность слога, благодаря чему фонемный состав не зависел от градации слогов по тону и силе и ударная или безударная позиция слога в этот период не сказывалась на качестве его гласных. С другой стороны, в этот древнейший период отсутствовали в фонологическом плане и ассимилятивные факторы, явления, которые существовали в эту эпоху только как антропофонические. Однако и в эту эпоху такие явления конца слова, как отпадение конечных *a*, *e* и *o*, отпадение конечных зубных и реализация и.-е. архифонемы *M* в виде *n*, уже осуществились.

В целом фонологическая система протогерманского периода характеризовалась следующими главными особенностями: подвижным ударением, одинаковым поведением гласных в ударных и безударных слогах и в односложных и многосложных словах, совпадением кратких и.-е. *o* и *a* в кратком *a* и долгих и.-е. *ā* и *ō* в долгом *ō*, наличием дифтонгического сочетания *ei* и образованием сочетаний *ul*, *ur*, *um*, *un* на месте и.-е. слоговых сонорных *l*, *r*, *m*, *n*; в системе согласных шумных различались три вида корреляций — слабые звонкие фрикативные, слабые звонкие смычные, сильные глухие смычные придыхательные.

Отличительной чертой фонологического уровня общегерманского периода является окончательная фиксация сильного динамического ударения на первом слоге слова, которая вызвала перестройку всей фонологической системы. Различие между ударными и безударными слогами, возникшее в связи с этим, обусловило разные линии развития ударного и безударного вокализма: комбинаторные варианты звуков, особенно гласных, которые возникали ранее в результате ассимилятивных процессов и имели только антропофоническое значение, теперь фонологизировались и видоизменили фонологическую систему в целом. Новая фонологическая система прагерманского языка, возникающая в общегерманский период, характеризовалась следующими главными чертами: сильноцентрализованным ударением на начальном слоге, различием в развитии безударных гласных, в результате чего краткое *e* в безударной позиции перешло в *i*, дифтонги обнаружили тенденцию к монофтонгизации, долгие гласные — тенденцию к сокращению; произошло постепенное преобразование системы кратких и долгих гласных или в сторону сокращения (ср. протоготскую систему из трех кратких фонем), или в сторону увеличения (пятифонемная система в других диалектах); возникли фонема $\bar{e}_2$, возможно также $\bar{a}$ из *an*χ, а также долгое $\bar{i}$ из дифтонга *ei*. В группе шумных согласных в общегерманский период различались три корреляции: глухие щелевые, звонкие слабые щелевые (звонкие слабые смычные) и глухие смычные; кроме того, произошло расчленение глухого щелевого χ на два аллофона — *h* и χ [Макаев 1977, 107—116].

Образование типических черт морфологического строя общегерманского языка, как утверждает Э. А. Макаев, подытоживая многочисленные исследования в этой области, также обнаруживает относительность хронологии тех или иных явлений, т. е. является историческим процессом. Так, система сильного претерита «представляет собою продукт спайки и нормализации ряда гетерогенных образований, имевшей место в позднегерманском языке»; в именной парадигматике раннегерманский язык еще сохранил индоевропейские по происхождению контрастные парадигмы с подвижным ударением и колонным ударением на корне или суффиксе, о чем свидетельствуют, например, в *i*-основах такие примеры, как др.-исл. *dr. -isl. d. -v. -n. gízi* 'великан' или готск. *saubr̥s* 'жертва' с глухим согласным, отражающим ударение на корне, и др.-исл. *elgr* 'лось'

или готск. *hugs* 'мысль' с звонким согласным, отражающим ударение на суффиксе. Однако «в позднегерманском, в связи с имевшей место акцентной революцией, установился единый тип колонной парадигмы с ударением на корне, и тем самым акцентный контраст парадигмы перестал существовать» [там же, 128, 141, 142].

Другой подход к проблеме германского праязыка в советской германистике был сформулирован в работах В. М. Жирмунского. В статье «Существовал ли общегерманский язык-основа?», написанной в 1967 г., но опубликованной посмертно спустя почти десятилетие [Жирмунский 1976₂, 253 и след.], В. М. Жирмунский отверг и младограмматическое толкование этого понятия, основанное на концепции родословного древа и.-е. языков, и сведение его к пучку изоглосс, характерное для ареальной лингвистики. Проблема германского праязыка должна решаться, по мнению Жирмунского, не с точки зрения той или иной догмы, а как признание исторического факта существования такого языка на основании совокупности лингвистических признаков, которые доказывают «единство германских языков как особой группы в рамках языков индоевропейских», свидетельствуют о «древней дифференциации этого единства» и, наконец, обнаруживают «общность германских языков (в целом или частично) с другими индоевропейскими языками или группами языков» [там же, 257—258].

Таким образом, вопрос о германском праязыке, его реальном существовании, распадении на диалекты, о их расхождении, схождении и т. п. Жирмунский решает в социально-историческом плане и требует учитывать «конкретные условия исторической жизни данного народа или группы народов». «Постановка вопроса, — писал он, — о конкретном времени и месте (хронологии и географии) диалектных явлений делает совершенно невыносимым как „сознательное исключение всех экстралингвистических критериев“, так и методологический разрыв между „внешней“ и „внутренней“ лингвистикой» [Жирмунский 1964, 7]. Для Жирмунского очень характерно, что, излагая свое понимание праязыка, он вспоминает известную статью Л. П. Якубинского, который в пору господства так называемого нового учения о языке, когда даже упоминание о праязыке считалось методологической ересью, смело выступил с доказательствами исторической реальности праславянского языка, и подчеркивает, что

Якубинский «защищал» не существование праязыков вообще, а в частности языка праславянского, на основании социально-лингвистического анализа общеславянской лексики [Жирмунский 1976₂, 254].

Но главное в понимании задачи сравнительно-исторической грамматики германских языков для В. М. Жирмунского заключается не в построении новой модели праязыка. Вслед за А. Мейе В. М. Жирмунский считает реконструкцию гипотетической модели праязыка лишь вспомогательной задачей сравнительно-исторического германского языкознания. Иначе говоря, в отличие от классических трудов по сравнительной грамматике германских языков, ограничивающих свою задачу восстановлением гипотетического праязыка, Жирмунский расширяет хронологические рамки сравнительной грамматики, включая в нее историю отдельных языков, образующих данную группу близкородственных языков. При таком понимании предмета сравнительно-исторической грамматики генетический метод, на котором основывалась младограмматическая концепция, оказывается ограниченным в своих возможностях, может быть применен лишь частично и должен быть дополнен типологическим методом.

Так в середине 60-х годов в советской германистике была сформулирована новая концепция сравнительно-исторической грамматики германских языков, противопоставленная изжившей себя младограмматической традиции. Однако выдвинутая в советской германистике новая постановка задачи сравнительной грамматики германских языков отнюдь не перечеркивала реальных достижений младограмматической традиции. Важное значение реконструкции германского праязыка не отрицалось, но традиционное представление о праязыке как о неподвижном феномене необходимо было заменить новым, распространить на понятие праязыка исторический подход и рассмотреть давно установленную совокупность его характерных черт как систему явлений в их связях и хронологических отношениях. Поэтому теперь, спустя почти два десятилетия, различие взглядов В. М. Жирмунского и Э. А. Макаева нельзя понимать, как это было сделано в пылу полемики, как отражение противостояния методологии социолингвистики и структурализма. В действительности речь шла о неизбежном несовпадении методики исторического изучения двух эпох в развитии германских языков, раннюю из которых можно лишь дедуцировать.

Современное состояние сравнительно-исторической грамматики германских языков характеризуют три обзорные коллективные работы: «Сравнительная грамматика германских языков» Института языкознания АН СССР [СГГЯ 1962—1966] под ред. М. М. Гухман, В. М. Жирмунского, Э. А. Макаева и В. Н. Ярцевой, «Toward a Grammar of Proto-Germanic» под ред. Ф. ван Кутсема и Г. Куфнера [GPG 1972] и «Историко-типологическая морфология германских языков» Института языкознания АН СССР [ИТМГЯ 1977—1978] под ред. М. М. Гухман, Э. А. Макаева и В. Н. Ярцевой. Первые две работы продолжают традицию описания прагерманского языка и ранней истории древнеписьменных германских языков, но на уровне науки 60—70-х годов, третья работа представляет собой первый в мировом германском историческом языкознании опыт сравнительно-типологического описания явлений морфонологии и основных морфологических категорий в истории отдельных германских языков.

Появление СГГЯ было расценено в мировой лингвистической периодике как событие большого значения. «С публикацией „Сравнительной грамматики германских языков“ германское историческое языкознание и в определенной степени сравнительно-историческое языкознание в целом, — писал видный американский компаративист У. Ф. Леман в рецензии на первые три тома грамматики, — вступают в новую эру» *. Очень высокую оценку получил и последующий, 4-й том.

Как компендиум сравнительной грамматики германских языков СГГЯ значительно отличается от всех предшествовавших обзоров. Речь идет не только о том, что она включает фактический материал, значительно превосходящий все предыдущие обзоры. Описываемый и анализируемый в ней материал получил новое осмысление в свете успехов, которые достигли в нашем веке индоевропейское, в частности германское, сравнительное и историческое языкознание и теория языкознания. Пересмотрены устаревшие, восходящие к схемам А. Шлейхера и Р. Вестфалья, младограмматические реконструкции. В методике лингвистического анализа получили широкое применение концепция фонологии и концепция морфонологии, выработанные в синхронных исследованиях. Широко использовалось сочетание внешней и внутренней реконструк-

---

* ВЯ, 1965, № 6, с. 122.

ции. Постоянный учет принципа относительной хронологии сделал более углубленным исторический подход при установлении системной связи между отдельными явлениями и т. д. Очень важно также отметить, что в СГГЯ широко использованы данные лингвистической географии, позволившие сочетать методику лингвистического анализа с социологической характеристикой явлений.

1-й том СГГЯ (авторы Н. С. Чемоданов, Э. А. Макаев, В. М. Жирмунский) содержит разделы, в которых определяется место германских языков среди других и.-е. языков [СГГЯ I, 19—113], рассматриваются понятие общегерманского языка и проблема его периодизации [там же, 114—124], а также вопрос о племенных диалектах древних германцев [там же, 125—161]. Разрыв с младограмматической традицией в концепциях, выдвигаемых в этом томе, особенно оцутим. Вопрос о близкородственных связях германских языков в истории и.-е. языкознания решался двояко, и притом в обоих случаях на основании убедительных данных. Германские языки связывали либо с балтийскими и славянскими (Гримм, Шлейхер, в наше время В. И. Георгиев), либо с италийскими и кельтскими языками. В СГГЯ сформулировано новое понимание языковых контактов германских языков с западными и восточными диалектными ареалами. Эти контакты отнесены к разным историческим эпохам. В более раннюю эпоху германские диалекты составляли общий ареал с диалектами, образовавшими впоследствии группу балтийских языков. В более поздний период германцы, вернее, их предки составляли известное единство с италиками до их переселения на территорию Апеннин. После разрыва с италиками германцы входят в соприкосновение с кельтами, связь с которыми продолжалась до первых веков нашей эры, т. е. до романизации галлов. Одним из доказательств реальности этой концепции явился системный анализ лексики.

Понятие прагерманского языка в СГГЯ также получило новое содержание. Хотя У. Ф. Леман в своей рецензии критически относится к выделению в общегерманском языке раннего и позднего этапов в его развитии, такой подход к характеристике дописьменного периода в истории германских языков методологически более правилен, чем простое перечисление черт древнейшего состояния языка германского ареала, которое является традиционным. Леман указывает, что закрепление ударения, кото-

рое рассматривается как граница между ранне- и позднегерманским, германские языки разделяют, хотя бы частично, с италийским и кельтским, что, в частности, подтверждает общая система стихосложения с преимущественной ролью аллитерации в германской, кельтской, а также ранней латинской поэзии. Но это обстоятельство только подтверждает изложенную выше гипотезу о двух этапах контактов германцев с другими этническими группировками. Свободное словесное ударение, характерное для раннего протогерманского, свойственно также балтийским и славянским языкам; тенденция к постоянному ударению, характерная для позднего протогерманского, является одновременно особенностью латинского и ирландского языков. Надо полагать, что указанные совпадения германских языков не являются случайными. Пусть различие в этапах развития прагерманского языка пока намечено схематично, но сильная сторона такой концепции заключается в представлении праязыка как живой, динамической системы.

Традиционной классификации германских языков, созданной в конце прошлого столетия и повторяющейся доныне, в СГГЯ противопоставлена «новая, историческая и динамическая, сложившаяся в результате применения методов современной лингвистической географии к племенным диалектам древних германцев» (с. 125). В противовес старому делению древних германских диалектов на три ареала в СГГЯ постулируется первоначальное деление на две группы диалектов — северную (скандинавскую) и южную (континентальную). Передвижение готов в причерноморские степи во II—III вв. привело к обособленному развитию готского языка. В континентальной группе диалектов к началу новой эры обособились три группы диалектов — ингвеонская (североморская), иствеонская (рейнско-везерская) и эрмионская (приэльбская). Первые две группы находились в тесном взаимодействии друг с другом и впоследствии образовали ингвеонский ареал так называемых западных германских языков. Эрмионская группа, в древности взаимодействовавшая с северным ареалом, впоследствии, начиная с I в., передвинулась на юг Германии и дала начало южнонемецким диалектам. Таким образом, пересмотр традиционной классификации германских языков с учетом данных истории германских племен и народностей и данных лингвистической географии позволил уточнить изменения, которые

происходили в разные исторические периоды на диалектологической карте германского лингвистического ареала, и показать историческую последовательность образования диалектных групп, объяснить сложную историю и пестрые связи древних германских литературных языков.

2-й том СГГЯ (авторы М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсон, Э. А. Макаев, М. И. Стеблин-Каменский) посвящен анализу фонологического строя германских языков. Новый подход к описанию фонетического уровня прагерманского языка и ранних этапов развития отдельных германских языков, который традиционно, даже в более поздних работах [например, Krahe 1966], ограничивался характеристикой состава и комбинаторных изменений звуков, в этом томе СГГЯ отличается целым рядом особенностей. Расширено понимание самого предмета диахронического описания звуковой стороны языка. Помимо разделов, посвященных системе согласных и гласных фонем и явлениям так называемого умлаута, фонологический том СГГЯ содержит также большой раздел, характеризующий проблемы фонологии слова — акцентологию, словесное и фразовое ударение, аблаут и явления конца слова, т. е. не только фонологическую структуру слова, но и воздействие на нее суперсегментных элементов. При решении вопросов, связанных с проблемой архаизмов и инноваций в германской фонологической системе, учтены изменения, которые произошли в и.-е. сравнительной грамматике еще в первой половине нашего века в связи с открытием хетто-лувийских языков, ареальной лингвистикой, ларингальной теорией и т. д. В описании фонетического материала на первый план выдвинуты функциональный аспект и фонеморфологическая характеристика явлений.

Ярким примером нового понимания фонетических явлений в свете теоретических достижений современного языкознания является фонологическое объяснение умлаута в германских языках, который характеризовался обычно только на фонетическом уровне [ср.: Prokosh 1939, рус. пер. 1954, 105 и след.; Krahe 1966, 58—60]. В СГГЯ (с. 156—159) при характеристике явлений умлаута четко разграничиваются три процесса. На первом этапе развития этого специфического для германских языков явления оно существует как фонетическое варьирование гласной фонемы, обусловленное регрессивной ассимиляцией гласных. На письме это варьирование может быть и не выражено, как это, возможно, имеет место в гот-

ском. Когда в дальнейшем развитии языка исчезают условия, которые вызвали варьирование гласной фонемы (ср.: д.-в.-н. *gast*, мн. *gesti* и ср.-в.-нем. *gast* — *geste*), вариант гласного, возникший в процессе ассимиляции, теряет эту свою обусловленность и принимает на себя функцию различительности того или иного грамматического значения, которую ранее выполнял ассимилирующий звук (*i*), *j*, и (*w*), и таким образом начинает выполнять в системе языка роль самостоятельной фонемы. В результате происходит перераспределение гласных фонем, или изменение фонемного состава слов. Состав гласных фонем становится иным, возникают новые типы морфонологического чередования гласных. Явления умлаута рассматриваются при этом как частное проявление общей нестойкости гласного звука корня, характерной для германских языков начиная с древнейшей поры; связанная с этим склонность корневого гласного к ассимилятивному варьированию под влиянием не только звуков следующего слога, но и звуков в пределах того же слога представляет собой общегерманское явление.

Примером обогащения сравнительно-исторической фонологии германских языков новым материалом является раздел германской слоговой акцентуации. Слоговая акцентуация во всех сравнительных грамматиках германских языков, начиная с грамматики В. Штрайтберга, обычно кратко упоминается лишь в связи с судьбой в германских языках и.-е. трех- или двухморной долготы конечных слогов слова. Об акцентуации ударных слогов в индоевропейском Г. Хирт [Hirt 1931] замечает лишь, что она не выявлена, но в германском языке старые долгие ударенные гласные были двухвершинными, о чем, по его мнению, свидетельствует дифтонгизация долгих *ē* и *ō* в древневерхненемецком. Слоговая акцентуация скандинавских языков рассматривалась как локально ограниченное явление. Обнаруженные в диалектах западных германских языков явления слоговой акцентуации также не учитывались сравнительной грамматикой, так как рассматривались как относительно поздние образования, возникшие в период обособленного развития отдельных диалектов.

В СГГЯ С. Д. Кацнельсоном дано лишь описание слоговой акцентуации в шведском, норвежском и датском языках и в рейнских диалектах немецкого языка. В последующих работах [Кацнельсон 1966; 1979] поставлена

задача включить исследование слоговой акцентуации в широкие рамки сравнительно-исторического рассмотрения германской просодики в целом и «средствами внутренней реконструкции восстановить последовательные этапы развития германской слоговой акцентуации» [Кацнельсон 1979, 192], древнейшим историческим типом которой является обобщенный вариант закона Вернера.

В балтийском и славянском языкознании сравнительная акцентология уже давно утвердилась как самостоятельный раздел сравнительно-исторической грамматики. Исследования Кацнельсона кладут начало этому разделу также в сравнительно-исторической грамматике германских языков.

В 3-м (авторы М. М. Гухман, Е. С. Кубрякова, Э. А. Макаев, С. А. Миронов, О. И. Москальская) и 4-м (авторы В. М. Жирмунский, М. М. Гухман, Г. С. Щур) томах СГГЯ рассматриваются проблемы сравнительно-исторической морфологии германских языков, подробно описаны именное и глагольное словообразование, система имени, глагола и других частей речи. Разделы, посвященные словообразованию, в отличие от предшествующих описаний [Kluge 1926; Krahe, Meid 1967] не только детально описывают словообразовательный инвентарь древних германских языков, но вместе с тем являются первой попыткой установить типы словообразовательных моделей и закономерности их образования и развития.

Целый ряд особенностей отличает морфологию в СГГЯ от описаний морфологического строя в предшествующих сравнительно-исторических грамматиках германских языков. Главной из них, что было уже подчеркнуто при характеристике фонологии, являются отход от младограмматической модели и.-е. языка и новое понимание соотношения общегерманской и общеевропейской морфологических моделей. Конкретно этот отход выразился в отказе от старых представлений о сложности морфологической структуры и.-е. языка и тем самым от понимания развития морфологии прагерманского как процесса утери тех или иных именных и глагольных форм. Предметом сравнительно-исторического морфологического анализа являются прежде всего формы и категории самих древнегерманских языков. Это позволяет установить типичность и изолированность, продуктивность и непродуктивность и тем самым хронологическую соотносительность морфологических моделей и явлений, служащую основой для ре-

конструкции общегерманских моделей. «Сопоставление с материалом других индоевропейских языков используется: а) для подкрепления результатов внутренней реконструкции; б) для разграничения специфики германских черт; в) для установления ареальных связей германских языков» [СГГЯ IV, 131].

Таким образом, в морфологии СГГЯ на первый план выдвигается не внешняя, хотя ее значение отнюдь не отрицается, а внутренняя реконструкция. На основании данных внешней реконструкции устанавливается общность германских и общеиндоевропейских или и.-е. ареальных категорий. На основании данных внутренней реконструкции определяется специфический характер развития грамматической структуры германских языков, т. е. пути преобразования сохраняющихся в них и.-е. категорий и явлений и образование морфологических инноваций, специфических только для этих языков. Так, в результате действия процессов морфологического перераспределения и опрощения, восходящих еще к и.-е. эпохе, в германских языках видоизменилась и.-е. модель структуры слова и деление, например, существительных по основообразующему суффиксу постепенно становится анахронизмом. С другой стороны, в оформлении системы форм германского глагола решающую роль сыграло возникновение дентального претерита, явления, которое является специфическим только для германских языков. Оформление структурной оппозиции основ презенса и дентального претерита способствовало переосмыслению старого противопоставления инфекта перфекту в системе древнейшего слоя германских глаголов (глаголов с аблаутом).

Методика описания морфологического строя германских языков в СГГЯ также отличается рядом особенностей. Речь идет прежде всего о системном подходе, заключающемся в том, что при характеристике структурной модели слова, его морфологического состава и т. д. исходят «не из структуры и состава единичных изолированных словоформ (им. падеж, инфинитив), но из построения всей системы словоизменительного или словообразовательного ряда» [СГГЯ III, 8], т. е. из парадигм. С другой стороны, речь идет об историческом и сравнительно-историческом подходе. Благодаря такому подходу устанавливается, например, принадлежность разных структурных моделей слова (трех-, двухморфемной) к разным историческим пластам морфологической системы или восстанавливается,

при учете этимологической соотнесенности словоформ разных языков, система соотносительных связей, оказавшихся разорванными в процессе развития отдельных языков (ср. наличие в основе готского *flōdus* дентального суффикса, который обнаруживается при сравнении этого слова с др.-исл. *flóa*, др.-англ. *flówan*). Такой подход выясняет также историческую изменчивость структуры слова и типы этой изменчивости, например преобразование одной из основ слова в аффикс (ср. преобразование др.-англ. *hād*, д.-в.-н. *heit* в суффикс), преобразование суффикса в составе слова в элемент корня (ср. готск. *flōdus*), преобразование, наконец, трехморфемной модели слова в двухморфемную.

На совершенно иных методологических основаниях построен «Опыт грамматики протогерманского языка», принадлежащий группе видных германистов США [GPG 1972]. Эта грамматика, как отмечает в предисловии к книге Г. Куфнер, обобщает достижения структурализма в американской германистике и должна заменить в университетах младограмматическую «Сравнительную грамматику германских языков» Э. Прокоша, устаревшую уже к моменту своей публикации в 1939 г. Правда, добавляет он не без юмора, может быть, и эта структуралистическая грамматика устареет к моменту своего выхода (т. е. к началу 70-х годов), поскольку структурализм в американском языкознании начинает уступать место трансформационно-генеративной грамматике.

Грамматика протогерманского языка, изданная под редакцией Кутсема и Куфнера, содержит девять глав: методы сравнительной германской грамматики (Г. Пенцль), германские и другие и.-е. языки (Э. Полومه), классификация и внутреннее обособление (*separation*) германских языков (Г. Куфнер), просодические особенности протогерманского (В. Беннет), протогерманский вокализм (Э. Антонсен), протогерманский консонантизм (В. Моултон), протогерманская морфофонемика (Ф. ван Кутсем), германское словообразование (П. Лоу) и протогерманский синтаксис (У. Леман), введенный впервые после известного очерка Г. Хирта [Hirt 1934] в структуру сравнительно-исторической грамматики германских языков.

Г. Куфнер в предисловии извиняется перед читателем за отсутствие в книге разделов, рассматривающих законы конца слов, словоизменение и лексику. Однако не отсутствие морфологии, т. е. одного из главных компонентов

структуры сравнительной грамматики, и других разделов является основным недостатком новой грамматики протогерманского языка. Если отвлечься от социолингвистических глав Полеме и Куффнера, соотнесенных по проблематике и материалу с 1-м томом СГГЯ (см. выше), главное, в чем ее действительно следует упрекнуть, заключается в том, что она не сделала шага вперед в расширении и углублении исторического подхода при рассмотрении проблем сравнительно-исторического германского языкознания.

Типичной в этом отношении является глава Кутсема о протогерманской морфофонемике. По своему материалу это одна из самых интересных глав книги, которая посвящена проблеме, являющейся весьма актуальной, но ее содержание сводится главным образом к перечислению морфонологических альтернатив, встречающихся в древних германских языках и отнесенных, в ряде случаев бездоказательно, к протогерманской эпохе. Трудно, например, согласиться с тем, что альтернативы, базирующиеся на явлениях умлаута, принадлежали уже протогерманскому языку. Содержание главы Лемана о протогерманском синтаксисе также сводится к лишенному исторического осмысления перечислению формул фразовых структур и 18 правил трансформации, иллюстрированных только примерами из древнесаксонского Хелианда, т. е. памятника, очень своеобразного по языку. Особенности синтаксиса Хелианда никак не могут быть отождествлены с синтаксическими особенностями такой отдаленной эпохи, как протогерманский период. Здесь мы имеем дело явно с субъективным подходом к реконструкции элементов древнего синтаксического строя.

Коллективный труд американских германистов-компаративистов, характеризующийся отсутствием исторического подхода и невниманием к установлению и раскрытию внутренних закономерностей развития языка, ясно показал, что методика дескриптивной лингвистики и трансформационной грамматики не является столбовой дорогой компаративистики. Эта методика может быть применена в сравнительно-сопоставительных, но не в сравнительно-исторических исследованиях.

Значительным событием в советской исторической германистике явился выход в свет трехтомного коллективного труда, посвященного историко-типологической морфологии германских языков [ИТМГЯ 1977_{1, 2}; 1978].

Новый труд советских германистов (авторы В. Г. Адмони, М. М. Гухман, Л. С. Ермолаева, Э. А. Макаев, С. А. Миронов, О. И. Москальская, О. А. Смирницкая, В. Н. Ярцева), примыкающий к сравнительно-исторической грамматике и дополняющий ее, в отличие от СГГЯ, для которой основным было восстановление (реконструкция) структурных архетипов и исходных моделей, определяющих генетическую общность германских языков, ставит перед собой другую задачу, связанную с сравнительно-типологической характеристикой развития германских языков в пору их раздельного существования. Основная цель этого нового исследования, как бы продолжающего СГГЯ, заключается в том, чтобы «показать общие тенденции в преобразовании и развитии отдельных категорий или определенных микросистем, выявить тем самым своеобразные диахронические константы, присущие этим языкам, определить соотношение общего и индивидуального как в направленности развития, так и в интенсивности изменений, установить степень и глубину преобразований» [ИТМГЯ 1977₁, 4].

Сравнительно-типологическое исследование функционирования морфологических категорий на всем протяжении истории германских языков от их исходного статуса в общегерманскую эпоху до эпохи образования современных германских литературных языков, которое впервые было осуществлено авторским коллективом ИТМГЯ, естественно, потребовало специфической методики описания материала, новой по сравнению с той методикой, которая в течение 150 лет была выработана в сравнительно-исторической грамматике. «В отличие от сравнительно-исторической грамматики, для которой основным является реконструирование структурных архетипов, исходных моделей разных уровней, а изучение их изменений в древнейших засвидетельствованных памятниках рассматривается как нечто производное и даже второстепенное, историко-типологические исследования нацелены на результат развития и преобразований, на раскрытие внутренних пружин и механизмов, обусловивших сами процессы» [ИТМГЯ 1977₁, 4].

Поэтому для историка-типолога имеют второстепенное значение, например, различия в хронологической глубине сопоставляемых явлений, так как для него, в отличие от историка-компаративиста, важна не относительная хронология, а типологическое тождество процессов и он мо-

жет, как однопорядковые, сопоставлять факты готского языка IV—V вв. и факты современного исландского языка. Для историка-типолога существенно учитывать жанрово-стилистические различия языка памятников, потому что новые типологические явления могут быть характерными только для языка данного жанра, в то время как для историка-компаративиста важна в данном случае лишь фиксация их появления. Понятие того или иного ареала германских языков для историка-компаративиста является стабильным, поскольку этот ареал исторически сложился и обладает совокупностью определенных признаков, т. е. является величиной постоянной; для историка-типолога, который устанавливает типологическую однородность явлений, независимо от принадлежности языков, в которых возникают эти явления, понятие ареала является величиной переменной, потому что в ареал каждый раз могут входить разные языки. Наиболее эффективными приемами выявления новых типологически важных отличительных признаков в развитии морфологического уровня родственных языков являются принцип иерархичности и методика описания на основе оппозиций в сочетании с принципом функционального анализа изучаемых структурных единиц в системе имени и глагола [ИТМГЯ 1977₁, 5—8].

Сравнительно-историческая грамматика германских языков была создана в первой половине прошлого столетия на основе широкого, правда в его идеалистическом толковании, понимания принципа историзма в языкознании. В период младограмматизма, не преодоленного до настоящего времени, произошла ее перестройка в связи с редукцией принципа историзма до понятия фонетического закона. Современный этап в развитии сравнительной грамматики германских языков характеризуется тенденцией к дальнейшей перестройке на основе достижений индоевропейского и общего языкознания и успехов ареальной и социальной лингвистики.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

История романистики последней трети XIX в. и первой половины XX в. представляет собой историю развития различных методов и направлений, которые при своем возникновении часто казались несовместимыми, но в дальнейшем обнаружили известную ограниченность и вместе с тем взаимодополняемость.

В течение последних трех десятилетий происходит существенная переоценка основных приемов сравнительно-исторического изучения романских языков — филологического анализа текстов и сравнения живых языков и диалектов; романистика обогатилась работами, в которых применяются новейшие методы исследования фонологической, грамматической и лексической систем языков; получило распространение сравнительно-сопоставительное изучение языков, начинают появляться работы историко-типологического плана.

Романистика иногда характеризуется как нетипичная в кругу сравнительно-исторических дисциплин, что обусловлено документированностью как источника романских языков — латыни, так и ранних этапов развития самих романских языков. В связи с этим проблемы образования и развития языков в романистике ставятся более конкретно; их решение тесно связано с изучением истории говорящих на романских языках народов. Для романистов чрезвычайно характерно стремление учитывать социальную, функциональную и территориальную вариативность латыни и романских языков, изучать не только факты дифференциации романских диалектов, но и их конвергенции при решении таких проблем, как определение источника романских языков и времени их возникновения, выделение отдельных романских языков в противоположность диалектам и генетическая их классификация. Эти проблемы носят по существу социолингвистический характер, но то или иное их решение оказывает влияние на подход к собственно языковым фактам и небезразлично для задач построения сравнительно-исторической грамматики романских языков.

Конкретизация источника романских языков связана с проблемой социальной и стилевой дифференциации ла-

тыни, долгое время формулировавшейся в традиционных терминах «классическая — вульгарная латынь». Классической латыни, нормированному языку текстов различных жанров III в. до н. э. — III в. н. э., противостоял разговорный язык населения Римской республики и империи, образцами которого романисты, естественно, не располагают и который приходится реконструировать по косвенным данным. По вопросу о соотношении вариантов латыни и соответствующей терминологии у романистов до сих пор нет единого мнения и число точек зрения крайне многочисленно¹. Термин «вульгарная латынь» (часть зарубежных и советских романистов предпочитает употреблять термин «народная латынь», лишенный оценочного оттенка термина «вульгарная латынь») — один из самых многозначных в романистике, поскольку, называя вульгарной латынью разговорный язык, многие исследователи вводят ограничения социального [Herman 1967, 16; Rosetti 1978, 90; Корлэтяну 1974, 78], хронологического [Pighi 1951, 204; Coseriu 1977, 268; Rosetti 1978, 90; Домбровский 1970, 6—7] или пространственного характера [Hall 1957, 313]; другие же под вульгарной латынью подразумевают разговорный язык всех слоев населения Римской республики и империи без дальнейших ограничений [Сергиевский 1952, 74; Tagliavini 1959, 166; Reichenkron 1965, 60 и след.]. Очевидно, что схема «классическая — вульгарная латынь» не может отразить все многообразие социальной, временной и пространственной стратификации письменной и устной речи [Pulgram 1950, 465], поэтому К. Шмитт [Schmitt 1974, 100] считает термины «классическая и вульгарная латынь» ненаучными и предлагает говорить просто о латыни в ее провинциальных вариантах и социолектах.

В настоящее время на первый план выдвигается другой аспект проблемы: соотношение письменной и устной латыни как стилей единого латинского языка [Elcock 1960, 19; Graug 1970]. Вместо противопоставления классической и вульгарной латыни предлагается говорить о письменной и устной латыни в ее вариантах [Sofer 1963, 19; Herman 1967, 15; Pulgram 1950; 1958, 312; Schmeck 1955, 16]. Хотя при этом подчеркиваются единство латыни в грам-

¹ Обзор точек зрения см. в кн.: [Гурычева 1959; Реферовская 1966, 129; Корлэтяну 1974, 78 и след.; Schmeck 1955; Sofer 1963; Reichenkron 1965, 8].

матике и лексике и постоянное взаимодействие разговорной и письменной речи [Сергиевский 1952, 78; Тронский 1953, 206; Tagliavini 1959, 173; Graur 1970, 117], некоторые романисты обращают внимание и на резкие различия между ними [Мейе 1938, 278; Алисова 1980, 7; Schmeck 1955, 19]. Дж. Пиги [Pighi 1951, 204] характеризует языковую ситуацию в III—V вв. как диглоссию: более раннее состояние языка, зафиксированное в письменной норме, т. е. классическая латынь [ср.: Домбровский 1970, 10], превратилось в суперстрат по отношению к вульгарной латыни, определяемой им как последние этапы развития дороманской латыни. Взаимодействие письменной и устной форм латыни проявлялось, в частности, в том, что классическая латынь сдерживала прогрессирующую дифференциацию разговорного языка в эпоху империи [Reichenkron 1965, 42].

В связи с уяснением всей сложности временной, социальной и стилистической дифференциации латыни оживилась дискуссия по вопросу о языке — основе романских языков. Традиционное мнение о том, что романские языки берут свое начало в вульгарной латыни, к середине XX в. было настолько распатано многочисленными оговорками, что, по замечанию К. Морман [Mohrmann 1951, 209,] от схемы «вульгарная латынь → романские языки» ничего не осталось. При рассмотрении происхождения систем романских языков оказывается, что большая часть их элементов этимологически возводится к соответствующим элементам латинской системы, общим для всех ее вариантов. А. Граур [Graur 1970] подчеркивает, что романские языки наследуют прежде всего общий лексический и грамматический фонд латыни, принадлежащий всем ее стилям и сводить происхождение романских языков только к вульгарной латыни было бы неверно. Некоторые ученые считают, что романские языки происходят из классической латыни как более ранней стадии языка, обнаруживающей единство и служащей отправной точкой для этимологических исследований и для построения сравнительно-исторических грамматик. Б. А. Серебренников [1953] также полагает, что классическая латынь представляет наиболее древнюю форму языка — основы современных романских языков. Поздней формой языка-основы является разговорная латынь, результат исторического развития той древней народной латыни, на базе которой сформировался литературный язык классического периода.

Таким образом, если под классической латынью понимать не только нормированный литературный язык, но и определенный этап в развитии латинского языка в целом, то ее нельзя не учитывать при рассмотрении генезиса романских языков.

Социолингвистический аспект проблемы заключается в определении социальной принадлежности языка — основы романских языков [Posner 1966, 43 и след.]. Проблема должна решаться по-разному в зависимости от того, становление какого типа речи изучается: письменной литературной или разговорной устной. При этом, хотя устная романская речь является естественным продолжением устной латинской речи [Алисова 1980, 11], сбрасывать со счетов влияние письменных разновидностей на устную речь невозможно.

Если при определении языка — основы романских языков внимание направлено на его временные, социальные и стилистические параметры, то при исследовании самого процесса рождения новых языков на первый план выступает территориальная дифференциация языка-основы. Хотя письменный материал обнаруживает удивительное единообразие языка во всех частях империи, общие соображения, свидетельства античных грамматиков, и прежде всего данные романских языков и диалектов, заставляют предполагать неизбежную дифференциацию латыни на столь обширной территории ее распространения в течение длительного времени. Еще Ж. Моля [Mohl 1899] разработал теорию о ранней диалектализации латыни в процессе ее распространения по Италии в IV—I вв. до н. э. и о сдерживании развития диалектальных различий возросшим влиянием литературного языка в I—III вв. н. э. В 50-е годы нашего века получил распространение тезис о ранней диалектализации латыни [см., например: Křepinský 1958; Straka 1956; Lausberg 1956, 98; Väänänen 1967, 26]. М. В. Сергиевский [1952, 163—164], разделяя, в общем, мнение Ж. Моля, видит ключ к пониманию единства и дифференциации латыни в разные периоды ее истории в соотношении литературного и разговорного языка. Многочисленные диалектальные особенности вульгарной латыни получили развитие с III в., когда ослабло сдерживающее влияние литературного языка [Vidos 1973, 195; Reichenkron 1965, 63].

В романистике хорошо изучены многочисленные факторы территориальной дифференциации латыни: хроно-

логические, социальные и этнические [Väänänen 1967, 23]. Под хронологическими факторами подразумеваются разное время колонизации отдельных областей и длительность их связей с метрополией. В комплекс социальных факторов входят особенности социально-политического, экономического и культурного развития частей Римской империи; под этническими факторами подразумевается влияние на латынь субстратных и суперстратных языков [Сергиевский 1946, 34; Корлэтяну 1974, 42; Wartburg 1950, 22; Avalle 1965, 57; Vidos 1973, 173—176].

В истории романистики известны случаи, когда какой-либо из этих факторов объявлялся ведущим. Однако первоначальные диалектные расхождения, чем бы они ни были обусловлены, по-видимому, не явились решающими в процессе образования романских языков [Рефесковская 1966, 133]. М. В. Сергиевский [1952, 165] вслед за В. Мейер-Любке [Meuer-Lübke 1901] считал решающим фактором дифференциации латыни и образования романских языков распад Римской империи. В эту эпоху явления, бытовавшие уже долгое время в различных вариантах латыни, смогли получить широкое распространение и легли в основу формирующихся новых языков. Превращение социальных различий в географические, переход диастратии в диатопию при отсутствии единой сети общения является сущностью процесса возникновения романских языков и диалектов [Vàrvaro 1977, 151].

Наиболее дискуссионной в настоящее время остается проблема изменения латыни в результате контакта с другими языками в процессе ее распространения в римских провинциях. Причиной неудовлетворительной разработки этой проблемы являются скудость сведений о дороманских языках Иберии, Галлии, Дакии (италийские языки известны лучше) и невозможность реконструкции социолингвистической ситуации в различных частях Римской империи во всех деталях, в связи с чем рассуждения на эту тему часто носят неконкретный характер.

Остается неясной роль италийских языков в формировании первичных диалектов Италии. По этому вопросу мнения резко расходятся. Так, И. М. Тронский [1953, 157] и В. Ф. Шишмарев [1952, 8] высказываются против преувеличения влияния италийских языков на латынь; напротив, В. М. Сергиевский [1952, 157] принимает тезис Ж. Моля о ранней диалектализации латыни на территории Италии под влиянием италийских языков. Обнару-

жение черт италийских языков в латыни провинций также подвергается сомнению.

Р. Менендес Пидаль, В. Бертольди, П. Эбишер, привлекая исторические свидетельства и данные ономастики, показали, что в колонизации Испании ведущую роль играли италики. Отсюда возникло стремление доказать оскско-умбрское происхождение некоторых черт северо-западных диалектов испанской латыни, которые имеют соответствия в италийских языках: $nd > n$, $mb > m$, озвончение p , t , k после m , n . В поддержку этой гипотезы высказывается В. Пизани [1973, 5], но у нее много и противников: Г. Рольфс, В. фон Вартбург, Ф. Юнгеман и др. [Baldinger 1972, 111; Vidos 1973, 202; Catalán 1974, 60].

Второй круг проблем связан с действием субстратных языков в провинциях. Влияние дороманских языков на латынь провинций в области лексики не вызывает сомнения, влияние в грамматике признается ничтожным; наибольшие споры вызывает возможность влияния в фонетике. Известна социолингвистическая трактовка этой проблемы Р. Менендесом Пидалем [Menéndez Pidal 1950] на примере фонетического изменения $f- > h-$ в кастильском. Он показал, что вначале произношение, обусловленное влиянием родного языка, является вульгаризмом. Затем в благоприятных социальных условиях оно может проникнуть во все страты языка и стать нормативным явлением [ср.: Тоуар 1954, 342—343]. С этой точки зрения влияние субстрата следует принять там, где социальные условия делают вероятным принятие верхами общества, определяющими идеал нормы, фактов интерференции двух языков [Сергиевский 1952, 157; Malmberg 1959, 254; Alonso 1967; Vàrvaro 1968; Malkiel 1972, 841].

Поскольку подобная трактовка проблемы требует воссоздания языковой ситуации в давно минувшую эпоху, а это вряд ли возможно в силу скудости материала, романисты обратились к изучению распространения романских языков в Латинской Америке, надеясь сделать некоторые выводы, которые затем могли бы быть перенесены на процесс романизации. Последние работы Б. Мальмберга [Malmberg 1959; 1973] показали неизбежность лексических заимствований из субстратных языков и незначительность проявления субстратных черт в фонетике и грамматике. При контакте двух языков действительно могут происходить явления интерференции, но вопрос заключается в том,

найдут ли они доступ в норму победившего языка. По этой причине Мальмберг призывает проявлять крайнюю осторожность при изучении кельтского, иберийского и других субстратов. Только обнаружив явления, которые трудно объяснить внутренними тенденциями языка, мы вынуждены прибегнуть к субстратному объяснению.

Исследование развития внутривидовых тенденций фонологических систем в работах по диахронической фонологии, появившихся в 40—60-е годы XX в. [Мартине 1960; Haudricourt, Juillard 1949; Lüdtke 1956; Weinrich 1958; Romeo 1968], показало, что в романских языках, в том числе и в их американских вариантах, продолжают развиваться тенденции, унаследованные ими от народной латыни (тенденция к открытости слога, усилению начальных согласных, смягчению согласных и т. д.). Этими тенденциями, которые пробивают себе дорогу в критические периоды развития общества, и объясняется наличие многих фонетических изменений, толковавшихся ранее как проявление субстратных черт.

Влияние германского суперстрата, исследованное в фундаментальных трудах В. фон Вартбурга [Wartburg 1939; 1950], в отличие от славянского в Дакии [Rosetti 1978, 309 и след.; Петрович 1972] принимается в настоящее время с большим скептицизмом. Влияние вторжений германских племен в Римскую империю на судьбы латыни признается косвенным, а не прямым: они способствовали ослаблению связей между частями империи и развитию дивергентных черт в каждой области.

Влиянию греческого адстрата отводится меньшая роль в процессе дифференциации латыни, но некоторые исследователи придают этому влиянию большое значение². Э. Косериу [Coseriu 1977] считает проблему греческого влияния на вульгарную латынь даже центральной проблемой романистики и указывает на наличие интересных совпадений в области грамматики этих двух языков.

Различный подход к решению проблемы дифференциации латыни непосредственным образом влияет на определение времени возникновения романских языков³. Если учитывать только внутриязыковые критерии, то чет-

² См. различные оценки влияния греческого адстрата в кн.: [Сергиевский 1952, 61; Тронский 1953, 183; Devoto 1944, 127, 225; Tagliavini 1959, 226—232; Herman 1967, 96; Hall 1974, 64].

³ Обзор мнений см. в кн.: [Реферовская 1966, 133 и след.; Mihăescu 1960, 55; Reichenkron 1965, 357].

кую границу между латынью и романскими языками провести нельзя: умирание латыни — это долгий процесс, длившийся от периода упадка империи до VII—VIII вв. [Herman 1967, 114, 120; Bahner 1970, 17]. М. Кшепинский [Křepinský 1958, 1] считает, что романские языки возникли в тот момент, когда автохтонные жители провинций попытались говорить на латыни. Эта точка зрения, естественно, связана с признанием этнического фактора главным в становлении романских языков. Фактически же здесь речь идет о зарождении диалектных различий, а не новых языков с оформившейся оригинальной структурой [Rosetti 1978, 86]. В настоящее время проблема возникновения романских языков ставится также в социолингвистическом аспекте. Р. Райт [Wright 1976, 184—185], как и многие другие, относит возникновение романских языков к позднему времени, поскольку осознание наличия двух языков — латыни и романского в их устной и письменной форме — может иметь место только после первых попыток записи романской речи (Страсбургские клятвы). До этого грамотные люди смотрели на латынь не как на другой язык, а как на способ письма. Р. Л. Политцер [Politzer 1949, 126 и след.] официальной датой рождения французского языка называет 813 г., когда Турский поместный собор предписал епископам произносить проповеди на *rustica romana lingua*. Однако К. Морман [Mohrmann 1951, 218] считает, что факт осознания отличия романского языка от латыни не означает его рождения именно в это время. В качестве решающего фактора она признает нарушение в начале VII в. традиции обучения на классической латыни. Период формирования романских языков она, как и многие другие авторы [Lausberg 1956, 44 и след.; Rosetti 1978, 434; о румынском см.: Mihăescu 1960, 55], относит к 600—800 гг.

Решение проблемы возникновения романских языков и диалектов требует изучения сложной языковой ситуации, которая возникла в период распада Римской империи. Внимание исследователей привлекает прежде всего соотношение письменной и устной латыни в эту эпоху. Указывается на наличие промежуточных стилей между традиционной письменной латынью, следующей классическим образцам, и вульгарной латынью. Поздняя латынь была не только письменным, но и устным языком, хотя и ограниченного круга людей [Avalle 1965, 81; Hall 1974, 106]. Появляется целый ряд письменных стилей, так на-

зываемых скрипт, в какой-то мере отражавших разговорную речь [Avalle 1965, 103 и след.] ⁴. Возникают гибридные тексты, по поводу латинского или романского характера которых до сих пор спорят романисты (Веронская загадка, Страсбургские клятвы). С. Авалле [Avalle 1965, 150] делает вывод о постепенном переходе на письме от латыни к романским языкам, основываясь прежде всего на исследованиях Р. Менендеса Пидалья, посвященных текстам леонских грамот, представляющим собой вариант письменной латыни, возникший в V—VI вв. и сохранившийся до XI в.

К. Тальявини [Tagliavini 1959, 273] рассматривает проблему взаимоотношения устной и письменной речи в раннее средневековье с точки зрения влияния латинского суперстрата не только на формирующиеся письменные романские языки, но и на разговорный язык и диалекты. Это влияние являлось унифицирующим фактором огромной силы вплоть до наших дней, что привело к значительной конвергенции в развитии романских языков. Исключение представляет румынский, для которого культурным суперстратом был старославянский и который включился в сферу латинского влияния в XVIII—XIX в.

Крайне запутанной остается в романистике проблема классификации языков и диалектов в силу специфичности романского языкового континуума: наличие близких по структуре диалектов, незаметно переходящих один в другой, многообразие типов отношений между литературными языками и диалектами, меняющихся от эпохи к эпохе. Это делает крайне затруднительным как выделение отдельных языков и диалектов, так и их группировку, которая подтверждалась бы и сходством языковых структур в современном состоянии, и историческими условиями развития латыни в тех или иных регионах.

При выделении отдельных языков в противопоставлении диалектам наблюдается смешение лингвистических и социолингвистических критериев [Пиотровский 1973; Гак 1976]. Ф. Диц [Diez 1882, 1, 82, 84, 93, 111, 113] и В. Мейер-Любке [Meyer-Lübke 1890, т. 1, 8] выделяли отдельные языки прежде всего по наличию письменности.

⁴ Впервые понятие скрипты применительно к вопросам формирования письменных романских языков было введено Л. Ремаклем [Remacle 1948] и оказалось крайне плодотворным для романистики [см.: Катагощина 1978].

Такие языки, как ладинский, франко-провансальский, сардинский, были выделены на основе их оригинальных фонетических и морфологических черт. В настоящее время большинством романистов признается самостоятельность испанского, португальского, каталанского, французского, окситанского (ранее — провансальского), итальянского, румынского, далматинского языков. В советской романистике самостоятельным литературным языком признается молдавский [Вартичан и др. 1976; Корлэтяну 1979], с чем не согласны некоторые зарубежные исследователи. Споры ведутся относительно самостоятельности таких языков, как галисийский [Васильева-Шведе 1966], гасконский, который в средние века считался отдельным от провансальского языком [Tagliavini 1959, 361], франко-провансальский [Бородина 1965, 56 и след.], аромунский, или македорумынский, истрорумынский, мегленорумынский [Cazacu 1959; Rosetti 1978, 612 и след.]. Проблема единства трех групп диалектов ретороманского — швейцарских, тирольских и фриульских — также остается открытой [Бородина 1973; Сухачев 1978, 8 и след.; Francescato 1972]. Проблематичным остается также причисление к романским креольских языков, развившихся на основе французского, португальского и испанского [Вайнрайх 1972; Hall 1966].

Классификация языков и диалектов может быть историко-генетической, если учитывается общность их исторического развития, и структурно-типологической, основанной на схождениях и расхождениях результирующих состояний [Schmitt 1974, 29]. В романистике существует большое количество классификаций, в основу которых положены разнородные критерии⁵. Недостатки этих классификаций состоят в смешении данных диалектов и данных литературных языков, в неразграничении генетических и типологических оснований классификаций, в неразличении синхронного и диахронного аспектов исследования. Эти недостатки проявились в спорах относительно возможности деления романских языков на восточные и западные. В. фон Вартбург [Wartburg 1955] произвел это деление на основе двух признаков: судьбы конечного -s и интервокальных смычных. По этим признакам итальянские диалекты были отнесены вместе с румын-

⁵ Обзор мнений см. в кн.: [Васильева-Шведе 1970; Широкова 1979, 5—22; Schmitt 1974, 17—40].

скими к восточным. Но с типологической точки зрения итальянские диалекты имеют существенные отличия от румынских и гораздо ближе к другим языкам и диалектам западной подгруппы [Jordan 1968]. Традиционное деление романских языков на галло-, иберо-, рето- и балкано-романские критикуется за разнородность лежащих в его основе критериев: географического, субстратного и т. д. [Vidos 1973, 262]. В связи с этим К. Шмитт [Schmitt 1974, 36] выдвигает генетико-типологическую классификацию, построенную не на основе отдельных признаков, а с учетом всей совокупности данных исторического развития структуры романских языков.

Рассмотренные выше проблемы образования и развития романских языков изучаются прежде всего на материале памятников письменности. Черты разговорной речи романисты восстанавливают по данным латинских грамматиков и лексикографов, на основе изучения текстов глоссариев, надписей, тироновых нот, дипломов. Таким образом, у романистов нет прямых свидетельств языка — основы романских языков — разговорной латыни. Процесс ее развития и дифференциации не доступен непосредственному наблюдению, и его приходится реконструировать по косвенным данным. Для решающего этапа — IV—VI вв. — у нас имеется особенно мало текстов. В настоящее время происходит значительная переоценка возможностей реконструкции разговорной речи по данным текстов, поскольку стало очевидным, что разговорная речь получает в них крайне опосредованное отражение [Пиотровский 1973, 241; Пизани 1973, 5; Pulgram 1950, 459; Malkiel 1968; Mihaescu 1960]. Филологический анализ глоссариев также приводит к изменению представления об их важности для истории романских языков [Klein 1965; Robson 1963].

Понятен особый интерес, который романисты проявляют к позднелатинским текстам VI—X вв. Они дают материал прежде всего для истории литературных языков [Реферовская 1966, 140]. Тем не менее тщательное статистическое обследование текстов может дать материал по развитию разговорной речи, так как некоторые морфологические и синтаксические ее особенности находят отражение в текстах [Politzer 1949] ⁶.

---

⁶ О методике реконструкции разговорной речи из текстов см. в кн.: [Пиотровский 1960; Реферовская 1964; Надэль, Пиотровский 1959].

Ввиду принципиальной ограниченности возможностей реконструкции разговорной речи на основе текстов реконструкция на основе сравнения современных языков и диалектов приобретает первостепенное значение и в романистике. Изучение живых говоров и диалектов, начало которому было положено Ж. Жильероном, дало в руки романистов такой материал, который позволяет восстанавливать черты исходного состояния и промежуточных этапов развития диалектов с большой полнотой. Однако значение метода сравнительной реконструкции для восстановления вульгарной латыни в различные периоды ее развития и его соотношение с филологическим методом анализа текстов являются предметом дискуссий романистов уже продолжительное время. В романистике отношение к сравнительному методу не раз менялось. В. Мейер-Любке вслед за Г. Гребером ставил сравнение романских языков как источник наших знаний о вульгарной латыни на первое место. Его позиция подвергалась критике главным образом из-за гомогенности восстанавливаемой латыни, которая мало соответствовала реальной латыни в ее вариациях (Мейер-Любке использовал данные литературных языков).

В первой половине XX в. сравнительный метод не был популярен и исследования вульгарной латыни проводились на письменном материале. К середине XX в. споры о соотношении сравнительного и филологического методов возобновились. Стало ясно, что анализ текстов может лишь подтвердить результаты сравнения, которые в свою очередь являются средством контроля, позволяющим правильно понять результаты интерпретации текстов [Herman 1967, 35; Ferguson 1976, 12; Tagliavini 1959, 173; Väänänen 1967, 20; Mohrmann 1951, 212—219; Hall 1966, 118]. Тем не менее и сегодня среди некоторой части романистов проявляется сдержанное отношение к методу сравнительной реконструкции [Rosetti 1978, 90—91; Mihăescu 1960, 50; Tovar 1954, 334].

На романском материале особенно четко выявляются возможности и пределы применения метода сравнительной реконструкции. Имея более или менее полное представление о системе языка-основы, романист легко может обнаружить, что посредством сравнения можно реконструировать только часть этой системы. Зачастую языку-основе приписываются элементы, параллельно развившиеся в разных языках [Väänänen 1967, 19]. Реконструк-

ция в результате сравнения дает более однородный языкооснову, чем это было на самом деле; реконструированное состояние оказывается как бы модернизированным, поскольку в него попадают более поздние черты развития [Тронский 1953, 258]. И тем не менее было бы неверно умалять значение данного приема исследования. Например, только сравнение романских языков позволило восстановить вокализм вульгарной латыни, характеризующийся переходом количественных различий в качественные [Väänänen 1967, 30; Ferguson 1976], выявить изменения в словесном ударении; особенно велико значение сравнения в восстановлении вульгарнолатинской лексики, на что еще указывал Ф. Диц [Diez 1882, 23]. Я. Малкиэл [Malkiel 1972, 840—841] считает одним из выдающихся достижений сравнительно-исторического романского языкознания установление диалектных различий в вульгарной латыни (прежде всего в работах Г. Лаусберга [Lausberg 1939, 1956]).

В настоящее время большинство романистов рассматривает восстановленный протороманский не как реальный язык, а как совокупность лингвистических черт, как абстракцию, выводимую из конкретной реализации каждого романского говора [Gulstad 1975, 67; Leumann 1960, 2; Ferguson 1976, 13]. П. Рамат [Ramat 1977, 26] противопоставляет протоязык как модель, построенную на основе типологических сходжений родственных языков, и вульгарную латынь как гетерогенную совокупность отклонений (в диастратии, диатопии и диахронии) от письменной нормы. Иногда протороманский рассматривается как своего рода диасистема, по отношению к которой отдельные романские языки и вульгарная латынь являются диалектами. Диасистема подчеркивает происхождение систем из одного источника и их развитие по параллельным линиям [Francescato 1965, 485; Posner 1972, 47; см. также: Степанов 1976, 9 и след.]. В «Грамматике и семантике романских языков» [1978, 12] под общероманским, или протороманским, понимается гипотетическая модель языка, которая отражает переходный этап развития от вульгарной латыни к романским языкам.

Р. Холл, последовательный приверженец реконструктивного подхода, колеблется в определении сущности протороманского, но склоняется к признанию его реальности. В одной из своих работ [Hall 1974, 71] он считает

протороманский сестрой классической латыни, общий предок которых, так называемая латынь Гракхов, датируется между 150 — 100 г. до н. э.; период существования протороманского — 100 г. до н. э. — 0. Холл считает реконструкцию протороманского первоочередной задачей романистики и вслед за Дж. Трейджером предлагает последовательную программу восстановления промежуточных общих состояний — протогалло-романского, протоиберо-романского и т. д. — вплоть до протороманского [Hall 1957; 1974, 16, 236; 1976, 14]. Однако романистам, которые хорошо представляют всю сложность социальных и языковых процессов в древней и новой Рومании, чуждо представление о развитии романских языков как о последовательном делении общих состояний (родословное древо), поэтому понятие о промежуточных общих языках как действительно существовавших языковых состояниях не выдерживает критики [Мейе 1954, 22; Тоуар 1954, 344; Bahner 1970, 13, 61 и след. об общебалкано-романском].

В целом в романистике реконструкция протороманского не считается центральной проблемой [Гурычева, Катагощина 1964, 3; Алисова 1980]. Сравнительно-исторический анализ романских языков и диалектов и латыни в основном направлен на отыскание общих тенденций развития, унаследованных романскими языками от языкоосновы. Реконструкция черт исходного состояния и промежуточных этапов развития как путем филологического анализа, так и путем сравнительной и внутренней реконструкции — это начальный этап исследования, помогающий уяснить общее направление развития родственных языков. В недрах романистики в конце XIX в. и в XX в. зародились такие методы исследования, как лингвогеография, лингвистическая геология и стратиграфия, ареальная лингвистика, метод «слова и вещи», ономаσιология. Все они были направлены на то, чтобы путем привлечения материала живых языков установить пространственное распределение явлений и реконструировать их хронологическую последовательность, развернуть абстрактную формулу «исходное состояние → конечное состояние» в сложный исторический процесс возникновения и распространения инноваций, конкуренции и взаимовлияния различных форм.

Учет вариативности реализаций внутри одной лингвистической системы в определенный период времени за-

ставляет романистов осторожно подходить к установлению относительной хронологии явлений. Метод относительной хронологии применил В. Мейер-Любке в своей исторической грамматике французского языка [Meyer-Lübke 1934], где он устанавливает 19 этапов развития фонетической системы от латыни к французскому; этот метод применяется также Э. Рихтер [Richter 1934], Ж. Стракой [Straka 1956] и другими. По мнению А. Варваро [Varvaro 1968, 290], эти работы страдают схематичностью из-за неучета действительной истории распространения инноваций. Р. Менендес Пидаль [Menéndez Pidal 1950] подходит более исторично к фактам, придавая им географическую и хронологическую определенность. Он использует архивный материал, поэтому имеет возможность изучить более детально распространение фонетических явлений во времени и пространстве, определить разный темп одного и того же изменения в разных регионах и тем самым установить его относительную хронологию дифференцированно по областям.

Оживленно дискутируется в современной романистике одна из центральных проблем сравнительно-исторического языкознания — проблема причин языковых изменений. В анализе причин изменений в собственно языковой системе заметно тяготение к социалингвистическому объяснению фактов [Алисова 1971, 10; Степанов 1976, 33; Väänänen 1967, 37; Granda 1977, 531—532; 538—539; Malmberg 1959, 258]: инновации, возникающие в речи, становятся всеобщими и входят в систему языка по причинам социально-экономического порядка.

Продолжается исследование разнообразных причин изменений в речи и соотнесение их с общими тенденциями развития фонологической и грамматической систем языка. Выше уже указывалось, какую роль ранее отводили романисты действию субстрата и суперстрата в фонетике. В настоящее время признается ведущей роль синтагматических факторов в возникновении фонетических инноваций, при этом существующая фонологическая система рассматривается как одно из условий закрепления инноваций, но не как их инициатор. Работы по диахронической фонологии А. Мартине, А. Льорака, Г. Людтке, Г. Вайнриха и других, в которых фонетические изменения рассматривались как результат действия определенных закономерностей самой фонологической системы (стремление к равновесию, экономии, заполнению пустых кле-

ток), были восприняты двойственно. С одной стороны, эти работы получили поддержку за отказ от объяснения фонетических изменений труднодоказуемым влиянием субстрата и суперстрата, с другой — они подверглись критике за телеологический подход к явлениям языка, за неучет того факта, что изменения в языке происходят не внезапно, различные реализации сосуществуют долгое время и «пустых клеток» в системе не существует [Vidos 1973, 137].

Долгое время «фонетическая эрозия» грамматических формантов представлялась лингвистам основной причиной грамматических изменений. В настоящее время во многих случаях сама эрозия признается следствием перестройки грамматической системы. Было замечено, что эрозия действует прежде всего в сфере имени, но не глагола [Cosegiu 1968, 3; ГСРЯ 1978, 9]. Распад системы склонения в свою очередь объясняется функционально-семантическими причинами: наличием рядом с падежами более экспрессивных предложных оборотов, уменьшением синтаксической роли форм склонения в результате увеличения роли фактов дистрибуции, плохим различием в латыни и романских языках пространственных отношений, формальным упрощением сложной системы латинского склонения по мере распространения латыни в провинциях империи (креолизация) [Herman 1967, *passim*; Мейе 1938, 236]. Напротив, отмечается устойчивость латинской системы глагола в романских языках. Возникновение аналитических форм глагола рассматривается как результат развития ранее существовавших синтаксических конструкций, но не как результат сознательного заполнения пустот в системе или изменения взглядов говорящих на сущность временных отношений [Elcock 1960, 108].

Исторический синтаксис представляет собой особо трудный объект для исследования как в плане реконструкции исходного состояния, так и в плане отыскания причин изменения построения простого и сложного предложения [Meyer-Lübke 1901, 89; Будагов 1955]. В этой области особенно велико влияние одного языка на другой, а в случае романских языков — влияние классической латыни на становление синтаксической системы неолатинских литературных языков. Но именно в изменении синтаксической структуры предложения кроются причины многих изменений морфологического уровня: утрата па-

дежей в имени, возникновение таких времен, как будущее в. прошедшем (в результате утраты конструкции *Accusativus cum Infinitivo*), изменение в употреблении приглагольных местоимений и т. д. [Будагов 1949; Harris 1978].

Определение закономерностей развития лексической системы привлекло внимание исследователей недавно, хотя еще Ф. Диц [Diez 1882, 41—45] приводил списки слов по темам, которые не сохранились в романских языках, и указывал на то, что наибольшие изменения претерпела глагольная лексика, обновление существительных и прилагательных не так велико. Глагольная лексика представляет собой наиболее оригинальную часть словаря каждого языка и по причине своей направленности на отражение свойств и отношений предметной действительности, а не самих предметов подвержена постоянному семантическому скольжению [Бородина, Гак 1979]. Лексико-семантические сдвиги, обусловленные не внешними воздействиями на язык, а самим характером структурных связей в лексической системе, зависят в конечном счете от универсальных логических отношений между понятиями [Макаров 1972]. Причины сохранения наименования одних предметов и дифференциации наименований других могут носить также аффективный характер [Rohlf's 1971].

Изучение причин языковых изменений приводит к выделению как универсальных, так и специфически романских формальных и семантических тенденций. Это предполагает широкий типологический подход на основе как сравнения романских языков и латыни между собой, так и их соотнесения с нероманскими языками [Алисова 1980, 4; Макаров 1972, 366; ГСРЯ 1978, 10]. Исследования в этой области пока только начинаются. Дело в том, что в романистике почти отсутствуют работы сравнительного характера, в которых прослеживались бы сходства в развитии отдельных языков и диалектов. Сравнение языков проводилось чаще на уровне литературных стандартов в синхронном плане, и это вело к обнаружению прежде всего дивергентных черт [ГСРЯ 1978, 16].

О плодотворности историко-типологического подхода к фактам родственных языков свидетельствует исследование Т. А. Репиной [1974], в котором на примере внешне различных процессов — сохранения именной падежной системы в румынском и исчезновения ее во французском —

показывается глубокая общность направления развития романских языков от синтетического способа выражения грамматической информации флексией в каждом члене именной группы к аналитическому способу: сосредоточению грамматической информации в формах артикля и детерминативов.

А. Мейе [1938, 240] указывал, что значительная часть тенденций развития вульгарной латыни, а значит, и романских языков восходит к структуре праиндоевропейского. Но в работах романистов пока отсутствует увязка романских типологических особенностей с общеиндоевропейскими [Reichenkorn 1965, 77].

Я. Малкиэл, описывая идеал исторической грамматики, отмечает, что сравнительно-историческая грамматика, которая охватывала бы все структурные уровни всех романских языков, живых и мертвых, отсутствует и вряд ли можно ожидать ее появления в будущем [Malkiel 1968, 75]. Грамматики Ф. Дица [Diez 1882] и В. Мейер-Любке [Meyer-Lübke 1890—1902] устарели и с точки зрения современного исследователя малоисторичны, так как в них нет описания развития систем языков [Jordan 1968, 106]. Например, синтаксическая часть грамматики Дица не потеряла своего значения и в наши дни как ценный свод отдельных фактов, но этот раздел представляет собой по существу сопоставление синтаксических явлений латыни и романских языков без изучения их развития. Многотомная сравнительно-историческая грамматика романских языков Р. Холла [Hall 1974; 1976], в 1-м томе которой рассматривается внешняя история романских языков, а во 2-м томе даны таблицы фонетических соответствий, также не соответствует современным представлениям об исторической грамматике.

По мнению исследователей, имеющиеся исторические грамматики отдельных романских языков содержат многочисленные недостатки. История языка рассматривается как история латинских флективных форм, роль же романских инноваций, особенно в области аналитической морфологии, недооценивается; описание истории языка не доводится до современного состояния [Бородина 1965]. Отмечается малая историчность исторических грамматик, так как в них прослеживается не изменение состояния языка в целом, а судьба отдельных явлений [Vàrvaro 1968, 293]. Я. Малкиэл [Malkiel 1968] подчеркивает отсутствие элемента сравнения в исторических граммати-

ках: чаще всего исследователь ограничивается изучением истории одного языка; нет даже сравнительно-исторической грамматики таких выгодных для сравнения языков, как испанский и португальский. В этом проявляется результат предпочтительного изучения дивергентных черт романских языков, а не их сходств, обусловленных генетически и типологически. Вопросы исторического синтаксиса, стилистики и семасиологии разработаны совершенно недостаточно [Будагов 1955; 1965; Togeby 1962].

Известно, какое большое методологическое значение имели романистические исследования для сравнительно-исторического языкознания в XIX и первой трети XX в. В романистике зародился ряд идей и методов, относящихся к исследованию материала, однако единой лингвистической концепции выработано не было [Malkiel 1968, 68]. Р. А. Будагов [1965, 161] отмечает, что романисты избегают больших вопросов теории: обсуждения закономерностей развития языков, структуры их в синхронии и диахронии, связи между семантикой и грамматикой. В исследованиях преобладают частные темы. Об отсутствии общетеоретических работ, в которых бы обобщалась практика сравнительно-исторических исследований, говорят и другие ученые [Catalán 1974, 326; Hall 1974, 244; 1963, 94]. Й. Йордан [1971, 566 и след.] считает, что романистика утратила положение «наставницы языкознания», которое она занимала 35 лет назад. В связи с этим говорится даже о ее кризисном состоянии. Тем не менее само состояние изученности имеющегося материала позволяет надеяться на возможность его успешного теоретического осмысления с позиций общего и сравнительно-исторического индоевропейского языкознания.

АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК

Сравнительно-историческое индоевропейское языкознание с начала своего зарождения в первой половине XIX в. и вплоть до середины XX в. сосредоточивало внимание преимущественно на группах языков, засвидетельствованных древнейшей письменной традицией (индоиранская, греческая, итальянская — главным образом латынь; позже также хетто-лувийская), и на отдельных группах с более новой письменной фиксацией (германская — готский и др., славянская — старославянский и др., балтийская — литовский и др., позже кельтская и тохарская). Обращение к данным «малых» языковых моногрупп, т. е. языков, уникально представляющих особые ветви и.-е. языковой общности, албанской и армянской, а также древних исчезнувших групп — палеобалканской (иллирийский, фракийский, фригийский, древнемакедонский, мессапский), венетской и некоторых других, носило случайный и бессистемный характер.

В соответствии с утвердившимися взглядами было принято считать, что свидетельства этих языковых групп ничего существенно нового не добавляют для сравнительной грамматики и.-е. языков и реконструкции общеиндоевропейского языкового состояния. Албанский на всех уровнях его структуры, даже на самом раннем, фиксированном памятниками этапе, представал как язык, сильно преобразовавший в процессе развития общеиндоевропейское наследие. Насыщенность албанского словаря лексическими заимствованиями, принадлежащими разным историческим эпохам и разным языкам, при первом знакомстве с ним заставляла считать албанский «смешанным» языком [Adelung 1809, 792].

Периферийное положение албанского языка как объекта и.-е. языкознания объяснялось также его поздней письменной фиксацией в литературных памятниках. Самые ранние письменные свидетельства албанского языка относятся к XV в. Этим временем датируются три памятника староалбанской литературы: «Формула Крещения» (Formula e Pagëzimit) в переводе на албанский архиепископа г. Дурреса Пала Энгьелли (1462); словарик немецкого путешественника Арнольда фон Харфа (1497), со-

держащий 28 албанских слов, 8 фраз и 12 числительных; отрывок из Евангелия от Матвея (Perikoreja e Ungjillit)¹. К этому же, а возможно и более раннему, периоду относится и небольшая, состоящая из нескольких слов интерполяция на албанском языке в латинском тексте комедии Томмаза де Медзо (Thomas Medius) «Epirota», изданной в 1483 г. в Венеции [Braun, Samaj 1972]. Важнейшим памятником староалбанского языка остается, однако, «Служебник» (Meshari) XVI в., собрание молитв в переводе на албанский язык Гьона Бузуку, наиболее полно отражающий самую раннюю письменно запечатленную ступень его развития².

Историческому периоду, реально отраженному в письменных памятниках, предшествовало время длительного дописьменного развития албанского языка. История албанского языка, согласно современной периодизации, предложенной А. В. Десницкой, разделяется на четыре периода [Десницкая 1966, 8—9]. Опираясь на периодизацию Десницкой и внося в нее некоторые уточнения и добавления, в истории албанского языка можно выделить следующие этапы развития: *протоалбанский* — вычленение из и.-е. общности в орбите палеобалканской диалектной зоны (начало II — конец I тыс. до н. э.); *древнеалбанский* — выделение из палеобалканской общности и развитие в качестве самостоятельного языка (I—X вв.) — с подразделением на *раннедревнеалбанский* (I—V вв.) и *позднедревнеалбанский* (V—X вв.); *среднеалбанский* (XI—XV вв.); *староалбанский*, охватывающий время создания памятников староалбанской литературы (XV—XVIII вв.); *новоалбанский* — с конца XVIII в. до настоящего времени.

С точки зрения генетического и.-е. языкознания интерес к албанскому языку обусловлен прежде всего его обособленностью в семье родственных языков, т. е. статусом моногруппы, а также тем, что он генетически восходит к палеобалканскому комплексу древних исчезнувших языков, который, по-видимому, занимал центрально-промежуточное положение в членении и.-е. диалектной об-

---

¹ Historia e letersisë shqipe, vol. I—II. Prishtinë, 1975, p. 123—124.

² Критическое издание этого памятника подготовил известный албанский филолог Э. Чабей: «Meshari» e Gjon Buzukut (1955). Botim kritik punuar nga Eqrem Çabej, pt I—II. Tiranë, 1968.

ласти на два макроареала: западный (древнеазиатский) и восточный (древнеевропейский) [Нерознак 1981]. Весьма существенную роль играют данные албанского языка для ареальных исследований и.-е. языков, особенно в связи с осуществляемой в современном и.-е. языкознании реинтерпретацией сравнительной грамматики и вытекающей из этого пересмотра необходимостью новой реконструкции диалектных интерреляций внутри и.-е. языковой общности.

Определение места албанского в кругу и.-е. языков составляет одну из самых интересных страниц в истории сравнительно-исторического языкознания³.

Стихийное введение материалов албанского языка в зарождающуюся сравнительную филологию началось уже в первой половине XVII в. Первым таким опытом можно считать составление двуязычного латино-албанского словаря (*Dictionarium Latino-Epiroticum*) епископом Франгу Барди [Bardhi (Blancus) 1635; Roques 1932]. Именно этот словарь, по мнению албанологов, послужил выдающемуся немецкому философу Г. В. Лейбницу основным источником для его наблюдений над лексикой албанского языка, размышления о месте албанского языка в универсальной классификации языков мира и его связях с другими языками [Десницкая 1970, 39—40]. Лейбниц установил некоторое число латинизмов в албанском словаре и указал на ряд сходств в албанской лексике и лексике греческого, германских, кельтских и армянского языков. «Было бы хорошо, — писал Лейбниц в письме к Матюрену Вейсвер ля Крозу, — отделить в албанском языке то, что является его собственным достоянием, от заимствований» [*Viri illustris. . . Leibnitii Epistolae* 1734, 407].

В начальный период изучения албанского языка составлялись краткие описательные грамматики, созданные на основе описания живой диалектной речи. Первой грамматикой албанского языка в его гегском варианте стал труд итальянского миссионера Ф. М. да Лечче «Грамматические наблюдения» [Da Lesse 1716].

Для сравнительного изучения лексики албанского языка, а позднее и для становления балканского языкознания большое значение имело составление многоязыч-

---

³ Подробно о начальном этапе изучения албанского языка см.: [Десницкая, 1970, с. 38—61].

ных словарей балканских языков, а именно трехязычного (новогреческо-влашско-албанского) словаря Т. Каваллиоти Καβαλλιώτι (1770) и четырехязычного (новогреческо-влашско-болгарско-албанского) словаря Даниила Мосхополитиса (1802)⁴.

В начале XIX в. были сделаны попытки генетического отождествления албанского языка. В сводном труде о языках мира «Митридат, или общее языковедение» И. Х. Аделунг определил албанский язык как не относящийся ни к одному из известных языков Европы, смешанный по своей природе. В качестве ближайших албанцам родственников Аделунг рассматривал тюркских булгар и кавказских албанцев [Adelung 1809]. Позже, однако, И. С. Фатер попытался объяснить некоторые сходства албанского языка с латинским и романскими языками и высказался в пользу их общего источника [Vater 1822].

Важное значение для истории албанского языка имело открытие основоположника современной балканистики В. Копитара в составе албанской лексики архаического слоя латинских заимствований, который определил в них следы неаффрицированного произношения заднеязычных смычных (kikere : qiqer 'горох' < лат. cicer; kere : qerë 'лук' < лат. sera и др.), что позволило ему довольно точно установить, что эти слова были восприняты из латинского языка в эпоху Августа (конец I в. до н. э. — нач. I в. н. э.) [Kopitar 1829].

Первым, кто надежно установил принадлежность албанского к и.-е. семье, был И. Ксиландер. В книге «Язык албанцев, или шкипетаров» он тщательно проанализировал связи албанского в лексике с другими и.-е. языками и установил серию лексических встреч, в первую очередь албано-санскритских и албано-германских, на основании которых пришел к окончательному выводу об и.-е. природе албанского языка [Xylander 1835]. Им, в частности, была установлена важная для сравнительно-исторической и.-е. фонетики закономерность, проявляющаяся в соответствии албанского начального gj- начальным h- в греческом и s- в латинском (алб. gjumë 'сон', греч. ὕπνος, лат. somnus 'то же'). Не менее важным наблюдением Кси-

---

⁴ Переиздание этого словаря в отдельном выпуске журнала «Zeitschrift für Balkanologie» подготовил И. Кристофсон: Das Lexikon des Daniil Moschopolitis. Neu ediert von J. Kristophson. — Zeitschrift für Balkanologie, 1974, Jg. X, H. 1.

ландера стало открытое им явление умлаута при образовании мн. числа у группы имен существительных в албанском языке. Решающими аргументами при определении и.-е. характера албанского языка явились все же его лексические сопоставления, позволившие ему с полным основанием утверждать, что такой язык, как албанский, имеет право считаться членом и.-е. семьи и что в дальнейшем на этот счет уже не может быть никаких сомнений [там же, 311].

После установления принадлежности албанского к и.-е. языковой семье необходимо было уточнить его ближайшие генетические связи, его отношения с идентифицированными группами родственных языков. Однако определить положение албанского в кругу и.-е. языков удалось не сразу. Первая такая попытка, окончившаяся неудачей, была предпринята А. Шлейхером. В своих начальных генетических построениях Шлейхер выделил особую «пеласгийскую» ветвь, в которую, по его мысли, входили греческий, романские и албанский языки [Schleicher 1850]. Албанский и новогреческий, согласно Шлейхеру, являлись продолжением древнегреческого. Позднее в схеме и.-е. генетического древа он отвел албанскому место в группе языков южной зоны, включавшей также итало-кельтские и греческий языки, и вновь высказался за ближайшие связи албанского с греческим [Schleicher 1862].

Тезис об и.-е. принадлежности албанского получил дальнейшее обоснование в статье Г. Штира «Является ли албанский язык индоевропейским?», в которой он убедительно показал и.-е. характер албанских числительных и глагола «быть» [Stier 1854]. В то же время в определении его ближайших генетических связей Штир разделил ошибочную концепцию Шлейхера.

Неоправданность такой группировки стала очевидной после выхода комплексного филологического труда И. Г. Хана «Албанские исследования» [Hahn 1854], содержавшего подробное грамматическое описание тоскского диалекта, словарь и фольклорные тексты. В научный оборот был введен обширный, систематизированный корпус албанских языковых данных.

Основываясь на описаниях грамматического строя обоих албанских диалектов, северного (гегского) Ф. да Лечче и южного (тоскского) И. Г. Хана, а также на работе И. Ксиландера, выдающийся немецкий компарати-

вист, один из основоположников сравнительно-исторического и.-е. языкознания, Ф. Бопп в исследовании «Об албанском языке в его родственных связях» [Ворр 1855] впервые осуществил генетическую интерпретацию свидетельств албанского языка на принципах сравнительно-исторического языкознания. В отличие от своих предшественников, занимавшихся преимущественно выявлением лексических тождеств албанского с иными и.-е. языками, Бопп сосредоточил свое внимание на сравнительном изучении албанской морфологии. Важнейшим результатом его исследования стало открытие в структуре албанского слова целого ряда архаических и.-е. черт, таких, как сохранение показателя и.-е. глагольной серии на -mi в 1 л. ед. ч. наст. вр. (jam 'я есмь', thom 'говорю'), форм сигматического аориста (dhashë 'я дал', lashë 'я оставил', gashë 'я упал' и т. д.), причастий на -mun, соответствующих санскритским формам -mana, греч. -μενο, прилагательных на -të, продолжающих и.-е. причастия на -t (алб. i plotë 'полный', лат. completus) и ряд других.

Данные, полученные Боппом при исследовании албанского языка, позволили ему прийти к важному выводу о самостоятельности албанского в и.-е. семье языков, поскольку «в его основных элементах нет никакой теснейшей связи, по крайней мере в словообразовании, ни с одним из дочерних санскриту языков нашего континента» [Ворр 1855]. Как отметил позже известный албанист Н. Йокль, отдельные попытки, предпринимавшиеся после Боппа, связать албанский с другими неиндоевропейскими семьями полностью оказались несостоятельными [Jokl 1963, 114].

Таким образом, и.-е. принадлежность албанского языка и его автономность внутри и.-е. семьи была установлена окончательно уже к середине XIX в. Однако прошло несколько десятилетий, прежде чем сравнительно-историческое изучение албанского сделало новый шаг вперед. Для этого потребовалось накопление материала и новое его научное обобщение.

Существенную роль в этом сыграла работа итало-албанского лингвиста Д. Камарда «Очерки сравнительной грамматики албанского языка» [Camarda 1864], которая вызвала оживление интереса к албанскому языку у многих крупных лингвистов второй половины XIX в. В этот период особое внимание привлекла заимствованная лексика албанского языка. Одной из центральных

задач стало разграничение исконного и.-е. слоя от позднейших иноязычных напластований. Именно смешение исконных элементов с заимствованными в лексике албанского языка препятствовало, по мнению известного лингвиста Г. Асколи, изучению албанской фонетики [Ascoli 1878].

Крупным вкладом в изучение иноязычных слоев албанского словаря явилась серия работ «Албанские исследования» выдающегося слависта Ф. Миклошича [Miklosich 1870—1871], который первым из лингвистов дал систематическое описание славянских, романских, а позднее и турецких (1884—1888) заимствований в албанском языке.

Новый этап в развитии сравнительно-исторических исследований албанского языка наступил в эпоху расцвета младограмматизма и неразрывно связан с работами Г. Мейера, крупнейшего албанолога конца XIX в., основоположника научного албановедения. Результаты его многолетних исследований представлены в цикле трудов «Албанские исследования» [Meuser 1883—1896]. С точки зрения и.-е. языкознания значительный интерес представляют его работы, посвященные сравнительно-исторической интерпретации албанских языковых данных: «Положение албанского в кругу индоевропейских языков» и «Албанские исследования», III (1892). Большой заслугой Мейера явилось создание «Этимологического словаря албанского языка», первого историко-этимологического исследования албанской лексики, не утратившего своего значения и доныне [Meuser 1891].

Г. Мейер использовал достижения младограмматиков о фонетической структуре праиндоевропейского языкового состояния и проследил трактовку вокалической и.-е. системы (*a*, *e*, *o*) в албанском, рассмотрел отражение и.-е. консонантизма в албанском и сделал ряд важных выводов о его ареальных отношениях с родственными и.-е. языками.

В области звукового строя албанского языка Мейеру удалось установить ряд фонетических закономерностей в трактовке и.-е. наследия: и. е. **o* > алб. *a*; **bh*, **dh*, **gh* > алб. *b*, *d*, *g*; наличие плавных слоговых в алб. *ulk*, *ujk* 'волк', *krimb* 'червь', **sk* > алб. *h*; **st* > *sht*; **sp* > *f* и ряд других. На основе сопоставления совокупности фонетических закономерностей отражения и.-е. состоящая в албанском с данными других языков Мейер

сделал важное заключение о месте албанского в диалектном членении и.-е. языкового континуума, а именно о том, что албанский относится к группе языков *satəm* и что целый ряд черт связывает его с и.-е. языками Северной Европы.

Широкое введение фактов албанского языка в общее и.-е. языкознание началось, когда на рубеже XIX и XX вв. Х. Педерсен опубликовал статью «Гуттуральные в албанском языке» [Pedersen 1900], которая оказала значительное влияние на сравнительно-исторические исследования албанского и положила начало длящейся до сих пор дискуссии о количестве заднеязычных в общеиндоевропейском и их рефлексах в исторически засвидетельствованных диалектах.

В результате исследования Х. Педерсена было установлено, что в то время, как две основные группы исторически засвидетельствованных и.-е. языков по отдельности обнаруживают два ряда заднеязычных (западная — чистый велярный и лабиовелярный, а восточная — велярный и палатальный), в албанском сохраняются рефлексы всех трех рядов (чистый велярный, лабиовелярный и палатальный)⁵. Это положение Педерсен обосновывает серией сопоставлений: 1) алб. *pesë* 'пять', др.-инд. *pañca*, греч. *πέντε* < и.-е. *penqʰe, алб. *zjarm* 'огонь, жара', др.-инд. *gharmāh*, греч. *θερμός*, готск. *warma* < и.-е. **gʰherm-* и др. (сохранение рефлексов лабиовелярного ряда); 2) алб. *gjenj* (совр. *gjej*) 'нахожу', греч. *χαυνάω*, лат. *pre-hendo*, алб. *qeth* 'стричь', лит. *kertù*, греч. *κείρω* (алб. *k'*, *g'*=*q*, *gj* — рефлексы чистых велярных); 3) алб. *dimër*, *dimën* 'зима', греч. *χειμῶν*, слав. *zima*, алб. *ther* 'режу', др.-инд. *śaṣami*, слав. *setь* и др. (алб. *th*, *dh* (*d*) — рефлексы и.-е. палатальных) (см. таблицу).

Теория трех рядов заднеязычных вызвала возражения Э. Германа [Hermann 1907]. Однако ее решительно поддержал Н. Йокль, один из самых авторитетных специалистов-албанологов XX в. «Вторичная проверка албанского словаря показала мне правильность мнения Педерсена», — писал Йокль [Jokl 1963, 123—124]. В подтверждение теории Педерсена Йокль выдвинул два новых аргумента: 1) в албанском языке лабиальный призвук

⁵ Наличие трех рядов рефлексов и.-е. заднеязычных смычных было открыто не так давно в нуристанских (кафирских) языках, что подтверждает правильность теории Педерсена.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ РАЗВИТИЯ И.-Е.
ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ СМЫЧНЫХ В АЛБАНСКОМ *

И.-е	q ^u	q	ĥ	g ^u (h)	g (h)	ĝ (h)	s	ts	tt	tj	dj
Алб. I	k ^u c ^u	k	ć	g ^u dz ^u	g	dž	š — š ž	tš	ts	tj	dj
Алб. II	k ^u g ^u	k	ś	g ^u z ^u	g	ź	š ž — j ž ž	š	s	tj	dj
Алб. III	k s	k	ʃ	g z	g	ð d ð	h š j ð ǵ d	š	s	tj s	dj z

* См.: [Pedersen 1900, 340].

после гуттурального вызывает специфическое воздействие в пользу ассибиляции (алб. *sogrë* 'ворона', ст.-сл. *svraka* 'сорока', лит. *šarka* < *k^uēr-па и т. д.); 2) лабиальный призвук не только сохраняется, но и переходит в ц [там же, 126]. В отражении гуттуральных, как показал Йокль, албанский занимает промежуточное положение между языками западной (вместе с ними сохраняет лабиовелярные) и восточной (сохранение чисто велярного и палатального рядов) группами и.-е. языков [Jokl 1937; 1963].

В сравнительно-историческом изучении албанского языка в 20—40-е годы XX в. труды Йокля занимают особое место. Будучи представителем направления «Слова и вещи» (*Wörter und Sachen*) в языкознании, Йокль много сделал для комплексного изучения албанского языка. Его перу принадлежат работы по самым различным аспектам албановедения — историческая грамматика, фонетика и лексика, этимология и ареальные связи албанского языка внутри и.-е. общности, его происхождение и отношение к исчезнувшим древним и.-е. языкам Балканского полуострова [Jokl 1923; 1924; 1937; 1963]. Современное сравнительно-историческое изучение албанского языка в значительной степени базируется на трудах Йокля. Предложенная Йоклем характеристика в албанском и.-е. наследия на всех уровнях — фонетики, морфологии и лексики — и нарисованная им картина диалект-

ных отношений албанского с другими и.-е. языками в целом общеприняты. В основу поуровневой интерпретации и.-е. черт албанского положены результаты предшествующих исследований Г. Мейера, Х. Педерсена, Н.Йокля с учетом новейших достижений албановедения, в первую очередь работ Э. Чабея и А. В. Десницкой.

Касаясь ареальных отношений албанского языка в рамках и.-е. диалектной области, Йокль в качестве центрального ставит вопрос о том, как проходят линии изоглосс, которые объединяют албанский с другими и.-е. языками. Наиболее простым способом установить место албанского в кругу и.-е. семьи он считал определение прохождений линий изоглосс [Jokl 1963, 115]. Для целей сравнительно-исторического языкознания генетическая интерпретация фактов отдельного языка (группы языков) и определение их ареальной дистрибуции в родственном языковом окружении (континууме) служат основными приемами исследования.

Индоевропейский инвентарь фонем получил в албанском языке следующее развитие. В области вокализма индоевропейский, согласно традиционной точке зрения, характеризовался наличием ряда из трех гласных фонем — *a*, *e*, *o*. В албанском и.-е. $*o > a$, совпадая с и.-е. $a: *a >$ алб. *a*; и.-е. $*ē >$ алб. *o*, ср. алб. *dogë* 'рука' < $*g'hēg-$, греч. $χῆρ-$, $χεῖρ$ 'рука'; и.-е. $\bar{a} >$ алб. *o*, ср. алб. *kollë* 'кашель' < $*kosle$, лит. *kosiu* 'кашлять', ст.-сл. кашль. Отмечено [Meyer 1892, II, 86; Jokl 1963, 118], что отражение и.-е. $*ē$ и $*ō$ в албанском как *o* свидетельствует, что между и.-е. $\bar{e}$ и алб. *o* существовала промежуточная ступень развития в виде $\bar{a}$. В трактовке и.-е. $*o$ албанский объединяется с германскими, балтийскими и славянскими языками; в отражении $*\bar{a}-$ — с германскими и балтийскими [Широков 1960]; в развитии $*\bar{e}$ наблюдается сходство с арийским, изменение $\bar{e}$ в алб. *o* произошло в более поздний период, алб. *kohë* 'время' < $*kesa$, прусск. *kisman* 'время', ст.-сл. ЧАСЪ. Индоевропейское шва $\bar{a} >$ алб. *a*; ср. алб. *dhashë* 'я дал' < $*daH-$. Внутри слога в албанском $\bar{a}$ исчезло, подобно тому как это происходило в балтийских, славянских, германских, иранских, армянском языках, ср. алб. *helm* 'яд', д.-в.-п. *scalmo*, *scelmo* 'чума'.

Попытку обосновать ларингальную теорию также и с помощью данных албанского языка предпринял Э. Хэмп [Hamr 1960], который, опираясь на реконструируемую

Стёртевантом систему из четырех ларингальных, интерпретировал целый ряд примеров как свидетельствующих о присутствии в албанском следов некоторых серий ларингалов, а именно h_3 в инлауте $\>$ рефлекс ларингального, h_4 в аялауте $\>$ алб. h -. Аргументация Хэмпса была детально критически проанализирована Г. Ольбергом [Ölberg 1972₁], который пришел к однозначному выводу о том, что при теперешнем состоянии исследований в албанском не удастся выявить ни одного убедительного свидетельства в пользу существования в нем рефлексов ларингальных.

Сочетание гласный + i и u в албанском отражено, как в балтийских, германских, славянских, иранских, ср. алб. je 'разрешение' $\leftarrow$ * $au-iā$, др.-инд. $aviḥ$ 'благоприятный', готск. $awi-liup$ 'милость'. Особое место занимает албанский в трактовке и.-е. сонантов, где $ḡ$, $ḷ$ дают разное отражение в зависимости от позиции: 1) * $ḡ$ $\>$ gi , ср. $dritë$ 'свет'; 2) * $ḡ$ $\>$ ig (ur), ср. bir 'сын', готск. $baur$, др.-исл. $burg$, алб. $burmë$ 'спелый, зрелый', лат. $ferveo$ 'кипеть, вариться'. В албанском, отмечает Н. Йокль, ig (ur) есть не что иное, как заместитель $ḡ$ (шва $secundum + r$). И.-е. * $ḡ$ $\>$ алб. ar , ср. алб. i $paqe$ 'первый', санскр. $pūrvāḥ$, лат. $primus$ 'то же'. И.-е. * $ḷ$ $\>$ li , ср. алб. $plis$ 'дерн', $shije$, $shile$ 'вкус', * $ḷ$ $\>$ al , ср. алб. $palë$ 'пара', $ḷ$ $\>$ ul , ср. ulk 'волк', * $ḡ$ $\>$ e , ср. алб. $esëll$ 'натошак', букв. $pa sille$ 'без еды', ср. $tund$ 'качать' [Çabej 1976, III, 145].

Чрезвычайно важное значение приобретает установленное Педерсеном и подкрепленное Йоклем положение о сохранности в албанском трех рядов (рефлексов) и.-е. гуттуральных: 1) простой веларный k , g перед гласными a , o , u сохраняется, ср. $kopshtë$ 'сад', греч. $κῆπος$ 'то же'; $kohë$ 'время', ст.-сл. ЧЛГЪ; перед гласными переднего ряда e , i палатализуется, ср. kar 'хватаю', но qer 'шью'; 2) палатальный * k' $\>$ s , th , ср. i $athët$ 'кислый', лат. $acidus$; * g' $\>$ d , dh , ср. $dhëndër$ 'зять', лат. $gener$ 'то же', ст.-сл. ЗЛГЪ; $dimër$, $dimën$ 'зима', лат. $hiems$ и т. д.; 3) лабиовеларные * k^w , g^w перед гласными заднего ряда (a , o , u) $\>$ алб. k , g , ср. алб. ulk 'волк', лат. $lupus$, греч. $λύκος$, готск. $wulfs$ 'то же', а перед гласными переднего ряда $\>$ алб. s , z , ср. алб. $pesë$ 'пять' $\leftarrow$ * $penk^we$, $zjarm$ 'жар' $\leftarrow$ * g^wherm -.

В трактовке заднеязычных албанский, хотя и примыкает к группе языков $satəm$, которая объединяет бал-

тийские, германские, славянские, индоиранские и армянский, в то же время обнаруживает черты «непоследовательной сатемности», что объединяет его и с палеобалканскими языками и с некоторыми языками северного ареала (славянскими и балтийскими) [Порциг 1964; Нерознак 1978].

Концепция о трех рядах гуттуральных в албанском в последнее время стала предметом острой дискуссии. С рядом аргументов в пользу двух рядов рефлексов и.-е. заднеязычных в недавних публикациях выступил В. Георгиев [Актеп. . . 1977]; основательному изучению этой проблемы посвящены работы Г. Ольберга [Ölberg 1972₁; 1976]. Представляется, однако, что противникам теории трех рядов не удалось ее опровергнуть. Более того, обнаружение триады рефлексов гуттуральных в нуристанской группе индоиранских языков представило не только типологические, но и историко-генетические основания для постулирования трех рядов как для живых и.-е. языков, в данном случае албанского и нуристанских, так и для реконструируемого общеиндоевропейского состояния.

Индоевропейский ряд звонких придыхательных фонем *bh, *dh, *gh развился в албанском в b, d, g, что объединяет его с балтийскими, славянскими, иранскими, кельтскими и палеобалканскими языками.

Значительные преобразования претерпели в албанском и.-е. спиранты, фонологическая реализация которых обусловлена позицией. Так, и.-е. *s предстает в качестве регулярного рефлекса sh, ср. алб. asht 'кость', лат. os, санскр. asthi 'то же' в позиции перед гласными переднего ряда (a, o, u), и.-е. *s > h, алб. hull 'звезда', лат. sol 'солнце', греч. ἥλιος 'то же'; перед ударным гласным и.-е. *s > алб. gj (препалатальный заднеязычный), ср. алб. gjarpër 'змея', лат. serpens 'то же'; gjashtë 'шесть', лат. sex, ст.-сл. ШЕСТЬ; и.-е. *s > алб. th, thi 'свинья', ср. также лат. sus, греч. ὄς, σῶς, σίχχ (Hesyeh) 'то же'.

Как признают все албанонологи со времени Г. Мейера, наиболее тесные ареальные связи объединяют албанский с и.-е. языками севера Европы [Jokl 1924; 1963; Pisani 1955; Çabej 1964; Десницкая 1961; 1965; 1966]. Подводя итоги фонетическому развитию албанского как члена и.-е. семьи, Н. Йокль писал: «Фонетика албанского обнаруживает почти во всех пунктах его место на стороне языков европейских северных народов и наиболее близко с балто-

славянскими языками» [Jokl 1963, 129]. Схождения албанского в области отражения и.-е. фонетики с языками северного ареала послужили основанием для выдвижения гипотезы о существовании в древности албано-балто-славянского единства [Широков 1960].

Значительным преобразованиям в албанском языке исторического периода подверглась и.-е. морфологическая структура. Основной причиной модификаций в морфологии явились разнообразные фонетические процессы, происходящие на стыке слогов внутри слова и слов в членимом высказывании, так называемые явления sandhi, а также давление на языковую систему многочисленных лексических заимствований в древнеалбанский из латинского, греческого, позже славянских языков.

Наряду с разрушением старой и.-е. системы флексий происходила «регенерация» флективной морфологии, возникновение новой системы склонения и спряжения [Десницкая 1966; Desnickaja 1972]. Подобного рода процессы затемнили и.-е. черты албанского языка, затрудняя тем самым их диахроническую и ареальную интерпретацию. В этой связи Э. Хэмп писал: «Имеется достаточно много хорошего индоевропейского материала в албанском языке, но он часто двусмыслен и представлен малым числом примеров для каждой черты или комбинации» [Hamp 1965, 97].

Реконструкция древнеалбанской исходно и.-е. морфологической системы и ее интерпретация в терминах диахронической и ареальной и.-е. лингвистики могут осуществляться в двух аспектах: 1) воссоздание предшествующего морфологического (или фонологического) состояния приемами внутренней реконструкции на основе сохраняющихся архаических и.-е. черт новоалбанского языка с учетом историко-фонетических, историко-грамматических и этимологических ретроспекций, призванных осветить процессы возникновения новообразований; 2) определение положения установленных и.-е. черт языка с помощью внешнего сравнения с фактами других языковых групп (внешняя реконструкция) в пространственных и временных координатах и.-е. языкового континуума.

В развитии и.-е. черт в морфологии албанский язык наиболее близок с и.-е. языками северного ареала, обнаруживая одновременно изоглоссы и с другими ареалами. В области морфологии албанский характеризуется* се-

рией симптоматических схождения с балтийскими, славянскими и германскими языками: сохранение страдательных причастий на -mo (также арм.), ср. i bam(ë) 'сделанный', имена на -imo (также арм., греч.), развитие причастий на *-eno/*-ono/*-no (также индоарийск. и герм.), ср. алб. гег. i harun 'открытый', коллективные образования на -eno, отглагольные имена на -le (также арм.) и на -g, наличие форм с -ti и -ta, способы выражения числительных от 11 до 19, комбинация вопросительных и указательных местоимений, передача пассивных отношений посредством активного глагола с относительным местоимением, образование вин. п. 1 и 2 л. ед. ч. личных местоимений (также в индоарийск.) и ряд других [Jokl 1963].

Углубленные исследования архаических черт албанской морфологии позволили установить, что албанский сохраняет два основных типа спряжения — тематический и атематический. Атематический глагольный тип представлен всего четырьмя глаголами на -mi, относящимися к наиболее древнему слою лексики: jam 'есмь, я есть' < < и.-е. *esmi, kam 'я имею', thom, them 'я говорю' < < и.-е. *kesmi, vete(m) 'я иду'. Большей продуктивностью и многообразием видов отличается тематический тип глагольных форм, охватывающий характерные для албанского односложные глаголы (lë 'оставлять', pi 'пить', ha 'есть' и т. д.), глаголы на -o, -io (tund 'качать', fal 'прощать'), на -sk- (rrah 'бить', shoh 'видеть', njoh 'узнавать'), диатематические глаголы (laj 'мыть', rruaj 'сохранять', çoj 'раскалывать') [Сытов 1976; Mann 1977]. Особенный интерес, как показывают новые исследования, представляют албанские архаические глаголы на -sk, обнаруживающие поразительно точные соответствия в архаических хеттских глаголах типа др.-хеттск. eškahḫa, ср. алб. shoh < *sek^h-sko 'видеть', среднехеттск. šakūišk 'то же' [Иванов 1979, 58], что не только указывает на связи албанского внутри древнеевропейской языковой общности, но и позволяет выявить некоторые черты албанской морфологии, восходящие к общеиндоевропейскому языковому состоянию.

Албанский также разделяет ряд изоглосс с западной зоной и.-е. диалектов: наличие цепочки дентальных суффиксов при образовании Kollektivum, деминутивов и наречий (вместе с греч., итал., герм.), действительной частицы -se, сходство в образовании местоимений, отгла-

глобальные образования на -to (ср. *i thatë* 'сухой'), совпадение глаголов на -i/ïo и je/ïo (итал., герм., кельт.).

Ряд схождений в морфологии албанский разделяет как с восточной, так и с западной зоной и.-е. диалектов. В их числе параллелизм в образовании перфекта с удлиненной ступенью гласного корня *e:ē (как в балт, итал., герм., кельт.), в акцентуальной оформлении приставок [Jokl 1963; Çabej 1967, III, 111].

Среди других важных и.-е. черт можно назвать сохранение в албанском сигматического аориста, ср. *lashë* 'я оставил' от *lë*, *dhashë* 'дал' от супплетивного глагола (*j*)ар 'даю', *thashë* 'сказал' от *them* 'говорю', рудименты аугментации, предполагавшейся Х. Педерсеном для формы *hëngra* 'я съел' от *ha* 'есть' и вновь подчеркнутой Вяч. Вс. Ивановым (с указанием на тох. *ektem* и греко-армяно-арийские и фригийские параллели) [Иванов 1979, 60; 1981].

Некоторые ареальные характеристики албанского языка, как, например, открытое еще И. Ксиландером явление умлаута у имен существительных мн. числа (ср. *plak* 'старик' — *pleq* 'старики'), подобное германскому чередованию в основе, не обусловлены древними генетико-ареальными отношениями; они образуют ряд изоглосс вторичного однонаправленного развития, изоглосс типологического порядка [Хуландер 1835; Широков 1958; Десницкая 1965].

Специальную проблему представляют отношения албанского с другими палеобалканскими языками в области морфологии. В работах Н. Йокля, Э. Чабея, В. Георгиева, В. Цимоховского и автора настоящего раздела устанавливается ряд схождений албанского как с фракийским, так и с иллирийскими языками. В иллирийском и албанском общими являются суф. -inium: алб. -inj (*Ulcinium*: *kërminj*, *thelpinj*), -este: алб. -(e)shtë (ср. *Tergeste*: алб. *kopshtë*), -at: алб. -at и ряд других. Ср. также параллели в образовании притяжательных местоимений, мессап. *veinan* (Acc.) 'свое' < *swei-no, алб. *ve-të* 'сам', фриг. *wewin* < *swe-win [Нерознак 1978, 162]. Новейшие исследования фригийской морфологии [Дьяконов, Нерознак 1977] позволили выявить ряд схождений албанского также и с фригийским [Иванов 1981].

Активное вовлечение данных палеобалканских языков в и.-е. языкознание сулит обнадеживающие резуль-

таты и в сравнительно-исторических исследованиях албанского языка [Нерознак 1978; Десницкая 1980].

Сравнительно-историческое изучение лексики албанского языка после известных трудов Ф. Миклошича и Г. Мейера было значительно продвинуто в упоминавшихся работах Н. Йокля [Jokl 1923; 1963], в исследованиях М. Фасмера «Разыскания в области албанского слова» [Vasmer 1921], В. Пизани «Лексические связи албанского с другими индоевропейскими языками» [Pisani 1955], К. Тальявини «Стратиграфия албанской лексики. Индоевропейские элементы» [Tagliavini 1965], Э. Чабей «Этимологические исследования» [Çabej 1960—1968; 1976, I—II].

Были продолжены систематические исследования иноязычной лексики в албанском словаре — славянской [Селищев 1931; Десницкая 1963; Ajeti 1968], латинской [Çabej 1962; 1977, IV; Mihăescu 1966; Haarman 1976], греческой [Ölberg 1972₂], турецкой [Boretzky 1975—1976; подробную библиографию см.: Daka 1964—1967; 1975].

Применение лингвостатистического метода в целях определения ближайших генетических связей к материалу албанского языка было осуществлено уже давно. В написанной в 20-е годы нашего столетия и опубликованной посмертно статье Н. Йокля [Jokl 1963] лексикостатистика как прием ареальной идентификации лексических изоглосс в и.-е. диалектологии широко используется задолго до известной работы В. Порцига [Порциг 1964] и примыкающих к ней по методике работ Г. Зольты, в которых лексико-статистический анализ служит основным средством установления места армянского и латинского языков в кругу и.-е. языковой общности [Solta 1960; 1974]. Независимо от Йокля лексико-статистические приемы анализа ареальных характеристик албанского использовал В. Пизани [Pisani 1955].

Выявленные на основе фонетико-фонологических и морфологических изоглосс интерреляции албанского языка с другими и.-е. группами языков были верифицированы и на материале лексических соответствий. В первую очередь подтвердился тесные связи албанского с языками северного ареала — балтийскими, славянскими, германскими. Получает все больше доказательств мнение Н. Йокля о значительности лексических тождеств албанского и балтийской группы языков: алб. *lore* 'корова',

лтш. luops, lops '(домашнее) животное', алб. qumesht, klumesht 'молоко', лтш. slaukt 'доить' и др. [Jokl 1963] (установлено 25 изолекс, однако их список, по нашим подсчетам, может быть расширен).

О древности палеобалкано-(албано-)балтийских связей свидетельствуют общие для албанского и балтийских языков слова из сферы примитивной пастушеской, земледельческой и ремесленной культуры. Албано-славянские изоглоссы в лексике охватывают лексемы более широкой сферы употребления, что свидетельствует о несколько позднем хронологическом периоде взаимодействия обеих групп языков. Йокль устанавливает 17 албано-славянских лексических соответствий древнейшей поры [Jokl 1963]. К этому списку Э. Чабей прибавил ряд новых изолекс [Çabej 1976, III; 1977, IV].

Следует, однако, отметить, что выводы о числе лексических изоглосс албанского с другими группами и.-е. языков, к которым приходят Н. Йокль и В. Пизани, кроме одного пункта о близости албанского к языкам северного ареала, в остальном не совпадают.

Статистическое обобщение древних лексических связей албанского дает следующую картину: албано-балтийские (Йокль — 25, Пизани: алб. + балт. — 5, алб. + герм. и балт. — 6, алб. + балт и слав. — 11, алб. + герм., балт., слав. — 4), албано-славянские (Йокль — 17, Пизани — 12), албано-германские (13 и 21), албано-армянские (Йокль — 6, Пизани: алб. + арм. — 6, алб. + греч. и арм. — 5, алб. + греч., арм. и северные языки — 12), албано-греческие: Йокль — 15; Пизани — 25 (древние соответствия) + 9 (поздние соответствия) и т. д.

Соответственно расходятся и выводы о ближайших ареальных связях албанского. У Пизани самыми многочисленными оказываются соответствия с греческим, а затем уже с языками северного ареала. Йокль устанавливает наибольшее число соответствий для албанского с балтийскими, германскими, славянскими. Новые данные о связях албанского в орбите и.-е. диалектного континуума получены благодаря углубленным исследованиям древних германо-албанских [Десницкая 1965] и албано-кельтских языковых отношений [Çabej 1969], а также пересмотру албано-греческих связей в области лексики древнейшей поры [Ölberg 1972₂].

Особое значение для современного сравнительно-исторического изучения албанского языка на всех его уровнях

имеют труды выдающегося албанского языковеда Э. Чабея [Çabej 1976—1977, I—VI], в которых находят отражение важнейшие достижения современного албановедения.

Дальнейшее развитие историко-генетического исследования албанского языка должно предусматривать решение ряда комплексных задач, важнейшие из которых — построение истории албанского языка с учетом достижений современного и.-е. и балканского языкознания с привлечением данных албанской диалектологии, хронологическая стратиграфия исконного и.-е. наследия с помощью приемов внутренней реконструкции, детализация ареальных связей албанского со всеми группами и.-е. языков, в первую очередь языков палеобалканского ареала.

ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ ЯЗЫКИ

Наиболее ранние сведения о языках тунгусо-маньчжурской семьи в европейской науке появляются во второй половине XVII в., и это связано с двумя историческими обстоятельствами. Во-первых, с освоением Россией начиная с XVI в. Сибири и Дальнего Востока, где русские экспедиции вошли в контакт в числе прочих народов с эвенками, эвенами и др. Во-вторых, с интересом к маньчжурскому языку как родному языку династии, правившей в Китае с середины XVII в. до начала XX в.

Преимущественное внимание и в России и на Западе уделялось маньчжурскому языку. Здесь играл роль не только политический фактор, но и то обстоятельство, что со второй половины XVI в. маньчжурский получает свою письменность — маньчжуры заимствуют у монголов употреблявшийся ими с XIII в. уйгурский буквенный алфавит, который в 1632 г. несколько модифицируют; в дальнейшем на маньчжурском языке создается обширнейшая литература всех родов и жанров, как оригинальная, так и переводная, возникают школы по его изучению и преподаванию. Все это: и сравнительно легкое письмо и филологическая служба — не могло не способствовать получению данных о маньчжурском языке (первая его грамматика появляется в Европе уже около 1680 г.).

Первые материалы о бесписьменных, в отличие от маньчжурского, тунгусских языках были приведены в получившей в свое время широкую известность книге Н. Витсена, содержавшей небольшие списки собственно тунгусских (эвенкийских) и ламутских (эвенских) слов [Witsen 1692].

Языковые отношения маньчжурского с тунгусскими языками в этих первых предварительных работах не рассматривались. И дело здесь не в отсутствии сравнительно-исторического метода, открытого много позднее — в начале XIX в. Ученые задолго до Р. Раска и Ф. Боппа умели, как увидим несколько ниже, определять близкое внутригрупповое родство языков, таких, например, как германские, славянские, романские и т. п. Возникнове-

ние компаративизма как метода и направления исследований связано прежде всего с переходом к строгому определению более отдаленного межгруппового родства.

Сравнительно-исторический метод в известной мере явился реакцией на господствовавшую в науке в средние века теорию моногенезиса всех языков мира из древнееврейского. Подготовлена же эта реакция была на протяжении всего XVIII в. благодаря знакомству в это время с большим числом новых для науки языков Восточной Европы и Азии, в том числе и из упомянутых выше книг; большую роль при этом сыграл великий немецкий ученый-энциклопедист Г. В. Лейбниц (1646—1716), убежденный противник моногенетической теории. Лейбницу принадлежат первые попытки классификации языков Восточной России. «Я, — писал он, — до сих пор знаю в Скифии только 3 очень распространенных языка: 1) сарматский, на котором говорят русские, словаки, поляки, богемцы; 2) татарский, на котором говорят турки, калмыки, монголы; 3) финский употребляется лапонцами, финляндцами, венгерцами... Я не знаю, куда отнести... язык самоедов, сибиряков, мордвы, черкесов и черемисов...» (из письма к Убриху, 1708 г.) [цит. по: Насилов 1977, 95]. Здесь показательно не только правильное определение славянской и финно-угорской семей, но невозможность для Лейбница присоединить, например, сибирские (не исключено, что среди них и тунгусские) к трем другим классам.

Несомненную связь с воззрениями Лейбница в подходе к указанным вопросам обнаруживает автор также широко известной в свое время книги — Ф. И. Страленберг, которому иногда ошибочно приписывают приоритет в постулировании родства алтайских языков [ср., напр.: Баскаков 1957, 5]. Как установлено в результате тщательного анализа положений книги Страленберга, проведенного Д. М. Насиловым, его классификация народов Сибири, носящая смешанный, если так можно выразиться, этногеополитический характер, не однозначна классификации языков. Более того, именно Страленберг одним из первых определил родство ряда групп — финно-угорской, тюркской, монгольской, а также тунгусо-маньчжурской, указав, что тунгусы и маньчжуры «составляют один народ». Это надо понимать только в языковом отношении, поскольку в классификации народов тунгусы и маньчжуры отнесены Страленбергом к разным

классам [Strahlenberg 1730, 51—53; цит. по: Насилов 1977₁, 99—103].

Вслед за Страленбергом на родство тунгусских и маньчжурского языков указывает П. С. Паллас в предисловии к лексикону, обработанному и изданному им по материалам различных исследователей и архивным данным, в котором были собраны переводы 285 слов на 200 языков и диалектов, в том числе на 149 языков «азиатских»; тунгусо-маньчжурские языки были представлены здесь маньчжурским, семью диалектами эвенкийского и двумя диалектами эвенского языков [Сравнительные словари... 1787].

В обобщающем на начало XIX в. четырехтомном своде И. Х. Аделунга в составе «маньчжурской» группы «языков и народов» перечисляются: собственно маньчжуры, тагуры, или дауры (т. е., по-видимому, до их монголизации), тунгусы и ламуты, орочи на Сахалине (т. е., по-видимому, ороки); ошибочно сюда присоединяются гиляки (нивхи) на Амуре, что понятно, так как их язык автору еще «неизвестен» [Adelung 1806, I, 449—513; цит. по: Насилов 1977₁, 107—108].

В начале XIX в. складывается и такое направление сравнительно-исторического изучения тунгусо-маньчжурских языков, как сопоставление их с тюркскими и монгольскими языками в плане возможного родства с ними — так называемая алтайская гипотеза (первоначально термином «алтайские» объединялась более широкая группа языков, за которыми теперь закрепилось название «урало-алтайские»). При этом сразу же обнаружилось два противоположных подхода. Так, еще И. Х. Аделунг, а несколько позднее Ж. П. Абель-Ремюза отвергли возможность родства алтайских языков. Абель-Ремюза подробно обосновал свою точку зрения. Общие структурные признаки этих языков, такие, как особенности морфологического и синтаксического построения, он относил к родству «логическому», или, как теперь бы мы сказали, к типологическим сходствам; отсутствие общих слов в лексике, обозначающей степени родства, продукты питания, явления природы и т. п., и, наоборот, наличие общих слов, связанных с религией, торговлей и т. п., свидетельствуют о контактах между данными языками, но не об их действительном родстве [Abel-Rémusat 1820, 394—398; цит. по: Насилов 1977₂, 79].

Алтаистическое направление имело с самого начала

больше последователей. В работах Г. Ю. Клапрота [Klaproth 1823], Ф. И. Видемана [Wiedemann 1838] и ранних описаниях В. Шотта [Schott 1836] положительно решался вопрос о родстве алтайских и шире — урало-алтайских языков [подробнее см.: Насилов 1977₂, 77 и след.].

Существенным обстоятельством того времени, обеднявшим доказательность положений как алтаистического, так и противоположного ему направления, была узость фактологической базы. В работах Абель-Ремюза, Шотта (1836), Видемана тунгусо-маньчжурские языки были представлены лишь маньчжурским материалом. Само же обращение к вопросам макрородства тунгусо-маньчжурских языков без методически выдержанного решения проблем внутригруппового уровня, перескакивание через этап работы чреватые необоснованностью выводов. Здесь уместно будет указать, что подмена маньчжурскими материалами данных праязыковой реконструкции в сопоставлениях алтаистического плана может направить исследователя по ложному пути.

Со времен В. Шотта маньчжурский признавался наиболее архаичным тунгусо-маньчжурским языком. И действительно, в ряде пунктов он, несомненно, сохранил древние языковые особенности: лабиальный рефлекс *p^h- (вместе с другими южными) вместо гуттурального в северных, более простое строение ряда словообразовательных формантов. Однако, например, *k^h- не оставил следов в маньчжурском, как и в других северных, в отличие от ряда южных, где *k^h- > x. Система склонения здесь насчитывает четыре косвенных падежа при семи в нанайском и 12 в эвенкийском; во всех остальных языках, кроме маньчжурского, существует личное спряжение глагола. Как оценивать эти особенности морфологии: как реликтовое состояние или как результат утрат? В зависимости от ответа на данный вопрос реконструкция должна принять различное направление. И если раньше тезис о консервативности маньчжурского казался незыблемым, то теперь он подвергается пересмотру в соответствии с общим положением, установленным компаративистикой гораздо позднее, о том, что в любом языке наряду с архаизмами почти всегда существуют инновации.

Таким образом, несмотря на наличие к середине XIX в. первоначальных сведений о языках тунгусо-маньчжурской группы, их родстве между собой и с другими группами, подлинно научная разработка генетических отношений

между тунгусо-маньчжурскими языками на основе сравнительно-исторического метода, уже апробированного к тому времени в других отраслях языкознания, тормозилась отсутствием широких фактических данных о фонетическом и грамматическом строе всех остальных языков.

Первым научным трудом, представившим такие данные и заложившим основы изучения всех тунгусских языков, явился труд выдающегося финского ученого М.-А. Кастрена — полно и систематически изложенная грамматика и словарь в 1500 слов [Castren 1856 (1848)]. В предисловии А. Шифнера производятся сопоставления эвенкийских форм и звуков с маньчжурскими. По охвату материала рядом с эвенкийской грамматикой Кастрена в досоветский период можно поставить, пожалуй, лишь «Грамматику маньчжурского языка» И. И. Захарова [1879], а его «Полный маньчжурско-русский словарь» [1875] насчитывает около 15 тыс. слов.

По остальным языкам не было создано столь капитальных трудов, однако именно в этот период, т. е. во второй половине XIX—нач. XX в. происходит более близкое знакомство с тунгусо-маньчжурскими языками Приамурья. В большей степени в это время были изучены языки нанайский и ульчский (последний долго считался диалектом нанайского), так что это позволило В. Грубе к концу XIX в. создать довольно обширный сравнительный словарь, основу которого составили нанайские материалы К. И. Максимовича с параллелями из маньчжурского, чжурчжэньского, эвенкийского, эвенского, солонского и орочского языков [Grube 1900].

Этому же ученому тунгусо-маньчжуроведение обязано дешифровкой мертвого чжурчжэньского языка [Grube 1896]. Она стала возможной благодаря находке в Китае рукописи конца XIV в. «Хуаи иуй» («Китайско-варварские словари»), в которой чжурчжэньская часть, относящаяся к XV или XVI в., содержала около 900 слов и словосочетаний в записи чжурчжэньскими иероглифами, транскрипции и переводе по-китайски, а также 20 небольших текстов — стандартных по форме прошений — на чжурчжэньском языке и в переводе. Сопоставления чжурчжэньского грамматического и лексического материала с нанайским и маньчжурским языками, проведенные В. Грубе, показали принадлежность чжурчжэньского к южным тунгусо-маньчжурским языкам и выявили многочисленные схождения его именно с маньч-

журским, в том числе такие признаки, которые отделяют оба этих языка от остальных тунгусо-маньчжурских. Однако, как полагает венгерский академик Л. Лигети, часть сходств объяснима поздней записью транскрипции, на которой уже сказалось, очевидно, влияние маньчжурского языка [Ligeti 1953; 1961]. В целом же материалы чжурчжэньско-китайского словаря, несмотря на ряд последующих новых изданий [например: Yamaji 1956], еще недостаточно привлекаются в тунгусо-маньчжуроведении. Это объясняется, во-первых, искусственностью их фонетического облика из-за условности и приближенности китайской транскрипции; например, кит. транскр. 'ān-hāh должна быть реконструирована в чжур. amṡa 'рот', wúh-çè — в узе 'тяжелый', 'a-múh-lù-kāi — в amurṡai 'внизу' и т. д. Во-вторых, как показали уже приведенные В. Грубе глоссы из другого источника («Цин ши»), чжурчжэньские слова XII—XIII вв. фонетически отличались от записи в чжурчжэньско-китайском словаре из «Хуаи июй». Например, глосса из «Цин ши», имеющая транскрипцию woh-leh 'камень', что необходимо восстановить в wogə ~ wəgə, ближе к общетунгусо-маньчжурскому ugə 'гора' (эвенк. и др.), чем аналогичное слово из «Хуаи июй»: wóh-hēi, восстанавливаемое в woxə ~ wəxə, которое идентично маньчж. wəxə (оба, по-видимому, < *wəgəxə < *urəkə с падением плавного).

Л. Лигети считает, что чтение чжурчжэньских иероглифов для эпохи XII—XIII вв. должно быть специально восстановлено, так как в ряде отношений оно было более архаичным, чем чтение XV—XVI вв. по «Хуаи июй», совпадающее с маньчжурским XVII в. Например, в некоторых словах надо ожидать в раннем чжурчжэньском ъ вместо γ (ṡala 'рука', как в северных, вместо ṡala, как в маньчжурском), р вместо f (mara 'старик', а не mafa) и т. п. [подробнее см.: Ligeti 1953, 226—227; 1961, 8—10].

В довершение картины освоения чжурчжэньских языковых материалов укажем, что немногочисленные эпиграфические памятники чжурчжэньского письма XII—XIII и XV вв. не дешифрованы, так же как практически не прочитаны и тексты прошений из «Хуаи июй». Поэтому представляется, что одной из первостепенных задач сравнительно-исторического тунгусо-маньчжуроведения является серьезная филологическая и лингвистическая проработка памятников чжурчжэньского языка.

В связи с расширением во второй половине XIX в. исследовательских горизонтов тунгусо-маньчжуроведения, сопровождавшимся введением в оборот новых живых и мертвых языков, встал вопрос об их классификации. Первый опыт принадлежит Л. Шренку [1883]. Непреходящее значение его классификации можно видеть в разбиении группы на две ветви — южную (маньчжурскую) и северную (тунгусскую). Недостаточная изученность ряда языков и в связи с этим опора в некоторых случаях на историко-этнические сведения вместо языковых привели к ряду несообразностей, например языки ульчей и ороков, близкие к нанайскому, попали в северную ветвь, а негидальцев — в южную и т. д. Эти ошибки были исправлены уже П. Шмидтом [1915, 30; цит. по: Цинциус 1949, 11], представившим обе ветви в таком виде, который принят исследователями и ныне [см.: Цинциус 1949, 35].

Вскоре, однако, обозначился и другой подход к классификации тунгусо-маньчжурских языков, неоднократно находивший поддержку и в более поздних работах. Смысл его в иной оценке степени расхождения маньчжурского языка с остальными языками, ввиду чего маньчжурский выделяется в особую ветвь; при этом шренковское деление на северную и южную ветви либо сохраняется — тогда тунгусо-маньчжурские языки распределяются на три ветви [Аврорин 1959, 3—4], либо «понижается в ранге», обозначая деление на две группы внутри единой ветви, — в этом случае тунгусо-маньчжурские языки распределяются на две ветви, одну из которых представляет только маньчжурский, а вторую — все остальные языки, объединенные в две группы [Штернберг 1933, 6—7; Суник 1959, 333—334; Василевич 1960]. Позднее Г. Дёрфер попытался объявить оба указанных подхода равно возможными в зависимости от того, с какой точки зрения они осуществляются: синхронической или диахронической [Doerfer 1978, 6]. Фактически же он не только не примиряет обе разновидности триадного разбиения, но и сам остается на позициях классической бинарной классификации. По новой его линейной схеме (вместо прежней многомерной [Doerfer 1975, 62]) пратунгусский расщепился на две ветви, а затем от второй ветви отошла третья, представленная маньчжурским и чжурчжэньским [Doerfer 1978, 6]. И положение не меняет заявление о том, что третья ветвь имеет много инноваций и потому вторая по числу архаизмов оказывается ближе к первой ветви.

Вопрос о достаточности оснований для выделения маньчжурского в особую ветвь неразрывно связан с анализом значения отдельного классификационного признака и их совокупности в каждом из языков тунгусо-маньчжурской группы. В качестве общего принципа, по-видимому, следует принять положение об а л ь т е р н а т и в н о с т и того или иного признака для классифицируемых языков. Например, рефлексами общетунгусо-маньчжурского анлаутного * r^h (по Цинциус: pf^h), вероятно, не просто придыхательного, но, скорее, двухфокусного лабиогуттурального (!) согласного * r^x , могут быть либо лабиальные, либо гуттуральные согласные. Гуттуральная серия может образовывать последовательность: $x > h > \emptyset$; лабиальная, возможно, — $p > \varphi > f$. Серии альтернативны между собой, но внутри серий подобной альтернативности нет, поэтому близкие языки могут сочетать разные степени одной серии.

По признаку рефлексов * r^x тунгусо-маньчжурские языки распределяются на две группы: «лабиальные» — маньчжурский — f , нанайский, ульчский, орокский — p ; «гуттуральные» — эвенкийский и эвенский — h и $\emptyset$, солонский — $\emptyset$, негидальский, ороцкий, удэгейский — x . Последние два языка относятся традиционно к южной ветви, для которой, однако, характерны лабиальные рефлексы.

Общетунгусо-маньчжурское анлаутное * k^h (по Цинциус: kx^h) в «лабиальной» группе, за исключением маньчжурского, оставило рефлекс в виде x , тогда как в «гуттуральной» — уже имеющей гуттуральный от * r^x — оно дало $\emptyset$. Налицо явная корреляция обеих фонетических корреспонденций, нарушаемая лишь маньчжурским. Остальные тунгусо-маньчжурские согласные дают почти всегда единообразные отражения по языкам и не могут играть роль разграничительных критериев, за исключением, пожалуй, интервокальных g , w , сохраняющихся в «гуттуральных» (кроме удэгейского и ороцкого, где g падает) и теряемых в «лабиальных» языках.

Тунгусо-маньчжурские гласные имеют единообразные отражения, за исключением того, что части i (т. е. определенной группе слов с i в корнях и в ряде аффиксов) в «гуттуральных» языках соответствует огубленный узкий u в «лабиальных» языках.)

Таким образом, рассмотренные фонетические признаки довольно четко разбивают тунгусо-маньчжурские языки

именно на две ветви: в одной («гуттуральной», или северной) — эвенкийский, эвенский, солонский, негидальский, ороцкий, удэгейский и во второй («лабиальной», или южной) — маньчжурский, нанайский, ульчский, орокский.

Ороцкий и удэгейский традиционно относили к южной ветви, отмечая, правда, их промежуточное положение, однако при приведенной методике анализа классификационных признаков они отходят к северной ветви.

Уже указывалось на одну фонетическую особенность — падение интервокального *g*, благодаря чему многие удэгейские и ороцкие слова получают стечение гласных, столь характерное для южных языков. В области морфологии склонение в данных языках имеет «северный» облик, тогда как изменение глагола носит большей частью «южный» характер, впрочем, и здесь есть весьма характерные «северные» черты, такие, как сохранение в удэгейском и ороцком в личных окончаниях глагола (и в притяжательных формах имени) различия включительной и исключительной форм 1 л. мн. ч., утраченное южными языками. При анализе каузативных форм глагола удалось выявить следующую особенность: в удэгейском продуктивные форманты каузатива — южные, а непродуктивные, часто существующие лишь как дубликаты к продуктивным, — северные [Кормушин 1978, 57—58]. Последнее наталкивает на мысль, что удэгейский и ороцкий — в основе своей языки северной ветви, испытавшие сильное не только, по-видимому, контактное, но и субстратное влияние южных языков — ульчского, нанайского, в меньшей степени — маньчжурского. Следовательно, нужно говорить не об их промежуточном, или переходном, положении, но о смешанном характере. Характер удэгейско-ороцких исключений лишь подтверждает принципиальную значимость дихотомического членения тунгусо-маньчжурской языковой области на два региона.

По-видимому, в аналогичном ключе следовало бы решать вопросы, поднятые Г. Дёрфером в ряде публикаций, относительно статуса кур-урмийского диалекта в системе нанайских наречий. Рассмотрев различные фонетические и морфологические признаки кур-урмийского, автор пришел к выводу, что данное наречие представляет собой «не просто диалект нанайского», но, вероятнее всего, «особый язык, сильнее отстоящий от нанайского,

чем ульчский и орокский, но ближе к нему, чем ороцкий и удэгейский» [Doerfer 1975, 62—63]. Если принять во внимание смешанный характер удэгейского и ороцкого, тогда ориентировка на них указывает фактически на степень привнесенности северных признаков. Именно как «скрещенный „эвенкийско-нанайский“ диалект» рассматривал кур-урмийский его исследователь О. П. Суник [1948], внеся позднее на основании анализа языка зарубежных (сунгарийских) нанайцев важное дополнение о том, что этот последний аналогичен кур-урмийскому в отношении северных особенностей, поэтому кур-урмийский нельзя вырывать из системы нанайских диалектов. Следовательно, считал автор, можно «пока лишь констатировать, что нанайские говоры верхнеамурского наречия (в том числе и говор кур-урмийских нанайцев) имеют значительно больше сходства с наречиями эвенкийского языка, чем это обнаруживается в говорах среднеамурских нанайцев...» [Суник 1958, 15]. Аналогичное заключение об отнесенности уссурийского диалекта (вместе с кур-урмийским и зарубежными) к системе верхнеамурского наречия нанайского языка сделано и в одной из последних обстоятельных работ по нанайским диалектам [Сем 1976, 21—24].

Каждый из этапов разработки классификации тунгусо-маньчжурских языков, а таковых мы можем выделить два: первый — конец XIX—нач. XX в., второй — середина XX в., — связан с определенным накоплением фактического материала. В этом смысле полтора предвоенных десятилетия — от середины 20-х до 1941 г. занимают особое место. Исключительно плодотворным оказался вклад в изучение грамматики, словарного состава и фонетики этих языков целой плеяды замечательных советских первоисследователей — Я. П. Кошкина, Е. И. Титова, Г. М. Василевич, В. И. Цинциус, Т. И. Петровой, Е. Р. Шнейдера, В. И. Левина и др. [Горцевская 1959, 26 и след.]. Тогда же трудами В. И. Цинциус было положено начало сравнительно-историческому изучению тунгусо-маньчжурских языков. Ее самая известная из этой серии, ставшая ныне классической работа «Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков» в 1944 г. была защищена в качестве докторской диссертации, а позднее издана отдельной книгой [1949].

В «Сравнительной фонетике» В. И. Цинциус на основе анализа систем гласных и согласных большинства —

семи (из 11) — тунгусо-маньчжурских языков (за исключением ульчского, орокского, маньчжурского и чжурчжэньского) и выявления звуковых соответствий между десятью языками (кроме чжурчжэньского) составлена сводная система общетунгусо-маньчжурского вокализма и консонантизма (поданная в книге как совокупность «условных обозначений соответствий»). В системе гласных восемь недолгих: *а, *о, *ə, *с, *і, *и, *ü, *uⁱ, и семь долгих: *ā, *ō, *ā, *ē, *ī, *ū, *ī̄. Данная система строится не как среднее по отношению к системам современных языков, но как сумма (максимум) разнообразия. Например, упомянутое выше соотношение: і северных языков в южных языках соответствует в одних случаях тоже і, в других — u; для этого последнего соответствия вводится особый архетип *uⁱ [Цинциус 1949, 89—92]. Наличие в реконструируемой системе *ü (более закрытого и продвинутого вперед по сравнению с u), наряду с *u и *o, также обосновано неодинаковостью соответствий эвенкийского u: в негидальском и нанайском, например, ему в одних случаях соответствует u, а в других — o наряду с o < *o [там же, 83—86, 93].

Общетунгусо-маньчжурская система согласных организована противопоставлением глухих и звонких в четырех рядах согласных: губных, передне-, средне- и заднеязычных. Наличием ряда среднеязычных смычных, характерных для всех языков группы, кроме солонского, как и противопоставлением глухих и звонких не только в инлауте и ауслауте, но и в начале слова, тунгусо-маньчжурские языки существенно отличаются от тюркских и монгольских языков; к числу подобных же важных отличий следует отнести и характерное для тунгусо-маньчжурских сонантов — m, w, l, n, n', ŋ, за исключением г — нахождение в анлауте, что совершенно не свойственно остальным алтайским.

Выше уже упоминалась такая особенность реконструируемой В. И. Цинциус системы, как восстановление наряду с k и g, p и b «аффрикат», соответственно *pf^h и *kx^h; при этом в семантической тождественности некоторых показателей (суффикс собирательности -sal/-tal, формы аллатива -tki/-ski) и слова 'пять' (маньчж. sunṣa/ тунг. tunṣa) автор видел материал для восстановления и переднеязычной аффрикаты *tʂ, предполагая ее последующее «расщепление» на t и s [Цинциус 1949, 248]. Сохраняя заманчивую во многом идею триадности каж-

дого ряда, поддержанную много позднее В. М. Иллич-Свитычем [1963; 1965], может быть, автору стоило бы говорить в данных случаях об этих архетипах все же как о смычных, например сильных смычных?

Фонетическая реконструкция, предложенная в вышедшей через несколько лет после «Фонетики» В. И. Цинциус книге И. Бенцинга «Тунгусские языки. Опыт сравнительной грамматики» [Benzing 1955], значительно отличается от построений Цинциус. Так, в области вокализма система Бенцинга аналогична общетюркской шестнадцатичленной системе: восемь кратких — *а, *ä, *i, *ī, *о, *ö, *u, *ü, и столько же аналогичных долгих [там же, 967—972]. В системе согласных $\check{c}$ и $\check{z}$ рассматриваются как аффрикаты, при этом ставится вопрос, являются ли они исконными и не возникли ли они в результате комбинаторных изменений: $*\check{c} < *t(i)$ и rk , а $\check{z} < *d(i)$ и $*rg, *g(i)$ [там же, 983]; принимается, что палатальное и п' палатальное не различались как фонемы [там же, 987]; таким образом среднеязычный ряд смычных, представляющий своеобразие тунгусо-маньчжурской системы, «расформировывается». Что касается «аффрикат» *pf и *kx В. И. Цинциус, то автор отвергает необходимость их особого статуса в системе, полагая, что в первом случае речь идет о древнем смычном *р, а во втором — о ффрикативном *х» [там же, 983].

Расхождение — явное и существенное — системы Бенцинга с системой Цинциус не исчерпывается фактом, характеризующим нерешенность или спорность некоторых важных вопросов тунгусо-маньчжурской сравнительно-исторической фонетики. Значение его гораздо шире. Дело в том, что, по представлениям алтаистов, тунгусо-маньчжурские языки среди остальных алтайских сохраняют многие архаичные черты; в таком случае реконструкция от пратюркского к прототюркскому и прамонгольского к протомонгольскому и от них к возможному «алтайскому» ориентируется на модель, совпадающую с линиями тунгусо-маньчжурской реконструкции. При подходе же Бенцинга принципиально меняется направление глубинных реконструкций в каждой из алтайских ветвей и общеалтайских построений в целом.

Возьмем, к примеру, такой узловый вопрос, как постулирование особого ряда среднеязычных смычных, с которым, на наш взгляд, связано различие передних и задних узких гласных (неогубленных $\dot{i}$ — $\dot{i}$ и огубленных

и—i) как особых фонем. Вероятнее всего, существует следующая импликация: если есть противопоставление передне- и среднеязычных смычных, то противопоставления передних и непередних узких гласных не происходит, и, наоборот, при отсутствии особого ряда среднеязычных смычных могут быть фонологизованы различия *i/i* и *u/ü*. Принимая праязыковый статус *ī, i, u, ü*, И. Бенцинг отказывает тунгусо-маньчжурским языкам в такой их характерной, своеобразной черте, как среднеязычные смычные. С другой стороны, консонантизм тунгусо-маньчжурских языков при таком подходе оказывается значительно перестроенным, а тюркских и монгольских — сохранившим принципиальное праязыковое построение.

Сравнительно-историческое исследование грамматических категорий в советском тунгусо-маньчжуроведении было представлено еще в довоенное время рядом серьезных работ. Происхождение наречий места и послелогов как застывших и во многих случаях архаичных падежных форм исследовано Е. П. Лебедевой [1936]. Генезис категориальных показателей лица в глаголе и притяжания в имени рассмотрен в монографии А. Ф. Бойцовой в связи с личными местоимениями, причем сами эти последние сближаются автором со знаменательным словом, обозначающим 'человек', 'тело', 'сам' [1940]. В. А. Горцевская проанализировала средства глагольного и именного отрицания тунгусо-маньчжурских языков, попытавшись соотнести их со словами с семантикой бытия/небытия, обладания/необладания [1941].

Опыт сводного рассмотрения морфологических показателей впервые предприняла в те же годы В. И. Цинциус [1936], повторив опубликованные тогда таблицы в «Сравнительной фонетике» [Цинциус 1949, 253—282]; специальная работа была посвящена ею формам числа [1946]. Однако более полное и систематическое изложение сравнительно-исторической морфологии было дано в упоминавшейся работе И. Бенцинга [Benzing 1955]. Состав общетунгусо-маньчжурских форм именного словоизменения мало чем различается у обоих авторов. В области падежа — это полтора-два десятка форм, переносимых в праязык по максимальной модели северотунгусского склонения, где достаточно дробно представлены локативные падежи (локатив, директив, пролатив и их сочетания) [Цинциус 1949, 256—257; Benzing 1955, 1027]. В области числа — это общегрупповой суффикс *-l,

часто в сочетании с формой собирательности $-sa + -l > -sal$, а также некоторые вторичные формы в амурских языках [Цинциус 1948; 1949, 254—255; Benzing 1955, 1024—1026; см. также: Doerfer 1963].

В числе отыменно-именных образований Бенцингом приводится форма * + η , функцию которой он определяет как «неясную» [Benzing 1955, 1009], хотя она тогда уже была предметом специального рассмотрения [Суник 1947]. В более подробном и тщательном исследовании последних лет на материале почти всех языков тунгусо-маньчжурской группы не только уточнены функции формы «косвенной», или «отчуждаемой», принадлежности, являющейся, как показал автор, отличной от категории «прямой» или «неотчуждаемой» принадлежности, но и предложено новое этимологическое решение ее происхождения [Болдырев 1976].

В области глагольного словоизменения Бенцинг уделяет большое внимание анализу морфонологических серий аориста, указывая, что в нем «скрестились две первоначально различные парадигмы: а) формы на *-n (во мн. ч. *-r?) + энклитические местоимения, б) формы на *-ra/*-sa/*-da + энклитические местоимения» [Benzing 1955, 1080]. Формы типа «б» — это три морфологических класса презенса (аориста), причем «основания этого разбиения не очевидны» [там же, 1071]. Сложным и запутанным в тунгусологии вопросам об отношении фонетического облика основы к форме временного показателя много места посвящено и в монографии О. П. Суника. Автор предлагает различать не только фонетические классы глагольных основ, но и типы спряжения, прежде всего «правильных» и «неправильных» глаголов [Суник 1962, 39]. По-иному, чем у Бенцинга, происходит у автора разбиение на классы основ и реконструируются архетипы [там же, 79—80].

С вопросами состава презентных показателей сопряжено рассмотрение системы личных окончаний глагола, которое у цитируемых авторов одинаково проводится под знаком их происхождения из личных местоимений [Benzing 1955, 1077; Суник 1962, 182 и след.]. Несовпадения структуры окончаний в одинаковых условиях парадигмы заставляют авторов совмещать в своих реконструкциях разнонаправленные процессы, что заведомо неправдоподобно. В противовес этому уместно предположить различное происхождение разнохарактерных личных окончаний, не обязательно во всех случаях восходящих к лич-

ным местоимениям. Вместо симметричного построения одинаковых показателей времени, лица, числа следует допустить возможность сложной, неоднородной компоновки гетероклитичной парадигмы.

Среди аффиксов отглагольного глаголообразования рассмотрены многообразные аспекттивные показатели. Более подробные исследования лексико-грамматической категории способа действия глагола существуют в настоящее время как по отдельным языкам [Роббек 1974; Горелова 1979], так и по группе в целом [Насилов 1978].

Краткие сводки, приведенные И. Бенцингом, по формам глагольного и именного слово- и формообразования, убеждают в острой необходимости широкого сравнительного исследования именно этой части морфологии. Установление реестра непродуктивных, мертвых и сросшихся аффиксов вместе с выяснением семантических особенностей на основании общего списка слов по каждой служебной морфеме является необходимым этапом работы, открывающим путь к этимологическим исследованиям. Другим — может быть, первым — их условием служат сбор и сравнительное изучение лексики. Подобная задача была поставлена еще в 50-х годах [Цинциус 1954] и в незначительной мере решена в словаре Г. М. Василевич [1958] наличием сопоставлений эвенкийских слов с лексикой остальных тунгусо-маньчжурских языков. Однако подлинными высотами в деле сравнительного, сравнительно-исторического и этимологического анализа тунгусо-маньчжурской лексики были достигнуты созданием «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» [1975; 1977]. Словарь, составленный В. А. Горцевской, В. Д. Колесниковой, О. А. Константиновой, К. А. Новиковой, Т. И. Петровой, В. И. Цинциус и Т. Г. Бугаевой под руководством В. И. Цинциус, является фундаментальной сводкой лексического материала, поскольку в нем учтены не только все доступные печатные, но и различные рукописные источники и собрания как самих авторов, так и многих других лиц.

СИНО-ТИБЕТСКИЕ И АВСТРО-ТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ

На языках сино-тибетской (СТ) языковой семьи говорит значительная часть населения Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Подавляющее большинство языков этой семьи имеет относительно малое распространение и употребление, однако к СТ семье относятся также такие старописьменные широко употребляемые языки, как китайский, бирманский или тибетский. Общее число СТ языков точно не установлено, но оно, вероятно, приближается к двум-трем сотням, из которых в той или иной степени изучено лишь 50—60 языков, т. е. примерно пятая часть.

СТ языки, безусловно составляющие генетическое единство, значительно отличаются друг от друга. Об этом свидетельствуют данные лексикостатистики, согласно которой число совпадений по списку М. Свадеша между тибетским языком и невари составляет 20%, а между тибетскими и кхалинг — 17% [Glover 1974, 9]. По мнению С. Е. Яхонтова, основанному также на лексико-статистических исследованиях, время разделения СТ языковой семьи может отстоять от современности на срок до 10 000 лет [Яхонтов 1979]. Эта цифра, скорее всего, несколько завышена, но она дает определенное представление о древности рассматриваемой семьи и, следовательно, о тех сложностях, которые возникают при ее сравнительно-историческом изучении.

Состав СТ семьи определен к настоящему времени достаточно четко. Единственным языком, принадлежность которого к данной семье подвергается сомнению, является слабо изученный язык бай, на котором говорят в нескольких уездах китайской провинции Юньнань. До недавнего времени спорной оставалась принадлежность к этой семье китайского и тайских языков. Новейшие материалы по исторической фонетике китайского языка и его сравнению с другими языками СТ семьи позволяют продемонстрировать родство между ними. При этом отпадает необходимость использования термина «тибето-бирманские языки», под которым традиционно понимаются все СТ языки, за исключением китайского и иногда каренского

[Benedict 1972₁]. Вопрос генетических связей тайских языков будет рассмотрен ниже, сейчас же достаточно указать, что родство между ними и СТ языками отсутствует.

Помимо общих трудностей, которые встают перед исследователями, работающими со столь многочисленной и разветвленной языковой семьей, специалисты по СТ языкознанию сталкиваются со следующим специфическим кругом проблем. Как известно, одной из характерных черт СТ языков является формальное совпадение морфемы (а очень часто и слова) с фонетическим слогом. Структура слога в этих языках определена крайне строго и образуется начальным согласным (инициалью), глайдом (медially), гласным и конечным согласным (образующими финаль). Глайды, общее число которых в языках не превышает трех, и конечные согласные, число которых обычно не превышает десяти, во многих языках отсутствуют. Системы начальных согласных и гласных обычно небогатые: до 30—35 инициалей и 10—12 гласных.

Помимо обязательных компонентов слога в ряде СТ языков зафиксированы дополнительные фонетические элементы, обычно называемые префиксами и суффиксами. Под префиксом в СТ языкознании принято понимать согласный, согласный с гласным (обычно с *ə*) или одиночный гласный (обычно *a*), стоящие перед инициалью слога. Префиксы, число которых в языках сильно варьируется, но всегда много меньше числа инициалей, необязательно связаны с определенным значением. Чаще они просто представляют собой фонетическую добавку к слогу. Суффиксы, стоящие после конечного согласного слога, функционируют аналогично префиксам. В живых языках суффиксы (один или два) достаточно редки.

Кроме перечисленных сегментных единиц в подавляющем большинстве современных СТ языков различаются фонологически значимые тоны, число которых может варьироваться от двух до восьми-девяти. Тоны в СТ языках обычно возникают в результате изменений в составе сегментных фонетических единиц (обычно инициалей или конечных согласных). Вследствие этого наиболее развитые тональные системы представлены в языках с наименьшим числом согласных фонем. Отметим, кстати, что тоны обычно являются наиболее слабым местом синхронных описаний СТ языков, поскольку для большинства из них тональные системы по тем или иным причинам не зафиксированы.

Сочетаемость элементов слога определяется точными

правилами, подчас значительно сокращающими число допустимых в языках слогов. В результате этого фонетический облик морфем в СТ языках оказывается определенным крайне строго, а число фонетически различающихся морфем относительно невелико. Из этого следуют два важных для СТ сравнительно-исторического языкознания выводы: большая возможность случайных совпадений генетически разных морфем и необходимость тщательного учета всех фонетических характеристик слога. В частности, реконструкция СТ праязыка представляется невозможной без учета тонов отдельных языков. Однако тональные характеристики при СТ реконструкции до сих пор полностью не учитываются. Повышенная возможность случайных совпадений выдвигает особые требования к семантике, поскольку только при строгом анализе семантических сближений можно достигнуть необходимой точности в лексических сопоставлениях.

Важность сказанного возрастает из-за еще одной особенности СТ языков относительно слабого развития морфологии и незначительного числа морфологических показателей в большинстве языков. Кроме того, эти редкие морфологические показатели довольно неустойчивы и часто меняются за короткие промежутки времени. Это приводит к тому, что в сравнительно-исторических исследованиях резко возрастает роль анализа фонетических закономерностей, фактически являющихся единственным надежным материалом для подобной работы.

В связи с этим становится ясным огромное значение, которое приобретают для СТ языкознания использование материалов в адекватной фонетической записи и тщательное сравнение и изучение фонетических систем, на которых должна строиться подробно разработанная фонетическая реконструкция. Однако очевидная для компаративистов идея о том, что основной упор в СТ сравнительно-историческом языкознании должен делаться на фонетику, утвердилась в этой области науки не сразу, а лишь с 30-х годов нашего века, хотя первые работы по СТ языкознанию начали появляться почти на 50 лет раньше.

Систематическое изучение сравнительной фонетики СТ языков началось в США, когда в 1934 г. здесь стала проводиться работа над СТ языковым проектом. К сожалению, результаты этой огромной работы, осуществленной под руководством Р. Шейфера и П. Бенедикта, полностью не опубликованы. Однако приблизительно с этого

времени в литературе начинают появляться работы Шейфера, фактически первого лингвиста, занявшегося изучением сравнительной фонетики СТ языков. Главным источником материалов для этого автора стала, по всей видимости, рукопись Шейфера и Бенедикта 1935—1940 гг. Основные результаты тридцатилетней деятельности этого исследователя собраны им в книге, озаглавленной «Введение в сино-тибетское языкознание» и опубликованной в виде пяти отдельных выпусков [Shafer 1966—1974].

Преимущественно на материале той же рукописи 30-х годов строится и книга П. Бенедикта, выпущенная в свет, впрочем, совсем недавно [Benedict 1972₁]. К этим основным работам следует добавить несколько статей Р. Миллера и Э. Пуллиблэнка, а также некоторых других авторов, чем и исчерпывается список публикаций по общим вопросам СТ сравнительно-исторического языкознания [Miller 1956; 1958; Pulleyblank 1965].

Наиболее надежные результаты получены в выделении и анализе групп специфически родственных между собой СТ языков. Таких групп можно насчитать не менее 26. Рассмотрим эти группы, специально останавливаясь на вопросах их исторической изученности¹.

1. Лоло-бирманские языки (бирманский, лаху, сани и др.) образуют наиболее изученную группу СТ языков. Известно несколько вариантов реконструкции праязыка [Burling 1967; Matisoff 1972]; подробно рассмотрены вопросы внутренней классификации и лексического состава праязыка.

2. Тангутско-цянская группа, существование которой не общепризнано [Яхонтов 1979], состоит из двух равноправных ветвей: тангутской и цянской. Довольно сложная система праязыка южноцяньских (менее архаичных) диалектов успешно реконструирована Чжан Кунем [Chang Kun 1967]. Общецяньская реконструкция, равно как и сравнительный цяньский словарь, отсутствует. Работа по изучению тангутско-цяньских связей не проводилась.

Высказывалось предположение о связи между группами 1 и 2, но веских доказательств этого пока нет.

3. Тибетская группа представлена многочисленными современными диалектами, распадающимися в свою оче-

---

¹ Все они обычно лишь в предварительном виде были рассмотрены Р. Шейфером.

редь на несколько подгрупп. Особое место занимает классический тибетский язык, сохраняющий на письме многие архаичные черты. Возможно, что все фонетические особенности современных диалектов восходят к различиям, имевшимся в классическом языке, однако такое предположение еще требует проверки.

С тибетской группой, вероятно, можно объединить несколько близкородственных языков: гурунг, таманг, тхакали и др. Подробная реконструкция их праязыка, а также сравнение с тибетскими данными пока не опубликованы.

4. Группа джарунг известна по нескольким слабо изученным диалектам, распространенным в Сычуани. Имеется интересная попытка реконструкции прасостояния [Nagano 1978; 1979], но ограниченность приводимого фактического материала не позволяет проверить выводы или осуществить сравнение с другими группами.

5. Куки-чинская группа делится на шесть подгрупп: куки, нага, лухупа, эмпео, микир и мейтхей. Подгруппы куки и нага в свою очередь делятся на южную ветвь (шо, кхами и др.), ветвь лакхер (мара, сабеу и др.), ветвь старых куки (чиру, аймол и др.) и ветвь лушей (лушей, тиддим, сизанг и др.) подгруппы куки и северную (лхота, ао и др.) и восточную (ренгма, ангами, сема и др.) ветви подгруппы нага.

Сравнительно-историческому изучению этой группы посвящена значительная часть монографии Р. Шейфера. Однако восстанавливаемая в ней прасистема в слишком большой степени ориентирована на данные языка лушей и поэтому требует переинтерпретации и уточнения [ср., например: Оно 1965]. Шейфером собран также значительный по объему куки-чинский сравнительный словарь. Однако полная реконструкция праязыка пока невозможна, поскольку почти полностью отсутствуют данные о тонах, а также материалы по южной ветви языков куки, на которых базируется реконструкция префиксов. Впрочем, даже неполная куки-чинская реконструкция оказывается крайне существенной для общей СТ реконструкции ввиду архаичности многих языков этой группы.

6. Группа бодо-гаро образована несколькими близкими между собой языками: гаро, бодо или боро, димаса, коч и др. Р. Берлингом опубликована убедительная реконструкция фонетики праязыка, которая, впрочем, базируется всего лишь на 170 корнях [Burling 1959].

7. Каренская группа объединяет многочисленные диалекты или языки Центральной и Южной Бирмы. Работа Р. Джонса [Jones 1961] содержит сведения о фонетике и лексике (свыше 800 корней) шести из них. На ее основе удастся построить сравнительную фонетику [Burling 1969]. Однако при этом отсутствует полная уверенность в том, что в этой реконструкции учтены все особенности прото-каренского состояния.

Помимо перечисленных семи групп, взаимоотношения языков в которых изучены относительно подробно, известно несколько групп, не подвергавшихся тщательному анализу. В каждой из них обычно хорошо известен всего лишь один язык, что и затрудняет их внутреннее изучение. Эти группы таковы:

8. Группа лу: андро, сенгми, сак, каду и др.

9. Группа нага (коньяк): мошанг, банпара, тамлу, чанг и др.

10. Группа лимбу: лимбу, якха, чанги и др.

11. Группа рай-киранти, состоящая, вероятно, из двух достаточно далеких подгрупп: а) баинг-сунвар и б) тхулунг, бантава, кхалинг и др.

12. Западногималайская группа, делящаяся на три подгруппы: а) канаури, канаши и др., б) тхебор, бунунг и др. и в) дармия, ранкхас и др.

Остальные группы СТ языков составляют отдельные языки (или группы близкородственных диалектов, без предварительного сравнения которых можно обойтись):

13. Качинский язык, или язык цзинпо. Большой объем словаря этого языка [Hanson 1906] позволил обнаружить множество сближений между качинским и многими другими языками, что побудило П. Бенедикта говорить об особом месте этого языка в СТ семье [Benedict 1972₁, 6]. Подобная гипотеза требует тщательной проверки, тем более что существует более правдоподобное предположение о возможном объединении групп нага и лу с качинским языком в единую достаточно древнюю группу [Яхонтов 1979].

14. Язык чепанг.

15. Язык кам.

16. Язык невари.

17. Язык магари.

18. Язык мру.

19. Язык лепча (ронг).

20. Диалекты абор-мири

21. Диалекты нунг: нунг, раванг, груг.
22. Диалекты дхимал.
23. Диалекты дигаро.
24. Диалекты миджу.
25. Диалекты хрусо (ака).

Языки групп 13—19 в синхронном плане изучены достаточно подробно, в частности для них зафиксированы тоны. Языки группы 20—25 представлены в старых и не совсем удовлетворительных в фонетическом, а часто и в лексическом отношении материалах.

26. Китайская группа, состоящая из многочисленных современных диалектов и ряда реконструируемых этапов развития: древнекитайского, среднекитайского и др. Среднекитайский язык (VI—VII вв.) известен достаточно хорошо. На его основе реконструируется древнекитайский язык, датируемый XII—XI вв. до н. э. Первые попытки такого рода реконструкции принадлежат Б. Карлгрену [Karlgren 1940; 1957]. Позднее было опубликовано несколько работ, содержащих исправления и уточнения выводов этого автора [Pulleyblank 1962; Яхонтов 1959; 1960]. С учетом этих и других исправлений и модификаций неоднократно предпринимались попытки сравнения китайских данных с материалами других СТ языков. В результате этого известно достаточно большое число СТ корней в китайском языке [Benedict 1972₁; Чжоу 1972]. Фонетические соответствия, однако, не установлены. Появление нового варианта древнекитайской реконструкции С. А. Старостина позволило вновь обратиться к сравнению китайских материалов с другими СТ языками [Старостин 1979; Пейрос, Старостин 1977]. В результате такой работы значительно расширился список китайских корней, имеющих СТ этимологию. В ряде случаев установлены достаточно надежные фонетические соответствия. Однако работы по привлечению китайских материалов для СТ реконструкции еще далеки от завершения.

Ряд СТ языков в приведенный список не включен, поскольку сведений о таких языках, как пью, байлан, хор и др., недостаточно даже для их предварительного анализа.

Приведенная характеристика отдельных групп СТ языков отражает довольно печальную картину, поскольку лишь немногие группы изучены достаточно хорошо, а частные реконструкции существуют всего для трех-четырех групп. Подробный сравнительный словарь какой-либо

группы отсутствует, хотя для части куки-чинских языков материалы для такого словаря собраны Р. Шейфером. Языки многих групп практически не известны.

Однако отсутствие конкретных сведений не является единственной причиной неудовлетворительного положения дел. По непонятным причинам среди специалистов по СТ языкознанию отсутствует представление о необходимости создания частных реконструкций, основанных на подробных сравнительных словарях. Даже для хорошо известных в историческом плане лоло-бирманских языков подробный сравнительный словарь еще не опубликован. Такое положение, очевидно, затрудняет создание подробного сравнительно-исторического исследования СТ языков.

Одним из наиболее важных моментов такой работы является создание сравнительного СТ словаря, включающего по возможности данные всех известных науке языков. В виде отдельной публикации такой словарь пока отсутствует, но такие данные содержатся в исследовании Шейфера. Однако отсутствие реконструкций корней и расположение материала по фонетическим соответствиям в отдельных языковых группах делают невозможным непосредственное использование материалов, приводимых этим автором. Только после трудоемкой обработки всех пяти выпусков книги Шейфера его богатейшие материалы оказываются доступными для дальнейшего изучения.

СТ корни в несколько меньшем объеме приводятся также в монографии П. Бенедикта. Здесь они снабжены фонетической и семантической реконструкцией, что облегчает их использование и привлекает к этой работе внимание исследователей смежных специальностей. Однако число языков у Бенедикта крайне ограничено, и ни в одной этимологии не приводится данных больше чем 20 языков, что объясняется списком языков, привлекаемых автором.

К настоящему времени известно приблизительно 800 корней, вероятно относящихся к общей СТ лексике. Однако известные лексические сопоставления обладают свойствами, делающими их не слишком надежными. Ни один из авторов, приводящих подобные сближения, не ставил перед собой задачи исчерпывающего сравнения лексики тех или иных языков. В настоящее время отсутствует даже полный список лексических сближений между тибетским и бирманским языками, сравнением которых занимаются уже около 100 лет. Поэтому отсутствие того или иного корня данного языка в опубликованных

сближениях часто остается непоказательным, поскольку этот корень по тем или иным причинам может быть пропущен.

По этой причине все выводы о географическом, генетическом и прочем распространении корня оказываются невозможными. Дело осложняется также тем, что при отсутствии надежной классификации СТ языков нет способа отличать корни, представленные в группе специфически родственных языков, от корней, относящихся к СТ прасостоянию. Во многих случаях не удается также отделить заимствования от слов, непосредственно восходящих к общему корню. Такая ситуация наблюдается, например, в отношении бирманского и качинского языков, где многие общие корни могут оказаться заимствованными из бирманского языка [Matisoff 1974]. Практически все лексические сопоставления приводятся в работах по сравнительной СТ фонетике, поэтому в нашем распоряжении, как правило, оказываются корни с ясными регулярными фонетическими связями в сравниваемых языках. Сопоставления, где подобные закономерности затемнены или редки, обычно не приводятся.

Таким образом, перед специалистами по СТ сравнительно-историческому языкознанию стоит задача создания полного сравнительного словаря этой семьи, включающего формы всех известных языков, независимо от того, связаны ли они регулярными соответствиями. Кроме того, подобный словарь должен отличаться от имеющихся материалов: 1) полнотой анализа данных привлекаемых языков; 2) учетом новейших материалов и точных фонетических описаний (в первую очередь тональных); 3) отсутствием заранее сформулированных фонетических соответствий, по которым отбираются лексические материалы.

На попытке создания частных реконструкций отдельных групп и дальнейшего их сравнения строится реконструкция СТ фонетики Р. Шейфера. Однако отсутствие надежных фонетических и лексических данных о большинстве языков, а также огромный объем привлекаемого им разнородного материала предопределили предварительный характер его результатов, поскольку подробный анализ данных отдельных языков был при таком подходе просто невозможным. Подход П. Бенедикта к той же проблеме был совершенно иным. Для сравнения им было выбрано некоторое число (не более 20) языков, относящихся к разным группам, на основе которых осуществлялось

сравнение. Это позволило подробнее рассмотреть особенности указанных языков, но в ряде случаев оно же приводило и к невольному искажению получаемых результатов (в частности, при анализе системы инициалей). Столь различные подходы, безусловно, сказались на результатах реконструкций, значительно отличающихся друг от друга в ряде пунктов. Попробуем все же рассмотреть те черты СТ фонетики, которые представляются реконструированными с достаточным основанием².

Лучше всего, видимо, разработаны проблемы реконструкции конечных согласных. Их гипотетическая система такова:

p	m	w		
t	n	j	r	l
k	ŋ	ø		

и, скорее всего, s. Следует ли добавить сюда какие-либо дополнительные согласные, не совсем ясно, однако такая возможность не исключена, поскольку в данной реконструкции, принадлежащей Бенедикту [Benedict 1972₁, 13—14] не учтены данные многих языков, например непальских. Второй возможностью изменения системы может стать анализ финалей отдельных языков.

Система гласных праязыка известна хуже. Бенедикту удалось показать необходимость реконструкции противопоставления долгих и кратких гласных, непосредственно сохраненного в лушей и некоторых других языках [там же, 70]. Недавно удалось продемонстрировать, что реконструированные долгие и краткие гласные древнекитайского языка хорошо соотносятся по долготе с гласными лушей [Старостин 1979, 126—131], что полностью подтвердило предположение Бенедикта. Точный инвентарь реконструируемых гласных не известен, поскольку вокалические системы многих языков плохо соотносятся с имеющимися реконструкциями гласных праязыка.

Состав СТ финалей (сочетаний гласных с конечными согласными) не установлен, поскольку этим вопросом никто специально не занимался. Также неизвестно, следует ли восстанавливать для праязыка дифтонги или же можно ограничиться сочетанием финалей с медиалами.

² Ниже анализируются результаты тибето-бирманской реконструкции П. Бенедикта, СТ реконструкции Р. Шейфера и представления автора о СТ праязыке.

Для СТ уровня предположительно реконструируются три медиали (г, л и ж), непосредственно зафиксированные в ряде языков [Benedict 1972₁, 37]. В то же время медиали разных языков не очень хорошо соответствуют друг другу [Miller 1958]. Необходимость реконструкции медиали w, восстанавливаемой Бенедиктом, вызывает серьезные возражения.

Наиболее сложной представляется задача реконструкции системы инициалей СТ праязыка. Здесь пока остается неясным даже число необходимых локальных классов, не говоря уже об их конкретном составе. Наверняка удастся реконструировать губные, дентальные и веллярные смычные, а также свистящие аффрикаты [Benedict 1972₁, 17]. Этим, однако, число необходимых локальных классов не исчерпывается. Скорее всего, следует также восстанавливать классы шипящих аффрикат (> шипящие в тибетском и пралоло-бирманском языках), денталатеральных (сохраняющихся в древнекитайском и лушей) и, возможно, увулярных. Неясным остается также вопрос о противопоставлении смычных и аффрикат по ларингальным признакам. По мнению Бенедикта, здесь следует реконструировать только противопоставление по глухости / звонкости, которым, однако, не описывается все разнообразие имеющихся систем [там же, 20]. Р. Шейфер оперирует троичным противопоставлением: глухость / звонкость / придыхательность и восстанавливает три типа инициалей: глухие, звонкие и глухие придыхательные. Однако при этом Шейфер опирался на данные классического тибетского языка, где глухие и глухие придыхательные оказываются дополнительно распределенными. Очевидно, что при решении этого вопроса нельзя обойтись без анализа тонов, что еще не проведено.

В системе СТ праязыка заведомо должны были различаться носовые m, n и ŋ. Следует ли реконструировать ñ, не совсем ясно. Аналогично обстоит дело с придыхательными hm, hn и hŋ, положение с которыми напоминает ситуацию со смычными. Видимо, в праязыке различались глайды j, l, r и, возможно, их глухие пары. В праязыке различались также s, ś и h. Имелись ли к ним соответствующие звонкие, мы пока не знаем.

Особую проблему составляет реконструкция системы префиксов праязыка. Шейфер [Shafer 1966, 20—37] предлагает реконструировать шесть префиксов — p-, t-, k-, m-, r-, ŋ-, основываясь при этом в первую очередь на дан-

ных куки-чинских языков. Бенедикт восстанавливает также шесть согласных префиксов, но в несколько ином составе, поскольку им реконструируется s- и не реконструируется η- : b-, m-, d-, r-, s-, g- [Benedict 1972₁]. Необходимость реконструкции s довольно очевидна, тогда как статус η остается сомнительным, поскольку его восстановление опирается лишь на данные языков лухупа, входящих в куки-чинскую ветвь. Следует ли увеличивать систему префиксов, пока неизвестно, а ответ на этот вопрос можно получить только после выяснения истории тонов в отдельных языках.

П. Бенедикт предложил восстанавливать ряд суффиксов, из которых надежно восстанавливается только суф. -s-. Одного суффикса, однако, недостаточно для объяснения всех фактов отдельных языков. Окончательно вопрос о составе СТ суффиксов также может быть решен после создания тональной реконструкции.

Результаты исторического анализа тонов СТ языков пока минимальны. Опубликованы всего две статьи, посвященные этой проблематике. В них автор предлагает реконструировать для СТ праязыка два тона — А и В, находя их рефлексy в китайском, лоло-бирманском, протокаренском, качинском и других языках [Benedict 1971₂; 1973]. Однако внутренний анализ отдельных языков позволяет возводить тоны этих языков к сегментным единицам. Это убедительно продемонстрировано для китайского [Pulleyblank 1962; Старостин 1979] и бирманского [Головастикив 1977], что делает реконструкцию Бенедикта сомнительной. В то же время полностью исключить тональный характер СТ праязыка пока невозможно [Яхонтов 1978].

Морфология и синтаксис СТ языков в историческом плане остаются совершенно неизученными. Данные старых авторов [Congady 1896; Wolfenden 1929] нуждаются в строжайшей проверке, возможной только после появления сравнительной фонетики этой семьи. Новые работы в данном направлении практически не ведутся. Единственным исключением является интересная диссертация Дж. Баумана, в которой продемонстрировано широкое распространение в СТ языках субъектно-объектного спряжения и поставлен вопрос о значительной архаичности этого явления в СТ языках [Bauman 1975].

Семантическому и фонетическому анализу отдельных смысловых групп (части тела, небесные тела) в СТ язы-

ках посвящены работы Дж. Матисова [Matissoff 1978₁, ₂]. Однако при отсутствии надежных фонетических соответствий, связывающих сравниваемые языки, и достаточно вольном обращении с семантическими соответствиями этому автору не удалось получить надежные результаты, хотя некоторые предложенные им этимологии крайне интересны.

Таковы немногочисленные результаты, полученные почти за 100 лет изучения СТ семьи языков. К сказанному следует добавить, что за последнее время значительно возрос интерес к СТ проблематике. С 1968 г. проводятся ежегодные СТ конференции, привлекающие внимание специалистов из многих стран. Материалы этих конференций позволяют быстро вводить в научный оборот новейшие открытия в этой области. С 1969 г. в США начато нерегулярное издание Сино-тибетского общества им. С. Вольфендена, содержащее многочисленные интересные работы. С 1974 г. в США выпускается журнал, специально посвященный СТ проблематике, — «Linguistics of Tibeto-Burman Area». Статьи по СТ языкознанию продолжают публиковаться также во многих общелингвистических и востоковедческих журналах. Все это позволяет рассчитывать на быстрый прогресс сравнительно-исторического изучения СТ языковой семьи.

Гипотеза о существовании австро-тайской (АТ) языковой семьи была впервые сформулирована П. Бенедиктом [Benedict 1942], которому принадлежат также все основные работы в этой области³. АТ семья, по мнению этого автора, объединяет три семьи языков: австронезийскую (АН), тайскую, или, точнее, паратайскую (ПТ), и мяо-яо [Benedict 1975]. Языки мяо-яо включены в АТ семью, по-видимому, ошибочно, поскольку большая часть лексических сближений между ними и АН или ПТ языками по тем или иным причинам (фонетическим, семантическим и т. п.) неудовлетворительна или представляет собой китайские заимствования. Остающихся сближений недостаточно для доказательства родства этих языков с АН и ПТ.

ПТ языки, число которых не превышает 50, распространены преимущественно в Южном Китае, Вьетнаме, Лаосе и Таиланде и распадаются на ряд групп:

---

³ О формировании АТ гипотезы см.: [Egerod 1976].

1. Тайские, или собственно тайские языки, делящиеся в свою очередь на три подгруппы [Li 1977]: южную (тайский или сиамский язык, лаосский, шан, ахом, лы и др.), центральную (нунг, тхо с диалектом тай, диалект лунчжоу и др.), северную (чжуанский язык, боай, буи и др.). Эта группа включает основную массу ПТ языков. По многим из них существуют подробные описания и словари. В 1977 г. опубликована монография Ли Фангуя, посвященная реконструкции праязыка этой группы и ее словаря [там же]. Возможно, что в собственно тайскую группу следует включить язык сек, изученный довольно плохо.

2. Дун-шуйские языки (дун или кам, мак, тхен, диалекты суй, или шуй) Южного Китая известны достаточно полно. Вопросам реконструкции фонетики этой группы также посвящено несколько работ [Li 1965; Nishida 1955; Яхонтов 1980], однако целостная реконструкция фонетики праязыка остается неопубликованной.

3. Язык онг-бе (бе), на котором говорит часть некитайского населения о-ва Хайнань, известен преимущественно по сравнительно-историческому анализу А. Одрикура словаря бе, составленного Ф. Савина [Haudricourt 1965].

4. Язык лаккья известен только по одной китайской работе [Чжунго 1959], анализу сведений из которой посвящена специальная статья Одрикура [Haudricourt 1967], рассмотревшего все этимологизируемые корни этого языка.

5. Язык ли, распадающийся на многочисленные удаленные друг от друга диалекты, представлен в нескольких уездах о. Хайнань [Stübel 1937]. Историческому анализу диалектов языка ли посвящена статья Р. Шейфера [Shafer 1957], однако из-за плохого качества источников результаты этой работы плохо соотносимы с другими ПТ материалами.

6. Языки горных районов границы Вьетнама и КНР, условно называемые гэлао (гэлао, лати, лаква и др.), остаются изученными недостаточно. Возможно, что языки гэлао распадаются на три независимые группы: лакуа, лати и гэлао [Benedict 1975, XX—XXI].

Расхождения между отдельными группами ПТ языков довольно велики. По С. Е. Яхонтову, язык ли отделился от остальных ПТ языков уже 3 тыс. лет тому назад [Яхонтов 1977₁, 104]. Характеристика групп демонстрирует принципиальную возможность реконструкции ПТ праязыка. Тем не менее подобная работа не осуществлена.

Единственным опубликованным надежным источником по истории ПТ языков служит реконструкция Ли Фангуя собственно тайской фонетической системы. О распространении ПТ корней в группах языков определенное представление дают списки А. Одрикура, опубликованные в пятом выпуске исследования Р. Шейфера по СТ языкам.

Фонетические системы ПТ языков сходны с системами СТ языков, поэтому сказанное о специфике изучения СТ сравнительно-исторической фонетики применимо и к ПТ реконструкции. Здесь, однако, наблюдается более отрадная картина, чем в случае СТ языков, в частности в том, что практически во всех возможных случаях учитываются тоны отдельных языков. При этом для собственно тайской, дун-шуйской групп и, вероятно, для языка онг-бе история тонов изучена достаточно хорошо. Многочисленные тоны отдельных языков этих групп удается свести к трем прототонам (А, В и С) ⁴. Деление и видоизменение этих трех тонов в позднейшие периоды было связано с упрощением системы инициалей.

Система инициалей ПТ праязыка остается совершенно не известной. Единственно, о чем можно говорить с достаточной уверенностью, это то, что она была много богаче СТ системы. На это указывают данные собственно тайской и дун-шуйской реконструкций, в которых восстанавливается от 50 до 70 инициалей. В этих же реконструкциях восстанавливается по две медиали, хорошо соотносящиеся друг с другом. В системе ПТ гласных различались, скорее всего, долгие и краткие варианты и, возможно, были представлены многочисленные дифтонги. Возможная система конечных согласных была сходна с СТ:

p	m	w		
t	n	j	l	r
k	ŋ	ø		

Однако предположения о ее устройстве, равно как и все замечания о ПТ праязыке, точно не доказаны и требуют тщательной проверки. Не исключено, что для ПТ праязыка будет необходимо реконструировать систему префиксов. На это указывают данные дун-шуйской реконструкции и допустимая реинтерпретация собственно тайской реконструкции Ли Фангуя.

⁴ В слогах с конечными смычными противопоставление тонов первоначально было нейтрализовано. Этот факт принято обозначать, приписывая данным слогам тон *D*. Позже в истории отдельных языков тон *D* распался на два варианта.

Сравнительный словарь ПТ языков в достаточно полном объеме отсутствует. Однако определенное представление о словарном фонде праязыка можно составить из раздела о тайских языках монографии Р. Шейфера (в ее пятом выпуске приведены ПТ материалы А. Одрикура [Shafer 1966—1974]). Из этих данных, а также из выводов лексикостатистики [Яхонтов 1977₁] видно, что наибольшей лексической близостью обладают дун-шуйские и собственно тайские языки, тогда как в языках ли или гэлао имеется значительный объем слов, отсутствующих в первых двух группах. Вопрос об источниках этой лексики в ли и гэлао подробно не изучался, поэтому пока не установлено, является ли эта лексика результатом заимствования или же она просто сохранена в отдельных ПТ языках.

Контакты ПТ языков с языками соседних народов изучены лишь поверхностно. Зафиксировано множество лексических совпадений между ПТ (обычно для этого привлекался сиамский язык) и вьетнамским языком [Maspero 1912]. Некоторые параллели захватывают также другие австроазиатские языки. Известно также определенное число совпадений между ПТ языками и языками мяо-яо. Подробные списки такой лексики и изучение направлений подобных заимствований пока отсутствуют.

Более подробно изучались взаимоотношения ПТ (опять-таки только сиамского или в лучшем случае южной группы собственно тайских языков) с китайским языком. Согласно традиционному представлению, существовавшему в науке с прошлого века, ПТ языки признавались генетически родственными китайскому, поэтому до недавнего времени все сравнения тайских и китайских материалов велись для поиска доказательств генетического родства между этими языками. В результате этого подготовлено несколько списков китайско-тайских лексических сближений и выявлены основные закономерности, связывающие среднекитайский язык с сиамским [Wulff 1934; Shafer 1966—1974; Grapin 1976]. Удалось также продемонстрировать существование ряда разновременных пластов китайских заимствований (начала эры, среднекитайских, современных и др.).

Параллельно с изучением китайско-тайских связей с конца 30-х годов велась работа по установлению лексических сходств между ПТ языками и языками, входящими в обширную и хорошо изученную АН семью [Wulff 1942; Benedict 1942]. В результате таких исследований П. Бене-

дикт смог сформулировать гипотезу о существовании генетического родства АН и ПТ языков, доказательством которой до настоящего времени остается существование определенного числа корней, которые одновременно представлены в обеих группах. Наиболее полный список таких сближений представлен в сводной работе по АТ языковедению [Benedict 1975]. Однако этот крайне интересный список обладает рядом черт, значительно ослабляющих его доказательную силу:

а) ПТ материалы сравниваются без предварительной реконструкции; АН языки Тайваня также обычно рассматриваются в отрыве от общей АН реконструкции;

б) широко сравниваются материалы слабо изученных языков (ли, гэлао, атаяльского и др.), которые в принципе могли контактировать с языками другой семьи;

в) в ряде случаев при сравнении допускаются неубедительные семантические и лексические сближения;

г) иногда в основе сравнения оказываются независимые заимствования из китайского языка в отдельные ПТ и АН языки.

С учетом указанных замечаний список надежных АТ корней сокращается почти в два раза и составляет сейчас около 200 сближений, относящихся к наиболее устойчивым слоям лексики. Уже само по себе существование такого списка достаточно убедительно свидетельствует в пользу существования АТ языковой семьи.

Надежные фонетические соответствия между АТ языками не установлены, что вполне понятно при отсутствии хотя бы приблизительной ПТ реконструкции. Поэтому попытку П. Бенедикта АТ реконструкции признать удовлетворительной, к сожалению, нельзя. Единственным относительно надежным результатом в этой области остаются правила соотнесения двусложных АН корней с односложными ПТ корнями. Обычно в ПТ языках сохраняется второй слог [Яхонтов 1977₂]. Только когда средним согласным в АН языках оказывается глайд, в ПТ языках сохраняются все согласные слова, причем глайд соответствует в них медиали. Известно достаточное количество отклонений от указанных правил, но в целом они вполне удовлетворительны. Соответствия консонантизма АН и ПТ языков известны лишь в самых общих чертах. Например, АН денальный смычный соответствует ПТ денальному смычному (соотношение ларингальных признаков при этом не известно). Число АТ локальных классов согласных

также пока еще не выяснено. Соответствия гласных практически не известны.

Этим исчерпываются имеющиеся в настоящее время сведения об АТ праязыке и связях его языков-потомков. Таким образом, перед специалистами, занимающимися проблемами АТ языковой семьи, стоят следующие задачи:

1) создание ПТ фонетической реконструкции и сравнительного словаря;

2) установление фонетических соответствий между АН и ПТ праязыками и создание на их основе реконструкции общего АТ праязыка;

3) расширение списка АТ корней и связанное с этим более точное изучение лексики языков Тайваня, Хайнани и т. п., которое должно сопровождаться рассмотрением возможности языковых контактов в этих районах.

В связи с открытием АТ семьи языков в сравнительно-исторических исследованиях языков Восточной и Юго-Восточной Азии возникла еще одна тема, на которой следует остановиться специально. Речь идет о проблеме взаимоотношения АТ и СТ языков. П. Бенедикт в своих АТ исследованиях стремился показать существование в СТ языках, особенно в китайском, многочисленных заимствований из АТ праязыка. В подтверждение этого он приводит достаточно большой список таких гипотетических заимствований [Benedict 1975]. Некоторое число сходных СТ и АТ корней см. в кн.: [Matisoff 1976].

Однако выводы и материалы о заимствованиях из АТ в СТ языки представляются в большинстве случаев не слишком убедительными, поскольку в них а) используется не очень надежный вариант древнекитайской реконструкции (близкий к системе Б. Карлгрена) и б) явно наблюдается априорная тенденция объяснять максимальное число совпадений заимствованиями из АТ языков. Последнее зачастую имеет место даже в тех случаях, когда в АТ языках корень представлен только в ПТ ветви, т. е. там, где наверняка имеется большое число китайских заимствований. Поэтому многие приводящиеся АТ и СТ сопоставления могут легко объясняться при помощи традиционной теории наличия китайских слов в ПТ языках или же признанием существования новых заимствований в отдельные СТ языки. Допускать обширное АТ влияние на уровне СТ праязыка пока оснований нет. Окончательно вопрос о связях языков этих двух семей может быть решен только после появления подробных реконструкций этих семей и сведений о других старых семьях этого ареала.

ДРАВИДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Описательное изучение дравидийских языков зародилось в Индии еще в раннем средневековье, так что его история насчитывает не менее 15 веков. Однако и сегодня мы не можем с уверенностью сказать, что уже все дравидийские языки стали известны науке. В настоящее время компаративистика оперирует материалом 25 языков, в классификационном отношении распределенных по семи группам. Это — тамильский язык, малаялам, курру, ката, тода, кодагу, каннада, куруба (южная группа), कराга, беллари, тулу (юго-западная группа), телугу (юго-восточная группа), колами, найки, парджи, гадаба (центральная группа), гонди, конда (куби), пенго, манда, куи, куви (гондванская группа), курух, малто (северо-восточная группа) и брауи (северо-западная группа).

В отдельных работах можно встретить упоминание о бадага (диалект каннада), ерава (диалект малаялам), кайкади (диалект курру), ирула (диалект тамильского) и некоторых других диалектах как о самостоятельных языках. Для этого, по-видимому, нет реальных оснований. Вместе с тем открытие в будущем дравидийских языков, неизвестных в данный момент (как это, например, недавно произошло с касабом), представляется весьма вероятным.

История сравнительного изучения дравидийских языков насчитывает около 125 лет. Начало его обычно связывается с именем Р. Колдуэлла, первое издание «Сравнительной грамматики дравидийской, или южноиндийской, семьи языков» [Caldwell 1856] которого было опубликовано в 1856 г. В этом, ставшем классическим, труде дравидийские языки впервые были выделены из круга всех прочих языков в качестве особой языковой семьи, отличной по генетическому признаку не только от индоевропейской, включая ее индоарийскую ветвь, но и от двух других крупнейших семей Южной Азии — мунда и тибето-бирманской. Колдуэлл впервые определил, какие языки входят в дравидийскую семью (в его время их было известно 12), и дал их развернутую типологическую характеристику, заложил основы их классификации и установил ряд звуковых соответствий, в том числе сформулиро-

вал так называемый закон взаимопревращения глухих и звонких шумных согласных.

Отличное знание многих современных и древних языков и тонкое языковое чутье в сочетании с энциклопедическими познаниями в области языкознания и индологии позволили Колдуэллу сделать много тонких наблюдений частного характера, сохранявших свое научное значение на протяжении длительного времени. Вместе с тем современный читатель уже не может, конечно, не заметить в его книге очевидные методологические и концептуальные недостатки, такие, например, как антиисторизм или ясно выраженное преобладание типологического подхода над собственно сравнительно-историческим. Признавая, в частности, на словах первостепенное значение сравнения морфологических показателей и основной лексики, Колдуэлл на практике сплошь и рядом оперирует типологическими чертами языковой структуры, интерпретируя их в качестве элементов генетического родства. Такой подход у него в значительной степени связан с центральной идеей его труда о генетическом родстве дравидийских языков с обширным кругом «скифских» языков и — в конечном счете — о родстве всех языков мира между собой. Наваянная высказываниями Р. Раска и М. Мюллера, эта идея получила у Колдуэлла детальную разработку и в последующее время нашла отражение в большом числе разных по характеру и своим научным достоинствам публикаций.

Позднее основные усилия дравидологов были направлены на расширение фактологической основы сравнительных исследований. На фоне значительного числа описательных грамматик заметное место в этот период занимает большой обобщающий труд С. Конова, составивший половину 4-го тома «Лингвистического обзора Индии» [Linguistic Survey of India 1906], вышедшего под общей редакцией Дж. А. Грирсона. Написанные по единому плану краткие грамматические очерки 14 известных в то время дравидийских языков дополнены в нем вводным разделом, в котором то более, то менее удачно обобщались накопленные к этому времени сведения об истории, диалектах, истории изучения этих языков, а также о их сравнительной грамматике, фонетике, классификации и т. п.

В методологическом отношении труд С. Конова представляет собой несомненный шаг вперед по сравнению

с книгой Р. Колдуэлла: в нем уже значительное внимание уделено фонетическим законам и более строгой стала трактовка звуковых и морфемных соответствий. Однако рассмотрение данных классических языков в историческом плане по-прежнему практически отсутствовало. Это, впрочем, объяснялось объективными причинами, ибо исследования по исторической грамматике дравидийских языков в то время еще не начинались, если не считать вышедшей тремя годами ранее «Грамматики каннада» Ф. Киттеля [Kittel 1903].

Первая попытка начать историческое изучение дравидийского языкового материала связана с именем Ж. Блока, более известного своими исследованиями индоарийских языков. Опираясь на филологический анализ нескольких дравидийских, вероятно тамильских, слов, встречающихся в одном санскритском трактате, Блок выдвинул смелую гипотезу об исторических изменениях в характере распределения глухих и звонких шумных в тамильском языке [Bloch 1914]. Стремясь опровергнуть закон Р. Колдуэлла о взаимопревращении глухих и звонких шумных, Блок утверждал, что первоначально глухие и звонкие взрывные встречались в этом языке в любом положении, затем (во II—XII вв.) наступило оглушение звонких, в результате чего все шумные стали глухими, и лишь позднее, начиная с XIII в., произошло озвончение интервокальных глухих. Хотя эта гипотеза Блока, получившая было поддержку Ф. Кёйпера [Kuiper 1938] и С. К. Чаттерджи [Chatterji 1954], впоследствии была опровергнута Т. Барроу [Burrow 1938] и А. Мастером [Master 1938], ее обсуждение пробудило у дравидологов интерес к историческим исследованиям. Сам Блок в дальнейшем, правда, интересовался в основном взаимоотношениями индоарийских языков с дравидийскими [Bloch 1932; 1939]. Лишь однажды он вернулся к истории в статье об отрицательных формах глагола [Bloch 1935], и его вновь постигла неудача: предложенная им вслед за Колдуэллом реконструкция показателя негативности в виде *-а- оказалась неудачной, и позднее он сам от нее отказался. Его книга «Грамматическая структура дравидийских языков» [Bloch 1946] посвящена в основном сравнительно-сопоставительному описанию морфологии и в историческом плане факты языков не рассматривает.

Первым индийским дравидологом-компаративистом следует, по-видимому, считать К. В. Суббайю, опублико-

вавшего в 1909—1923 гг. ряд статей по сравнительной грамматике дравидийских языков [Subbayya 1909; 1910—1911; 1923]. Однако наиболее крупным индийским специалистом этого периода, без сомнения, стал Л. В. Рамасвами Айяр, опубликовавший не менее 100 работ по различным аспектам дравидийской сравнительной грамматики, истории и этимологии. Ему, в частности, принадлежат первая историческая грамматика малаялам [Ramaswami Aiyar 1936], важное исследование по истории тамильского глагола [Ramaswami Aiyar 1938] и ряд основополагающих работ по сравнительно-исторической фонетике дравидийских языков, в которых впервые рассматривается развитие в различных языках и различных фонетических условиях взрывного *k- [Ramaswami Aiyar 1931], аффрикаты *c- [Ramaswami Aiyar 1933], ретрофлексного сонанта *ɻ [Ramaswami Aiyar 1935], некоторых корневых гласных в связи с явлением афerezиса [Ramaswami Aiyar 1932], а также сандхи [Ramaswami Aiyar 1934—1935]. Книги и статьи Рамасвами Айяра имели большое теоретическое и методологическое значение для развития индийской сравнительной дравидологии: в них была намечена проблематика, остававшаяся в центре внимания дравидологов в течение последующих лет, а методика исторических и сравнительно-исторических исследований впервые в дравидологии стала отвечать мировому уровню науки.

Начало современной сравнительной дравидологии связано в первую очередь с трудами Т. Барроу, в особенности с серией его статей по сравнительно-исторической фонетике дравидийских языков [Burrow 1938; 1940; 1943; 1945; 1947]. В первой из них в результате анализа начальных глухих и звонких шумных в литературных дравидийских языках Барроу на исчерпывающем для того времени материале убедительно доказал справедливость закона Р. Колдуэлла о взаимопревращении глухих и звонких и опроверг гипотезу Ж. Блока о якобы свободном их распределении в слове на раннем этапе развития тамильского языка. Противопоставив филологическим изысканиям Блока сравнительно-исторический анализ лексики, Барроу показал, что «начальные звонкие в телугу и каннада являются вторичными и не могут считаться наследием языка, из которого они произошли» [Burrow 1938, 711], и что «тамильский язык, единственный среди дравидийских, сохраняет положение вещей, наблюдавшееся в этом вопросе в языке-предке» [там же, 722].

В другой статье, проанализировав проблему, поставленную еще К. В. Суббайей и Л. В. Рамасвами Айяром, Т. Барроу сформулировал принцип реконструкции корневых *i/e*, *u/o* в положении перед *-a-* в суффиксальном слоге: поскольку в литературных языках эти гласные в указанном положении давали *i*, *u* в тамильском и малаялам и *e*, *o* — в каннада и телугу, Барроу предложил определять их первоначальное качество по родственным словам, не имеющим *-a-* в суффиксальном слоге и потому сохраняющим первоначальный гласный без изменения [Burgow 1940, 291].

В последующих статьях Барроу на большом фактическом материале рассмотрел развитие начальных *k-*, *s-*, *y-*, *ñ-* в различных языках. Эти разработки затем легли в основу предложенной им новой классификации дравидийских языков по трем группам. Весьма важное значение для сравнительной грамматики центральной и годванской групп языков имели также его совместные с С. Бхаттачарьей публикации по языкам парджи, гадаба, гонди, пенго, куи и куви [Burgow, Bhattacharya 1953; 1960; 1961; 1963; 1970], в которых собранный ими новый материал рассматривается не только в дескриптивном, но и в сравнительно-историческом плане.

Многолетнее сотрудничество Т. Барроу с М. Б. Эмено обогатило современную дравидологию еще одним трудом первостепенного значения — «Дравидийским этимологическим словарем» [Burgow, Emeneau 1961; 1968]. Эмено, известный своими трудами в области санскритологии, компаративистики, вьетнамского и некоторых других языков, накануне второй мировой войны в течение ряда сезонов вел полевую работу по языкам тода, ката и колами в Индии. На основе собранных им новых данных он в последующие годы опубликовал большое число работ по языкам и этнографии этих племен, а также по дравидийской сравнительной грамматике, этимологии и ареальной лингвистике. Сравнительно-исторические и этимологические исследования по ката [Emeneau 1944; 1946], тода [Emeneau 1957₁] и в особенности колами [Emeneau 1955], а также многолетние изыскания по сравнительной фонетике (впервые опубликовано в сводном виде в кн.: [Emeneau 1970₁]) в сочетании с аналогичными исследованиями Т. Барроу по языкам других групп позволили им впервые в дравидологии преодолеть наблюдавшийся ранее в сравнительных работах крен в сторону литературных языков и более рав-

номерно представить материал всех языковых групп.

Обобщив и представив в сравнительном плане все лексикографические материалы, «Дравидийский этимологический словарь» впервые дал наглядное представление о дравидийской языковой семье в целом и о соотношении входящих в нее отдельных групп и языков. Выход в свет словаря ознаменовал начало нового этапа в развитии сравнительной дравидологии: его появление в значительной мере способствовало как интенсификации исследований в данной области, так и заметному повышению их общего научного уровня, значительно расширило тематику исследований, выдвинуло на первый план новую проблематику, по-новому осветило старые проблемы. Особенно сильный импульс получили исследования в области звуковых соответствий в отдельных языках и связанные с ними этимологические изыскания, а также сравнительное изучение глагольного и именного словообразования. Помимо работ самого Эмено о дравидийских терминах родства [Emeneau 1953], числительных [Emeneau 1957₂], этимологиях брауи [Emeneau 1961_{1, 2}; 1962_{1, 2}], звуковых соответствиях в ката [Emeneau 1969] и кодагу [Emeneau 1970₂; 1971] и о структуре глагольных основ в языках южной группы [Emeneau 1967] здесь следует прежде всего указать работы Б. Кришнамурти и Н. Кумарасвами Раджи, в разные годы учившихся у Эмено.

Отдав дань тематике предшествующего периода в статьях о чередовании корневых *i/e*, *u/o* [Krishnamurti 1958₁] и отражении ретрофлексного сонанта l в различных языках [Krishnamurti 1958₂], Кришнамурти исследовал в историческом плане структуру глагольных основ телугу [Krishnamurti 1961]. Этот анализ, сопровождающийся многочисленными экскурсами сравнительно-исторического характера, имел — несмотря на некоторые недостатки — большое значение не только для изучения телугу, но и для дальнейшего развития сравнительной грамматики дравидийских языков в целом. В этой книге был сформулирован ряд важных общих положений, как, например, вскрытая Кришнамурти закономерность чередования долгих и кратких гласных в основе [подробнее см.: Krishnamurti 1955].

Непосредственно связана с «Дравидийским этимологическим словарем» написанная на его основе книга Кумарасвами Раджи, реконструировавшего неизвестные ранее протодравидийские сочетания носовых сонантов

с глухими взрывными геминантами и сформулировавшего закон их отражения в различных современных языках [Kumaraswami Raja 1969].

Еще одним важным для развития сравнительной дравидологии трудом, написанным под непосредственным влиянием «Дравидийского этимологического словаря», явилась диссертация Г. Самбасивы Рао, посвященная сравнительному анализу именного словообразования [Sambasiva Rao 1973₁]. Им же были подробно проанализированы и сформулированы (или уточнены) многие протодравидийские морфонологические закономерности, регулирующие словообразование [Sambasiva Rao 1973₂].

Вместе с тем нельзя не заметить, что идеи авторов «Дравидийского этимологического словаря», оказав мощное воздействие на развитие современной дравидологии, одновременно наложили на него ряд ограничений как объективного, так и субъективного характера. Прежде всего, быстрое развитие этимологических исследований, установление звуковых соответствий и сравнительного изучения словообразования сделали особенно очевидным общее отставание других направлений, в первую очередь собственно сравнительно-исторической грамматики дравидийских языков, особенно их сравнительно-исторической морфологии.

Если сравнительное изучение словоизменения находилось в центре внимания Р. Колдуэлла и в значительной мере присутствовало в работах С. Конова, К. В. Суббайи, Ж. Блока, Л. В. Рамасвами Айяра и ряда других компаративистов предшествующего периода, то после выхода «Дравидийского этимологического словаря» удельный вес таких исследований заметно сократился, а наиболее популярным и престижным стало определение звуковых соответствий между языками и установление этимологических гнезд слов. Само понимание этимологии при этом ограничивалось, как и у авторов словаря, составлением гнезд родственных слов и не предусматривало «попытки определить формальный материал, использованный тем, кто первым создал слово, и то понятие, которое он хотел выразить этим словом» [Пизани 1956, 70]: ведь пытались объяснить отсутствие собственно этимологий в своем этимологическом словаре, Т. Барроу и М. Б. Эмено вслед за Блоком считали всякую этимологию «либо самоочевидной, либо правдоподобной, но в известной мере зависящей от веры» [Burrow, Emeneau 1961, XVii], т. е. недоказуемой,

Такой взгляд на этимологию, казалось бы, предопределял отношение авторов словаря и к реконструкции как к той части этимологического исследования, которая направлена, по приведенному выше определению В. Пизани, на установление первоначального материального облика слова. И все же, говоря об отсутствии реконструированных форм в словаре, Барроу и Эмено признают, что такие формы «могли бы оказаться полезными, но . . . при современном состоянии дравидологии значительная дополнительная затрата времени на их разработку вряд ли была бы оправданна» [там же, Xi]. Однако если принять во внимание тот факт, что и в других своих работах они избегают давать реконструированные протодравидийские формы, дело здесь, по-видимому, не только в дефиците времени: в одной из своих ранних работ Барроу полагает, что, поскольку «нельзя сказать ничего определенного о фонетике реконструируемого языка, реконструируемые звуки должны в основном рассматриваться просто как удобные символы» [Burrow 1940, 291].

В словаре эта идущая от структурализма склонность оперировать разного рода абстракциями, конструктами и символами, несмотря на их явное неудобство в сравнительной работе, порой усиливается настолько, что распространяется и на современные языки, фонетика которых хорошо известна. В результате приведенные в таблице словаря данные о фонетических соответствиях (phonetic correspondences) искажены и нередко подменяются фонемными или просто графемными соответствиями (в первую очередь это относится к тамильским -k- [-x-], -ŋk- [-ŋg-], c- [s-], -c- [-s-], -ñc- [-ñj-], -t- [-r-], -ŋt- [-ŋd-], -t- [-ð-], -nt- [-nd-], -mp- [-mb-], -rr- [-ttr-], -nr- [-ndr-] и их соответствиям в других языках), нередко создавая иллюзию развития звуков там, где его нет (например, там. c- [s-] — тулу s-), и, напротив, не отражая его там, где оно происходит (например, мал. c- [ç-] — там. c- [s-]). Эта практика, надолго укоренившаяся в сравнительных исследованиях под влиянием авторитета «Дравидийского этимологического словаря», предопределила, в частности, отсутствие в этимологических гнездах тамильских диалектных материалов, которые иной раз невозможно отобразить при помощи принятых в словаре знаков (ср., например, цейл. там. c- [ç-] — литер. там. c- [s-]). То же самое касается исторического развития звуков в литературных языках; ср., например, класс. там. -rr- [-t̪t̪-] — совр. там. -rr- [-t̪t̪(r)-],

кота-тода -t-, кашн. -t(t)-, тел. -t(t)-; класс. там. -nr- [-nd-] — совр. литер. там. -nr- [-ndr-], совр. разг. там. -nr- [-nn-], мал. -nn-, кота -nd- [-nd-], тода -d-, тел. -nd-, кол. -nd-.

Первая попытка преодолеть тематическую ограниченность работ этого периода была предпринята С. В. Шанмугамом и П. С. Субрахманьямом, опубликовавшими в 1971 г. сравнительные исследования именного и глагольного словоизменения [Shanmugam 1971; Subrahmanyam 1971]. Обе книги, построенные по единому плану, сначала рассматривают материал каждой главы в дескриптивном плане, а затем дают его сравнительно-исторический анализ. В дескриптивном отношении эти книги намного превосходят аналогичные исследования Р. Колдуэлла, С. Ковнова, К. В. Суббайи и Ж. Блока: если, например, в последнем издании «Сравнительной грамматики» Колдуэлла рассматривался материал 12 языков (причем факты восьми из них привлекались лишь эпизодически), то здесь авторы систематически оперируют материалом 18—20 языков. Структурный анализ и выделение морфем словоизменения у них отвечают современному уровню науки. Сравнительному анализу они подвергают показатели числа, числительные, личные местоимения, аугменты именных основ, падежные суффиксы, суффиксы переходности и каузативности, показатели времени и негативности, личные суффиксы, суффиксы инфинитива и повелительного склонения. Основное содержание этих разделов составляет реконструкция гипотетических форм перечисленных суффиксов на общедравидийском уровне, которой нередко предшествует их реконструкция на промежуточных уровнях (южнодравидийском, центральнодравидийском и т. д.). В отличие от авторов «Дравидийского этимологического словаря» Шанмугам и Субрахманьям широко пользуются реконструированными формами для объяснения исторического развития реально существующих форм современных языков. Ряд предложенных ими реконструкций, по-видимому, может иметь объективное значение и давать реальное представление о состоянии дел в общедравидийском языке-предке (таковы, например, реконструкции протодравидийских личных местоимений, некоторых суффиксов переходности—каузативности и др.).

Вместе с тем нельзя не заметить, что и в этих работах ощущаются рецидивы некоторых общетеоретических и методических слабостей, связанных с тем направлением в дравидологии, которое стало развиваться под непосред-

ственным влиянием «Дравидийского этимологического словаря». Так, например, у С. В. Шанмугама и П. С. Субрахманьяма почти полностью игнорируются диалектологические материалы, что не только сужает фактологическую базу дескриптивной части их исследований, но и существенным образом обедняет представление об исторической эволюции некоторых морфем. Более того, занимаясь реконструкцией, т. е. доисторией, тех или иных элементов словоизменения, они игнорируют их историю, т. е. историческое развитие четырех литературных языков. Как и в этимологическом словаре, в книгах Шанмугама и Субрахманьяма не проведено различие между современными формами, бытующими в живых разговорных языках, и классическими, отстоящими от нашего времени на 10—15 и более столетий. В результате прямое сравнение данных современных бесписьменных языков с данными тамильского, как это сделано у Шанмугама и Субрахманьяма, нарушает хронологию языковых явлений и создает неправильное представление о характере, направлении и временных рамках языкового развития [подробнее см.: Андронов 1964].

Подобный антиисторизм еще ярче проявляется при анализе грамматических категорий, которые в этих двух книгах предстают статическими, лишенными всякого развития. Рассмотрение эволюции материальной формы той или иной морфемы, того или иного суффикса обычно не сопровождается в них исследованием изменений в характере выражаемой грамматической категории. Другими словами, реконструкция каких-либо суффиксов, например падежных, на протодравидийском уровне механически означает реконструкцию в протодравидийском языке соответствующих грамматических категорий, в данном случае падежей. В результате набор грамматических категорий, имплицитно реконструируемых на протодравидийском уровне, почти полностью повторяет набор их в тамильском языке. При этом развитие современных морфологических показателей, например падежных суффиксов или аугментов именных основ, из некогда самостоятельных слов, превратившихся сначала в послелогов, а затем в суффиксы, исчезает. Анализ же тех классов слов, категориальная принадлежность которых менялась особенно резко (прилагательные, личные имена, наречия, некоторые разряды местоимений и подражательных слов) и история развития которых прежде всего связана с такими изменениями, здесь

закономерно отсутствует. Эта особенность трактовки нередко усугубляется субъективной склонностью авторов архаизировать свои родные языки, тамильский и телугу, и утверждать, будто отдельные поздние черты их грамматической структуры (например, показатель мн. числа *-ka!* у Шанмугама или характер родовых противопоставлений у Субрахманьяма) отражают протодравидийское состояние. Последнее же рассматривается не как некоторое подобие, пусть упрощенное, протодравидийской языковой системы, а как набор изолированных друг от друга реконструированных праформ, категориальное наполнение, взаимосвязь и дистрибуция которых остаются неопределенными.

Ставший в дравидологии уже традиционным, антиисторизм сравнительных исследований в значительной мере объясняется спецификой тамильского языкового материала. Как известно, тамильский язык распадается на мертвый литературный и живой современный, или разговорный. Поскольку последний остается практически бесписьменным, в сравнительных исследованиях обычно привлекались факты одного литературного, нормы которого были канонизированы в V—XIII вв. Существование письменности лишь на литературном языке создавало иллюзию того, что его формы отражают современное состояние. В действительности же возраст их составляет не менее 10—15 столетий, а отличие их от современных весьма существенно [Андронов 1962, 5—23, 43]. Аналогичная диглоссия характерна для каннада и в несколько меньшей степени для телугу и малаялам. Игнорирование в сравнительных работах фактов современных (разговорных) языков и подмена их фактами литературных означают отказ от изучения истории этих языков и приводят к искажению временной перспективы при их сравнении с другими языками.

Еще одна важная особенность тамильского языка касается его фонологии. Вследствие дополнительного распределения глухих и звонких, взрывных и фрикативных шумных фонем в классическом языке его шумные фонемы не различают этих признаков [Андронов 1966, 28—30]. Это приводит к тому, что фонемные соответствия во многих случаях скрывают реальное развитие звуков в родственных языках или, напротив, показывают мнимое развитие там, где его нет на самом деле. Избежать этого и добиться сопоставления действительно сравнимых единиц можно только в том случае, если проводить сравнение на

уровне фонем, приняв за основу их сравнения теоретико-множественную сумму фонем дравидийских языков [Андронов 1978, 81—82]. Аналогичный принцип сопоставления сравнимых единиц в морфологии предполагает предварительную идентификацию всех морфем словоизменения и их категориального значения в каждом из рассматриваемых языков. Реконструкция материального облика того или иного суффикса приобретает смысл только в том случае, если она сопровождается исследованием исторического развития соответствующей грамматической категории.

Современные представления о протодравидийском языковом состоянии, выработанные на этой основе, позволяют уже в общих чертах реконструировать многие элементы системы общедравидийского языка-предка [Андронов 1978] (см. таблицу).

Имена существительные в форме им. (прямого, неоформленного) падежа могли выступать в субстантивной, атрибутивной и адвербиальной функциях (ср. там. *mēl* 'верх', 'запад', *mēl nāṭu* 'западная страна', *mēl kaṇṭa* 'рассмотренный выше'). Категория рода у существительных формально не выражалась. Муж., жен. и сред. роду в ед. числе противостояли эпиценовый и средний во множественном. Часть

ПРОТОДРАВИДИЙСКАЯ СИСТЕМА ФОНЕМ И АЛЛОФОНОВ

Фонемы

Аллофоны

* p	p-	-pp-	—	-m] b-	-m] pp-	—
* t	t-	-tt-	-ḍ-	-n] d-	-n] tt-	—
* t̥	—	-t̥t̥-	-r-	-n] d̥-	-n] t̥t̥-	—
* t̄	—	-t̄t̄-	-r̄-	-n] d̄-	-n] t̄t̄-	—
* c	c-	-cc-	-s-	-ñ] j-	-ñ] cc-	—
* k	k-	-kk-	-x-	-ñ] g-	-ñ] kk-	—
* m	m-	-mm-	-m-	-m] b-	-m] pp-	-m
—	n-	—	-n-	-n] d-	-n] [tt-	—
* n	—	-nn-	-n-	-n] [d-	-n] [tt-	-n
* n̄	—	-n̄n̄-	-n̄-	-n̄] [d̄-	-n̄] [t̄t̄-	-n̄
* ñ	ñ-	-ññ-	-ñ-	-ñ] [j-	-ñ] [cc-	—
—	—	—	—	-ñ] [g-	-ñ] [kk-	—
* y	y-	-yy-	-y-	-y] [C-	-y] [CC-	-y
* r	—	—	-r-	-r] [C-	-r] [CC-	-r
* l	—	-ll-	-l-	-l] [C-	—	-l
* v	v-	-vv-	-v-	—	—	—
* l̄	—	—	-l̄-	-l̄] [C-	-l̄] [CC-	-l̄
* l̄̄	—	-l̄̄l̄̄-	-l̄̄-	-l̄̄] [C-	—	-l̄̄

* ī * ñ̄
* ē * ō
* ā

существительных муж. рода, имевшая показатель ед. числа *-п, во мн. числе принимала вместо него *-г. Прочие существительные, мыслимые определенно, принимали во мн. числе показатель *-к; в остальных случаях число их формально не выражалось. Помимо им. (прямого) падежа имелся генитивно-локативно-аблативный падеж с показателем *-(t)tu, восходящий к форме личного имени 3-го л. ед. ч. сред. р., например: *maram 'дерево' — *maram-ttu > *maran-ttu > *marattu 'дерева/принадлежащий дереву', 'на/в дереве', 'с/от дерева'. Кроме того, имелась система послелогов, в функции которых употреблялись местоименные (*aṇ/*al, *iṇ/*il) и субстантивные формы (*kaṇ 'рука' и др.).

Числительные реконструируются в виде *oṇ-/*oṅ- 'один' (< *ol- 'объединяться', 'становиться единым'), *īṅ- 'два' (ср. *īṅ- 'раскалывать', 'разделять надвое'), *mūṇ- 'три', *nāl- 'четыре' (также 'несколько'), *caṇ- 'пять' (< *kaṇ 'рука'), *cātu 'шесть' (< *cāl- 'быть больше', 'превосходство'), *ēl- 'семь', *eṇ- 'восемь' (также 'число, считать'), *oṇpat-/*toḷ- 'девять' (< 'неполные десять'), *raṇ-/*raṇ-/*raṇ- 'десять' (< *raḷ-/*raṇ- 'много'), *nūtu 'сто' (ср. *nūtu 'пыль, порошок, мука').

Личные местоимения 1-го и 2-го лица почти полностью совпадают с классическими тамильскими: *uāṇ (*uaṇ-) 'я', *uām (*uam-) 'мы' (экскл.), *nām (*nam-) 'мы' (инкл.), *nīṇ (*niṇ-) 'ты', *nīm (*nim-) 'вы'. Местоимения 3-го лица образованы при помощи личных показателей от основ указательных, различавших четыре степени удаления от говорящего лица:

*al-/*aṇ-/*am-/*av-	'тот' (= далекий, отсутствующий)
*ul-/*uṇ-/*um-/*uv-	'тот' (= недалеко от тебя)
*el-/*eṇ-/*em-/*ev-	'этот' (= недалеко от меня)
*il-/*iṇ-/*im-/*iv-	'этот' (= здесь, где нахожусь я).

Вопросительные местоимения образованы от основы *uā-.

Глагольные формы образовывались от двух основ — одной простой, равной корню, и другой, маркированной суф. *-k(k)-. Присоединение к этим основам суф. *-ru/*-Ḷ (для непрошедшего времени) и *-(n)tu/*-i- (для прошедшего) давало формы, употреблявшиеся и как личные формы и как деепричастия. Личные суффиксы, близкие классическим тамильским, присоединялись к этим формам для формального различения лица:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*-ǝn/*-ǝn	*-ǝm/*-ǝm
2-е л.	*-ǝ(n)	*-ǝm/*-ǝr
3-е л.	{ м. р. *-ǝn }	* -ǝr
	{ ж. р. *-ǝl }	
	{ сред. р. *- (t)tu }	

Еще одна глагольная форма, имевшая показатель *-al, присоединявшийся как к основе, так и (в позднейшее время) к деепричастиям, употреблялась в значении глагольного имени или причастия. К ней также могли присоединяться личные суффиксы. Единая отрицательная форма имела показатель *-ā, присоединяемый к простой основе, и употреблялась в функции деепричастия, причастия и, возможно, личной формы 3 л. мн. ч. сред. р.

Личные суффиксы могли присоединяться и к именным основам (формам), образуя личные имена типа там. nāyēn 'я подобный псу' (при nāy 'собака'), tēvarīr 'вы подобные богам' (при tēvar 'боги'), neṅcattu 'то, что есть душа/в душе' (при neṅcam 'душа').

По мере развития склонения личные имена и глагольные формы с личными суффиксами приобрели способность к изменению по падежам; эта особенность придала последним характер причастных имен.

К сравнительно-историческим исследованиям дравидийских языков тематически примыкает большое число публикаций, имеющих своей целью установление генетического родства этой семьи с другими языками и языковыми семьями. Сравнения и сопоставления этого рода продолжают, как известно, со времен Р. Колдуэлла и к настоящему времени охватывают уже весьма широкий круг языков, в том числе финно-угорские, самодийские, тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, индоевропейские (включая индоарийские), семитские, картвельские, австроазиатские, австронезийские, шумерский, эламский, баскский, египетский, митанни, этрусский, корейский и др. Наиболее серьезный материал здесь представил опять-таки Т. Барроу в статье о названиях частей тела в дравидийских и уральских языках [Burgow 1944]. Но и его утверждение о родстве этих двух языковых групп [там же, 330] по ряду причин выглядит по меньшей мере преждевременным и слишком оптимистичным.

Еще одна область исследований, тематически близкая сравнительно-исторической грамматике, связана с изучением типологически сходных явлений в дравидийских и недравидийских языках. На практике здесь речь обычно идет о сопоставлении различных в генетическом отношении языков Южной Азии, прежде всего дравидийских и индоарийских. Взаимоотношения двух последних в плане типологического влияния первых на вторые подробно разработаны в рамках теории субстрата С. К. Чаттерджи [Chatterji 1926, 170—178] и несколько позже Ж. Блоком [Bloch 1934, 321—331]. Если какая-либо черта индоарийских языков (например, ретрофлексные звуки, употребление послелогов или порядок слов в предложении) типологически характерна для дравидийских языков, но не распространена в и.-е. языках за пределами Южной Азии, она обычно считается результатом дравидийского влияния. М. Б. Эмено предложил объяснять подобную диффузию лингвистических черт через лингвистические границы структурными заимствованиями вследствие массового двуязычия населения [Emeneau 1956, 3; 1962₃]. Типологически общие черты он рассматривал как элементы индийского лингвистического ареала (т. е. южноазиатского языкового союза), понимая под ним «ареал распространения языков, относящихся более чем к одной семье, но обладающих общими чертами, отсутствующими в других языках по меньшей мере одной из этих семей» [Emeneau 1956, 16]. Процесс структурного заимствования может носить двусторонний характер, так что, например, иранские типологические черты могут быть обнаружены в брауи [Emeneau 1965], а индоарийские — в тамильском [Andronov 1979]. Методическая слабость подобных типологических и ареальных исследований заключается, как отмечает Р. П. Дас, в отсутствии какого-либо доказательства факта заимствования, поскольку типологически сходные черты в том или ином языке могут возникать и в результате независимого развития [Das 1979].

В настоящее время сравнительно-историческое изучение дравидийских языков вступает в новый этап своего развития. Об этом свидетельствует прежде всего заметное усиление интереса индийских дравидологов к исторической грамматике четырех литературных языков. Если четверть века назад в распоряжении компаративистов помимо упомянутых выше книг Ф. Киттеля и Л. В. Рамасвами Айяра имелись лишь историческая грамматика эпиграфи-

ческого малайялам А. Чандрасекхара [Chandrasekhar 1953] и две работы по истории каннада А. Н. Нарасимхайи [Narasimhia 1941] и Г. С. Гая [Gai 1946], то за последние годы число исследований по исторической грамматике стало быстро расти; прежде всего здесь следует указать исторические грамматики эпиграфического тамильского языка С. Агестхалингома, С. В. Шанмугама и Р. Панниселвама [Agesthialingom, Shanmugam 1970; Panneerselvam 1979], грамматики языка ранних памятников литературы малайялам П. Рамачандрана и К. Ретнаммы [Ramachandran 1973; Retnamma 1976], еще две важные работы по истории каннада [Kushalappa Gowda 1972; Ramachandra Rao 1972] и две — по истории телугу [Mahadeva Sastri 1969; Krishnamurti 1974]. Значительное число классических текстов на этих языках получило лингвистическое описание в диссертациях и дипломных работах, представленных в Аннамалайский университет, Университет Кералы и ряд других.

Быстрыми темпами стала развиваться диалектология, еще недавно почти полностью отсутствовавшая. Особенно широкие масштабы получили изыскания в области диалектологии, прежде всего тамильской, в Центре исследований по языкознанию (Centre of Advanced Study in Linguistics) Аннамалайского университета: здесь по плану лингвистического обзора Тамилнаду за последние полтора десятилетия описание получило около 100 диалектов и говоров тамильского языка, малайялам, каннада и телугу [Centre, 95—102]. Ряд исследований по диалектам каннада выпущен Деканским колледжем в Пуне, Майсурским и Дхарварским университетами. К изданию многотомного диалектного словаря телугу приступила Литературная академия Андхра-Прадеша в Хайдарабаде; там же стал выходить диалектологический бюллетень телугу («Telugu māṇḍalikālu»). Началась работа по диалектологии малайялам и тамильского языка в Университете Кералы (Тривандрам).

В сферу научного изучения втягиваются все новые дравидийские языки. В последние годы лингвистическое описание получили манда [Burrow 1976], близкородственный пенго, и касаба [Chidambaranatha Pillai 1976; 1978], относящийся к южной группе. В связи с начавшимся интенсивным изучением племенных диалектов не исключено, что среди них могут быть обнаружены самостоятельные дравидийские языки, еще неизвестные науке. По мнению

П. Сомашекхарана Наяра, в их числе могут оказаться, в частности, формы речи кадаров и некоторых других племен, обитающих в Керале [Sōmaśekharaṇ Nāyar 1977, 3—7, 33—89].

Интенсификация научной работы в указанных областях ведет к значительному расширению фактологической базы сравнительно-исторических исследований и в конечном счете предопределяет их новый качественный рост в будущем. Пока же наблюдается в основном количественное увеличение диссертаций и публикаций, а также научных работников. Подготовка последних сосредоточена в Анна-малайском университете, Университете Кералы и в меньшей степени в Османском университете (Хайдарабад), Центральном институте индийских языков (Майсур), университетах Майсура, Пуны и некоторых других. Однако основное внимание здесь уделяется дескриптивной и трансформационной грамматике, тогда как курсы сравнительно-исторического языкознания, если и читаются, занимают в учебных программах скромное место. Стажировка молодых специалистов в университетах США и Англии в этом отношении также дает сравнительно мало, так как и в этих странах компаративистика не принадлежит к числу ведущих направлений в языкознании. Однако это обстоятельство, разумеется, способно лишь временно задержать дальнейшее развитие сравнительно-исторического изучения дравидийских языков.

АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Австронезийская семья (другое ее название, которое теперь явно выходит из употребления, — малайско-полинезийская семья) относится к общепризнанным в современной лингвистике генетическим объединениям языков. Хотя реальность существования семьи не подлежит сомнению, ее объем нельзя еще считать полностью выясненным.

Языки, которые несомненно входят в эту семью, занимают почти весь Малайский архипелаг (вместе с Филиппинскими островами), некоторые ограниченные области на крайнем юго-востоке Евразийского материка (на п-ове Малакка, во Вьетнаме и в Кампучии), распространены на о-ве Тайвань и на многочисленных архипелагах в юго-западной и центральной части Тихого океана. Австронезийским является малагасийский (мальгашский) язык Мадагаскара. Таким образом, ареал австронезийской семьи простирается от Мадагаскара на западе до о-ва Пасхи на востоке, от Тайваня и Гавайских островов на севере до Новой Зеландии на юге.

Интересно отметить, что в лингвистических границах семьи неясные участки отнесены не к географически удаленным частям ареала, а к области Новой Гвинеи (от Тимора и близлежащих островов на западе до о-вов Санта-Крус на востоке), где австронезийская семья контактирует с папуасскими языками¹. О некоторых малоисследованных языках этой области, которые явно содержат много австронезийской лексики, в настоящее время трудно сказать, входят ли они в рассматриваемую семью или нет.

Определению числа австронезийских языков мешают объективная трудность разграничения языка и диалекта (которая особенно сильно ощущается в бесписьменных языках), слабая лингвистическая изученность многих территорий², а в некоторой степени также неясность гра-

¹ Папуасскими называются неавстронезийские языки области Новой Гвинеи. Они не составляют генетической общности.

² При детальном исследовании могут еще быть обнаружены неизвестные до сих пор языки. С другой стороны, возможно открытие промежуточных диалектов между формами речи, которые в настоящее время рассматриваются как отдельные языки (при опре-

ниц семьи в области Новой Гвинеи. Но кажется, что даже при самой осторожной оценке число языков в семье превысило бы 600.

Сходные черты языков области, включающей Мадагаскар, Малайский архипелаг и тихоокеанские острова, расположенные дальше к востоку, стали предметом научного обсуждения в начале XVIII в., когда Х. Реланд в своей диссертации [Reland 1708] сопоставил малагасийский, малайский, яванский и язык тихоокеанского (по-видимому, полинезийского) острова, названного *insula Sosos*³. Сходство этих языков диссертант объясняет тем, что в них сохраняются остатки древнего «малайского» языка, который, по его мнению, был когда-то широко распространен на островах двух океанов.

В конце того же века Л. Эрвас-и-Пандуро объединил ряд языков указанной выше области — малагасийский, малайский, тагальский, бисайский, язык Марианских островов (по-видимому, чаморро) и несколько полинезийских языков — как связанные родством (*affinità*) [Hervás y Panduro 1784; 1786]. Учтенные им языки составляют уже некоторый «костяк» той языковой семьи, которую потом стали называть малайско-полинезийской (название «австронезийская семья» было предложено В. Шмидтом в 1899 г.)⁴. Поэтому создание понятия об этой семье обычно считают заслугой Эрвас-и-Пандуро.

Название «малайско-полинезийская семья» появляется впервые в посмертно изданном труде В. Гумбольдта «О языке кави на острове Ява» [Humboldt 1836—1839]. Гумбольдт считает, что к этой семье относятся языки Малайского архипелага, Мадагаскара и Полинезии. Основным аргументом в пользу семьи у Гумбольдта является обилие общих лексических элементов (что он в книге и демонстрирует). Он практически не пытается доказать родство языков в пределах постулируемой семьи более строгими методами.

Название семьи «малайско-полинезийская» объясняется тем, что в нее включали языки «малайцев», т. е. жи-

---

деленных условиях такое открытие может привести к расширению понятия языка, что уменьшит общее число языков).

³ В изложении взглядов Х. Реланда и Л. Эрвас-и-Пандуро автор этой статьи пользуется сведениями, приведенными С. Реем [Ray 1926].

⁴ Разными авторами употреблялись также названия «малайская семья», «полинезийская семья», «океанийская семья».

телей Малайского архипелага (включая Филиппины), и полинезийцев. Близость полинезийских языков друг другу достаточно очевидна, и к тому же они территориально оторваны от более западных языков семьи. Малагасийский язык, хотя и расположенный далеко от языков «малайцев», явно проявляет больше сходства с ними, чем с полинезийскими языками. Естественным последствием, вызванным таким положением, было представление, что семья состоит из двух групп языков, или ветвей: восточной, полинезийской, и западной, малайской (последнюю стали позднее называть индонезийской). В середине XIX в., когда было установлено, что аборигенные языки Тайваня являются малайско-полинезийскими, их стали тоже относить к малайской ветви. Вопрос о том, является ли малайская / индонезийская ветвь лингвистически оправданной единицей классификации, не был долго даже поставлен.

Помимо скудости данных о неполинезийских языках Океании созданию адекватного представления об объеме семьи долго препятствовала идея о связи между языком и расой: казалось невероятным, что языки негроидных меланезийцев могут относиться к той же семье, что и языки относительно светлокожих полинезийцев и малайцев. По мере накопления данных, однако, становилось все более ясным, что языки меланезийцев связаны с малайско-полинезийскими. Р. Латам, изучив лингвистические материалы с Новых Гебрид и из Новой Каледонии, заключил в 1847 г., что «не было найдено свидетельств о существовании языков, фундаментально отличных от малайского» [Latham 1847]. Несколько позднее — в 1876 г., а согласно Г. Петш уже в 1867 г. — Ф. Мюллер предлагал выделить среди малайско-полинезийских языков три группы: малайскую, полинезийскую и меланезийскую [см.: Pötsch 1965, 489]. В последней четверти XIX в. возникло понятие микронезийских языков как особого подразделения данной семьи.

Непосредственное членение семьи на четыре группы (ветви) — индонезийскую, полинезийскую, меланезийскую и микронезийскую — можно называть традиционной схемой классификации австронезийских языков. Эта схема пользовалась — и пользуется еще теперь — широкой известностью в этнографической и культуроведческой литературе, а также в трудах общелингвистического характера, но в исследованиях, посвященных австронезийским языкам, она применялась довольно редко.

2. Несмотря на разрозненные наблюдения отдельных авторов над фонетическими соответствиями в австронезийских языках (например, соответствие малагасийского *v* малайскому *b* было установлено еще Реландом), вплоть до третьей четверти XIX в. нельзя говорить о применении к этим языкам сравнительно-исторического метода. Основположителем австронезийской компаративистики считают Х. ван дер Тюка, который показал, что некоторые непохожие согласные отдельных индонезийских языков генетически тождественны. Он, в частности, обнаружил два ряда фонетических соответствий, которые позднее получили названия законов RGH и RLD [Tuuk 1865; 1872]. Эти ряды были значительно расширены И. Брандесом, который привлек новый материал из многочисленных индонезийских языков [Brandes 1884]. Х. Керн вовлек в сферу сравнительно-исторических исследований некоторые языки Океании [см., например: Kern 1886_{1, 2}].

Важным этапом в развитии австронезийской компаративистики была деятельность Р. Брандштеттера (последние годы XIX и два первых десятилетия XX в.). Область его исследований в основном ограничивалась пределами индонезийской ветви, но он привлекал материалы большего числа языков, чем его предшественники. Брандштеттер изучил и сформулировал в виде «законов» много рядов звуковых соответствий, наблюдаемых в индонезийских языках, и правил, действовавших в истории отдельных языков. Им была сделана попытка реконструировать «праиндонезийскую» звуковую систему (но он не представил детальной аргументации) [Brandstetter 1911]. Он также занимался грамматическим сравнением индонезийских языков и выявил некоторые древние морфологические показатели [Brandstetter 1912].

Начало систематической реконструкции праавстронезийского, т. е. праязыка, который рассматривается как исходный для австронезийской семьи, связано с именем О. Демпвольфа. Основные задачи, которые поставил перед собой этот немецкий ученый, следующие: реконструировать праавстронезийскую звуковую систему⁵ (а также

---

⁵ В соответствии со своей методологической концепцией (о ней см. ниже) Демпвольф называл процедуру, устанавливающую звуки и значащие единицы праязыка, конструированием, а не реконструированием. Мы применяем здесь глагол «реконструировать», более привычный в русской литературе (выбор глагола является в данном случае сугубо терминологическим вопросом).

выводимые из нее прамеланезийскую и праполинезийскую системы); реконструировать праавстронезийские лексические корни; проследить, как отражаются реконструированные единицы (и звуки и корни) современными австронезийскими языками⁶. Решению этих задач он посвятил ряд работ, которые вышли в 20—30-х годах XX в. (важнейшие из них см. в Литературе).

Специального рассмотрения заслуживает завершающий труд Демпвольфа — трехтомная «Сравнительная фонетика австронезийского словарного фонда» [Dempwolff 1934—1938]. В отличие от большинства своих работ в этой книге автор жестко ограничивает круг сравниваемых языков (очевидно, с целью достижения максимальной ясности и доказательности). В 1-м томе, озаглавленном «Индуктивное построение индонезийского праязыка», он реконструирует праиндонезийский (Urindonesisch) на материале всего лишь трех языков индонезийского подразделения семьи (тагальского, тоба-батакского и яванского). 2-й том носит заглавие «Дедуктивное применение праиндонезийского к отдельным австронезийским языкам». В нем праиндонезийский сначала верифицируется на материале трех не учтенных в 1-м томе индонезийских языков. Затем автор демонстрирует, что реконструированный праязык позволяет объяснить звуковые соответствия, наблюдаемые в пяти языках Океании — в двух меланезийских и трех полинезийских. Из этого он заключает, что праавстронезийский язык (Uraustronesisch) по фонетическому развитию не отличается от праиндонезийского. Обсуждая вопрос о том, что представляет собой праавстронезийская лексика, Демпвольф признает, что «при чисто лингвистическом рассмотрении» австронезийскими могут называться только те корни, которые засвидетельствованы как в Индо-

---

В то же время мы, следуя Демпвольфу, называем реконструированные им фонетические единицы звуками, а не фонемами (его реконструкция не базируется на фонологическом анализе).

⁶ В отличие от Керна и Брандштеттера Демпвольф не занимался грамматическим сравнением и реконструкцией древних морфологических показателей. Данную традицию Демпвольфа фактически продолжают и современные исследователи. Праавстронезийской грамматикой занимались до сих пор очень мало (можно отметить небольшую главу в книге О. Даля «Праавстронезийский» [Dahl 1973; 1977₁] и его статью [Dahl 1978], а также отдельные статьи Дж. Уолфа [Wolff 1973], Р. Бласта [Blust 1974]). Несколько больше сделано по грамматической реконструкции в пределах отдельных групп языков.

незии, так и в Меланезии и Полинезии. Однако, ссылаясь на теоретическую возможность того, что любой корень, который известен только в Индонезии, может в процессе дальнейшего исследования быть обнаружен в Меланезии и Полинезии, он отказывается от такого критерия и предлагает нам рассматривать все праиндонезийские корни одновременно как праавстронезийские [Dempwolff 1937, 193—194]. Таким образом между праиндонезийским и праавстронезийским ставится знак равенства.

3-й том «Сравнительной фонетики» представляет собой список реконструированных в двух первых томах корней. Эти корни — числом выше 2 тыс. — приводятся вместе с материалом современных языков, легшим в основу реконструкции.

Большая работа, проделанная Демпвольфом, вызвала оживленные отклики (но появились они в основном только после второй мировой войны, когда наметился подъем в исследовании австронезийских языков). В отношении деятельности этого ученого высказывались различные суждения. В частности, Демпвольфа обвиняли в том, что его праавстронезийская реконструкция базируется только на материале нескольких языков.

В действительности этот вопрос сложнее. Прежде всего нельзя забывать о том, что в других своих работах, кроме «Сравнительной фонетики», Демпвольф привлекает материал многих австронезийских языков (число их, несомненно, превышает 100; ср. [Dahl 1977₁, 5—6]). Кроме того, оценивая «Сравнительную фонетику» этого автора, следует проводить различие между реконструкцией звуковой (фонологической) системы и реконструкцией корневого состава праязыка.

Что касается первого аспекта реконструкции, то праавстронезийская звуковая система, к которой автор приходит в «Сравнительной фонетике», является на самом деле результатом сравнения многих языков⁷: в основу «индуктивного» этапа реконструкции положены три языка, выбранные так, чтобы они позволили продемонстрировать все звуковые архетипы, которые были уже до того обнаружены автором.

В связи со вторым аспектом реконструкции приходится признать, что приводимый в «Сравнительной фонетике»

---

⁷ Иной вопрос — сумел ли автор в этой связи правильно оценить показания отдельных языков.

праавстронезийский корневой фонд практически ограничивается результатами сравнения привлеченных там 11 языков (с дополнительным ограничением: по крайней мере один из сравниваемых языков должен быть индонезийским). Выборка языков нередко определяет и форму конкретного корня (например, в данной книге реконструируется *baʔani^c 'бесстрашный'; в более ранней статье [Dempwolff 1924—1925] этот же автор, опираясь на материал более широкого круга языков, предложил *baʔanaʔ).

Праавстронезийская реконструкция Демпвольфа очень слабо связана — вернее, почти совсем не связана — с классификацией языков⁸. Такое положение, в принципе допустимо, когда праязыку не приписывают отражательной функции и он служит только инструментом сравнения языков, представляя собой свод формул соответствий. Естественно, что реконструкция, которая приводит к такому праязыку, носит плоский, антиисторический характер. Судя по ряду высказываний Демпвольфа [там же, 21; ср.: Dahl 1977₁, 8] и по тому, что он включил в словарь праавстронезийских корней [Dempwolff 1938] ряд слов, которые сам считал заимствованными из неродственных языков⁹, этот лингвист действительно усматривал основную цель реконструкции праязыка в облегчении сравнения отдельных языков.

Интересно, что Демпвольф, несмотря на свой антиисторический подход, уделял много внимания антропoфонической характеристике реконструированных звуков и пытался создать «гармоническую», т. е. лишенную лакун, звуковую систему¹⁰.

---

⁸ Демпвольф не проводит в семье никаких делений, кроме следующих: 1) индонезийские языки — 2) восточные австронезийские (океанийские) языки; 2а) меланезийские языки — 2б) полинезийские языки. Но в свете современных представлений об отношениях между реконструкцией и классификацией языков приходится констатировать, что австронезийский праязык Демпвольфа фактически не удовлетворяет даже этой простой схеме; такая схема классификации языков, которой он удовлетворял бы, никем не предлагалась и вообще представляется неприемлемой [см. об этом: Blust 1970, 107].

⁹ Иногда он указывает источник заимствования: «санскрит», «из индийских языков» и т. п.

¹⁰ Очевидно, Демпвольф молчаливо принимал положение о том, что реконструированная система звуков должна быть «гармонической». Теоретическая база этого положения осталась загадкой даже для О. Даля, который в свое время учился у Демпвольфа [Dahl 1977₁, 12].

В течение 10—15 лет после второй мировой войны содержание сравнительно-исторических исследований в области австронезийских языков определялось в основном стремлением проверить и улучшить праавстронезийскую реконструкцию Демпвольфа. Такую цель преследовали, в частности, ранние работы американского компаративиста И. Дайена. В этих работах, в том числе и в монографии «Прамалайско-полинезийские ларингальные» [Duyn 1953], автор использовал материал небольшой выборки языков (которая в основном совпадала с выборкой Демпвольфа в «Сравнительной фонологии»¹¹). В дальнейшем (особенно заметно — после 1960 г.) круг языков, используемых в австронезийской реконструкции, расширяется. Послевоенные работы в этой области, как правило, характеризуются более или менее строго проведенным фонологическим подходом.

Наиболее серьезный недостаток, свойственный реконструкции Демпвольфа, — отсутствие историзма — до сих пор еще не преодолен. В большинстве работ современных исследователей термин «праавстронезийский» («прамалайско-полинезийский») применяется, по сути дела, к формулам соответствий¹². Вследствие этого вошло в практику реконструирование чисто формульных прафонем, которые признаются таковыми самими авторами [см.: Duyn 1971, 22—23; Tsuchida 1976, 126—127]. Это привело к кажущемуся разрастанию праавстронезийского консонантизма, который теперь уже насчитывает больше 60 прафонем (среди них, как кажется, по меньшей мере 6—7 сибилантов); в то же время реконструированный вокализм праавстронезийского все еще ограничивается четырьмя единицами, как у Демпвольфа. Однако несомненно, что большинство предложенных консонантных прафонем слабо аргументировано и имеет чисто формульный характер. Предпринимаются попытки пересмотра праавстронезийского фонемного инвентаря. По

---

¹¹ Дайен, однако, уделял больше внимания, чем Демпвольф, диалектным и архаическим формам, а также принятой в некоторых языках (в частности, в классическом малайском) традиционной орфографии.

¹² Интересно отметить, что еще в 1970 г. Р. Бласт включал в список реконструированных праавстронезийских корней ряд относительно новых заимствований из неродственных языков (санскрита, тамильского, арабского, китайского), указывая при этом языки-источники [Blust 1970].

мнению О. Даля, число согласных в праязыке не превышало 24—25. Интересна, но весьма спорна идея этого автора о том, что фонемы *i и *u функционировали в праавстронезийском и как гласные, и как согласные (значит, «чистыми» гласными были только *a и *ə) [Dahl 1973; 1977₁]. Еще более ограниченное число согласных фонем — всего 20 — принимает Дж. Уолф [Wolff 1974]. При этом он, не поддерживая идею о бифункциональности *i и *u, сохраняет среди согласных *y и *w, но предлагает исключить несколько других согласных, принятых Демпвольфом. Интересно, что как Даль, так и Уолф принимают фонему *Z, предложенную еще ван дер Тюком, но не признанную Демпвольфом¹³, и фонемы *C и *N, предложенные Н. Огавой и Э. Асаи для языка—предка тайваньских языков [Ogawa, Asai 1935] и перенесенные Дайеном на праавстронезийский уровень¹⁴.

3. Особым направлением исследования, которое в настоящее время по существу только зарождается, является реконструкция просодических явлений на более ранних ступенях развития австронезийских языков. В большинстве языков этой семьи место ударения и долгота гласных на уровне слова предсказуемы, причем ударение обычно падает на предпоследний слог. В ранних работах Р. Брандштеттер допускал, что ударением на предпоследнем слоге мог характеризоваться уже праиндонезийский язык. Позднее он подверг это предположение сомнению и указал на возможность того, что филиппинское разноместное ударение представляет не вторичное, а как раз исконное состояние [Brandstetter 1915, 91]. Сколько-нибудь значительной аргументации в пользу изменения точки зрения он, однако, не привел.

Интересно то, что Демпвольф вообще не задавался вопросом о праязыковой просодии, и это несмотря на

¹³ Для *Z является показательным соответствие «малайский j: яванский d» (например, малайск. hujan, яв. udan 'дождь').

¹⁴ Обозначения *C и *N введены Дайеном. Первая из этих прафонем (аффриката типа ts?) дает рефлексы, отличные от рефлексов *t, только в некоторых языках Тайваня. Ср.: *batu 'камень' > цоу fatu, атайяльский bətu-nux; *maCa (Демпвольф: *mata') 'глаз' > цоу mtsoo, атайяльский ma-masa 'глазное яблоко'. Рефлексы *N (глухого латерального?) за пределами Тайваня почти повсеместно совпали с рефлексами *n.

то, что из трех языков, положенных «Сравнительной фонетикой австронезийского словарного фонда» в основу «индуктивного» построения праязыка, два (тагальский и тоба-батакский) обладают фонологическими просодическими противопоставлениями на уровне слова.

Исследованием древней просодии в настоящее время занимается, в частности, Д. Зорк. В большой статье «Прафилиппинское словесное ударение — инновация или наследие прагесперонезийского?» [Zorc 1978] он показывает, что место ударения в филиппинских языках, сохранивших положение вещей, приписываемое прафилиппинскому состоянию, определяется количеством (долготой или краткостью) гласного предпоследнего слога. Автор устанавливает количество этого гласного приблизительно для 500 корней, представленных в филиппинских языках. Из сравнения с некоторыми языками Западной Индонезии он делает вывод, что фонологическое ударение (фонетическая характеристика которого не уточняется) было свойственно уже прагесперонезийскому¹⁵, а возможно, и праавстронезийскому. Такое предположение очень правдоподобно (без него филиппинскую просодию, кажется, вообще трудно объяснить).

4. Особая проблематика связана со структурой австронезийского корня. Корневые морфемы в современных языках чаще всего двусложны. Но уже давно замечено, что существуют группы из семантически близких корневым морфем (или корневым словам), которые объединяются наличием общего слога, в то время как другой слог в них различается. Такие группы корней обнаруживаются как на материале одного языка, так и при сопоставлении языков (в последнем случае под общими слогами следует понимать слоги, которые при учете фонетических соответствий и морфонологических чередований сводятся к одной праформе). Ниже приводится материал из пяти языков (см. вывод).

Приведенные корневые морфемы (в самостоятельном употреблении — корневые слова) содержат отрезки, которые можно рассматривать как рефлексy *lɛm, тоба-батакское lɔmlɔm и тагальское limlim состоят из двух таких отрезков. Корневые морфемы (корневые слова) подобной структуры, напоминающие повтор однослога, встречаются в австронезийских языках довольно часто;

¹⁵ О гесперонезийских языках см. ниже.

малайский:	malam	kĕlam		
	'ночь'	'темнота'		
тоба-батакский:		holom		lomlom
		'темнота'		'мрачный'
нгаджу:		alem	'ночь'	
малагасийский:		alina	'ночь'	
		fi-alem-ana	'ужин'	
тагальский:		dilim	'темнота'	limlim
				'сгущающийся мрак'

некоторые языки допускают в таких морфемах разные сочетания согласных, обычно не наблюдаемые внутри морфемы. Встречаются и более длинные морфемы, состоящие из дважды повторяемого отрезка CV(C) и еще какого-нибудь элемента. Такую структуру имеют, например, тагальские корневые слова bulaklak 'цветок' и rilapil 'дамба на рисовом поле' (ниже будем говорить о структурных схемах «bulaklak» и «rilapil»).

Еще в XIX в. отмечали, что особенности структуры двусложных и более длинных корневых морфем в индонезийских языках могут объясняться тем, что эти корневые слова возникли из сочетаний односложных элементов. Эта идея получила развитие в трудах ряда ученых. Внимания заслуживает, в частности, небольшая монография Брандштеттера «Корень и слово в индонезийских языках» [Brandstetter 1910]. Этот автор считает, что в праиндонезийском языке было гораздо больше односложных слов, чем в современных индонезийских языках (хотя он не был полностью моносиллабическим). По мнению Брандштеттера, важнейшими путями, которые привели от односложных корней к двусложным корневым словам, были аффиксация (применялись в основном те же аффиксы, которые в современных языках прибавляются к двусложным основам) и редупликация. В концепцию Брандштеттера входит положение о том, что односложный корень мог иметь несколько фонетических вариантов, например: bis~bus~wus~put (значения типа 'конец, законченный'). Хотя автор и подчеркнул, что варьирование корня не должно быть использовано как аргумент против универсальности звуковых законов в индонезийских языках [Brandstetter 1916, 32], тем не менее предложенные им этимологии, опирающиеся на положение о варьировании корня,

оказались весьма субъективными и уязвимыми. Это, по-видимому, серьезно дискредитировало не только положение о варьировании, но и идею о том, что односложные корни когда-либо существовали. Еще в течение долгого времени ведущие австронезисты мало интересовались проблемой односложного корня.

Некоторое возрождение интереса к этой проблеме ощущается только в последнее время. Ей посвящено несколько абзацев в статье Дайена «Австронезийские языки и праавстронезийский» [Duen 1971, 47—48]. Дайен приводит ряд сопоставлений, свидетельствующих в пользу того, что некоторые праавстронезийские корни были образованы путем редупликации или аффиксации из однослогов. Он считает возможным, что односложные корни были в доавстронезийском и раннем праавстронезийском гораздо более обычны, чем в языках-потомках. Несомненно, Дайен прав в том, что для исследования древних однослогов требуется более строгая методика, чем методика Брандштеттера.

По утверждению Дайена, та реконструкция, при которой выявляются древние однослоги, является «скорее внутренней, чем просто сравнительной» [там же, 48]. Очевидно, его следует понимать так: требуется внутренняя реконструкция на материале праязыка того временного среза, на котором существование однослогов вероятно. Судить о праавстронезийских и доавстронезийских односложных корнях на основе сопоставления современных языков действительно довольно рискованно, потому что слова имеют долгую историю, которая часто включает изменения по аналогии, а иногда и моносиллабизацию (проходившую различными путями); после моносиллабизации, под влиянием общей тенденции, двусложность могла быть восстановлена. Например, имеются корневые слова со значением 'иголка': в малайском — *jaŋom*, в яванском — *dòm*, *ědòm*.

Заманчивым кажется предположение, что когда-то существовал односложный корень **(d, r)om*, к которому восходят конечные слоги приведенных двусложных слов. Однако яванское *dòm* является регулярным соответствием австронезийского корня **ZaRum* и поэтому соотносится с *jaŋom* как с целым; слово *ědòm*, однако, обязано явлению восстановления двусложности. Ачехские слова *ik* 'подниматься', *ur* 'кокосовая пальма' и *ōp* 'лист' (которые стали односложными в результате

отпадения первого слога) не дают никакой информации о древней структуре корней *naSik, *niuR и *Dahwən. Структурные схемы «bulaklak» и «pilarpil», насколько мы можем сейчас судить, не имеют отношения к проблеме односложного корня¹⁶.

Наконец, следует отметить, что Р. Бласт привел недавно аргументы в пользу того, что по крайней мере часть выделяющихся в реконструированной праавстронезийской лексике сегментов, которые до сих пор назывались однослогами или односложными корнями, были двусложны, с так называемым ларингальным (*S или *q) в середине. Например, он считает вероятным, что малайское корневое слово bumbun 'куча' и тоба-батакское bunbun 'собранный вместе' восходят к *buSun buSun [Blust 1976, 118—119].

5. Неоднократно поднимался вопрос о применимости сравнительно-исторического метода к австронезийским языкам. Особого внимания заслуживают статьи голландского лингвиста Я. Гонды [Gonda 1940; 1952]. В основе концепции Гонды, очевидно, лежит представление, согласно которому в процессе изменения языка действие звуковых законов в основном ограничено «неаффективной» лексикой, в то время как форма слов «аффективной» лексики (куда относятся слова с яркой эмоциональной окраской, жаргонные, детские, изобразительные слова, слова-эхо и т. д.) обычно определяется звукоподражанием, звуковым символизмом и аналогией. Если это так, то по сравнению с «неаффективной» лексикой «аффективная» лексика представляет собой гораздо более благоприятную почву для независимого параллельного развития языков. Гонда считает, что в индонезийских языках (в отличие, например, от индоевропейских и семитских) между «аффективной» и «неаффективной» лексикой нет ясной границы. Из этого он делает вывод, что компаративисту, изучающему индонезийские языки, трудно отличать общую унаследованную лексику от независимо возникших параллелизмов

¹⁶ Слова этих типов, как правило, восходят к повторам двуслогов. Таг. bulaklak 'цветок' происходит из *bulak-bulak (*bujak — корень, широко распространенный в филиппинских языках в данном значении); тагальское pilarpil 'дамба на рисовом поле' следует сравнить с бисайским aril-aril с тем же значением. Интересно отметить, что яванское слово srĕngĕngé (в диалектах sĕngĕngé) 'солнце' не является повтором, а происходит из засвидетельствованного в древнеяванских текстах сочетания sang hyang we 'высокопочтимый бог Солнце'.

(появлению которых способствовали близость языков и культурное сходство народов, говорящих на них) и это может ставить под сомнение результаты, полученные путем сравнения языков. С этих теоретических позиций Гонда критикует многие этимологии, предложенные Брандштеттером и Демпвольфом.

Концепция Гонды встретила резкую критику со стороны ряда австронезистов. В частности, И. Дайен обратил внимание на то, что основной мишенью нападок этого автора являются этимологии Брандштеттера, выведенные крайне нестрогим методом (в основу которого положена идея о варьировании односложного корня) [Dyen 1971, 47].

По нашему мнению, Гонда прав в том, что фонетические варианты корневых слов возникают в австронезийских языках очень легко и даже в таких слоях лексики, «аффективный» характер которых кажется маловероятным. Можно привести следующий пример из языка паиван (на Тайване). Согласно Р. Ферреллу [Ferrell 1978, 26], в этом языке имеются слова: *paɬay* 'рис', *puɬay* 'кукуруза' и *raɬay* 'бесцветное арахисовое зерно'. Из этих слов только первое представляет собой рефлекс широко распространенного австронезийского корня (*raɬay 'рис'), а остальные явно возникли в языке паиван (причем появление их, вероятно, не датируется более ранним временем, чем знакомство аборигенов Тайваня с американскими культурными растениями).

Легкость образования вариантов слов является одной, но не единственной причиной того, что семантические эквиваленты в разных австронезийских языках нередко сходны по звуковому облику и не обнаруживают при этом регулярных фонетических соответствий (другие возможные причины этого связаны с языковыми контактами).

Все же успехи австронезийской компаративистики, достигнутые в последние десятилетия, явно показывают, что сомнения в эффективности сравнительно-исторического метода необоснованны. Как недавно отметил исследователь филиппинских языков М. Чарлз, всегда можно найти достаточное число корней, которые в сравниваемых языках регулярно отражены, но надо, чтобы исследователь отдавал себе полный отчет о существующих отклонениях, как о беспорядочных, так и о систематических [Charles 1974, 478].

6. Выше рассматривались в основном работы, ставящие целью познание древних состояний — праавстронезийского (прамалайско-полинезийского) или праиндонезийского — путем сравнения современных языков, которые не представляются генетически близкими. Это направление исследования сталкивается с трудностями, которые вызваны огромными размерами семьи, недостаточной изученностью большинства языков и неясностью классификации на глубоких уровнях. Все это вместе препятствует преодолению плоскостного характера глубокой реконструкции.

Другим направлением является исследование отдельных ограниченных групп языков. При этом возникают задачи установления группы, определения ее границ и положения внутри более широкого единства (они смыкаются с задачей классификации языков внутри семьи) и реконструкции исходного для данной группы языкового состояния. В этом направлении более интенсивные исследования проводились в области океанийских, чем западных, австронезийских языков (см. раздел «Океанийские языки»).

В области западных австронезийских языков первой крупной работой второго направления была книга Э. Штреземана, посвященная исторической фонетике амбонских языков [Stresemann 1927]. О. Даль установил в специальной монографии [Dahl 1951], что малагасийский язык находится в тесном родстве с языком мааньян (о. Калимантан); позднее [Dahl 1977₂] он предложил включить малагасийский вместе с мааньян в группу юго-восточных баритосских языков, которая была установлена А. Хадсоном [Hudson 1967]. К настоящему времени в сферу сравнительно-исторического исследования вовлечен еще ряд групп, в том числе цоуская [см., например: Tsuchida 1976], минахасская [Sneddon 1978], малайско-яванская [Nothofer 1975], южносулавесийская [Mills 1975; Сирк 1973₃] и др. Имеются труды по филиппинским языкам [Charles 1974; Reid 1978] и по некоторым подгруппам филиппинских, в том числе по бисайским языкам [Zorc 1977].

Почти во всех работах второго направления авторы учитывают и результаты, достигнутые первым направлением. Очевидно, что для прогресса австронезийской компаративистики нужен синтез обоих направлений (это подчеркивали многие лингвисты), без которого не-

возможна разработка генетической классификации австронезийских языков.

7. В лексико-статистической классификации Дайена [Dyen 1965] австронезийская семья подразделяется непосредственно на 40 групп, среди них одна большая — малайско-полинезийская. При дальнейшем делении малайско-полинезийской группы выделяются, в частности, гесперонезийские (это в основном языки Западной Индонезии и Филиппин, туда же входит малагасийский) и эонезийские языки (к которым относятся полинезийские и часть меланезийских языков). Контраст с традиционной схемой является особенно резким в области Меланезии — Новой Гвинеи; в лексико-статистической классификации вообще нет единицы, соизмеримой с меланезийской ветвью.

Схема Дайена вступает в противоречие с неколичественными данными, особенно в области Океании¹⁷. Несмотря на то что лексико-статистические проценты общности океанийских языков сравнительно низки, целый ряд особенностей фонетического развития этих языков говорит о том, что они образуют единую океанийскую группу [см., в частности: Blust 1978, 137—138]. Учитывая это, мы в настоящей книге посвящаем океанийским языкам специальный раздел. В то же время вероятно, что западная граница океанийских языков не является основной линией раздела в семье [об этом см., в частности: Sirk 1978].

Более новой схемой классификации австронезийских языков является, по-видимому, схема Бласта. Согласно этой схеме семья подразделяется непосредственно на четыре группы. Три из них — атаяльская, цоуская и пайванская — представлены на Тайване, а четвертая — малайско-полинезийская — включает все австронезийские языки, распространенные вне этого острова. Малайско-полинезийские языки делятся на западные (языки Западной Индонезии и Филиппин), центральные и восточные; среди восточных малайско-полинезийских особую подгруппу составляют океанийские языки. Хотя Бласт приводит в пользу этой схемы материал личных

---

¹⁷ Сам автор признал, что его схема не старается ответить на вопрос, какова классификация австронезийских языков, а только на вопрос, на какую классификацию австронезийских языков указывает лексико-статистическое сравнение [Dyen 1966, 34].

местоимений [Blust 1977], ее все-таки нельзя считать убедительно аргументированной.

В резком противоречии со схемой Бласта находится точка зрения С. Цутиды, согласно которой австронезийские языки Тайваня составляют одну группу и в целом ближе к гесперонезийским, чем к океанийским [Tsuchida 1976, 12—15].

Очевидно, что проблема генетической классификации австронезийских языков на глубоких уровнях еще далека от решения.

Значительная дискуссия развернулась на 3-й международной конференции по австронезийской лингвистике (1981), материалы которой еще не опубликованы.

8. Важнейший центр сравнительно-исторического исследования австронезийских языков находился до второй мировой войны в Голландии, где (из числа авторов, упомянутых в настоящем разделе книги) работали Х. ван дер Тюк, И. Брандес, Х. Керн и Я. Гонда. Голландский центр не потерял значения до сих пор; в частности, при Лейденском университете работает в настоящее время американец Р. Бласт¹⁸.

В Германии традиция исследования австронезийских языков, хотя и не столь сильная, как в Голландии, восходит еще к В. Гумбольдту. При Гамбургском университете работал О. Демпвольф, при Кельнском университете работает Б. Нотхофер. Уже давно занимаются австронезийскими языками в Японии (надо отметить Н. Огаву и Э. Асаи, а из современных исследователей — С. Цутиду). В США австронезийская компаративистика получила сильное развитие в основном только после второй мировой войны. К настоящему времени там сформировалось несколько важных научных центров, в том числе Йельский университет (И. Дайен), Корнеллский университет (Дж. Уолф, М. Чарлз) и Гавайский университет (Дж. Грейс, Л. Рейд). Много занимаются австронезийской (особенно океанийской) лингвистикой в Австралии; важнейшим научным центром является Австралийский национальный университет в Канберре. Из австралийских ученых, изучающих западные австронезийские языки, следует отметить Дж. Снеддона и Дж. Прентиса. В настоящее время австронезийская компаративистика раз-

---

¹⁸ В данном разделе мы не говорим о работе над океанийскими языками.

вивается еще во многих странах, в том числе в Норвегии (О. Даль), Великобритании (Х. Шорто и др.), Новой Зеландии (А. Кэмп Паллесен и др.) и т. д.

В Советском Союзе австронезийская компаративистика делает первые шаги. Опубликовано несколько работ обзорного характера [например: Сирк, 1967; 1973₂] и несколько рецензий на иностранные работы [Сирк, 1966; 1968; 1973₁]. М. А. Членов занимался классификацией языков Юго-Восточной Индонезии [Членов 1973; 1976, 184—238]. Автор настоящего раздела занимается южно-сулавесийской группой языков [Сирк, 1973₃; Sirk 1979], а также проблемой классификации австронезийских языков [Sirk 1978]. Совместно с М. А. Членовым было проведено исследование по сравнительной фонетике амбонских языков [Chlenov, Sirk 1973]. Н. Ф. Алиева занимается типологией индонезийских языков, в том числе и в историческом плане [Alieva 1978].

Работы по австронезийской компаративистике публикуются в разных изданиях. В частности, надо отметить серийную публикацию «Pacific Linguistics» (всего четыре параллельные серии), которая издается Австралийским национальным университетом, журнал «Oceanic Linguistics» и периодическое издание «Working Papers in Linguistics»; последние два выходят при Гавайском университете.

В последние годы проводятся международные конференции по австронезийской лингвистике: 1-я конференция — в 1974 г. в Гонолулу, 2-я — в 1978 г. в Канберре, 3-я — в 1981 г. в Денпасаре (Индонезия). Материалы 1-й конференции изданы в виде 12-го и 13-го томов журнала «Oceanic Linguistics», материалы 2-й конференции — в одной из серий «Pacific Linguistics».

ОКЕАНИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Океанийские языки занимают восточную часть ареала австронезийских языков. Граница между океанийскими и другими австронезийскими языками проходит восточнее Марианских островов и о-вов Палау, но западнее о-вов Яп, Сонсорол и Тоби; в р-не Новой Гвинеи к океанийским относятся все австронезийские языки, расположенные восточнее устья р. Мамберамо. Общее число океанийских языков достигает 450—500¹. На семи из них (толаи, кирибати, фиджи, маори, самоа, тонга, таити) говорит 50 тыс. и более человек на каждом; число носителей большинства остальных языков не превышает нескольких сот человек.

Первые сведения об океанийских языках относятся к XVI—XVIII вв., однако грамматические описания появляются лишь с XIX—нач. XX в. В большей части эти грамматики неадекватно отражают структуру океанийских языков, поскольку их авторы, в основном миссионеры, не имели специальной лингвистической подготовки. В этот же период создаются первые письменности для языков Океании², но, как правило, публикации ограничиваются изданием пособий для начального обучения и переводов из Библии. Многие языки до настоящего времени известны лишь по кратким словарям, а некоторые — только по названиям. Уровень достижений описательной лингвистики в целом невысок, поэтому успехи в области сравнительно-исторического изучения и генеалогической классификации языков Океании пока довольно скромны.

Родство океанийских, точнее, полинезийских языков с языками Малайского архипелага, отмеченное еще в XVIII в., было достаточно убедительно продемонстри-

---

¹ Э. Поли [Pawley 1973, 177] приводит число 434 как минимальное; учитывая более поздние исследования, это число следует увеличить по крайней мере на 40.

² Единственное традиционное письмо в Океании — ронгоронго на о-ве Пасхи — остается пока недешифрованным. Имеются также противоречивые сведения о наличии традиционной письменности для микронезийского языка волеаи; записанные этим письмом тексты отсутствуют.

ровано В. Гумбольдтом [Humboldt 1836—1839]. Несмотря на это, океанийский материал стал широко использоваться в сравнительно-исторических работах по австронезийской семье в целом лишь с конца XIX в. Специально задача сравнительно-исторического изучения океанийских языков не ставилась до середины нашего столетия, хотя еще Х. Керн признавал, что языки Океании находятся в более тесном родстве между собой, чем с другими австронезийскими языками.

Сопоставительные работы по отдельным генетическим и региональным группам океанийских языков стали появляться с середины прошлого века³. Некоторые из них до сих пор не утратили своего значения с точки зрения описательной и типологической лингвистики [например, Codrington 1885; Ray 1926], но они не могли претендовать на какие-либо достижения в компаративистике, поскольку к концу первой четверти XX в. фонетические соответствия между океанийскими языками «еще никем не были адекватно исследованы» [Ray 1926, 40], да это было и невозможно в ситуации, когда «бесчисленные меланезийские языки были представлены менее чем дюжиной словарей» [там же, 41].

Основой современной фонетической реконструкции праокеанийского послужили работы О. Демпвольфа 20—30-х годов нашего столетия. В своем обобщающем труде по австронезийской компаративистике [Dempwolff 1934—1938] он использовал материал лишь нескольких океанийских языков, поэтому его выводы не могли служить обоснованием генетического единства всех австронезийских языков Океании. Некоторые положения реконструкции Демпвольфа позднее были пересмотрены. Например, по Демпвольфу, в праокеанийском утратились согласные в ауслауте, но во многих современных океанийских языках (а следовательно, и в праокеанийском) правостронезийские конечные согласные сохраняются, ср.: праавстр. *maŋuk 'птица' > *maŋuk* (ламогаи, о. Новая Британия), *maŋuŋi* (банони, о. Бугенвиль), *maŋuga* (бваидока, о-ва Д'Антракто). Демпвольф считал также, что в праокеанийском совпали правостронезийские *p* и *ŋ*, однако их рефлексy продолжают различаться в ряде современных языков. Так, в буготу (Соломоновы остро-

³ По-видимому, первой работой этого жанра является «сравнительная грамматика» полинезийских языков Х. Хейла [Hale 1848].

ва) противопоставляются *vonu* 'полный' (праавстр. *repu) и *voiu* 'черепаха' (праавстр. *reiu).

Становление океанистики как отдельной лингвистической дисциплины связано в первую очередь с работами Дж. Грейса [Grace 1955; 1959; 1969] и В. Мильке [Milke 1958; 1961; 1968]. Существенное дополнение внесли позднее Р. Бласт [Blust 1972; 1978_{1,2}], Э. Поли [Pawley 1973] и другие исследователи.

По современным представлениям [Blust 1978₁], в праокеанийском имелись следующие согласные: *p, *t, *d, *k, *mp, *nt, *nd, *ŋk, *ŋp, *m, *n, *ñ, *ŋ, *ŋm, *s, *ns, *j(?), *l, *R, *q, *w, *y; консонантная система претерпела значительные изменения по сравнению с праавстронезийским состоянием: все простые фрикативные совпали в *s, а соответствующие им преназализованные — в *ns; значительно редуцировалось противопоставление по звонкости/ глухости (совпали *p и *b, *k и *g, *mp и *mb, *ŋk и *ŋg); возникли лабиовелярные *ŋp и *ŋm. Вокализм также значительно изменился: монофтонгизация праавстронезийских дифтонгов с глайдами *u и *w в качестве второго элемента привела к превращению четырехчленной системы гласных (*i, *ə, *a, *u) в пятичленную (*i, *e, *a, *o, *u), которая сохраняется в большинстве современных языков.

Вопросы реконструкции праокеанийской грамматики и особенно соотношение ее с праавстронезийским состоянием разработаны значительно слабее. Можно отметить следующие наиболее важные грамматические характеристики праокеанийского языка [Pawley 1973; Caprell 1976]. Глагол согласуется в лице и числе как с субъектом, так и с объектом, переходность обязательно выражается специальным суффиксом (**-i* при близком объекте, **-aki* при удаленном объекте). Реконструируется ряд словообразовательных глагольных префиксов, например, **paRi-* (реципрокальность), **pa-* (каузативность). Ориентация действия выражается при помощи особых постпозитивных частиц — *mai 'к говорящему', *atu 'от говорящего', *nsipo 'вниз', *nsake 'вверх'. Самая характерная черта праокеанийского имени — наличие трех (и более) форм принадлежности. Все объекты классифицируются на неотчуждаемые, отчуждаемые и съедобные. Последовательно проводится разграничение нарицательных и собственных имен (эти подклассы маркируются разными частицами). В синтакси-

ческом отношении праокеанийский был языком номинативного строя с порядком членов предложения: субъект — предикат — объект; определение следовало за определяемым.

Обилие языков и их недостаточная изученность, а также полное отсутствие письменных свидетельств истории народов Океании значительно усложняют разработку проблем глоттогенеза и классификации языков. Следствием этого является, с одной стороны, невероятное пристрастие океанистов к лексикостатистике⁴, с другой стороны, тесное содружество лингвистов, археологов и этнографов при решении вопросов языковой и материальной истории океанийских народов.

Географическая изолированность большинства архипелагов Океании создает в этом регионе уникальную ситуацию: по-видимому, к востоку от Соломоновых островов австронезийские языки не контактировали (за одним исключением⁵) с языками других семей на протяжении нескольких тысячелетий. Это, впрочем, не означает, что проблема субстрата полностью элиминирована в Океании: во многих случаях нетрудно показать наличие в одном языке элементов нескольких, подчас сильно различающихся в структурном отношении, пластов океанийского происхождения [Biggs 1965].

На западе Океании — в р-не Новой Гвинеи, архипелага Бисмарка, Северо-Западных Соломоновых островов — имеется ряд языков, в которых австронезийские и неавстронезийские элементы столь тесно переплетаются, что определение их генетической принадлежности наталкивается на непреодолимые трудности (например, язык сокхок на Новой Британии, маисин в Северной провинции Папуа—Новой Гвинеи). Вероятно, языки эти восходят к креолизированным папуасско-океанийским пид-

---

⁴ Недостатки лексикостатистики общеизвестны, поэтому при определении степени родства языков этот метод используется лишь как вспомогательный. Однако, если на Новых Гебридах, занимающих небольшую территорию, распространено, по самым скромным подсчетам, не менее сотни языков и большинство из них не описано, трудно не соблазниться начать лингвистическое исследование с лексикостатистики.

⁵ Имеются в виду языки о-вов Риф и Ндени, относящиеся, по-видимому, к восточнопапуасской семье, но испытавшие столь сильное влияние океанийских языков, что их генетическое положение нельзя считать окончательно установленным [Lincoln 1978; Wurm 1978].

жинам. Не исключено, что таково же происхождение некоторых языков этого региона, считающихся океанийскими, но имеющих много неавстронезийских структурных черт.

Традиционное выделение трех групп австронезийских языков Океании — меланезийских, микронезийских и полинезийских, — предложенное еще в прошлом веке, базируется на физико-географическом, этнографическом и антропологическом районировании и серьезных лингвистических оснований не имеет, хотя такое членение и заняло прочные позиции в популярной, справочной и учебной литературе. Языки Полинезии и большей части Микронезии действительно образуют группы, но достаточно низкого ранга. Эти группы находятся в более близком родстве между собой и с некоторыми языками Меланезии, чем с языком яп в Микронезии и большинством меланезийских языков, не говоря уже о языках палау и чаморро, территориально распространенных в Микронезии, но теснее связанных с филиппинскими языками.

Впервые лингвистически мотивированная классификация океанийских языков была предложена Дж. Грейсом в середине 50-х годов [Grace 1955]; в основных чертах она до сих пор остается неизменной. В течение долгого времени родство языков в пределах большинства групп обосновывалось лишь данными типологии и лексико-статистики; сравнительно-историческое изучение многих групп стало интенсивно развиваться только в 70-е годы. Суммируя современные достижения океанистики, можно выделить следующие группы языков.

Языки Центральной провинции Папуа—Новой Гвинеи, образующие две подгруппы — восточную (синагоро, кеапара, магори) и западную (мекео, роро, лала и др.); язык моту занимает промежуточное положение между двумя подгруппами. Реконструирована фонологическая система праязыка, сделаны первые шаги в области грамматической реконструкции [Rawley 1976].

Языки провинции Милн-Бей (тагула, мисима, муйув, киливила, бваидока, тавала, суау, дуау, добу и др. — всего около 40 языков); имеется фонологическая реконструкция [Cochran 1978] и детальный типологический анализ [Lithgow 1976; Ezard 1978]. На типологических основаниях выделяется 12 подгрупп. Возможно, этой

группе родственны два языка Северной провинции — убир и арифама-миниафа.

Три территориально смежные группы в бассейне р. Маркхем (провинция Моробе): адзера (адзера, вампар, гувот и др.), буанг (меменг, мапос и др.) и хоте (хоте и ямап) — всего более 20 языков; классифицируются по данным лексикостатистики и отдельным типологическим наблюдениям [Hooley 1971; 1976].

Столь же слабо аргументировано единство группы сиасси (сиаси), объединяющей более 30 языков. Выделяется шесть подгрупп: бариай (кови, бариай, малеу и др. — запад Новой Британии), белан (гедагед, такиа, хам и др. — р-н Маданга), сипома-каива (юг провинции Моробе), подгруппа залива Хьюон (букауа, ябем, кела, лабу), подгруппа пролива Витязя (туам-муту, сию, мангап, ароп и др.), подгруппа залива Астролябия (ваб, билиау, миндири) [Z'graggen 1976; Hooley 1976; Chowning 1976]. Предприняты первые шаги в области сравнительной фонетики языков этой группы [Bradshaw 1978].

Группа языков провинции Сепик, состоящая из западной (сиссано, али и др.) и восточной (каириру, манам и др.) подгрупп. Классификация обосновывается лексикостатистическими и типологическими данными [Lausock 1976].

Группа языков о-вов Адмиралтейства насчитывает до 30 языков и распадается на две группы: западную (ауа-вувулу, сеимат, каниет) и восточную с двумя подгруппами — юго-восточных островов (пак-тонг, балуан-пам-лоу и др.) и подгруппа о-вов Манус (андра-хус, титан, линдроу и др.). До последнего времени единство группы считалось недоказанным [Healey 1976], однако Р. Бласту удалось подтвердить его данными сравнительной фонетики [Blust 1978₁].

Группа языков Новой Ирландии, включающая более 20 языков, делится на четыре подгруппы: о-вов Сент-Маттаиас (тенис и эмира-муссау), северной Новой Ирландии (лавонгаи, тигак и др.), мадак (мадак и лаватбура-ламусонг) и патпатар-толаи (языки юга Новой Ирландии — патпатар, сиар и др. и язык толаи на севере Новой Британии). Положение языков табар, лихир и танга остается невыясненным. Единство группы подтверждается лишь данными лексикостатистики и типологии [Beaumont 1972; 1976].

На о-ве Новая Британия кроме толаи и языков группы сиасси распространены изолированный (в пределах океанийской ветви) язык тимуни и еще по крайней мере пять языковых групп: кимбе (бали-виту, наканаи и др.), араве (айувет, гими и др.), ламогаи (лонга, пулиэ и др.), уайтмен (мангсенг, капоре, бао и др.) и менген (увол, мамуси, поэнг и др.) [Chowning 1976]. Сопоставительное исследование грамматик этих языков [Chowning 1978] не позволяет соотнести эти группы между собой. Имеются данные о существовании в этом районе других океанийских языков, неродственных названным [там же, 1129]. Новая Британия остается одним из наименее изученных в лингвистическом отношении районов Океании.

Очень плохо исследованы океанийские языки Ириан-Джая (западная половина о-ва Новая Гвинея). По имеющимся данным [Capell 1962; Grace 1971], они образуют две группы: языки р-на Джаяпура (орму и тобати) и языки берега Сарми (собеи, коэмамба, анус, тарфия и др.).

Сложна лингвистическая ситуация на Соломоновых островах. Во многих районах классификация языков опирается лишь на лексико-статистические подсчеты, подтвержденные кое-где типологическим анализом. Только для юго-восточной группы имеются более убедительные данные сравнительной фонетики и грамматики. В провинции Бугенвиль распространены изолированный (океанийский) язык ниссан (нехан) [Todd 1978] и связанные, возможно, между собой группы бука (халиа, петатс, солос), севернобугенвильская (хахон, тимпутс, теоп), западнобугенвильская (банони и пива), восточнобугенвильская (уруэва, торау, моно-алу) и языки сапоса и папапана [Allen, Hurd; Lincoln 1976]. В центральной части Соломоновых островов представлены находящиеся между собой в отдаленном родстве группы языков о-ва Шуазель (вагуа, варисе, мбамбатана и др.), о-вов Нью-Джорджия (ровиана, ндуке, марово и др.) и язык киа (о. Санта-Исабель). Положение других языков о-ва Санта-Исабель неясно [Capell 1968]. Несколько лучше изученная группа языков юго-восточных Соломоновых островов распадается на две подгруппы — о-вов Гуадалканал и Флорида (нггела, ватуранга и др.) и о-вов Сан-Кристоваль и Малаита (са'а-улава, ароси, лау, квар'аэ и др.) [Pawley 1972].

На о-вах Утупуа и Ваникоро в группе Санта-Крус имеется по крайней мере шесть языков, родственные

связи которых не изучены [Cashmore 1972]: амба, асумбоа, танимбиле, теапу, вана, тетау.

Около 25 языков Новой Каледонии, типологически сильно отличающихся от остальных океанийских (особенно в области фонологии), образуют две родственные группы — северную (йалайу, кумак, нджаве и др.) и южную (ндумбеа, кунъа, хуаилу и др.), каждая из которых подразделяется на две подгруппы; кроме того, имеется переходная, центральная группа (чамухи и паачи) [Haudricourt 1971]. В последнее время начато планомерное изучение сравнительной фонетики новокаледонских языков [Rivierre 1973]. Три языка о-вов Луайоте (иаи, деху, ненгоне) типологически близки к новокаледонским, но их родственные связи с этой группой и между собой не изучены [Haudricourt 1971].

Родство языков Южных Новых Гебрид (а) эроманга и ура, б) ленакел, квамера и др., в) анейтьюм) достаточно хорошо подтверждается данными сравнительной фонетики и отчасти грамматики [Lynch 1978]. Остальные языки Новых Гебрид изучены пока недостаточно. Существуют две противоположные точки зрения на их классификацию. Еще Дж. Грейс [Grise 1955] включал часть из них в восточноокеанийскую ветвь языков; позднее к этой ветви стали относить чуть ли не все описанные языки Северных и Центральных Новых Гебрид [Pawley, Green 1973]. Оказалось, однако, что многие из них сохраняют праокеанийские конечные согласные и тем самым не удовлетворяют одному из решающих критериев включения в восточноокеанийскую ветвь [Capell 1976; Truon 1976]. Иная точка зрения принадлежит Д. Трайону. Собрав краткие словники (около 300 единиц) для 180 языков и диалектов Вануату, он выделил три группы языков, которые никак не соотносятся с восточноокеанийскими: языки Восточного Эспириту-Санто (сакао, бутмас-тур и др.), внутренних районов о-ва Малекула (лабо, латембой, биг-намба и др.) и языки Северных и Центральных Новых Гебрид (лехали, малуа, мпотоворо, тангоа, лево, нгуна, мота, мерлав и др. — всего около 70 языков, разделенных на пять подгрупп). Типологические классификации, предложенные Трайоном по данным фонологии и грамматики, соотносятся с этой схемой довольно плохо, хотя автор и утверждает обратное [Truon 1978, 887]. Ж. Ги [Guy 1978] принял за основу классификацию Трайона и предложил фонетическую реконструкцию

прасеверноновогебридского языка, используя материал сакао (группа Восточного Эспириту-Санто, по Трайону), лехали, толомако и еще нескольких языков (группа Северных и Центральных Новых Гебрид, по Трайону). Любопытно, что, по Ги, конечные согласные в прасеверноновогебридском не реконструируются, например *maɲi 'птица' (< праокеан. *maɲuk); в словниках же Трайона имеется много примеров сохранения праокеанийского конечного согласного: пэ-тешох (малуа), па-ṯaɲiɲo⁶ (мпотоворо). Эти факты позволяют усомниться в надежности реконструкции Ги.

На островах Фиджи существуют две группы диалектов — западная и восточная; взаимопонимание между носителями диалектов разных групп практически невозможно⁷. Существует реконструкция прафиджийской фонологической системы и основных черт морфологии; предполагается, что распад прафиджийского произошел не менее 2000 лет назад [Pawley, Sayaba 1971]. По-видимому, генетически близок к фиджийским диалектам язык ротума, но на его структуру очень большое влияние оказал полинезийский суперстрат. Историческая фонетика ротума разработана довольно детально [Biggs 1965.]

Плохо описанный язык яп (о-ва Яп и Нгулу на западе Микронезии) образует отдельную ветвь океанийских языков. По ряду фонологических особенностей он противопоставляется всем другим океанийским и вообще австронезийским языкам: в нем имеются глоттализированные взрывные, носовые, фрикативные и сонорные; отсутствуют гласные в ауслaute. Остальные океанийские языки Микронезии (исключая полинезийские языки нукуоро и капингамаранги) составляют единую микронезийскую ветвь со следующей структурой: 1. кирибати, 2. науру, 3. маршалльский, 4. кусаиэ, 5. понашеанские (понаше, мокил и др.), 6. трукские (трук, волеаи, улиги и др.). Генетические отношения микронезийских языков стали детально изучаться лишь с конца 60-х годов [Bender 1971].

⁶ ṯ обозначает лабиоапикальный носовой, образующийся при соприкосновении кончика языка с верхней губой. В языках Восточного Эспириту-Санто и Северной Малекулы представлен локальный ряд лабиоапикальных ṯ, ʃ, ʋ, ср. в тангоа ʃiʃi 'семя' и ʃiʃi 'гром', ṯata 'глаз' и mata 'змея'.

⁷ Все фиджийцы пользуются литературным языком, созданным на базе мбау, одного из восточных диалектов.

В 70-х годах были выпущены подробные грамматические описания и словари большинства этих языков; появилось несколько статей по сопоставительной грамматике, изучается сравнительная фонетика, но материалы пока не опубликованы.

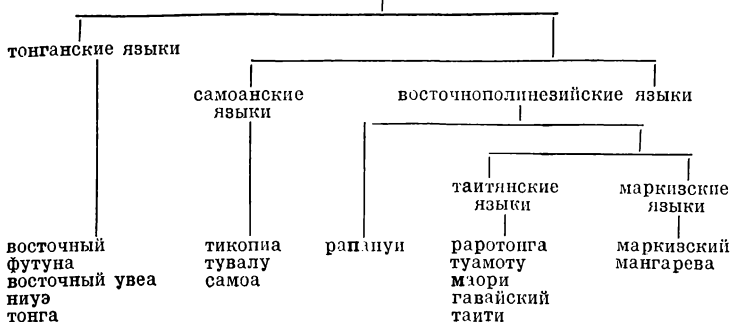
По сравнению с другими языками Океании очень детально изучена история полинезийских языков. Реконструированы фонологическая система, словарь, грамматика как праполинезийского, так и языков-предков отдельных подгрупп полинезийских языков [Pawley 1966; 1970; Clark 1976; Беликов 1977; Biggs 1978; Walsh, Biggs 1966; Biggs, Walsh, Waqa 1970].

Большая часть полинезийских языков распространена в пределах «полинезийского треугольника», вершины которого образуют Гавайские острова на севере, Новая Зеландия на юге и о. Пасхи на востоке. Остальные полинезийские языки — нукуоро, луангиуа, мунггава, пилени, тикопиа, маэ и др. — распространены на ряде мелких островов в Меланезии и Микронезии и составляют так называемую внешнюю Полинезию (Outliers). Особая близость полинезийских языков между собой была отмечена еще мореплавателями XVIII в. Следующее столетие и первая половина XX в. не принесли существенных успехов полинезийской компаративистике, хотя появилось несколько работ сопоставительного характера, из которых следует отметить словарь Э. Треджера [Tregear 1891].

Начало сравнительно-историческому изучению полинезийских языков положила статья С. Элберта «Взаимоотношения полинезийских языков и диалектов» [Elbert 1953], в которой впервые была предложена реконструкция праполинезийской фонетики (позднее незначительные уточнения были внесены лишь в вокализм) и дана обоснованная генеалогическая классификация тех языков, по которым имелся удовлетворительный материал (см. схему).

В 60-х годах классификация Элберта была уточнена и расширена, в первую очередь благодаря работам Э. Поли [Pawley 1966; 1967]. По современным представлениям, языки тонга и ниуэ составляют тонганскую группу, остальные языки образуют ядернополинезийскую группу, которая подразделяется на самоанско-внешнюю и восточнополинезийскую подгруппы. К самоанско-внешним языкам относятся самоа, восточный увеа, восточный

Полинезийские языки

футуна, тувалу, токелау, пукапука и все внешнеполинезийские языки. Восточнополинезийская группа включает гавайский, таити, туамоту, мангарева, маркизский, раротонга (и другие диалекты южных островов Кука), тонгарева, маори; к этой же подгруппе относится и язык рапануи, противопоставленный по ряду признаков другим восточнополинезийским.

Перечислим основные структурные черты праполинезийского языка. Праокеанийская вокалическая система осталась неизменной (*i, *e, *a, *o, *u), консонантизм был существенно редуцирован: *p, *t, *k, *ʔ, *m, *n, *ŋ, *f, *s, *h, *v, *r, *l. Единственная возможная структура слога в праполинезийском и большинстве современных языков — (C)V.

Глагольная составляющая предложения имеет следующую структуру: (T) + (Pr) + (Adv₁) + знаменательное слово + (определение) + (Dir) + (An) + (Dem) + (Adv₂), где T — видо-временной показатель, Pr — показатель лица и числа (отличный от полного личного местоимения), Adv₁, Adv₂ — два различных закрытых класса частиц адвербиального характера (типа *tei 'почти', *foki 'также'), Dir — показатель направления действия, An — анафорическая частица, Dem — указательное местоимение (типа *gā 'тот, там').

Именная составляющая предложения имеет следующую структуру: (Prep) + Art + (Pos/Dem) + (Ad) + знаменательное слово + (определение) + (Pos/Dem), где Prep — предлог, Art — артикль, Pos — притяжательное местоимение, Ad — препозитивное прилагательное (закрытый класс).

Строй праполинезийского предложения — смешанный номинативно-эргативный, порядок членов — V-S-O.

Генетические отношения между отдельными группами океанийских языков изучены плохо. Удовлетворительно обоснованным можно считать лишь выделение восточноокеанийской ветви, впервые предложенное Дж. Грейсом [Grace 1955]. В эту ветвь включаются языки Юго-Восточных Соломоновых островов, некоторые языки Северных и Центральных Новых Гебрид⁸, микронезийские, фиджи, ротума и полинезийские [Pawley, Green 1973]. Высказывается предположение об отнесении к восточноокеанийским также языков Центральной провинции Папуа—Новой Гвинеи и группы кимбе [Goodenough 1961; Wurm 1975]. Реконструированы восточноокеанийская фонетика [Biggs 1965; Cashmore 1969; Перцов 1977] и в общих чертах грамматика [Pawley 1972; Clark 1973].

Океанистика — дисциплина молодая, но бурно развивающаяся. Интерес к изучению языков Океании значительно оживился в конце 50 — нач. 60-х годов. В это время была основана обширная серия публикаций «Pacific Linguistics» (Канберра, с 1963 г.) и ряд журналов, специально посвященных языкам этого региона: «Te Reo» (Окленд, с 1958 г.), «Oceanic Linguistics» (Гонолулу, с 1962 г.), «Kivung» (Порт-Морсби, с 1968 г.).

В течение 70-х годов как описательное, так и сравнительно-историческое изучение океанийских языков неуклонно прогрессировало. Заложенный фундамент позволяет надеяться, что успехи океанистики 80-х годов окажутся не менее плодотворными. Наиболее широко исследования по океанистике ведутся в традиционных центрах — Окленде (Новая Зеландия), Гонолулу (США), Канберре (Австралия). Изучением языков Океании занимаются лингвисты США, Великобритании, Франции и некоторых других стран Европы; интерес к этой области науки пробуждается и в ряде молодых государств, в первую очередь в Папуа—Новой Гвинее. Советская океанистика делает пока лишь первые шаги. Все опубликованные работы по сравнительно-исторической тематике либо имеют обзорный характер [Аракин 1975; Беликов 1981], либо посвящены достаточно частным проблемам [Беликов 1977; 1980; Перцов 1977].

⁸ Как указывалось выше, родство языков Новых Гебрид с восточноокеанийскими в последнее время ставится под сомнение.

АФРАЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Афразийская (семито-хамитская) семья объединяет значительное число языков, как древних, известных по письменным памятникам начиная с рубежа IV—III тыс. до н. э., так и современных. Эти языки занимают или занимали в прошлом (в эпоху своего существования) обширные территории на Ближнем Востоке и в северной части Африки. Первоначально было установлено родство семитских языков, затем была обнаружена их генетическая связь со многими другими языками, которые получили общее название хамитских. В результате вся эта языковая общность стала известна как семито-хамитская, или хамито-семитская, семья языков. Дальнейшие исследования, особенно М. Коэна [Cohen 1947] и Дж. Гринберга [Greenberg 1950], доказали отсутствие в рамках этой семьи особого хамитского языкового единства, противопоставленного семитскому, следствием чего явилось предложение Гринберга заменить традиционный термин на афро-азиатские (Afroasiatic), получивший распространение в основном в американской лингвистике. В отечественном языкознании последних лет принят предложенный И. М. Дьяконовым вариант «афразийские языки» [Diakonoff 1974]. В литературе можно также встретить названия «эритрейские» и «лисрамические» (Lisramic) языки. Первое было предложено А. Такером, поскольку рассматриваемые языки расположены по обе стороны Красного моря, а второе составлено К. Ходжем из корней со значениями «язык» и «народ». Оба этих термина не получили распространения, так же как и предложение расширительно толковать термин «семитские» языки, распространив его на всю семью или ее часть (т. е. включать древнеегипетский и/или берберские языки в число семитских). Ниже термин «афразийские языки» будет применяться независимо от того, как именовались эти языки в конкретных исследованиях тем или иным автором.

К настоящему времени имеется несколько более или менее подробных очерков истории возникновения и развития гипотезы о генетической общности афразийских языков и появления на этой основе афразийского сравнительно-исторического языкознания [см.: Cohen 1947; 1974;

Armbruster 1960; Greenberg 1963; Bender 1975; Hodge 1970; 1976; Moscati 1978]; эта тема затрагивается также в работах, посвященных отдельным отраслям внутри афразийского языкознания.

Началом афразийских исследований принято считать 1781 г., когда А. Л. Шлецер предложил объединить в одну группу ряд мертвых и живых языков Ближнего Востока, сходство между которыми было замечено очень давно, и назвал эти языки на основе библейской генеалогии (Быт. 10) семитскими [Brockelmann 1908, 1; Moscati et al. 1964, 3]. В середине прошлого века в работах К. Лепсиуса и Ф. Мюллера было высказано предложение объединить ряд языков Африки, обнаруживавших определенное сходство с семитскими, в хамитскую семью языков (названную по аналогии с семитской), а весь этот комплекс — в хамито-семитскую или семито-хамитскую семью языков. Однако если семитское языковое единство никогда не вызывало сомнений как в «качественном», так и в количественном отношении — принадлежность к этой группе всех вновь обнаруженных живых и мертвых семитских языков оказывалась совершенно очевидной, — то совсем иначе обстояло дело с хамитской и, следовательно, с семито-хамитской языковыми семьями. Практически все крупные ученые, занимавшиеся этими вопросами во второй половине XIX — первой половине XX в. (Э. Ренан, Т. Бенфей, Р. Каст, Л. Райниш, К. Броккельман, А. Эрман, К. Мейнхоф, Д. Вестерман, А. Тромбетти, О. Ресслер, В. Вицихл, Э. Цыларц и др.), по-разному трактовали вопрос о природе и составе хамитской группы языков и их взаимоотношении с семитскими [об этом см., например: Armbruster 1960, 15—19; Greenberg 1963, 42—51; Bender 1975, 1—19].

Как правило, в число хамитских языков включались древнеегипетский, бедауйе, сомали, галла и другие кушитские языки¹, тамашек и другие берберские (или бер-

---

¹ В работе К. Лепсиуса эти языки назывались по месту их распространения эфиопскими, но, чтобы избежать совпадения в названии с эфиопскими семитскими языками (геэз и др.), вскоре эту группу языков стали называть кушитскими (Куш — древнеегипетское наименование Нубии, имеющееся и в Библии, где Куш — один из сыновей Хама, Быт. 10). По свидетельству Ф. Преториуса, первоначально термины «кушитские» и «хамитские» языки были практически синонимами [Armbruster 1960, 19].

беро-ливийские)². При более широком подходе к хамитским языкам относились хауса и близкородственные языки, а также масаи и другие нило-хамитские языки, фула, нубийские, готтентотские, бушменские и некоторые другие. Все они рассматривались или как родственные семитским, или как результат воздействия семито-хамитских или только хамитских (в узком смысле) языков на суданский (негрский) субстрат.

Дальнейший прогресс семито-хамитских исследований имел два направления: во-первых, доказательство отсутствия родства всех перечисленных во вторую очередь языков (кроме хауса) с семито-хамитскими; во-вторых, доказательство отсутствия особого внутреннего единства всех несемитских языков, принадлежность которых к семито-хамитской семье оказалась неподтвержденной, и, следовательно, отказ от деления семито-хамитской семьи на две большие равноправные группы — семитскую и хамитскую, а вместе с этим отказ и от самого понятия «хамитские языки». Так, в 1924 г. М. Коэн трактовал семитские языки как одну из ветвей хамито-семитской семьи наряду с египетской, берберской и кушитской ветвями. (Впервые трактовка египетского, берберских, семитских и кушитских языков как равноправных ветвей одной семьи была предложена К. Лотнером в работе, опубликованной в 1860—1861 гг. [Greenberg 1963, 65].)

Окончательное решение вопроса о составе семито-хамитской семьи в обоих указанных выше аспектах дал Дж. Гринберг, предложивший деление этой семьи на пять самостоятельных ветвей, т. е. с включением чадской ветви. Эта трактовка является в настоящее время общепринятой (с учетом возможного дробления кушитской ветви, о чем см. ниже). В серии статей, публиковавшихся в 1949—

² В современной научной литературе термины «берберы» и «берберские языки» употребляются исключительно для обозначения близкородственных этнических групп и их языков и диалектов, распространенных в Северной Африке и Сахаре и входящих в афразийскую семью. Реальное употребление этого этнонима значительно шире (см., например, его использование в качестве собирательного аутоэтнонима для нубийских племен: *berberi*, pl. *berberinči* [Armbruster 1960, 13], или распространенное среди хауса название для канури — *beriberi*) и восходит к арабскому *بَرْبَرِي*, вероятно употреблявшемуся для обозначения ненегроидных племен, оказывавшихся в зоне арабского воздействия в Африке (и в свою очередь, видимо, связанному с греческим), или непосредственно к греческому.

1954 г. в «Southwestern Journal of Anthropology» (собранных в [Greenberg 1955]; см. также расширенное и существенно переработанное издание [Greenberg 1963]), Гринберг впервые в истории африканистики предпринял попытку дать последовательную генетическую классификацию всех языков Африки. Семито-хамитским языкам там посвящена специальная глава, основное внимание в которой уделяется классификации чадских языков как семито-хамитских. Языки, для которых Гринбергом была обоснована иная (несемито-хамитская) генетическая принадлежность (фула, нило-хамитские и др.), рассматриваются в главах, посвященных соответствующим языковым семьям. Среди исследователей, внесших существенный вклад в решение этой проблемы, наряду с М. Коэном следует отметить А. Клингенхебена, Дж. Кастеллино, И. Фридриха, В. Вицихла.

Очень коротко историю афразийского языкознания вплоть до середины XX в. можно суммировать следующим образом: установление объема и природы афразийской общности (т. е. того, какие именно языки следует включать в число афразийских наряду с семитскими, а также являются ли наблюдаемые сходные черты в фонетике, лексике и грамматике этих языков отражением генетического единства или ареальной общности). Эта последняя точка зрения, получившая довольно широкое распространение, имела несколько вариантов в зависимости от общетеоретических установок ее сторонников. Одни исследователи рассматривали афразийские языки как языковой союз, другие трактовали несемитские афразийские языки как «смешанные», образовавшиеся в результате взаимодействия африканского субстрата и семитского (или хамитского) суперстрата, при этом в качестве «смешанных» рассматривались или все несемитские языки, или только кушитские и чадские. В этом последнем случае древнеегипетский и берберские языки включались в широко понимаемую семитскую семью или же трактовались как исконные хамитские, а кушитские и особенно чадские оказывались результатом вторичной «хамитизации» [ср.: Garbini 1974]. Характерно, что именно лингвисты, придерживавшиеся ареальной трактовки афразийской языковой общности, как правило, объединяли несемитские афразийские языки в единую хамитскую группу. В настоящее время все подобные теории отвергнуты наукой в пользу точки зрения о генетическом единстве афразий-

ской семьи, хотя в отдельных работах все еще можно встретить высказывания в духе ареальной концепции. Видимо, одной из причин столь длительного существования ареальной трактовки афразийской языковой общности явилась ее поддержка крупнейшим семитологом К. Броккельманом [M. Cohen 1974, 14].

Работы М. Коэна и Дж. Гринберга, убедительно показавшие генетическое единство афразийской языковой общности и деление этой общности на ряд самостоятельных ветвей, завершили период становления афразийских сравнительных исследований как отдельной самостоятельной отрасли сравнительно-исторического языкознания наряду с индоевропейским, картвельским, дравидийским и др. Нельзя не обратить внимания на необычайную длительность этого периода становления. Семитские языки, видимо, были первой группой языков, родство которых было осознано учеными (при этом очень рано в поле зрения науки оказались и другие афразийские языки), а семитология явилась одной из классических отраслей компаративистики [см. указанные выше работы по истории афразийского языкознания, а также: Brockelmann 1908, 1913; Moscati et al., 1964; Ullendorf 1970]. Однако собственно афразийское историческое языкознание оказалось в числе наиболее молодых дисциплин компаративистики и насчитывает практически не более двух-трех десятилетий. Причина этого парадокса заключается в существенных трудностях на пути афразийских сравнительных исследований, вызванных тем, что распад афразийского языкового единства на отдельные ветви происходил значительно раньше, чем, например, распад индоевропейских языков, и вследствие этого далеко зашедшими различиями между отдельными языками и группами афразийской семьи.

Эти трудности еще более усугубились тем обстоятельством, что сравнению подлежали, с одной стороны, мертвые языки, представленные древнейшими письменными памятниками, а с другой — многочисленные живые языки, вообще не имеющие исторической фиксации и в своем большинстве бесписьменные и в настоящее время, т. е. временной разрыв между ними достигает 4,5—5 тыс. лет. Причем древние языки представлены лишь в семитской и египетской ветвях, тогда как остальные ветви их лишены (за некоторыми исключениями в берберской ветви). В результате неоднократно высказывались сомнения в возможности применить к афразийским языкам стандартную про-

педуру сравнительного анализа, что влекло за собой вывод о принципиальном отличии афразийской ситуации от индоевропейской [см., например: Garbini 1974, 21—22]. К тому же указанный хронологический разрыв между языками различных ветвей и групп афразийской семьи делал особенно необходимой реконструкцию промежуточных праязыковых состояний для языковых групп, не имеющих древних письменных памятников, однако представления об ареальной природе «хамитской» языковой общности существенно тормозили сравнительные исследования этих языков.

Нельзя не отметить, однако, что те же самые особенности афразийской семьи, которые столь затормозили прогресс в области общеафразийских сравнений и реконструкций, одновременно делают эту семью языков уникальным объектом для исторического языкознания в целом.

Наконец, многие живые афразийские языки описаны еще весьма неполно или вообще не описаны, причем отрицательное влияние этого обстоятельства на развитие афразийского сравнительного языкознания усугубляется крайней неравномерностью изученности отдельных групп и подгрупп афразийских языков.

Египетская ветвь образована одним языком, имеющим самую длительную среди языков мира протяженность непрерывного развития, зафиксированную на всех стадиях многочисленными письменными памятниками. Его история охватывает эпоху почти в пять тысячелетий от XXX в. до н. э. — времени появления первых письменных памятников — вплоть до XVII в. н. э., когда прекратилось существование коптского языка — последней стадии древнеегипетского языка (в качестве языка богослужения коптский язык употребляется и в настоящее время). К тому же язык древнейших религиозных египетских текстов (Тексты пирамид, эпоха V—VI династий) отражает более архаичное состояние языка, нежели самые ранние письменные памятники, по причине исключительно глубокой древности устного составления этих текстов. Древними письменными памятниками располагают и многие семитские языки начиная с середины III тыс. до н. э. для аккадского и эблаитского. Причем необходимо отметить, что если время существования единой семитской языковой общности, видимо, примерно соответствует эпохе праиндоевропейского, то возможности для прасемитских реконструкций значительно выше по причине го-

раздо большей близости между собой семитских языков по сравнению с индоевропейскими, меньшего временного интервала, отделяющего эпоху распада праязыковой общности от первых письменных фиксаций языков-потомков, а также некоторых особенностей семитской языковой структуры, препятствовавших развитию позиционных фонетических изменений и способствовавших консервации фонологических противопоставлений в целом и фонетической формы отдельных лексем. Таким образом, египетский и семитские языки предоставляют уникальные возможности для изучения закономерностей исторических изменений в языке, а также их связи с культурно-социальным развитием.

Эпоху распада общеафразийского единства следует относить ко времени не позднее IX—VII тысячелетия [Дьяконов 1975; Diakonoff 1981], что, по всей видимости, составляет наиболее глубокий абсолютный хронологический уровень, который может быть с уверенностью достигнут современным историческим языкознанием. Разумеется, теории отдаленного генетического родства языков, и прежде всего ностратическая теория, предполагают более глубокие хронологические уровни. Однако различия в степени надежности и детализации реконструкций, достижимые в том и другом случаях, совершенно очевидны и определяются объективными возможностями исходных данных.

Среди ветвей афразийской семьи, не имеющих древних письменных памятников, берберская ветвь характеризуется высокой степенью близости составляющих ее языков и диалектов, хотя, как показывают новейшие исследования, степень этой близости преувеличивалась в традиционной берберологии, часто предпочитавшей говорить о диалектах в рамках одного берберского языка. Напротив, чадская и кушитская ветви состоят из далеко разошедшихся групп и подгрупп, степень удаленности которых друг от друга внутри каждой из ветвей значительно выше, чем для современных семитских языков, и, видимо, не уступает новым и.-е. языкам (даже с учетом возможного выделения омотских языков в отдельную ветвь). Этому должно соответствовать и время распада проточадской и протокушитской языковых общностей. Отсюда следует, что чадская (так же как и кушитская) сравнительно-историческая грамматика, имеющая целью реконструировать проточадское (протокушитское) состояние, должна решить

задачу очень глубокой реконструкции (сопоставимой с реконструкцией протоиндоевропейского состояния), опираясь исключительно на данные современных языков. Но при этом имеется возможность верификации реконструированных на основе внутричадского (или внутрикушитского) сравнения архетипов с помощью внешнего сравнения с реально засвидетельствованными формами древнеегипетского и древних семитских языков, а также с независимо полученными реконструкциями в рамках других афразийских ветвей.

Возвращаясь к истории афразийского сравнительно-исторического языкознания, еще раз отметим, что работами М. Коэна и Дж. Гринберга на рубеже второй половины XX в. был завершен период становления афразийского исторического языкознания как самостоятельной отрасли компаративистики. В этих работах содержатся первые, еще весьма приблизительные попытки составления афразийского этимологического словаря. Словарь Коэна содержит более 500 этимологических сближений (как уже отмечалось выше, чадские языки представлены там лишь окказиональными хаусанскими примерами). В словаре Коэна не даются реконструкции праформ, но приводятся фонетические соответствия, установленные на основе предлагаемых сближений. В адрес этого словаря были высказаны многочисленные критические замечания; например, К. Броккельман считал, что более или менее надежны лишь около 200 из предложенных Коэном этимологий. В более поздней работе Гринберга дается менее 100 общеафразийских лексических сближений, но следует иметь в виду цель Гринберга показать, что гипотеза об афразийской генетической общности является единственно возможным объяснением наблюдаемых сходжений, т. е. приводимый Гринбергом список этимологий отнюдь не претендует на полноту. Помимо этих работ необходимо отметить также исследования, в которых сравнивается лексика лишь некоторых афразийских ветвей, как правило семитской с какой-либо еще. Здесь следует выделить работы по семитско-египетскому сравнительному анализу лексики [особенно см.: Calice 1936].

В области афразийской сравнительной грамматики к этому времени был установлен ряд изоглосс, которые использовались для доказательства родства афразийских языков. Подробный критический анализ афразийских

грамматических изоглосс, приводимых в работах: [Meinhof 1912; Vycichl 1935; Meillet, Cohen 1952; Greenberg 1955], содержится в монографии Л. Бендера [Bender 1975, 20—37]. Первые две работы имели целью охарактеризовать только хамитские языки. М. Коэн [Meillet, Cohen 1952] дает грамматическую характеристику афразийских языков (без чадских), а грамматические изоглоссы Гринберга служат доказательством включения в афразийскую семью чадской ветви. Л. Бендер приводит также афразийские изоглоссы по И. М. Дьяконову [Diakonoff 1965] и в заключение дает суммарную сводку общеафразийских изоглосс [Bender 1975, 35—37], среди которых следует выделить аффиксы мн. числа имени, соответствия в системе местоимений, показателей генитива, двух согласовательных классов имени (показатели муж. и жен. рода имени), соответствия в глагольной системе, в том числе в способах образования имперфектной глагольной основы, аффиксы производных глагольных основ (пассив, каузатив, рефлексив и др.). Указанные соответствия в фонетической форме морфологических показателей, а также некоторые соответствия в типах фонологических, морфонологических и морфологических структур афразийских языков представлены в работе Бендера в виде перечня диагностирующих признаков, наиболее существенных при решении вопроса, является ли данный язык афразийским (список этих признаков открывается указанием на наличие совокупности согласных фонем, связанных регулярными звуковыми соответствиями, что в свою очередь является отражением общего лексического фонда). В настоящей работе мы не имеем возможности специально обсуждать проблему использования диагностирующих признаков в генетической классификации [см. об этом: Порхомовский 1982]. Перечень Бендера представляет интерес независимо от проблем классификации, так как содержит сводку результатов в области общеафразийских сравнений. Однако подобные перечни могут иметь лишь вспомогательное значение, поскольку целью сравнительно-исторической грамматики является по возможности цельная реконструкция системы языка-основы и ее последующей эволюции вплоть до реально зафиксированных систем в языках-потомках. Первой и единственной до настоящего времени попыткой такого рода явилась работа И. М. Дьяконова [1965], которая подвела итог всему предшествующему

щему периоду и открыла новый этап афразийских сравнительно-исторических исследований³.

Прежде чем продолжить обзор развития афразийского исторического языкознания, необходимо остановиться на существенных различиях в процедуре фонетической и фонологической реконструкции, с одной стороны, и грамматической — с другой. Первая процедура, как известно, представляет собой алгоритм, содержание которого сводится к установлению рядов регулярных соответствий и дополнительного распределения между этими рядами в зависимости от условий окружения. Таким образом, фонемный состав языка-основы представляет собой результат суммирования независимо друг от друга полученных протофонем, каждая из которых подтверждается особым рядом соответствий (с учетом возможного дополнительного распределения), т. е., хотя фонемы праязыка (как любого языка) образуют систему, пустые клетки в этой системе не могут служить основанием для реконструкций (они лишь указывают возможные направления дальнейших поисков). Что же касается морфологической системы, то, хотя процедура реконструкции отдельных морфем праязыка в принципе основывается на тех же фонетических соответствиях, методика реконструкции морфологической системы в целом, видимо, не может быть представлена в виде алгоритма. Во всяком случае, опыт исторического языкознания свидетельствует о том, что обычной процедурой здесь является формулирование некоторой гипотезы о грамматической системе праязыка на основе предварительного учета данных отдельных родственных языков, а затем попытка объяснения реальных грамматик языков-потомков исходя из этой гипотетической модели; следовательно, оказывается возможным построение более чем одной модели для праязыка с последующим выбором наиболее оптимальной.

Все эти принципы подробно разработаны и описаны в литературе, но при этом методика реконструкции разрабатывалась преимущественно на материале и.-е. языков, каковые в силу целого ряда причин дают исключительно богатые возможности для реконструкции грамматики. В случае языковых семей, образованных далеко разошедшимися языками и группами языков, не имеющих

---

³ В зарубежном языкознании преимущественной известностью пользуется английский вариант этой книги [Diakonoff 1965].

сколько-нибудь древних письменных памятников, возможности для морфологической реконструкции резко сокращаются, а при преобладании структур изолирующего типа они вообще минимальны. Кроме того, в подобных случаях важным методическим приемом оказывается ступенчатая реконструкция, т. е. последовательная реконструкция промежуточных праязыков для отдельных подгрупп и групп в пределах семьи с их последующим сравнением между собой с целью реконструкции общего праязыка. Но принципиальное отличие процедуры реконструкции грамматических систем от фонологических существенно затрудняет использование ступенчатой реконструкции применительно к грамматике.

Как известно, на разных этапах сравнительного изучения языков какой-либо семьи, важную роль часто играют какой-либо язык или группа языков, используемые в качестве эталона при реконструкции языка-основы (например, санскрит в период становления индоевропеистики). Среди афразийских языков с самого начала эту роль играли семитские языки. Хотя древнейшие памятники египетского языка на несколько столетий старше самых ранних семитских, совершенно очевидными были значительные изменения и перестройки в фонетике и грамматике египетского языка ко времени его письменной фиксации. Кроме того, существенной помехой является отсутствие обозначений для гласных в древнеегипетском письме.

Среди семитских языков роль эталона при реконструкции прасемитского состояния первоначально принадлежала арабскому языку. Значительные морфологические отличия аккадского языка (обладающего самыми древними письменными памятниками среди семитских языков) от арабского объяснялись его изолированным положением и субстратным воздействием. Затем постепенно, особенно вследствие обнаружения изоглосс, объединяющих аккадский язык и распространенный на противоположном краю семитского ареала классический эфиопский язык (геэз), грамматический строй аккадского языка стал рассматриваться как наиболее полно отражающий прасемитское состояние, в то время как языки центральных групп, в том числе арабский, были отнесены к зоне инноваций, особенно в области глагольной системы⁴. Однако в области фоне-

---

⁴ Подробное рассмотрение истории собственно семитологических сравнительных исследований выходит за рамки настоящей работы.

тики статус арабского языка как эталона при реконструкции общесемитского состояния остался непоколебимым. Многие фонологические противопоставления, утраченные в языках со значительно более древними памятниками, в том числе в аккадском (или по крайней мере в аккадской письменности), сохранились в арабском. Отсутствие в арабском языке сильного ударения свело к минимуму позиционные фонетические изменения в слове (ср. иную ситуацию, например, в древнееврейском языке). И хотя дешифровка угаритского и эпиграфического южноаравийского показала, что в этих языках количество фонологических противопоставлений не уступает арабскому, фонетическая интерпретация соответствующих письменностей базировалась на общесемитских этимологических сближениях и, следовательно, на традиционном арабском произношении.

Таким образом, использование семитских данных в качестве эталона при афразийских реконструкциях означало опору на аккадскую морфологию и арабскую фонетику (в том числе и структуру корня). Именно это состояние отражено в книге И. М. Дьяконова [1965].

Разумеется, когда речь идет об использовании того или иного языка как эталона при реконструкции, это отнюдь не означает, что реконструируемый праязык совпадает с одним из языков-потомков или с внутренней реконструкцией более раннего его состояния. Однако преимущественное использование данных одного языка при формулировке гипотезы о грамматическом строе праязыка, так же как при фонетической интерпретации реконструированных прафонем (каковые сами по себе являются лишь условными символами для обозначения фонологических противопоставлений в праязыке), означает, что при смене языка-эталона существенным образом меняются представления о праязыке и, следовательно, о направлении исторических изменений в языках-потомках, что, в частности, имело место при смене арабского языка аккадским в качестве эталона при грамматической реконструкции. Неизбежная произвольность реконструкции, полученной этим путем, в дальнейшем снимается с помощью сравнительного анализа (отсутствие этой возможности и обуславливает ограниченность метода внутренней реконструкции). К тому же сам выбор эталона (или его смена) определяется сравнительным анализом.

Точка зрения, согласно которой именно аккадский, а не

арабский с наибольшей полнотой отражает грамматический строй протосемитского, стала практически общепринятой в семитологии последних двух-трех десятилетий. Особое место здесь принадлежит исследованию И. Гельба [Gelb 1969], значительно продвинувшему представления об общесемитском и, следовательно, общеафразийском грамматическом строе. Гельб принимает аккадский язык в качестве эталона для реконструкции и использует процедуру, названную им методом «последовательной реконструкции» (sequential reconstruction), который он противопоставляет сравнительному методу. В основе методики Гельба лежит принцип, согласно которому для реконструкции семитской грамматической структуры необходимо учитывать не только форму и функцию морфем (как в традиционных семитских грамматиках), но и их позицию в строго заданной линейной последовательности. Исходя из этого принципа, Гельб строит жесткую формальную процедуру реконструкции, опираясь на некоторые принципы современного синхронного языкознания [подробно см.: Gelb 1969, 6—24].

В узком смысле метод Гельба представляет собой алгоритм для внутренней реконструкции, позволяющий от флективного языка с многочисленными нарушениями регулярности (староаккадский язык) в конечном итоге прийти к строго регулярному агглютинативному строю в реконструируемом протоязыке. Однако использование сравнительных данных по семитским языкам, а также староегипетскому (языку наиболее ранних древнеегипетских памятников) приводит к тому, что реконструкция Гельба вполне укладывается в рамки сравнительно-исторического исследования грамматики. На первый взгляд это противоречит собственному утверждению Гельба, противопоставившего метод «последовательной реконструкции» традиционному сравнительному анализу. На самом деле sequential reconstruction противопоставляется у Гельба не морфологической реконструкции на основе сравнительного метода (в том виде, как это было описано выше), а довольно часто встречающейся ее вульгаризации, представляющей собой эклектическое выведение неких обобщенных (или усредненных) форм из общей массы сравнительных данных и приписывание этим формам статуса протоморфем. Это ясно видно из примеров, приводимых Гельбом для иллюстрации неудовлетворительности результатов реконструкции с помощью сравнительного ме-

тода. Так, сравнение личных местоимений 3 л. ед. ч. муж. и жен. рода (аккадское *šu, ši*; еврейское и арамейское *hū, hī*; арабское *huwa, hiya* и т. д.) при подобном подходе приводит к реконструкции в протосемитском как *š-, так и *h-: в ранней грамматике [Zimmermann 1898] даются параллельно обе формы — *šū'a, hū'a* (муж. р.) и *ši'a, hī'a* (жен. р.), позднее они оказываются распределенными по родам — *hū'a* (муж. р.) и *ši'a* (жен. р.) [Brockelmann 1908]; *huwa* (муж. р.) и *hiya* (жен. р.) [Moscatti et al. 1964], т. е. оппозиция начальных š-/h- оказывается связанной с родовыми противопоставлениями⁵.

Возвращаясь к смене арабского языка аккадским как эталона при грамматических реконструкциях, необходимо еще раз подчеркнуть очень большую близость классических семитских языков между собой. К тому же в качестве эталона используется так называемый староаккадский язык, т. е. язык государства Аккад XXIV—XXII вв. до н. э. В дальнейшем аккадский язык претерпел очень сильные изменения, частично под влиянием шумерского субстрата (поздние формы вавилонского диалекта использовались в качестве письменного языка вплоть до рубежа новой эры, ассирийский диалект прекратил свое существование в середине I тыс. до н. э.). Напротив, арабский язык проявил удивительную устойчивость, так что современный письменный литературный язык арабов оказывается сохранившим черты протосемитского и протоафразийского в той же мере, что и северносемитские языки III—II тыс. до н. э.; в этом смысле он оказывается совершенно не сопоставимым ни с одним живым афразийским языком и лишь с очень немногими среди языков Древнего Мира.

Представления об афразийских архетипах в [Дьяконов, 1965], так же как и в [Дьяконов 1967], базируются на семитской фонологической системе (в традиционном арабском произношении), причем за пределами семитской ветви вопрос о регулярных фонетических соответствиях практически оставался открытым (лучше других обстояло дело с семитско-берберскими и семитско-египетскими соответствиями). Число надежных лексических сближений было

---

⁵ Согласно Гельбу, противопоставление муж. и жен. рода выражено оппозицией гласных u/i, т. е. различие начальных согласных в аккадском и остальных семитских языках не морфологическое (аккадское š, западносемитское h являются рефлексамии общесемитского *š, о чем см. ниже).

крайне невелико⁶. В области грамматики общая картина была значительно лучше. Сравнительный анализ наиболее архаичных семитских языков (с аккадским в качестве эталона), а также семитско-египетские сравнения позволяли построить надежные и подробные реконструкции, с одной стороны, и детально проследить направления эволюции грамматических систем в более поздние эпохи — с другой. Это плюс сравнительно многочисленные и надежные грамматические изоглоссы, охватывающие всю афразийскую семью, выдвинули морфологию на первое место в афразийских исследованиях.

Дальнейший прогресс в изучении афразийских языков, а также сравнительные исследования в рамках отдельных групп и ветвей привели к существенному изменению ситуации в афразийском языкознании. Причем важную роль в стимулировании работ в этой области сыграли именно книга И. М. Дьяконова и более ранняя работа Дж. Гринберга, показавшие возможность и необходимость строгих сравнительных исследований и реконструкций по образцу индоевропейских. Сравнительное изучение фонетики кушитских языков убедительно показало, что реконструируемая общекушитская фонологическая система оказывается во многом отличной от общесемитской и более богатой. Это привело к отказу от ориентации на семитскую фонологическую систему при афразийских реконструкциях. Предварительные результаты работы над сравнительно-историческим словарем афразийских языков, начавшейся несколько лет назад под руководством И. М. Дьяконова, указывают на то, что число реконструируемых общеафразийских корней должно составить около тысячи или более.

Ко времени написания настоящей статьи завершена работа над разделами словаря, включающими корни с начальными лабиальными согласными [см.: Белова, Дьяков и др. 1981], а также с начальными дентальными смычными согласными. Полученные в ходе работы над афразийским словарем данные привели к коренному пересмотру

---

⁶ Характерно, что во многих публикациях по проблемам афразийского исторического языкознания отсутствие регулярных фонетических соответствий и крайняя бедность общего лексического фонда трактовались не как следствие слабой разработанности материала, но как специфические черты афразийской языковой общности в отличие, например, от индоевропейской.

представлений о праафразийской фонологической системе ⁷.

В настоящей работе мы ограничимся лишь указанием на основные отличия от традиционных взглядов. Так, наиболее близкой к общеафразийской системе консонантизма оказалась не семитская, а кушитская система, что, по-видимому, является следствием очень раннего распада пракушитского на отдельные группы и, следовательно, хронологической близости афразийского и протокушитского языковых состояний. Наиболее ярко это видно на примере сибилантов и сибилантных аффрикат.

В традиционных реконструкциях прасемитской системы и базирующихся на них общеафразийских реконструкциях сибилантные аффрикаты вообще отсутствуют; данные, указывавшие на наличие аффрикат в северносемитских языках (древнеегипетские, древнеперсидские, хеттские, хурритские и другие транскрипции, традиционное чтение древнееврейского), интерпретировались как результат вторичного развития [Дьяконов 1967, 190, сн. 40]. Пракушитские реконструкции позволили с уверенностью восстановить сибилантные аффрикаты для общеафразийского, они сохранились также в чадских языках. Эти данные существенно изменили прасемитскую реконструкцию. Для прасемитского традиционно было принято восстанавливать *s (аккад. s, евр. s, араб. s), *š (аккад. š, евр. š, араб. s), *ś (аккад. š, евр. ś, араб. š), а также *z, *š, ḏ и серию интердентальных фрикативных *t, *d, *t [см., например: Moscati et al. 1964]. И. М. Дьяконов к этой системе добавил также *š, реконструируемый в местоимениях и в каузативном глагольном показателе на основании соответствий: аккад. š, северноцентр. семитск. h, араб. h, ?, возможно также s (в зависимости от позиции) [Дьяконов 1965, 24; 1967, 190—191]. Общеафразийская реконструкция позволила переинтерпретировать прасемитскую систему следующим образом:

*s → *c
*š → *s
*š → *š
*š → *c

⁷ Суммарное изложение предварительных результатов работы над словарем, включающее гипотетическую реконструкцию фонологической системы, а также структуры корня в общеафразийском см.: [Дьяконов, Порхомовский 1979].

Интердентальные фрикативные *t̥, *d̥, *t̥ оказываются отражением общеафразийских палатальных аффрикат *č, *č̣, *ẓ̌ [Дьяконов. Порхомовский 1979, 80—81].

Общеафразийские сравнения окончательно подтвердили латеральность семитских *ś, и *ḏ (также обозначаемого как *ḏ; *ṣ — у Дьяконова) — в традиционной семитологии обычно указывалось, что эти фонемы, возможно, были латеральными, но вопрос оставался открытым. Семитское *ḏ (*ḏ) восходит к общеафразийской латеральной «эмфатической» аффрикате *č̣ (в северносемитских она в основном отражается как ṣ, т. е. совпала с рефлексом общеафразийского *č, что, вероятно, указывает на глухость этой фонемы еще в прасемитском и ее дальнейшее озвончение только в южносемитских). Что касается семитского *ś, то оно, возможно, восходит к общеафразийской глухой латеральной аффрикате *č̣: Ю. А. Милитарев обнаружил соответствия, по-видимому свидетельствующие, что общеафразийское *č̣ отражалось в еврейском как ś и в южноаравийских языках как ṣ̌, а общеафразийское *ṣ̌ соответственно как s/ṣ̌ и ṣ̌.

Таким образом, на месте традиционной семитской триады глухой—звонкий—эмфатический в рассмотренных выше рядах на афразийском уровне реконструируются глухой фрикативный плюс три соответствующие аффрикаты (глухая, звонкая и эмфатическая). Не ясно, существовала ли в протоафразийском звонкая латеральная аффриката. В имеющихся к настоящему времени материалах афразийского сравнительно-исторического словаря представлен лишь один корень, где можно предположить наличие этой фонемы [Белова, Дьяконов и др. 1981]. Традиционная семитская система значительно проще (во всех засвидетельствованных семитских языках), однако при тщательном анализе оказывается возможным обнаружить внутрисемитские ряды соответствий, отражающие все (или почти все) афразийские прафонемы. Отметим также, что в свете общеафразийских реконструкций в данном случае более показательными часто оказываются данные не арабского, а северносемитских и южноаравийских языков (в этих последних, например в сокотрийском, сохранились латеральные ṣ̌ и ẓ̌, соответствующий арабскому ḏ (d) ⁸.

⁸ Раздел об общеафразийских фонетических реконструкциях носит предварительный характер, поскольку окончательные выводы возможны лишь после завершения работы над афразийским словарем

В лабиальном ряду для прасемитского традиционно восстанавливались лишь две фонемы: *b, *p (p в северносемитских, f в южносемитских). Очень условно предполагалось также существование прасемитского *p̄ на основании соответствия: северносемитск. p — южносемитск. b [Дьяконов 1967, 190; Милитарев 1976] (эффиосемитское p̄ вторично, возможно, под кушитским влиянием). Данные афразийского сравнительно-исторического словаря позволили уверенно реконструировать для общеафразийского четырехчленную оппозицию: *f—*p—*p̄—*b, причем в полном виде эта оппозиция сохранилась в чадских языках [Столбова 1977], в египетском противопоставлены f—p—b, в кушитских p—p̄—b (в берберском картина сильно усложнена вторичными комбинаторными изменениями; в чадских имеется звонкий импловзивный b̄ вторичного происхождения, а также особые ряды соответствий для сочетаний типа mb, bw и т. п.).

Аналогично сибилантным рядам в лабиальном также наряду с триадой смычных (в сибилантных рядах — аффрикат) глухой—звонкий—эмфатический представлен глухой фрикативный с тем отличием, что билабиальным смычным соответствует губно-зубной фрикативный. В результате традиционное для семитских языков троичное противопоставление согласных на общеафразийском уровне распространяется только на смычные и аффрикаты⁹, а вся система в целом оказывается более сложной. В описанных выше рядах — губном и трех сибилантных (простом, палатальном и латеральном) — представлены также глухие фрикативные. В дензальном ряду, по имеющимся данным, реконструируется традиционная триада: *t—*d—*ṭ. В принципе можно было бы предположить и наличие особого фрикативного *ṭ̄ (как уже говорилось выше, семитск. *ṭ̄ < афразийск. *ṭ̄), но пока отсутствуют какие-либо данные в пользу подобной гипотезы. Что же касается заднеязычных согласных, то там фрикативные оказываются сдвинутыми назад по сравнению со смычными, т. е. отсутствует фрикативный согласный для ряда k—g—k̄ (в семитских функцию *k̄ выполняет q).

Семитские языки по сравнению с другими афразий-

и, следовательно, после установления в полном объеме рядов регулярных фонетических соответствий.

⁹ Как уже говорилось выше, вопрос о наличии звонкой латеральной аффрикаты в общеафразийском пока остается открытым [ср. также: Дьяконов, Порхомовский 1979, 81].

скими языками имеют наиболее богатую систему фарингальных и ларингальных согласных, а также в более полном виде сохраняют противопоставление эмфатических — неэмфатических согласных. Для общеафразийского, так же как и для общесемитского, восстанавливаются глухие «эмфатики», в дальнейшем они очень часто озвончаются. Распространенность этого процесса во многих языках, видимо, связана с отсутствием фонологического противопоставления по глухости / звонкости среди эмфатических согласных. Фонетическая реализация признака «эмфатичности» у согласного может варьироваться между языками и даже в пределах одного языка (одной фонетической системы). Среди семитских языков для арабского характерна фарингализация, для эфиосемитских — глоттализация, но, поскольку глоттализация типична и для кушитских языков, в эфиосемитских она может быть вторичной. Поэтому в семитологии было распространено мнение о фарингализованной артикуляции эмфатических в общесемитском. Но уже в ранних классических работах предлагалось реконструировать прасемитские эмфатические как глоттализированные [см.: Brockelmann 1908, 124; Bergsträsser 1928, 5]. Сравнительные данные других афразийских языков убедительно свидетельствуют в пользу реконструкции глоттализированных «эмфатиков». Недавние полевые исследования Т. Джонстона привели к открытию глоттализированной артикуляции эмфатических в современных южноаравийских языках — мехри, шхаури и сокотрийском [Johnstone 1975]. Позднее было установлено, что в сокотрийском смычные эмфатические (t, k) характеризуются глоттализацией, а фрикативные (s, z) — фарингализацией, аналогичной арабской. Поскольку все эмфатические сибиллянты в семитских восходят к аффрикатам, можно представить механизм замены глоттализации фарингализацией следующим образом. Глоттализированный согласный — это двухфокусный смычный с одной смычкой в полости рта и с другой в области гортани. В ходе процесса спирализации сибиллянтных аффрикат эмфатические аффрикаты наряду с первой смычкой теряли и вторую, гортанную, заменявшуюся фарингализацией. Смычные эмфатические согласные оставались глоттализированными. Этот этап представлен сокотрийским языком. В арабском процесс пошел дальше, и вследствие выравнивания по аналогии все эмфатические согласные стали фарингализованными [Наумкин, Порхомовский 1978].

Приведенные материалы показывают, что на новом этапе исследований по сравнительно-исторической фонетике афразийских языков коренным образом изменились представления об общеафразийской фонологической системе, что в свою очередь привело к значительному пересмотру взглядов на историю фонетических изменений внутри семитских языков, ранее служивших основным эталоном для афразийских реконструкций.

В других областях афразийских исторических исследований, как и следовало ожидать, подобных радикальных изменений не произошло, т. е. семитские и в меньшей степени староегипетский сохранили свое значение как эталона для реконструкций. (Разумеется и в области фонетики древние семитские языки в целом сохранили больше общеафразийских фонологических оппозиций, чем отдельные, взятые изолированно новые языки других ветвей, в которых наряду с утратой древних черт формировались новые вторичные оппозиции — так, в некоторых центральночадских языках появились богатые системы двухфокусных согласных, лабиодентальных и лабиовелярных, возникших на месте стыков первоначально самостоятельных согласных фонем и т. п.)

В области структуры корня афразийские реконструкции, сделанные в ходе работы над сравнительно-историческим словарем, не дали фактов, противоречащих теории строения семитского корня, разработанной И. М. Дьяконовым [Diakonoff 1970], но лишь дополнили и подтвердили ее [см.: Дьяконов, Порхомовский 1979, 82—83].

Что касается сравнительно-исторических исследований грамматики, то ситуация остается в принципе такой же, что и в книге [Дьяконов 1965], т. е. общеафразийские реконструкции базируются прежде всего на данных сравнительного внутрисемитского анализа (с опорой на стародакский) и семитско-египетских сравнениях. Колоссальный хронологический разрыв между данными древнейших письменных памятников и современными языками, например кушитскими и чадскими, определяет важность той роли, которую играет метод обратной реконструкции при историческом изучении грамматики чадских и кушитских языков в рамках афразийских исторических штудий. В принципе обратная реконструкция, т. е. в данном случае опора на реконструированное общеафразийское состояние при общечадских (кушитских) реконструкциях, является столь же неотъемлемой частью сравни-

тельного метода, как и «прямая» реконструкция [см., например: Hockett 1958, 512—516]. Но в афразийских исследованиях обратная реконструкция неизбежно должна занимать гораздо более значительное место, чем, например, в индоевропеистике. Дело в том, что чадские и кушитские языки представляют собой многочисленные по составу группы очень далеко разошедшихся языков, и без опоры на данные афразийской реконструкции, полученной в результате семитско-египетских сравнений, здесь едва ли возможны сколько-нибудь надежные результаты. Это подтверждают работы Г. Юнграйтмайера и П. Ньюмена по реконструкции истории развития оппозиции перфектив—имперфектив в чадских языках¹⁰. Реконструированное Юнграйтмайером для чадских языков исходное апофоническое чередование с *a* в имперфектной основе (соответствующее аналогичному противопоставлению в аккадском, эфиопском, некоторых кушитских и берберских языках) выглядит гораздо более убедительным, чем основанная исключительно на внутричадских данных модель Ньюмена, объясняющая это чередование как результат серии последовательных позиционных изменений исходной формы имперфекта с суф. -*wa*.

Дальнейшие исследования в области афразийской сравнительной грамматики проводились в основном в рамках отдельных ветвей афразийской семьи. Следует особо выделить работы, посвященные анализу глагольных систем (префиксальное и суффиксальное спряжение, противопоставление перфектных и имперфектных основ и т. д.) [см., например, работы в области кушитского глагола: Cohen 1974; Andrejewsky 1975; Hetzron 1969]. Исследования в области афразийской глагольной системы, в частности, убедительно показали наличие общеафразийского апофонического *a* в основе имперфектива, тем самым подтвердив древность именно аккадской модели и соответствующей ей южнопериферийной семитской по сравнению с семитскими языками центральных групп. Интересно отметить, что несемитские данные, особенно чадские (в языках мигама, мокулу, муби, кулере отмечается геминация или редупликация последней согласной корня в имперфекте наряду с апофоническим *a* — см. раздел о чадских языках в на-

---

¹⁰ Подробно см. об этом в разделе «Чадские языки» в настоящей книге.

стоящей книге), а также, возможно, египетские [Vergote 1970, 544], позволяют отнести геминацию второго корневого согласного в аккадском имперфекте (i-parras) и соответствующей эфиопской форме (ye-nagger) к общеафразийскому состоянию. В семитологии этой геминации, как правило, не уделяли специального внимания: в аккадском она объяснялась акцентными условиями и возводилась к исходной форме с негеминированным согласным [Дьяконов 1965, 80], в геэзе положение осложнялось тем, что эфиопская письменность не отмечает геминацию (долготу) согласных, которая выявляется лишь на основе анализа традиционного чтения. Между тем это явление представляет несомненный интерес ввиду явного параллелизма в общеафразийских способах образования имперфектных глагольных основ от перфектных и форм мн. числа имени от единственного — в обоих случаях имеет место апофоническое *a* в производной основе плюс геминация (или редупликация) согласных.

В этой связи упомянем также оживленно дискутируемую проблему о первичности имени или глагола в афразийском [обзор полемики по этому поводу см.: Hodge 1976, 58—60].

Несколько слов о классификации афразийских языков. В настоящее время общий объем понятия «афразийские языки» установлен достаточно надежно. Особый случай представляет проблема генетической принадлежности языка ма'а (мбугу) [см. об этом: Порхомовский 1982]. Гораздо сложнее обстоит дело с внутренней классификацией. Эта классификация может быть надежно обоснована лишь с помощью реконструкции промежуточных праязыковых состояний разных уровней. Поэтому принятое в настоящее время деление афразийской семьи на ветви и далее на группы и подгруппы является условным в том смысле, что оно не претендует на отражение реальной последовательности дивергенции протоафразийской общности. Согласно работам Дж. Гринберга, принято деление афразийских языков на пять ветвей — семитскую, египетскую, берберскую, кушитскую, чадскую. В дальнейшем некоторые исследователи поставили под сомнение единство кушитской ветви, предложив выделить западнокушитские языки в отдельную омотскую ветвь, входящую в афразийскую семью на правах самостоятельной, шестой ветви [Fleming 1969; Bender 1975]. Но представляется бо-

лее вероятным, что омотские языки являются наиболее рано отделившейся группой кушитских языков.

В этой связи следует упомянуть проблему ранней локализации протоафразийской общности. Подобные вопросы с трудом поддаются сколько-нибудь убедительному решению (ср. дискуссии об и.-е. прародине). В случае афразийских языков в литературе предлагалась как азиатская — в Передней Азии, так и африканская локализация — в восточной части Сахары или, согласно другой гипотезе, далее на юго-востоке, в пограничных районах Судана и Эфиопии. В этом последнем варианте кушитские языки оказываются в зоне исконного афразийского ареала, что находит некоторое соответствие в наибольшей древности деления кушитской ветви по сравнению с остальными.

В заключение отметим, что в последнее десятилетие афразийское языкознание получило значительный импульс в своем развитии. Были проведены три международных конгресса: I — Париж, 1969 г.; II — Флоренция, 1974 г.; III — Лондон, 1978 г., а также большой международный коллоквиум — Лондон, 1970 г. (см. Литературу). В серии «*Monographic Journals of the Near East*» (Undena publications, Malibu, California) начал выходить журнал «*Afro-Asiatic Linguistics*».

С собственно сравнительно-историческими исследованиями афразийских языков тесно связаны и ареальные штудии. Особый интерес в этом плане представляют некоторые языковые группы, отнесенные Дж. Гринбергом к нило-сахарской семье языков. До сих пор наибольшее внимание уделялось кушитско-нилотским связям, особенно в контексте проблемы классификации так называемых нило-хамитских языков [см., например: Hohenberger 1975]¹¹. В настоящее время общепринятым является объединение этих языков (масаи, туркана и др.) в единую группу с остальными nilотскими языками. Однако исследования такого рода необходимо вести в более широком масштабе, так как не ясно, идет ли речь о сравнительно поздних контактах кушитских языков с nilотскими (а также чадских с сахарскими и т. п.) или же имели место и значительно более ранние контакты (и связи?) афразийских и нило-сахарских языков.

---

¹¹ Там же см. подробную библиографию и историю вопроса.

Серьезного внимания в этом плане заслуживают и нубийско-афразийские, особенно нубийско-кушитские и нубийско-омотские, связи. Как уже отмечалось, некоторые ранние исследователи (Л. Райниш, Ч. Армбрустер) придерживались мнения о родстве нубийских и афразийских языков. Эта линия исследования продолжена в настоящее время А. Ю. Милитаревым¹². Решение этой проблемы требует предварительной сравнительно-исторической разработки материала в рамках нило-сахарского языкового единства. Нило-сахарская семья языков, как известно, была впервые предложена Дж. Гринбергом в 1963 г. [Greenberg 1963] и до настоящего времени остается наиболее гипотетическим моментом в его классификации.

---

¹² См. доклад о нубийско-афразийских связях, прочитанный А. Ю. Милитаревым в Институте востоковедения (Москва) в феврале 1981 г.

ЧАДСКИЕ ЯЗЫКИ

К чадским языкам относятся более 150 генетически родственных языков и диалектных комплексов, распространенных в Центральном Судане, в районах, примыкающих к оз. Чад (откуда название этой языковой семьи) на территории Северной Нигерии, Северного Камеруна, Республики Чад. Крупнейший чадский язык — хауса распространен также в Нигере, Гане, Того и других странах Западной Африки. Чадские языки в качестве самостоятельной ветви входят в обширную афразийскую (семито-хамитскую) семью языков, включающую также семитскую, египетскую, берберскую и кушитскую¹ ветви. Это положение чадских языков делает невозможным их изолированное изучение в сравнительно-историческом плане без учета материалов других афразийских ветвей и всей семьи в целом.

Что касается собственно чадских языков, то в истории становления этой дисциплины можно выделить два основных аспекта²: 1) доказательство принадлежности чадских языков к афразийской семье и 2) определение их состава. Как уже говорилось, крупнейшим среди чадских языков является хауса. Именно хауса оказался раньше других чадских языков в поле зрения европейских исследователей. Изучению этого языка уделялось основное внимание, поэтому неудивительно, что вопрос о принадлежности чадских языков к афразийской семье на ранних этапах практически сводился к вопросу о включении хауса в число «хамитских» языков.

---

¹ Некоторые исследователи в последнее время ставят под сомнение единство кушитской ветви. Так, было предложено выделить западнокушитские языки в отдельную, омотскую ветвь, входящую в афразийскую семью на правах самостоятельной, шестой ветви (см. раздел об афразийских языках в настоящей книге).

² Предположение о хамитской языковой семье было тесно связано с историко-культурными и этногенетическими теориями (см. работы К. Мейнхофа, У. Фитцджеральда, К. Зелигмана и др.). Научная несостоятельность хамитской теории в этнографии и истории культуры была убедительно показана Д. А. Ольдерогге [см.: Ольдерогге 1949; 1960, 33—36; см. также: Greenberg 1963, 49—51].

Определенные черты сходства языка хауса с семитскими, древнеегипетским и берберскими были замечены практически при первом знакомстве с этим языком, и уже в 1863 г. К. Лепсиус включил хауса в число хамитских языков, объединив его вместе с берберским (тамашек) в особую ливийскую подгруппу. Тремя годами позже Ф. Мюллер включил в число хамитских языков наряду с хауса и мусгум — один из наиболее рано описанных чадских языков [Greenberg 1963, 45]. Постепенно число языков, сближаемых с хауса, увеличивалось (подробно о ранней истории изучения чадских языков см.: [Осницкая 1972]). Наибольший вклад в этом направлении принадлежит И. Лукасу, в целой серии работ [см.: Lukas 1936; 1937; 1938 и др.] показавшему наличие большой группы языков, названной им чадо-хамитскими языками, для которых предполагалась связь с «хамитскими» языками. Лукас в работе 1936 г. выделил две группы языков: чадо-хамитскую (включавшую среди прочих языки хауса, мусгум (музгу), муби, котоко и др.) и чадскую. Только для чадо-хамитских языков признавалась связь с «хамитскими», хотя одновременно отмечалось сходство чадских языков с центральными чадо-хамитскими языками (котоко, беде, маса). Кроме того, указывалось на определенное сходство с хауса языка ангас, однако языки группы ангас (ангас, сура, анкве и др., а также связываемые с ними языки группы рон) были помещены среди неклассифицированных языков (см. написанные Лукасом соответствующие разделы IX. Chado-Hamitic; X. Chadic в [Westermann, Bryan 1952]).

Эта непоследовательность классификации Лукаса была вызвана тем, что он вслед за Майнхофом придавал первостепенное значение одному, чисто типологическому критерию — наличию или отсутствию грамматического рода. Сторонники «широкой» трактовки хамитского единства считали наличие категорий грамматического рода главным признаком, указывающим на принадлежность языка к хамитской семье (наряду с некоторыми другими нерелевантными для генетической классификации критериями вплоть до антропологического типа их носителей). Однако в семито-хамитских штудиях хауса оставался единственным представителем чадских языков практически вплоть до второй половины XX в., что отрицательно сказывалось на результатах этих работ. Дело в том, что чадские языки (судя по современным данным) занимают несколько

обособленное положение в афразийской семье, и использование только одного языка хауса без привлечения данных других чадских языков лишь еще больше затемняло картину. Одной из причин этого могло служить изолированное географическое положение чадских языков в гетерогенном языковом окружении. О вероятности сильного субстратного воздействия на чадские языки свидетельствует даже факт антропологической принадлежности современных носителей чадских языков к тому же негроидному типу, что и окружающие их суданские народы. Поэтому М. Коэн в работе 1924 г. [Meillet, Cohen 1924] не включает хауса в число семито-хамитских языков, хотя и отмечает некоторые черты сходства в грамматической структуре хауса с семито-хамитскими языками. В своем известном сравнительном словаре семито-хамитских языков [Cohen 1947] Коэн также воздерживается от включения чадских языков в число семито-хамитских, но приводит хаусанские параллели к устанавливаемым им соответствиям и отмечает бесспорное сходство хауса с семито-хамитскими языками. Как уже отмечалось, окончательное разрешение проблема генетической принадлежности чадских языков получила в работах Дж. Гринберга, доказавшего, что чадские языки (включая чадо-хамитские, чадские и некоторые неклассифицированные языки по Лукасу) составляют самостоятельную, пятую ветвь афразийской семьи.

В связи с отказом от понятия «хамитские» языки Гринберг заменил термин Лукаса «чадо-хамитские языки» на ставший теперь общепринятым «чадские»; ср. сходную ситуацию с нило-хамитскими языками: Гринберг ввел термин «нилотские языки» (=нилотские + нило-хамитские в прежнем понимании), но уже в рамках шаринильской ветви нило-сахарской семьи. В литературе иногда можно также встретить термины «языки группы хауса» и «хаусакотоко». Котоко — арабское обозначение племен, говорящих на близкородственных языках и диалектах (логоне, будума, гульфей и др.).

Строго говоря, приводимые Гринбергом доказательства — семь грамматических критериев и сравнительные лексические материалы — имеют целью показать родство чадских языков (в понимании Гринберга) с остальными афразийскими языками. Специальной аргументации, направленной на доказательство того, что все языки, включенные Гринбергом в число чадских, действительно

составляют одну ветвь афразийской семьи, в его работе нет, что в принципе позволяет рассматривать чадские языки лишь как афразийские языки, распространенные в Западном и Центральном Судане [ср.: Hodge 1970; Terry 1971]. Однако подразумевавшееся Гринбергом единство чадских языков в генетическом плане было убедительно показано впоследствии в работах по внутричадской классификации и реконструкции (см. ниже).

Таким образом, работы Гринберга по классификации африканских языков завершили первый, предварительный этап истории чадского языкознания и одновременно послужили началом для второго этапа, основным содержанием которого стали работы по внутричадской классификации и реконструкции, а также исследования чадских языков в плане общеафразийских сравнений.

Что касается внутричадской классификации, то здесь ситуация такова. Гринберг разделил все известные ему чадские языки на десять групп, весьма неравноценных по количественному составу и внутренней структуре [Greenberg 1963, 46]³. Совершенно очевидными были и различия в степени внутренней близости языков, образующих разные группы, поэтому сам автор отмечал предварительный характер этого деления. Следующим важным шагом явилась работа П. Ньюмена и Р. Ма [Newman, Ma 1966], в которой авторы предприняли первую попытку реконструкции общечадской фонологической системы и основных фонетических процессов, а также реконструировали около 150 общечадских корней. На этой основе Ньюмен и Ма предложили новую классификацию чадских языков, выделив в них две большие ветви: плато-сахельскую (включавшую группы 1 и 9, по Гринбергу) и биу-мандарскую (3-ю и 6-ю группы, по Гринбергу). Языки, входящие в остальные пять групп, по Гринбергу, были оставлены неклассифицированными (отметим, что в группы 1, 3 и 9 Гринберг включил подавляющее большинство известных ему чадских языков).

Впоследствии эта идея бинарной классификации была развита К. Хофманом, распространившим на все чадские

---

³ Интенсивные полевые исследования, ведущиеся в последние два десятилетия, привели не только к значительному увеличению объема сведений о чадских языках, но и к открытию многих ранее совершенно неизвестных чадских языков, причем этот процесс продолжается и в настоящее время, поэтому список чадских языков следует считать открытым.

языки деление на две большие ветви путем включения оставшихся неклассифицированными языков в биу-мандарскую ветвь [Hoffman 1971]. Одновременно Хофман значительно расширил и уточнил общий перечень чадских языков, а также их распределение по группам внутри больших ветвей⁴. Однако приведенный Ньюменом и Ма материал убедительно показывал единство только биу-мандарской ветви. Что же касается плато-сахельских языков, то их объединяло лишь то, что они не входили в число биу-мандарских [ср.: Порхомовский 1975]. Поэтому более правильным было деление чадских языков на три основные ветви, принятое в отечественной африканистике при работе над сравнительным историческим словарем афразийских языков, а именно: западную, восточную и центральную (соответствующие западной и восточной подветвям плато-сахельской ветви и биу-мандарской ветви у Хофмана).

Тот же принцип деления на три основные ветви положен в основу двух новейших классификаций чадских языков, почти одновременно предложенных П. Ньюменом [Newman 1977₁] и Г. Юнграйтмайером совместно с К. Симидзу [Jungraithmayr, Shimizu 1978]. Обе классификации строятся на базе общечадских фонетических и лексических реконструкций. Сопоставление всех трех полных классификаций чадских языков — Хофмана, Ньюмена и Юнграйтмайера—Симидзу дает хорошее представление об успехах и спорных моментах в этой области. Наибольшие совпадения наблюдаются на самом верхнем и самом нижнем этажах всех трех классификаций⁵. Западная, центральная и восточная ветви у Ньюмена

⁴ Отметим, что классификации Ньюмена и Ма, а также Хофмана можно рассматривать как известное продолжение высказанных Лукасом замечаний о сходстве языков его чадской группы с центральными чадо-хамитскими языками (см. выше), поскольку именно эти языки в основном составили биу-мандарскую ветвь.

⁵ Используемой нами терминологии «ветвь—подветвь—группа» соответствует branch—subbranch—group (Хофман, Ньюмен), sub-family—branch—group (Юнграйтмайер—Симидзу). Термин major group (Ньюмен) переводится как «макрогруппа». Данная терминология предполагает трактовку чадского единства как семьи (family) и афразийского как большой семьи или надсемьи (phylum), однако мы условно применяем термин «семья» в обоих случаях, т. е. чадские языки рассматриваются как ветвь афразийской семьи, но при внутрочадском анализе — как семья, в свою очередь делящаяся на ветви (об относительности этих терминов см., например: [Сепир 1934, 120]).

и Юнграйтмайера—Симидзу, западная и восточная подветви плато-сахельской ветви и биу-мандарская ветвь у Хофмана полностью совпадают по включаемым в них языкам — единственное отличие состоит в том, что у Ньюмена группа маса с языками маса, зиме, мусей и др. рассматривается как временно неклассифицируемая и условно выделена в отдельную, четвертую ветвь, а у Хофмана и Юнграйтмайера—Симидзу языки группы маса включены в центральную (биу-мандарскую) ветвь. Наиболее мелкой номенклатурной единицей во всех трех классификациях являются группы (с делением некоторых из них на подгруппы): Хофман выделяет 26 групп, Ньюмен — 25, Юнграйтмайер—Симидзу — 27. Распределение языков по группам и подгруппам совпадает практически во всех трех классификациях. Имеющиеся отличия между классификацией Хофмана, с одной стороны, и классификациями Юнграйтмайера—Симидзу и Ньюмена — с другой, касаются восточной ветви и вызваны большим прогрессом в области изучения восточночадских языков за время после опубликования работы Хофмана, поэтому здесь следует учитывать только классификации Юнграйтмайера—Симидзу и Ньюмена. Различия в количестве групп вызваны тем, что у первых статус отдельных групп имеют подгруппы Ньюмена (в двух случаях) и Хофмана (в одном). Таким образом, классификацию чадских языков на ветви и группы (подгруппы) можно считать вполне надежной. Единственным серьезным расхождением между классификациями Ньюмена и Юнграйтмайера—Симидзу на уровне групп является объединение Ньюменом самостоятельных, по Юнграйтмайеру—Симидзу, групп лааманг и мандара в одну группу в качестве двух ее подгрупп, поскольку у последних группы лааманг и мандара входят в разные подветви центральной ветви чадских языков. Значительно сложнее обстоит дело со средним уровнем. У Хофмана этот уровень вообще отсутствует, Юнграйтмайер—Симидзу и Ньюмен вводят деление на подветви, в некоторых случаях Ньюмен вводит еще один уровень между подветвью и группой — макрогруппы [см. об этом также: Порхомовский 1982].

Началом исследований в области чадской исторической фонетики, видимо, явилась работа А. Клингенхена, посвященная историческим изменениям согласных в конце слога в языке хауса [Klingenheben 1928], в литературе эти изменения обычно именуется законом Клин-

генхебена. Собственно сравнительно-исторические исследования, имеющие целью установление регулярных фонетических соответствий и реконструкцию фонологических систем, неразрывно связаны с работами по этимологическому и сравнительному изучению лексики чадских языков, поэтому их удобнее рассматривать вместе. Среди этих работ можно выделить исследования по реконструкции отдельных фрагментов общечадской фонетической системы, а также по реконструкции фонетики и лексики отдельных групп и ветвей чадских языков. Прежде всего следует отметить работы Дж. Гринберга [Greenberg 1958; 1965], В. М. Иллича-Свитыча [1966] по реконструкции лабиальных согласных, а также П. Ньюмена [Newman 1977₂] по реконструкции латеральных сибиллянтов. Реконструкция консонантной системы и лексики языков группы котото была предпринята в работе В. Я. Порхомовского [1973], сравнительный анализ лексики и реконструкции корней группы сев. баучи Н. Скиннером [Skinner 1977], сравнительный анализ лексики и фонетики группы юж. баучи К. Симидзу [Shimizu 1978]. Фонетика и лексика западночадских языков (группы хауса-гвандара, ангас, боле-тангле) были реконструированы О. В. Столбовой [1977], в работе которой впервые устанавливаются также регулярные соответствия празападночадских фонем семитским, египетским и кушитским фонемам. Упомянем также исследования по исторической фонетике отдельных языков — хауса и дера [Newman 1970] и тангале [Jungraithmayr 1971]. Сравнительно-сопоставительный лексический материал имеется также по языкам: рон [Jungraithmayr 1970], лааманг [Wolff 1971], мофугудуф [Barreteau 1977] и др. [см.: Newman 1971].

Попытки реконструкции общечадского корневого фонда содержатся в уже упоминавшихся работах [Newman, Ma 1966; Newman 1977₁; Jungraithmayr, Shimizu 1978], в которых, однако, не приводятся регулярные фонетические соответствия, анализ в них не выходит за рамки внутречадских сравнений. Работа Ньюмена [Newman 1977₁] является значительно дополненной и переработанной версией [Newman, Ma 1966] и содержит описание основных фонетических процессов в истории отдельных групп и ветвей чадских языков. Однако отсутствие таблиц фонетических соответствий и лексических рефлексов (даются лишь выборочные иллюстрации по немногим и к тому же различным для разных корней языкам) су-

щественно затрудняет использование предлагаемых Ньюменом реконструкций. Работа Г. Юнграйтмайера и К. Сидзу является предварительной публикацией, содержащей лишь реконструкции корней с указанием языков, где эти корни представлены, т. е. фактически это лишь индекс к подготавливаемому к печати основному изданию, представляющему собой анализ наиболее полного свода имеющихся чадских лексических материалов — словарной картотеки чадских языков Департамента африканских исследований Марбургского университета (Marburg Chadic Word Catalogue). Что касается использования чадских данных для общеафразийских исследований, то здесь следует отметить сравнительные лексические материалы (без попыток реконструкции) в работах Коэна и Гринберга [Cohen 1947; Greenberg 1963], а также дополнения к ним [см.: Gouffe 1969/70; Hodge 1968; Müller 1975].

В настоящее время в Институтах востоковедения и языкознания АН СССР ведется работа над сравнительным историческим словарем афразийских языков, имеющая целью реконструкцию общеафразийского корневого фонда [см. об этом: Дьяконов, Порхомовский 1979]. Анализ опубликованных работ по сравнительной фонетике и лексике чадских языков, а также опыт работы над афразийским словарем убедительно свидетельствуют в пользу привлечения данных внешнего сравнения с другими афразийскими языками для интерпретации результатов внутричадской реконструкции. Так, например, в работе О. В. Столбовой показано наличие трех рядов соответствий для звонких смычных (губного и дентального) в анлауте (наряду с глухим и импловивным) в языках групп ангас и боле-тангле. Сравнение с семитским материалом позволило установить соответствие этих рядов семитскому звонкому смычному, а также сочетаниям: а) смычный + ларингал, б) ларингал + смычный (в чадских эти ларингальные фонемы полностью утрачены). Совершенно очевидной является невозможность какого-либо объяснения этих рядов соответствий с помощью только внутричадского сравнения.

Предварительные результаты работы над сравнительным историческим словарем афразийских языков показывают, что в некоторых случаях чадские языки оказываются более архаичными с фонетической точки зрения, чем древние семитские языки и даже реконструируемое

общесемитское состояние, например, в том, что касается сохранения сибилантных фонем, дезаффрикатизировавшихся в семитских языках (в наиболее полном объеме сибиланты и аффрикаты сохранились в купитских языках). Чадская ветвь оказалась единственной, сохранившей в полном объеме общеафразийскую систему лабиальных согласных [подробно об этом см.: Дьяконов, Порхомовский 1979]. Чадский материал предоставляет интересные данные для типологического анализа родственных систем. Так, чадские языки характеризуются наличием типичного для афразийских языков троичного противопоставления согласных: глухих — звонких — «эмфатических». В рядах чадских лабиальных и дентальных смычных это противопоставление реализуется как глухой — звонкий — звонкий инъективный (импловивный). Однако этот последний, как правило, не отражает общеафразийский «эмфатический», а является результатом вторичного развития — в основном компенсаторной глоттализации вследствие утраты ларингальных фонем и некоторых других процессов. Отметим также, что звонкие импловивные согласные часто встречаются в соседних с чадскими языками языках Центрального Судана. Для общеафразийского, видимо, следует реконструировать глухой глоттализированный «эмфатик» (типа кавказских абруптивов).

Если в области фонетики и лексики чадские сравнительно-исторические исследования ведутся преимущественно на основе внутричадских сравнений с привлечением данных внешнего сравнения на последних этапах, то в области исторической морфологии ситуация совершенно иная. Здесь преобладает подход к чадскому материалу с общеафразийских позиций, что вызвано существенной перестройкой грамматической системы в чадских языках (утрата внешней флексии, развитие вторичных аналитических конструкций и т. д.), а также исключительным типологическим разнообразием отдельных чадских языков. Примером подобного использования метода «обратной» реконструкции может служить серия работ Г. Юнграйтмайера по реконструкции чадской глагольной системы [см.: Jungraithmayr 1968; 1975_{1, 2}; 1977_{1, 2, 3, 4}; 1978].

В этих работах Юнграйтмайер убедительно показал, что все многообразие чадских спрягаемых глагольных форм сводится к исходной фундаментальной оппозиции перфектив — имперфектив (точнее было бы назвать эти аспекты констатив (пунктив) — курсив или недлительный

(вид) — длительный (вид), но Юнграйтмайер предпочел использовать термины, принятые в семитологии и афразийском языкознании, по причине бесспорного отражения в чадских языках общеафразийского противопоставления). Перфектив, по Юнграйтмайеру, является простым (нерасширенным) немаркированным аспектом, противопоставленным расширенному маркированному имперфективу. К этим двум основным аспектам могут быть сведены все глагольные формы, представленные в разных чадских языках. Непосредственным отражением перфектива являются формы, обычно именуемые в описаниях различных языков аорист (например, в марги), *subjunctive (jussive)* (в хауса), *Grundaspekt* (в болева). Уже из этих названий видно отсутствие специального значения перфективности у этого аспекта, т. е. его немаркированный характер по отношению к имперфективу. Специальные перфектные формы, как правило, образуются от соответствующих аористных форм, например, с помощью показателя -à в языке ангас, -go/-ko в языках группы болектангле, tì — в языке боккос (группа рон) и т. д. [Jungraithmaur 1975₂, 402]. Поэтому наблюдаемое на синхронном уровне троичное противопоставление основных аспектов: юссив (аорист)—перфектив—имперфектив сводится к бинарному: перфектив—имперфектив. Можно предположить, что исходная немаркированная форма перфектива приобрела значение юссива (т. е. стала служить для выражения различного рода модальностей) после образования вторичных маркированных перфектных форм. Это, в частности, подтверждается тем, что в таких наиболее хорошо описанных чадских языках, как хауса (западночадская ветвь) и марги (центральночадская ветвь), формы аориста—юссива удобно рассматривать как «пустые» в семантическом отношении, приобретающие разнообразные значения в зависимости от синтаксических условий и контекста.

Что касается способов выражения этого основного противопоставления, то Юнграйтмайер выделил несколько типов разной древности. Наиболее архаичным является способ образования имперфектива с помощью апофонического *a* в глагольной основе. Этот способ сохранился на противоположных краях чадского ареала: на западе — в языках группы рон (даффо, боккос, ша, кулере) и на востоке — в языках мокулу, мигама, муби, сокоро, сомрай, кабалай.

В языке мигама [Jungraihtmaуг 1975₁] выделяется пять основных типов образования имперфектной основы от перфектной:

Перфектив	Имперфектив	
1. lee- (< *liy-)	leewa	'делать'
2. 'aare	'aḡaa	'пить'
biḡe	beḡaa	'давать'
3. kalpe	kalappa	'подниматься'
'apile	'apalla	'мыть'
4. tine	tenekka	'зарывать'
gubbe	gobokka	'прятаться'
5. baame	bakamma	'держат'

В приведенных примерах для простоты опущены обозначения тонов. При образовании имперфектива и отглагольного имени все глаголы мигама делятся на два тоновых класса: **высокий** и **низкий**, например:

	Перфектив	Имперфектив	Отглагольное имя
низкий класс	ḡèldé	ḡèlèddá	ḡèddò 'учиться'
	'àmilé	'àmàllá	'àmilò 'идти'
высокий класс	téè-(ró)	téewá	tíyáw 'есть'
	máàté	mátáa	máatò 'умирать'

В языке мокулу [Jungraihtmaуг 1977₃] имеются также пять основных моделей образования имперфектива (но уже иных по сравнению с мигама):

Перфектив	Имперфектив	
1. ḡilsè	kálsiyá	'смешивать'
2. dílḡá	dáldú	'лизать'
3. zíbḡè	zèbbiyó	'насыпать'
4. rúútè	róótiyó	'говорить'
5. 'i'irá	'ò'iré	'мыть'

Таким образом, в языках мигама и мокулу для перфектной основы в корне и суффиксе характерны гласные высокого подъема *i*, *u*, для имперфектной — гласные низкого подъема *a*, *o*.

В языках рон [Jungraihtmaуг 1968] противопоставление перфектных/имперфектных основ выглядит следующим образом (приводятся формы 1 л. ед. ч.; для перфек-

тива — формы аориста, для имперфектива — презенса-хабитуалиса):

Язык	Перфектив	Имперфектив	
боккос	í cu	í cwáá(y)	‘есть, кушать’
	í fu’	í fwáà’	‘дуть’
	í lêf	í lyáàf	‘резать’
	í musàs	í músáàs	‘смеяться’
даффо- бутура	í cu	í cwaáy	‘есть’
	í fû	í fwáà’	‘дуть’
	í lêf	í lyáàf	‘резать’
	í lifit	í lifyaát	‘вставать’
кулере	nì ci	nì cááy	‘есть’
	nì fud	nì fwaàd	‘дуть’
	nì syel	nì syááy	‘слышать’
	nì bisiky	nì bísyáák	‘стрелять’
ша	nì ci	nì cáyây	‘есть’
	nì fuḍ	nì fwaḍaḍ	‘дуть’
	nì gáh	nì gáháh	‘резать’
	nì gilif	nì gilifyáf	‘просить’
фьер	í/yí lèf	yaá léf	‘резать’

Из этих примеров видно, что во всех языках рон, кроме фьер, имперфективная основа образуется путем инфиксации *a* перед последней согласной корня (с ее редупликацией в кулере). В языке фьер глагольная основа не меняется, аблаут перенесен на предглагольный местоименный показатель. Это явно вторичное развитие, причиной которого, видимо, послужило изолированное положение фьер в окружении языков группы ангас, для которых характерно образование глагольных видо-временных форм с помощью изменения или расширения субъектных местоименных показателей без изменений глагольной основы (где возможны лишь тональные чередования).

Аналогичное противопоставление перфектных — имперфектных основ имеется в языках муби и сокоро [Jun-graithmaur 1977₁]:

	Перфектив	Имперфектив	
муби	’éwit	’úwáát	‘кусать’
	féric	firáác	‘to urinate’

	gèmís	gùmáás	‘смеяться’
	gòlúc	gùlóóc	‘жевать’
	bǎr	bìráà	‘давать’
	rót	rúḍḍà	‘входить’
	róp	rúffà	‘встречать’
	bě̀r	bĩrrà	‘летать’
сокоро	kòné	kóḍnà	‘наклоняться’
	błke	báákà	‘жарить’
	téḍè	tááḍà	‘залезать’
	’éne	’áánà	‘ловить’

Приведенные выше данные можно обобщить на примере противопоставления перфектной—имперфектной основ глаголов со значением ‘пить’, ‘умирать’.

	‘пить’		‘умирать’	
Язык	Перфектив	Имперфектив	Перфектив	Имперфектив
даффо	shoh	shwaáh	mot	mwaát
муби	sì	súwáà	mǎt	mùwáát
кабалай	sì	súwáà	mǎ	mùwá
сомрай	shł	shàa	mar	mara
сокоро	sé	sá	míté	míltá

Все эти данные позволяют сделать вывод о том, что наблюдаемое в некоторых чадских языках противопоставление основ перфектива—имперфектива с помощью апофонического *a* в последней является отражением общеафриканийского архетипа. Большинство чадских языков утратило апофоническое чередование гласных в глагольной основе, заменив его тональными противопоставлениями [Jungraithmayr 1977₁]:

	‘пить’	‘есть’	‘умирать’
фьер	sho/shó	’et/’ét	mot/mót
музгу	sà/sá	sèmà/sémá	..mèra/.!. mèra
маса	ci’é/ci’è	ti’é/ti’è	midá/midà
марба	ceé/cé	teé/té	mìdà/mídà
тумак	hě/hè		má/ma
хауса	sháá/sháà	cí/cì	mútù/mútúwàà

На возможный путь такой замены указывает язык фьер, близкородственный остальным языкам рон, но

утративший апофоническое чередование в основе под воздействием окружающих языков и заменивший его тональным противопоставлением. Но в языке фьер, в отличие от остальных приведенных выше и других, принадлежащих к этому типу, апофоническое *a* имперфектива сохранилось в местоименном префиксе. Заключительным шагом в этой эволюции явилась полная утрата противопоставлений имперфектной и перфектной основ — восходящие к ним глагольные формы стали различаться только местоименными префиксами и вторичными аналитическими показателями ⁶.

В результате Юнграйтмайер приходит к следующей реконструкции этого процесса [Jungraithmayr 1977₂]:
1 этап. Апофоническое чередование в корне:

даффо	mot	mwaat	‘умирать’
муби	mat	muwaat	»

2 этап. Апофоническое чередование в суффиксе глагольной основы:

болева	moti	mota	»
биргит	maati	maata	»

3 этап. Тональные противопоставления основ:

фьер	mot	mót	»
зиме	mat	mát	»

4 этап. Отсутствие противопоставлений в основах:

сура	sù	sù	‘прыгать’
------	----	----	-----------

В языке хауса имперфектный аспект представлен формой SUNA (и ее относительным вариантом — формой SUKE), в которой глагол выступает в виде отглаголь-

⁶ Высказывавшееся Юнграйтмайером предположение, что показатель формы презенса *a* в языке марги, который ставится между личным местоимением и глагольной основой, может восходить к апофоническому *a* (т. е. древнему инфиксу), представляется весьма маловероятным. Скорее этот показатель отражает общечадский вспомогательный глагол ‘быть’ *Ha, который, видимо, представлен также в хауса, например в местоименных префиксальных показателях ед. числа перфекта (форма SUN). Вспомогательный глагол *Ha реконструируется и для кушитских языков, где суффиксальные показатели спряжения возводятся к этому глаголу + личные местоименные префиксы [см., например: D. Cohen 1974, 40].

ного имени с соответствующими изменениями в синтаксическом управлении объектом. Отглагольное имя может совпадать по форме с соответствующим глаголом или отличаться от него.

В этой связи следует упомянуть гипотезу П. Ньюмена [Newman 1977₄], который отрицает наличие апофонического *a* в чадских имперфектных основах и пытается объяснить описанные выше явления путем постулирования исходного суффикса имперфектива *-(w)a. Перегласовки гласных корня в языках рон и восточночадских Ньюмен объясняет с помощью ряда последовательных позиционных фонетических изменений, вызванных присоединением этого суффикса. По нашему мнению, схема Юнграйтмайера дает более простое объяснение наблюдаемым в чадских языках фактам. Кроме того, гипотеза Ньюмена противоречит данным внешнего сравнения с другими афразийскими языками.

Противопоставление немаркированного перфектива маркированному имперфективу, как уже говорилось выше, должно было привести к появлению каких-то морфологических средств для подчеркивания именно завершенности действия, следствием чего явилась новая троичная оппозиция — немаркированная простая форма: маркированные расширенные формы имперфектива и перфектива. Немаркированная форма в этих новых условиях приобрела функции юссива (и — с некоторыми изменениями — императива). Эти три основных аспекта реализуются в чадских языках в виде системы глагольных форм, количество и круг значений которых могут существенно варьироваться в разных языках.

Реконструируемая Г. Юнграйтмайером оппозиция перфектив—имперфектив как исходная для чадской глагольной системы соответствует наиболее архаической в этом отношении оппозиции -*grus*/-*ragas* в аккадском, а также аналогичным явлениям в южнопериферийных семитских языках, в некоторых кушитских и берберских.

Чадский материал показывает наличие именных признаков у имперфектных глагольных основ на разных этапах развития оппозиции перфектив—имперфектив, вплоть до таких позднейших ее проявлений, как в языке хауса (ср. предположения о первоначально именной основе имперфектива в аккадском [Дьяконов 1967, 239]). Об аналогичности морфологических средств, используемых в чадских языках для образования маркированных ка-

тегорий, т. е. мн. числа имени от единственного и имперфектной глагольной основы — от перфектной [см.: Wolf 1977, ср. также: Frajzzyngier 1977]. Использование апофонического *a* в основе для образования мн. числа имен в афразийском (в том числе в чадском) показал еще Дж. Гринберг [см.: Greenberg 1955₂].

В настоящее время исследования по чадской сравнительно-исторической грамматике развиваются очень быстрыми темпами (см., например, списки новых публикаций, перечни докладов на конференциях и симпозиумах и темы текущих исследований в ежегодных выпусках «Chadic Newsletter»⁷). Отметим, в частности, работы в области исторического изучения чадского глагола [Schuh 1977₁; Newman 1977₃; Newman, Schuh 1974; Schuh 1976], местоименных и дейктических показателей [Schuh 1977₂].

Как уже говорилось, само многообразие и многочисленность чадских языков, а также их внешние генетические связи делают естественным и даже необходимым применение историко-типологического анализа наряду со сравнительно-историческим: примеры из области фонологии или глагольной системы показывают сохранение в чадских языках некоторых фундаментальных афразийских категорий и оппозиций даже при полной перестройке формальных средств для их выражения, что делает чадские языки интересным объектом для такой дисциплины, как типология родственных языков.

Следует отметить, что другим важным как с теоретической точки зрения, так и по возможным практическим результатам направлением является историческое изучение чадских языков в ареальном аспекте. Важность этого подхода определяется тем, что он может дать ценные критерии для относительной хронологии, а также является важным источником для изучения исторических миграций, контактов и т. д. африканских народов — отсутствие исторических письменных памятников и слабое развитие археологии делают африканское историческое языкознание важнейшим источником по истории, культуре и этнографии Африки. Среди работ этого направления можно отметить исследование чадско-бенуэ-

⁷ «Chadic Newsletter» издается Рабочей группой по чадским языкам (Chadic Working Group) при Западноафриканском лингвистическом обществе (редактор — директор Департамента африканских исследований Марбургского университета проф. Г. Юнграйтмайер).

конголезских контактов [Hoffmann 1970], чадско-берберских [Gouffé 1974] и др. Изучение чадско-сахарских контактов [Порхомовский 1976; 1981] показало, что наряду с большим количеством поздних культурных заимствований из канури (языка могущественного средневекового государства Канем-Борну) в соседние чадские языки существует ряд общих для этих языков слов, имеющих афразийские этимологии, что исключает возможность их заимствования из канури в чадские, как обычно было принято трактовать [см., например: Newman, Ma 1966], и заставляет предполагать в древности иные контактные ситуации. О том же свидетельствуют лексико-статистические данные Л. Бендера [Bender 1975]. Для полного анализа этой и подобных проблем необходима предварительная работа по реконструкции не только чадских и афразийских языков, но и соседних с ними языковых семей и групп, и прежде всего нило-сахарских языков. Разумеется, в данном случае речь не идет о поздних культурных заимствованиях в основном в хауса, а также часто через его посредство в другие чадские языки из арабского, фула, канури, английского и французского.

В заключение еще раз подчеркнем, что чадское историческое языкознание развивается в настоящее время исключительно быстрыми темпами. Постоянное расширение и углубление полевых исследований чадских языков дает все больше исходных данных для компаративистских штудий. В какой-то мере этот прогресс чадского языкознания является отражением общего прогресса африканской лингвистики за последние два десятилетия. Но несомненно и то, что сильнейшим стимулом для исследований в этой области явилось установление внешнего родства чадских языков и включение чадского сравнительного языкознания в рамки афразийских исследований.

ЯЗЫКИ БАНТУ

Как и все младописьменные языки, языки банту не имеют сложившихся традиций сравнительно-исторического исследования, хотя они ранее других языков Африки стали объектом изучения. Уже в первых десятилетиях прошлого века появился ряд значительных работ, посвященных описанию отдельных языков банту, главным образом юго-восточных и южных [см., например: Bouse 1834; Grayant 1849; Schreuder 1850].

В последующие годы количество работ, посвященных этим языкам, значительно увеличивается, охватывая и другие бантуязычные районы. Однако внимание исследователей привлекают языки, как правило насчитывающие большое количество говорящих на них или территориально широко распространенные, в то время как огромное число языков банту в силу тех или иных причин остается вне исследования. Такая неравномерность в описании языков банту сохраняется до сих пор. Тем не менее уровень изученности языков банту, как бы он ни был недостаточен, позволил ученым во второй половине прошлого века перейти от конкретных описаний отдельных языков к обобщающим сравнительным и сопоставительным работам¹.

Визуально определяемая близость грамматического строя этих языков, главным образом на уровне морфологии, а также их многочисленность и большая протяженность занимаемых ими территорий обусловили рассмотрение языков банту как отдельной языковой семьи, что отнюдь не проистекает из их генетического соотношения с другими языками Африки. Впервые это положение было высказано в 1862 г. исследователем В. Бlikleм [Bleek 1862]. Ему же принадлежит и термин «банту» (ba-ntu вместо бытовавшего до тех пор термина «ба-языки»), получивший впоследствии широкое распространение и за пределами языкознания — в этнографии и истории (народы банту). Основным критерием определения языков банту как семьи родственных языков явилось для Блика нали-

---

¹ Подробные библиографические списки исследований по языкам банту см. в работах К. М. Дока [Doke 1945; 1954].

чие во всех рассматриваемых им языках систем именных классов (тождественных родам, по определению Блика), маркеры которых, префиксы, обнаруживали определенное фонетическое единство [Bleek 1869].

Проблемы сопоставительных, сравнительных, а позднее и попыток сравнительно-исторических исследований в бантуистике непосредственно связаны прежде всего с построением внутренней классификации этих языков, а также с установлением их родства с другими языками Африки. Именно поэтому уже в работе Блика имеется первичная классификация на материале 24 южных и центральных языков банту, а также попытка сопоставления морфологии этих языков и других языков Африки [Bleek 1862, 2, 4—10]. Последнее, однако, касается только лишь «назывного» сопоставления некоторых характерных особенностей морфологии языков банту с таковыми отдельных языков Западной Африки (болом, тимне, фула, волоф, га).

Те же проблемы рассматриваются и в других сравнительных исследованиях языков банту конца прошлого — начала настоящего веков. Так, например, двухтомная работа Г. Джонстона [Johnston 1919; 1922], представляющая собой списки именных и глагольных корней, местоимений, морфем различного типа более чем 270 языков банту и 24 языков полубанту (*semi-bantu* в терминологии Джонстона), снабжена классификацией этих языков и содержит попытки установления родства языков банту и полубанту [Johnston 1922, 2—13]. К сожалению, ценность собранного языкового материала значительно снижается из-за отсутствия анализа фонетической структуры приводимых языков. Если же учесть низкий уровень фонетического описания конкретных языков, который существовал в то время в бантуистике, адекватность сравниваемых языковых реалий становится труднодоказуемой.

Большинство сравнительных и сопоставительных исследований, как правило, посвящается или сопоставительному анализу языков банту различных групп на всех уровнях языка [см., например: Torrend 1891; Werner 1925; Doke 1954; Tucker, Bryan 1957], или сравнительной характеристике определенных грамматических категорий [см., например: White 1947; Westphal 1958; Růžicka 1959], или построению внутренней классификации языков банту [см., например: Bryan 1959; Doke 1945; Guthrie 1948; 1953]. Реже можно найти работы по сравнительной фо-

нетике и фонологии [например: Homburger 1913; Tucker 1929; Doke 1931; Топорова 1975]. Хотя большинство упомянутых работ ставит перед собой задачи прежде всего синхронного описания языковых систем, они, несомненно, содержат богатейший языковой материал для последующих сравнительно-исторических исследований. Особенно это касается работ, издаваемых крупными африканистическими центрами Англии, Южной Африки, Америки, в которых содержится скрупулезно собранный и обработанный фонетический материал. В тех же целях могут быть использованы многочисленные исследования конкретных языков банту, содержащие лингвистически корректные описания всех уровней языка, особенно фонетики и фонологии.

Первой попыткой сравнительно-исторического исследования в бантуистике явились работы немецкого ученого К. Мейнхофа [Meinhof 1906; 1910; 1932; 1948], которому принадлежит и целый ряд работ по конкретным языкам банту [например: Meinhof 1928₁, 2].

В результате применения метода внутренних реконструкций Мейнхоф реконструирует гипотетический прототип банту, в его терминологии — Ur-Vantu. Создание гипотетического реконструкта Ur-Vantu проводится на уровне фонетики, фонологии и морфологии.

Постулируемая Мейнхофом фонетическая структура протобанту в части вокализма содержит три первичных гласных: а, і, у, а также два составных: е и о. Так называемые составные гласные являются, по мнению Мейнхофа, результатом взаимодействия первичных гласных, а именно: $a + u > o$; $a + i > e$. Установление открытых и закрытых вариантов фонем e, o, i, u дает основание Мейнхофу предложить для протобанту следующую вокалическую структуру:

	а			
	е		о	
	і	і	у	у

Система консонантизма протобанту, реконструируемая Мейнхофом, содержит следующие согласные:

1) первичные пловивные k, t, p; палатализованные пловивные k, t, p;

2) первичные фрикативные γ, l, v; палатализованные фрикативные γ, l;

3) назальные $\dot{n}$, $\dot{m}$, $\dot{p}$.

Система полугласных протобанту представлена полугласными: y , w .

Возникновение назальных «комплексов» в протобанту связывается Мейнхофом с фонетическими изменениями в процессе слогосложения. Исходная структура слога постулируется как состоящая из согласного, за которым следует гласный (CV). На стыке слогов первый слог может терять свой гласный, что приводит к контактированию согласного первого слога с согласным второго. Такое явление в протобанту может иметь место только при условии, если предшествующий слог будет состоять из носового согласного и следующего за ним гласного ($C_nVCV > > C_nCV$). В этом случае возможны фонетические изменения последующего согласного. Так, например, в случаях сочетания назальных с последующими первичными пловивными пловивные не меняются: $nk < n + k$; $nt < n + t$; $mp < m + p$. Однако в случаях соположения носового и следующего за ним первичного ффрикативного согласного последний всегда переходит в пловивный. Таким образом, в протобанту возникают назальные «комплексы»: $\dot{n}g < n + g$; $\dot{n}d < n + l$; $\dot{m}b < n + v$.

Другого типа фонетические изменения, которые постулируются для протобанту, — это изменения согласных под влиянием последующих гласных; закрытые гласные, особенно $\dot{i}$, играют значительную роль в этих процессах. Общее правило протобантуских фонетических изменений формулируется следующим образом: глухие согласные при изменении сохраняют признак глухости, звонкие — признак звонкости.

Кроме того, Мейнхоф отмечает фонетические феномены, которые обнаруживаются во многих языках или группах языков, но не являются столь широко распространенными, чтобы их можно было определить как рефлекс протобанту в современных языках. К таким фонетическим явлениям Мейнхоф относит: 1) палатализацию согласных под влиянием гласного $\dot{i}$; 2) ассимиляцию согласного l в слоге, следующем за слогом с носовым согласным (например: $-tunina < tunila$ 'грабить' в языке конго, $-tumina < -tumila$ 'посылать' в языке куаньяма); 3) закон Даля (описанный Эдмундом Далем), действующий в восточных языках банту, т. е. процесс прогрессивной диссимиляции согласных; 4) так называемый закон ганда, действующий в восточных и северо-вос-

точных языках банту и заключающийся в том, что если два следующих друг за другом слога начинаются с сочетания назального и пловивного, то пловивный первого слога выпадает, например: $emambo < embambo$ 'деревянные гвозди' в языке ганда; 5) закон диссимиляции куаньяма, обратный закону ганда: выпадение палатального согласного в последующем слоге в случае соположения слогов, консонантные элементы которых равны носовому плюс палатальный, например: $ondoda < ondongda$ 'шаг' в языке куаньяма. Этот закон действует в юго-западных языках банту.

Констатация таких зональных фонетических закономерностей могла бы послужить в принципе для реконструкции протоязыков различных уровней, что, однако, не имеет места в работах Мейнхофа, хотя он и предполагает более позднее возникновение данных фонетических зональных закономерностей.

Просодика протобанту не является предметом специального исследования в работах Мейнхофа. Мельком лишь отмечаются связанность силового ударения и наличие тонов («музыкальной интонации» — термин Мейнхофа). Однако об этом упоминается лишь в связи с характеристикой современных языков банту, и не делается попыток реконструкции данных явлений просодического уровня, что объясняется слабой изученностью в первую очередь тональных систем.

Более подробно проблема тонов в протобанту освещена в работе Дж. Гринберга [Greenberg 1948]. Для протобанту им констатируется двутональная система — различные комбинации высокого и низкого тонов: высокий—низкий, высокий—высокий, низкий—высокий, низкий—низкий. Эта система рефлектируется в некоторые современные языки следующим образом. В языках лингала, локеле, лонкунде, локунда, лотсва и лингомба такая система комбинаций высокого и низкого тонов сохраняется. В языках дуала, чунде, баса и бакоко тональная система расширяется за счет возникновения двух скользящих тонов: повышающегося и понижающегося. Эти тоны появляются в результате редукции слогов, маркированных разными тонами протобанту, в следующей последовательности: повышающийся от сочетания низкого—высокого тонов, понижающийся от сочетания высокого—низкого тонов.

Реконструкция морфологии протобанту производится

Мейнхофом тем же методом внутренних реконструкций, причем основное внимание обращается на: 1) префиксы именных классов; 2) именные суффиксы; 3) глагольные префиксы; 4) глагольные суффиксы; 5) именные, глагольные, местоименные корни.

Описание реконструируемых именных префиксов (префиксов именных классов) производится прежде всего на уровне фонетической структуры — состава фонем и слоговой структуры², а затем на уровне содержания, т. е. указывается, какие понятийные группы входят в именные классы, маркированные тем или иным префиксом (см. таблицу).

Анализ рефлексов протобантуских префиксов именных классов в современных языках банту проводится на материале более чем 40 языков: венда, ганда, гереро, дуала, зулу, каранга, кимбунду, конде, сото, суахили и др.

Аналогичным образом производится рассмотрение протобантуских морфем, именных и глагольных, различных позиционных типов. Привлекаются к рассмотрению морфемы согласования других разрядов слов — адъективов, местоимений, числительных. При этом разграничиваются морфемы, участвующие в системе согласования, которые оформляют разряды слов, зависимых в синтагме от имен существительных, иными словами, синтаксически релевантные морфемы, от чисто словообразовательных, по позиции в слове суффиксальных именных и глагольных морфем.

Следует отметить, однако, что при всей скрупулезности описания остаются без внимания, во-первых, вопросы определения элементов слова, т. е. процедура разграничения морфем любого позиционного типа, как в протобанту, так и при рассмотрении рефлексов элементов протобанту в современных языках. Вот почему в вокабулярии не дифференцируются корни и основы. Во-вто-

---

² Следует отметить, что если в работе, изданной в 1906 г., Мейнхоф постулирует двуслоговую структуру префикса, равную (VCV), то в работах, изданных в 1932 и 1948 гг., за исходную слоговую структуру именных префиксов в протобанту принимается моносиллабическая, равная (CV). Кроме того, в работе 1948 г. увеличивается количество именных префиксов: для протобанту постулируется существование не 21 именного префикса (а следовательно, именного класса), как это указывалось в более ранних работах, а 23 префиксов.

Класс	Префикс	Значение
I	mu	Номинация людей
II	ya	Мн. ч. I кл.
III	mû	Номинация растений, изделий из них, частей человеческого тела
IV	mi	Мн. ч. III кл.
V	li	Номинация плодов, круглых по форме предметов
VI	ma	Мн. ч. V кл., номинация собирательности, абстрактных понятий
VII	ki	Номинация вещей
VIII	yi	Мн. ч. VII кл.
IX	ni	Номинация животных, предметов домашнего обихода
X	li-ni	Мн. ч. IX и XI кл.
XI	lu	Один из множества, номинация длинных по форме предметов, абстрактных понятий
XII	tu	Мн. ч. XIII диминутивного класса
XIII	ka	Номинация диминутивных и пейоративных объектов
XIV	yu	Абстрактные и отглагольные имена существительные
XV	ku	Инфинитивы
XVI	pa	Локативные имена близости и местонахождения «на», «над», «около»
XVII	ku	Локативные имена направленности действия
XVIII	mu	Локативные имена внутреннего местонахождения
XIX	ri	Диминутивный класс
XX	yu	Пейоративный класс
XXI	yi	Аугментативный класс
XXII	ya	Мн. ч. XX кл.
XXIII	yi	Инфинитивный класс

рых, приводя подробные списки согласовательных морфем, Мейнхоф не останавливается на трансформационных приемах, действующих в протобанту, которые реализуются в согласовательных моделях при построении синтагм. Реконструируя протобантуские корни, Мейнхоф отмечает следующие фонетические характеристики: 1) первичные корни имеют моносиллабическую структуру, дисиллабические корни являются результатом более позднего развития. Однослоговые корни типа -li 'быть', -pa 'давать', -va 'существовать', -ti 'говорить' и т. п. рефлексивируются без изменения в современные языки; 2) все моносиллабические корни начальным звуком имеют кон-

сонант; 3) дисиллабические корни могут иметь структуру, равную CVCV или VCV, при том, что модель CVCV является более характерной для протобанту; 4) в корнях протобанту могут быть только первичные гласные а, і, u. В вокабулярий включаются также адъективные корни протобанту с рефлексиями в современные языки. Местоименные корни (корни абсолютных, притяжательных и некоторых других местоимений) не включаются в вокабулярий, а задаются списком. Следует отметить, что под термином «местоимение» Мейнхоф понимает не только собственно местоимения, но и субъектные и объектные глагольные согласователи, которые по существу являются предкорневыми морфемами глаголов.

Синтаксис подвергается анализу не как синтаксическая структура протобанту, а как синтаксическая структура, состоящая из моделей, свойственных рассматриваемым современным языкам банту [Meinhof 1948, 145—195].

Обсуждая вопросы создания внутренней генетической классификации языков банту, Мейнхоф отмечает трудность разработки таковой по следующим объективным причинам: во-первых, бесписьменный характер этих языков; во-вторых, неравномерность и сравнительная недостаточность их изученности. Кроме того, препятствием для построения такой классификации служит невозможность достаточно четкого выделения и разграничения протоязыковых изоглосс, возникающих в близкородственных и тесно контактирующих языках благодаря взаимопроникновению и взаимовлиянию, иными словами, невозможность выявления достаточно четкой генетической и ареальной их общности. Мейнхоф справедливо замечает, что в настоящее время классификация может быть построена с привлечением географического критерия как основного. Следует отметить, что именно в это время К. М. Доком была создана внутренняя классификация языков банту, в основу которой были положены именно эти признаки [Doke 1945].

Проблема генезиса языков банту также привлекает внимание Мейнхофа, однако при решении этой проблемы он оперирует не только чисто лингвистическими данными, но и использует в гораздо большей мере экстралингвистические данные — этнографические, культурологические и антропологические. В результате все народы Центральной Африки, ныне говорящие на языках банту, происходят, по Мейнхофу, от смешения протонигритов

и протохамитов [Meinhof 1939]. Такой подход, естественно, не мог быть принят африканистами, и так называемая хамитская теория Мейнхофа подверглась острой критике, однако, с экстралингвистических позиций [Ольдерогге 1949].

При лингвистическом анализе генезиса языков банту Мейнхоф привлекает не столько сравнительно-исторические, сколько типологические характеристики. В связи с этим агглютинативные языки банту рассматриваются Мейнхофом как результат слияния изолирующих прото-нигритских языков и флективных протохамитских.

Следующим этапом сравнительно-исторических исследований языков банту является публикация фундаментальных работ М. Гасри [Guthrie 1967; 1970; 1971]. По сути дела, именно появление этих исследований можно считать началом собственно сравнительно-исторического изучения языков банту. Гасри ставит перед собой следующие цели: реконструкцию протоязыка и построение генетической классификации языков банту.

При решении первой проблемы Гасри использует четко сформулированную и строгую сравнительно-историческую методику внутренних реконструкций. Считая недостаточно эффективным метод поиска от гипотетических реконструктов к рефлексам в современных языках, он избирает противоположный метод — от исследования компаративных серий к реконструкции этапов протоязыка. Основному корпусу исследования предпосылается номенклатура фонем, как гласных, так и согласных, а также описывается процедура вычленения морфем различных типов и корней, которые затем исследуются, будучи организованными в так называемые компаративные серии.

Согласно выбранному методу системы гласных и согласных (протоязыковые и результаты их рефлексий в современные языки) обследуются не в отрыве от структуры слога. В рамках же силлабической структуры исследуются и фонетические закономерности. Выявляется следующая вокалическая система протоязыка (в символах Гасри): *a, *e, *ɛ, *i, *Q, *ɔ, *U. Консонантная система представлена четырьмя группами: 1) *p, *t, *k; 2) *b, *d, *g; 3) *c, *j, *y; 4) *m, *n, *ny, *ŋ. Структура слога протобанту манифестируется как равная *CV. Система тонов характеризуется как комбинаторика двух исходных тонов — высокого и низкого.

Техника организации языкового материала позволяет проанализировать словарные единицы и грамматические элементы более чем 300 языков банту. Выделяются следующие основные морфологические единицы:

1. **Согласовательный префикс** — элемент префиксной позиции, который служит целям грамматического согласования.

2. **Класс**. Каждый тип согласования детерминруется классом. Число классов варьируется от языка к языку. Но в реальных языках наличествует не менее 10 и не более 18 классов.

3. **Зависимый префикс** — префикс, маркирующий то или иное звено согласовательной системы.

4. **Независимый префикс** — элемент согласовательной системы, фонетически немотивированный порождающим префиксом.

5. **Независимый номинал**: имя существительное, субстантив.

6. **Зависимый номинал**: адъектив, числительное, указательное местоимение.

7. **Основа**. В традиционных терминах равна корню имени существительного.

8. **Увеличитель** — элемент, не равный согласовательному префиксу, который стоит перед основой или радикалом.

9. **Вербал**. В традиционной терминологии — глагол.

10. **Радикал**. В традиционной терминологии — глагольный корень, иными словами — общий элемент глагольной парадигмы.

11. **Продленный радикал** — радикал, расширенный каким-либо суффиксом или суффиксами (без окончания).

12. **Временной знак, суффикс** — элементы пре- и постпозитивные по отношению к радикалу. Временной знак — препозитивный элемент, помещающийся перед радикалом; суффикс — постпозитивный элемент, следующий непосредственно за радикалом.

13. **База** — радикал, за которым следует суффикс или последовательность суффиксов.

Уже само перечисление морфемных единиц свидетельствует о максимально возможном учете всех анализируемых элементов или комплексов элементов. Это тем более необходимо в процессе кодировки программ, вводимых в ЭВМ, что в свою очередь позволяет обработать значительный объем морфологического материала.

Так называемые компаративные серии (КС) строятся при учете фонетической структуры анализируемой единицы и ее значения. Последнее является определяющим критерием при построении КС. Так как установление значения представляет определенную трудность (поскольку оно передается иноязычным эквивалентом), оно устанавливается методом субституции.

КС состоят из протобантуского радикала или основы под знаком*, имеющего (имеющей) единое значение его (ее) рефлексов в современных языках, например:

CS. 2182.	*-у̣̀та	или	*пу̣̀та́	9	
	CL 9				
B. 11 а	пу̣̀та	E. 11	enụ̀та	L. 33	пу̣̀та
D. 54	пу̣̀та	F. 22	пу̣̀та	M. 31	пу̣̀та
D. 62	inụ̀та	Y. 42d	пу̣̀та	P. 21	пу̣̀та,

где CS — порядковый номер КС; CL 9 — номер класса (при анализе имени существительного);^а B. 11а — классификационное место языка, в котором имеется данный рефлекс, а именно язык мпонгве; D. 54 — язык бемба; D. 62 — рунди (Бурунди); E. 11 — ньоро, F. 22. — ньямвези; Y. 42d — унгуджа; L. 33 — луба-катанга; M. 31 — конде; P. 21 — яо.

Каталог КС представлен 2183 КС радикалов и основ; 15 КС продленных радикалов; 25 КС согласовательных префиксов; 56 КС вербальных элементов. Анализ столь обширного материала позволил Гасри реконструировать протобанту на двух уровнях — глубинном и более позднем (периодизация дается в терминах Гасри, где РВ — протобанту):

- а) эра 1: первичный РВ-Х;
- б) эра 2: первичный РВ-Х, с РВ-А, который отпочковывается на запад;
- в) эра 3: РВ-Х, который теперь корректнее обозначать как РВ-Х₂, от РВ-А на западе отпочковывается РВ-В на восток;

- г) эра 4: РВ-А и РВ-В с быстро исчезающим РВ-Х₂;
д) преддверие образования современного банту: РВ-А,
с отпочковавшимися РВ-А_(п) — на север,
РВ-В_(w) — на запад и РВ-В_(e) на восток.

Классификация современных языков банту, представляемая в настоящем исследовании, содержит 15 зон, объединяющих 80 языковых групп (см. приложение № 1). При построении этой классификации, несмотря на обилие сравнительно-исторического материала, вводимого в обиход, Гасри вынужден использовать и ареальные параметры, например при характеристике зоны Д. Тем не менее предлагаемая Гасри классификация представляется наиболее надежной генетической внутренней классификацией языков банту из всех имеющихся в настоящее время³.

М. Гасри не ставит вопрос о генезисе языков банту и о месте их среди других языков Африки. Последняя проблема наиболее адекватно, во всяком случае для настоящего времени, решается в работе Дж. Гринберга [Greenberg 1966], который относит языки банту к нигеро-конголезской (или конго-конголезской) семье, к группе бантоидных языков, где языки банту составляют подгруппу. Данная подгруппа, по Гринбергу, включает в себя не только языки, традиционно называемые семьей языков банту, но и те языки, которые принято было объединять в группу бантоидных или полубанту и рассматривать как «промежуточную» между самостоятельными семьями — банту и западносуданскими [Greenberg 1955]. Указывая, что вычленение языков банту в самостоятельную семью при традиционном подходе опиралось главным образом на экстралингвистические данные (многочисленность языков, число говорящих, занимаемые территории), Гринберг отмечает, что при чисто лингвистическом, сравнительно-историческом подходе проблема классификации языков банту не представляет большой трудности. Поскольку Гринберг отнес к под-

---

³ Рассматриваемой классификации предшествовала внутренняя генетическая классификация языков банту того же автора, изданная в 1948 г. В отличие от рассматриваемой классификации классификация 1948 г. содержит 16 зон, а именно зона S обсуждаемой классификации подразделялась на зоны S и T, которые в дальнейшем были объединены.

группе банту целый ряд языков, которые в бантуистике не включались в число языков банту, было предложено различать банту в широком смысле (Wide Bantu) в соответствии с подходом Гринберга и банту в узком смысле (Narrow Bantu) в соответствии с традиционным подходом в бантуистике. Вопрос о внутренних генетических связях между языками банту Гринберг не рассматривает.

Несмотря на серьезную теоретическую обоснованность и фундаментальность работы Гасри по сравнительно-историческому исследованию, а также классификации «внутренних» языков банту, компаративистам-бантуистам предстоит большой объем работы в этих областях; по существу отсутствуют лингвистически достаточно надежные и подробные работы, если не считать работу Г. Джонстона, серьезность которой не выдержала проверки временем. Кроме того, для уточнения классификации внутренних языков банту необходима проверка некоторых сравнительных серий изоглосс, выдвигаемых Гасри, с целью замены ареальных признаков признаками генетическими. Сама по себе эта работа является чрезвычайно трудоемкой и скрупулезной и требует детального изучения большого количества младописьменных и бесписьменных языков банту.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗОНА А

Языки банту зоны А включают девять групп, на которых говорят в Камеруне, в пограничных с ним р-нах Экваториальной Гвинеи, в Габоне, Республике Конго и Центральноафриканской Республике. Зона объединяет 46 языков, численность говорящих — свыше 1,5 млн. чел. Данная зона включает следующие группы: лундубалонг, дуала, бубе-бенга, баса, биафа, санага, яунде-фанг, маконджем, кака. Наиболее представительным в этой зоне является язык дуала (25 тыс. чел.), который выполняет функции языка межэтнического общения в Камеруне.

ЗОНА В

Восемь групп этой зоны: мйене, келе, тсого, ширапуну, нджави, мбете, теке, тенде-янзи — распространены на территории трех государств: в южных районах Габона, на территории Республики Конго,

в северных районах Республики Заир. Число носителей каждого из 33 языков этой зоны не превышает 50 тыс. чел. По лингвистическим характеристикам языки этой зоны определяются как промежуточные между зонами А и С.

ЗОНА С

Несомненная гомогенность языков этой зоны с легкостью позволяет выделить их среди других языков банту. Общность корнеслова в этих языках достигает 40%, в то время как сравнение корнеслова любого из языков зоны С с языками соседних зон обнаруживает не более 15% общности. Языки зоны С распространены в Республике Заир, Республике Конго и Центральноафриканской Республике. 44 языка этой зоны объединяются в восемь групп: ингунди, мбоши, мбанги-нтумба, нгомбе, соко-келе, монго-нкунду, тетела, куба. Число говорящих на языках этой зоны — свыше 2,5 млн. чел.

ЗОНА D

Объединение языков в эту зону продиктовано скорее географическим фактором, чем генетическим родством. В нее входят шесть языковых групп: мболе-эна, лега-каленга, бира-хуку, конджо, бемба-кабвари, руанда-рунди. Зона охватывает восточные районы Заира, территории Руанды и Бурунди, западные районы Уганды и северо-западные районы Танзании. Общая численность говорящих на языках этой зоны — свыше 5 млн. чел. Наиболее многочисленными по числу носителей являются язык рунди (Бурунди) — около 2 млн. чел. и руанда (Руанда) — 2,3 млн. чел.

ЗОНА E

Основное число языков зоны E сосредоточено в Уганде и на ее границах с Кенией и Танзанией. Генетическая близость этих языков очевидна, особенно в отношении корней: близкие корни составляют более 40%. 38 языков, на которых говорит примерно 7 млн. чел., объединены в следующие семь групп: нйоро-ганда, хайа-джита, масаба-лухья, роголи-кураи, кикуйю-камба, чагга, ньика-таита. Наиболее представительными языками являются луганда — около 1 млн. чел. говорящих и кикуйю — 1 млн.

ЗОНА F

К югу от основного массива языков зоны E, в центральных районах Танзании, распространены языки зоны F. Они представлены тремя группами, объединяющими 11 языков: тонгве, сукума-нямвези, иламба-иранги. Общая численность говорящих на этих язы-

ках приближается к 2 млн. чел., наиболее многочисленными по числу говорящих на них являются языки сукума (около 1 млн. чел.) и ньямвези (более 300 тыс. чел.). Лингвистические характеристики этих языков сравнительно единообразны и достаточно контрастны по отношению к языкам соседних зон.

ЗОНА G

Языки данной зоны, объединенные в шесть групп, занимают южно-центральную и прибрежную часть Танзании, о-ва Занзибар, Пемба, прибрежные районы Кении, Коморские острова. Лингвистические характеристики этих языковых групп неодинаковы. Так, например, значительно отличаются от остальных групп суахили с диалектами и бена-кинга. Суахили, в прошлом лингва франка, является одним из крупнейших надэтнических языков Африки. На нем говорят более 40 млн. чел. Кроме групп суахили и бена-кинга зона включает также группы: того, шамбала, зигула-зарамо и поголо. Общая численность говорящих на языках этой зоны (исключая суахили) — 1,66 млн. чел.

ЗОНА H

Зона H включает четыре группы: конго, кимбунду, яка, мбала. Лингвистические черты, особенно в части грамматических характеристик, языков этой зоны близки языкам зоны B, однако общность корнеслова между языками зоны H достаточно ярко проявляется и отличает их от языков банту других зон. Языки этой зоны распространены на юге Республики Конго, в юго-западных районах Заира и в северных районах Анголы. Наиболее престижными языками этой зоны является язык киконго (1,5 млн. чел.) — один из основных языков Заира.

ЗОНА K

Большинство языков этой зоны концентрируется в юго-восточных районах Анголы и северо-западной и западной провинциях Замбии. Некоторые языки этой зоны на севере занимают небольшую территорию Заира, а на юге — пограничные с Замбией территории Ботсваны. 18 языков зоны K составляют четыре группы: чоквелучази, лози, луяна, субия. Общая численность говорящих на этих языках — около 930 тыс. чел.

ЗОНА L

18 языков данной зоны распределяются на следующие шесть групп: пенде, сонге, каонде, луба, лунда, икоя. По численности говорящих самым значительным является язык луба-лулуа (группа луба) — 3,5 млн. чел. Численность говорящих на остальных языках данной зоны равна примерно 530 тыс. чел. Эти языки распространены в южных районах Заира (группа луба), а также в пограничных районах Анголы и Ботсваны. Есть основания полагать, что языки зоны представляют собой наиболее типичные языки банту.

ЗОНА M

24 языка, на которых говорит население Танзании, Замбии, Малави и Заира, объединяются в шесть языковых групп: фипа-мамбве, ньика-сапфва, конде, бемба, биса-ламба, лендже-тонга. Общее число говорящих составляет около 1 млн. чел. По лингвистическим характеристикам все языки данной зоны генетически гомогенны.

ЗОНА N

Зона N охватывает всю территорию государства Малави, центральные районы Мозамбика и юго-восточные районы Танзании. 13 языков организованы в четыре группы: манда, тумбуку, ньанджа, сенга-сена. Общее число говорящих — свыше 2 млн. чел. Язык ньанджа (1 млн. чел.) является основным языком Малави.

ЗОНА P

Основная масса языков зоны P концентрируется в северо-восточных районах Мозамбика, юго-восточной части Танзании и пограничных с Мозамбиком районах Малави. Общее число говорящих приближается к 2 млн. чел. 14 языков объединяются в три группы: матумби, яо, макуа. Самым многочисленным по числу носителей является язык макуа — 1 млн. чел. В языках групп матумби и яо имеется значительный лексический слой, который характерен только для этих языков и не встречается в других языках банту даже этой зоны, при том что грамматическая структура всех языков этой зоны гомогенна.

ЗОНА R

В данную зону входят 10 языков, которые подразделяются на четыре группы: умбунду, ндонга, гереро, йеие. Большая часть этих языков распространена в юго-западных районах Анголы,

на севере Намибии и в северных районах Ботсваны. Самый многочисленный язык — умбунду (1,7 млн. чел.). Языки этой зоны значительно отличаются от соседних с ними языков зон Н и К.

ЗОНА S

Эта зона является одной из самых крупных зон языков банту как по количеству языков и диалектов, так и по численности говорящих на них. Она охватывает территории шести государств: Малави, Мозамбик, Южно-Африканскую Республику, Ботсвану, Лесото и Свазиленд. На языках этой зоны говорят более 13 млн. чел. Самыми многочисленными языками являются языки зулу (3 млн. чел.), коса (2,5 млн. чел.), южный сото (1,5 млн. чел.) и ронга (1 млн. чел.). Языки этой зоны объединяются в следующие шесть групп: шона, венда, сото (сото-чвана), нгуни (к этой группе относится также пиджин фонагало, образованный на основе языков зулу и коса), тсва-ронга, чоши.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Впервые в советском и мировом языкознании осуществлено теоретическое обобщение результатов современных исследований в области сравнительно-исторического языкознания. В предлагаемых читателю монографиях — «Сравнительно-историческое изучение языков разных семей (Современное состояние и проблемы)» и настоящей книге — дается характеристика степени изученности всех основных типов генетических общностей — языковых семей: индоевропейские языки (автор В. П. Нерознак), славянские (В. К. Журавлев), балтийские (В. П. Мажюлис), иранские (В. С. Расторгуева, Дж. И. Эдельман), индоарийские (Т. Я. Елизаренкова), армянский (Э. Г. Туманян), тюркские (Н. З. Гаджиева, Л. С. Левитская, Э. Р. Тенишев), монгольские (Г. Д. Санжеев), финно-угорские (К. Е. Майтинская), картвельские (Г. А. Климов), абхазско-адыгские (М. А. Кумахов), нахско-дагестанские (М. Е. Алексеев), санскрит (Т. Я. Елизаренкова), хетто-лувийские (Вяч. Вс. Иванов), греческий (О. С. Широков), кельтские (А. А. Королев, В. Я. Калыгин), германские (Н. С. Чемоданов), романские (Б. П. Нарумов), албанский (В. П. Нерознак), тунгусо-маньчжурские (И. В. Кормушин), сино-тибетские и австро-тайские (И. И. Пейрос), дравидийские (М. С. Андронов), австронезийские (Ю. Х. Сирк), океанийские (В. И. Беликов), афразийские и чадские (В. Я. Порхомовский), языки банту (Н. В. Охотина).

Предпринятая попытка объединить частные компаративистики имела целью показать читателю, в каком состоянии находится сравнительно-историческое изучение этих групп языков, как оно развивается в целом, какие трудности наблюдаются в этой области и какие задачи в перспективе стоят перед ней. В последние два столетия в языкознании складывались благоприятные условия для выделения компаративистики в относительно самостоятельную, ведущую лингвистическую дисциплину. Это не только дешифровка памятников и открытие новых языков и диалектов, но и результаты последовательного и методического изучения исторических причин языковой

эволюции, достижения в области этимологических изысканий.

Развитие компаративистики в частных филологиях (германистике, славистике, иранистике, финноугроведении и др.) обязано своими успехами использованию представителями зарубежной лингвистики, а также русской школы отечественного языкознания таких приемов сравнительно-исторического анализа, которые вскрывали закономерное действие строгих соответствий, т. е. фонетических законов. В настоящее время в нашей стране в связи с подготовкой сравнительно-исторических грамматик и этимологических словарей (славянских, тюркских, тунгусо-маньчжурских, абхазско-адыгских, иранских и других языков) наметился значительный подъем сравнительно-исторических исследований.

В центре внимания индоевропейских штудий последних лет находится комплекс проблем, решение которых направлено на выяснение генетических, ареальных и типологических характеристик индоевропейского языкового континуума и воссоздание древнейших этапов общеиндоевропейского языка. Важнейшей особенностью современного этапа развития индоевропейистики является реинтерпретация лингвистических данных, приводящая к пересмотру ряда основополагающих постулатов индоевропейского языкознания.

Значительный вклад в индоевропейское языкознание внесли представители советской лингвистической школы, выдвинувшие новейшие концепции о фонетической структуре общеиндоевропейского языка. Речь идет о глоттальной теории индоевропейского консонантизма Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова и концепции индоевропейского вокализма А. С. Мельничука. Принципиально новые результаты получены и в изучении праязыкового индоевропейского лексического состава. Здесь прежде всего следует назвать труд Э. А. Макаева «Структура слова в индоевропейских и германских языках» и обобщающее исследование Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова «Индоевропейские языки и индоевропейцы», в которых представлена реконструкция праязыкового словаря на общеиндоевропейском уровне.

Существенные изменения претерпела и методика сравнительно-исторического анализа, дополненная приемами типологических и ареальных исследований. В первую очередь это коснулось основополагающей процедуры ком-

паративистики. — реконструкции. Обновление приемов реконструкции связано с выдвиганием таких понятий, как системная, динамическая и статическая, внешняя и внутренняя, проспективная и ретроспективная (обратная) реконструкции, базирующиеся на процедурах фонологической, морфологической, синтаксической и в особенности семантической реконструкции (см. работы О. Н. Трубачева, Х. Бирнбаума, К. Уоткинса, М. Лёймана и др.).

В свете новых лингвистических данных пересмотрены взгляды на модель индоевропейского праязыка в сторону признания его более динамического и полидиалектного характера, уточнены или заменены новые представления о пространственной и временной локализации общеиндоевропейского языка, выдвинуты новые концепции членения общеиндоевропейской диалектной области, а также происхождения отдельных групп языков. Сделаны также важные шаги в сравнительном изучении древнейших письменных памятников на индоевропейских языках (индоевропейской филологии), обусловившие значительные достижения в области реконструкции индоевропейского текста, индоевропейского «поэтического языка». Исследование фрагментов реликтовых индоевропейских языков также внесло существенные дополнения в индоевропеистику. В целом все эти частные достижения не только пополнили сведения об индоевропейских языках, их структуре, историческом развитии, но и обогатили ценнейшими данными представления о культуре носителей индоевропейских языков, их прародине и взаимодействии с другими народами.

Методика сравнительно-исторических исследований была выработана на материале прежде всего индоевропейских (в частности, германских, романских, славянских и др.) языков — были сформулированы такие исходные понятия, как праформа, архетип, архаизмы, инновации, без которых невозможно построение относительной хронологии. Как свидетельствует обзор состояния сравнительно-исторического изучения в различных языковых семьях, в настоящее время со всей актуальностью поставлен вопрос, возможно ли экстраполирование методики индоевропейского сравнительного языкознания на сравнительное изучение неиндоевропейских языков. Опыты построения сравнительной грамматики неиндоевропейских языковых семей убеждают в том, что методика сравнительного языкознания, разработанная на материале индоев-

ропейских языков, может с полным правом называться универсальной, так же как универсален в целом сравнительно-исторический метод для всех языковых семей (дравидийской, финно-угорской, тунгусо-маньчжурской, тюркской и др.). Следует лишь заметить, что удельный вес используемых отдельных операционных приемов реконструкции может изменяться в зависимости от разработанности языкового материала.

Особое положение романской компаративистики объясняется тем, что известна ранняя стадия развития языка-основы (классическая латынь), которая зафиксирована в письменных памятниках. Такое положение предопределило преобладающее использование филологического метода. Однако это не означает, что не используются другие приемы реконструкции. Сходное положение наблюдается с индоарийскими языками, где за язык-основу принимается санскрит. Естественно, что в соответствующих разделах внимание сосредоточивается на периодизации истории развития индоарийских языков с выделением древнеиндийского, среднеиндийского и новоиндийского периодов.

Примечательно, что в таких семьях языков, как романские, германские, индоарийские, где существуют определенные традиции сравнительно-исторического их изучения, процедура реконструкции за последние десятилетия значительно усовершенствовалась благодаря применению фонологической реконструкции, использованию приемов типологических и ареальных исследований.

В исследованиях, посвященных тем группам языков, где компаративистика как отрасль языкознания только формируется, наряду со сравнительно-историческим подходом широко привлекаются материалы живых языков и диалектов. Так, например, опыт афразийского сравнительно-исторического языкознания, существующего не более двух-трех десятилетий, убедительно свидетельствует в пользу необходимости возможно более полного и тщательного учета данных живых современных языков, даже при наличии и письменных источников: живые бесписьменные чадские и кушитские языки сохраняют иногда архаические черты, утраченные в памятниках.

Использование сравнительно-исторического метода применительно к живым бесписьменным иранским языкам объясняется непригодностью в данном случае филологи-

ческого метода и общим стремлением к строгой методике, принятой в индоевропеистике. Поэтому в последние десятилетия широкий размах получило сравнительно-историческое изучение целого ряда малых бесписьменных западноиранских языков и диалектов на территории Ирана, а также диалектов таджикского, дари, курдского, афганского, памирских языков и диалектов.

Систематически ведущаяся в последние полвека в тюркском языкознании большая работа по описанию не только языка ранних источников, но и грамматической характеристике редких, подчас вновь открытых тюркских языков и диалектов (лобнорского, саларского, сарыг-югурского, халаджского, тофаларского, чулымского и др.) обеспечила основательную базу для сравнительно-исторических исследований.

Открытие новых языков и включение их в орбиту сравнительно-исторических исследований привело к пересмотру некоторых исходных положений в развивающихся отраслевых компаративистиках. Так, например, сравнительное изучение кушитских языков убедительно показало, что реконструируемая общекушитская фонологическая система оказывается более богатой и во многом отличной от общесемитской. Это привело к отказу от ориентации на семитскую фонологическую систему при афразийских реконструкциях.

Если раньше в тунгусо-маньчжурском сравнительно-историческом языкознании тезис о консервативности маньчжурского казался незыблемым, то теперь он подвергается пересмотру в соответствии с общим положением о том, что в любом языке наряду с архаизмами почти всегда существуют инновации, установленным компаративистикой гораздо позднее.

Расширение фактологической базы сравнительно-исторических исследований дравидийских языков, вовлечение в сферу научного изучения новых языков (манда, венго, касаба и др.) привело к тому, что современные представления о протодравидийском языковом состоянии позволяют уже в общих чертах реконструировать многие элементы системы общедравидийского языка-предка. В настоящее время сравнительно-историческое изучение дравидийских языков вступает в новый этап своего развития — наблюдается заметное усиление интереса дравидологов к исторической грамматике четырех литературных языков.

В отраслевых компаративистиках в последние десятилетия наблюдается усиление внимания к усовершенствованию приемов сравнительно-исторического анализа. Так, например, в области реконструкции праславянского слависты достигли таких результатов, каких не знает ни одна ветвь сравнительно-исторического языкознания. В советской славистике наибольшую разработку получили приемы установления относительной хронологии, приемы реконструкции праязыка как динамической структуры, от реконструкции отдельных элементов праязыка совершен переход к реконструкции системы и текста. Поиски более совершенных приемов реконструкции праязыка привели к такому достижению, как разработка концепции о праславянском как изоглоссной области родственных диалектов. Реконструкция же праславянского лексического фонда — гордость отечественной компаративистики.

Характерная черта современной компаративистики, как показало теоретическое обобщение результатов современных исследований в этой области, — смещение интереса с внешней на внутреннюю реконструкцию. Это особенно наглядно показано на материале тех семей языков, на которых нет достаточно ранних письменных источников (кавказские, тюркские и др.).

Следует подчеркнуть, что отработка, усовершенствование самих рабочих приемов сравнительно-исторических исследований идет в настоящее время на материале не только индоевропейских, но и неиндоевропейских языков. Плоскостная реконструкция праязыка уступила место более дифференцированному рассмотрению, устанавливающему «ранний» и «поздний» этапы развития не только германского, романского, иранского, но и, например, тюркского праязыка; соответственно и сама реконструкция расчленяется на дальнюю и ближнюю. Однако использование приемов сравнительно-исторического анализа неодинаково в различных языковых семьях.

В афразийских сравнительно-исторических исследованиях обратная реконструкция (т. е. опора на реконструированное общеафразийское состояние при общечадских (кушитских) реконструкциях) является столь же неотъемлемой частью сравнительного метода, как и прямая реконструкция, — она неизбежно должна занимать гораздо более значительное место, чем, например, в индоевропеистике.

Заслуживают внимания уточнения в операционных приемах реконструкции на материале кавказских языков. Согласно динамической теории реконструкции, могут быть постулированы для эпохи общеадыгского и общеабхазского языкового единства разные модели корня. Можно констатировать значительные успехи в сравнительно-историческом изучении картвельских языков; эта ветвь компаративистики характеризуется отработанной строгой и четкой методикой. Наиболее позднее общекартвельское состояние обозначено двумя диалектными ареалами. Вырабатываются критерии отнесения языковых фактов к общекартвельскому уровню.

Операционные приемы синтаксической реконструкции, теория синтаксического архетипа впервые получили разработку на материале тюркских языков.

Для складывающейся и развивающейся сегодня отечественной компаративистики характерны более совершенные операционные приемы реконструкции, которую отличает системный характер. Использование только сравнительного приема не удовлетворяет современного исследователя-компаративиста. Современный сравнительный метод обогащен приемами исторических исследований. Широко привлекаются данные типологического анализа при освещении различных проблем сравнительной грамматики. Используется статистический метод. Ставятся вопросы о привлечении различных структурных методов. Широко внедряется фонологическая реконструкция в связи с попыткой создания исторической фонологии. Значительно расширяет возможности компаративиста ареальный метод, позволяющий в известной мере определить истоки, начало явления, обнаруживаемого на одних территориях и получившего продуктивное развитие на других. Приемы ареальных исследований во многом помогают восстановить промежуточные звенья развития звуков и форм.

Таким образом, современную отечественную методику сравнительно-исторического исследования характеризует комплексное использование различных приемов лингвистического анализа. В этой связи в настоящее время перед многими отраслевыми компаративистиками стоит первоочередная задача: учитывая современные достижения языкознания и используя комплексную методику, создать сравнительно-исторические грамматики, этимологические словари, основы и введения в сравнительно-ис-

торическое изучение отдельных семей языков. Уже изданы или готовятся к изданию сравнительные грамматики германских, тюркских, иранских, дравидийских языков, основы финно-угорского, иранского, тюркского, кавказского языкознаний. Планомерно создаются этимологические словари (славянских, тюркских, иранских, афразийских и других языков).

Сравнительно-исторические исследования по отдельным группам языков свидетельствуют о том, что в числе основных задач в этой области знания находится и разработка фундаментальных понятий компаративистики. Так, например, в иранистике в настоящее время разрабатываются вопросы относительной хронологии языковых изменений. Выявление промежуточных этапов, описание переходных процессов стало в последние десятилетия важной составной частью любого сравнительно-исторического рассмотрения иранских языков. Фундаментальные понятия компаративистики разрабатываются и на материале неиндоевропейских языков (тюркских, финно-угорских, тунгусо-маньчжурских, чадских и др.).

В одних частных ветвях компаративистики ставятся задачи создания фундаментальных работ по реконструкции (например, общекельтского языка в кельтологии), в других — задачи выяснения генетических связей с дальнеродственными языками. Если дальнейшие исследования позволят выдвинуть гипотезу о македоно-греко-карийско-фригийской общности, то встанет вопрос об отношениях этой предполагаемой общности к другим ветвям индоевропейской языковой семьи. Здесь намечены три перспективных направления поисков: 1) греко-арийские и греко-армянские схождения; 2) греко-анатолийские схождения; 3) греко-италийские схождения. В тюркской компаративистике извечно актуален вопрос об отношении тюркских языков к другим языкам алтайской семьи и исследование проблемы, связанной с алтайской гипотезой.

В предлагаемых монографиях наряду с успешным разрешением проблем сравнительно-исторического языкознания освящены и трудности в развитии отдельных частных компаративистик. Например, попытки сравнительно-исторических исследований в бантуистике непосредственно связаны с построением внутренней классификации этих языков, а также с установлением их родства с другими языками Африки. В области уточнения классифика-

ции внутренних языков банту предстоит проверка целого ряда сравнительных серий изоглосс с целью замены ареальных признаков генетическими. В связи с этим одной из задач является детальное изучение большого количества младописьменных и бесписьменных языков банту.

Переживаемый картвелистикой этап развития характеризуется наличием двух глубоко различных направлений сравнительно-исторических исследований. Одно из них исходит из убеждения о недоказанности иберийско-кавказской гипотезы, предполагающей наличие отдаленного родства между картвельскими, абхазско-адыгскими и нахско-дагестанскими языками. Поэтому ближайшей задачей в разрешении этой трудной проблемы является продолжение исследования характера отношений между этими группами языков (носят ли они характер типологического или генетического сходства).

Обобщая изложенное, можно отметить, что компаративистика в последние три десятилетия вновь стала одним из центральных направлений лингвистических исследований. Во многих уголках нашей страны складываются центры славянской, германской, финно-угорской, картвельской, тюркской, иранской и других отраслевых компаративистик. Труды отечественных компаративистов свидетельствуют о том, что они внесли значительный вклад в совершенствование сравнительно-исторического метода, разработав оригинальные приемы исследования, что позволяет говорить о существовании школы отечественной компаративистики.

Теоретическое обобщение результатов современных исследований в области сравнительно-исторического языкознания явится основой для дальнейшей разработки одной из фундаментальных проблем компаративистики — теории реконструкции. Эта актуальнейшая проблема компаративистики ставит своей задачей создание теории реконструкции — динамической реконструкции, обращенной к разным хронологическим срезам, ориентирующейся на новое понимание языкового пространства, учитывающей специфику материала каждой семьи языков, которая, естественно, предполагает неравное соотношение используемых операционных приемов реконструкции.

ЛИТЕРАТУРА

САНСКРИТ

- Барроу Т.* Санскрит. М., 1976.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. В.* Реконструкция системы смычных общендоевропейского языка. Глоттализированные смычные в индоевропейском. — ВЯ, 1980₁, № 4.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. В.* Ряды «гуттуральных» в индоевропейском. Проблема языков *centum* и *satəm*. — ВЯ, 1980₂, № 5.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. В.* Проблема языков *centum* и *satəm* и отражение «гуттуральных» в индоевропейских диалектах. — ВЯ, 1980₃, № 6.
- Елизаренкова Т. Я.* Лорист в «Ригведе». М., 1960₁.
- Елизаренкова Т. Я.* К вопросу о становлении категории времени в древнеиндийском языке (Ригведа). — В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов. Докл. делегации СССР. М., 1960₂.
- Елизаренкова Т. Я.* Значение основ презенса в «Ригведе». — В кн.: Языки Индии. М., 1961.
- Елизаренкова Т. Я.* Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков. М., 1974.
- Елизаренкова Т. Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982.
- Елизаренкова Т. Я., Топоров В. П.* Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские корни. — В кн.: Литература и культура в древней и средневековой Индии. М., 1979.
- Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938.
- Николаев С. Л., Старостин С. А.* О парадигматических классах индоевропейских глаголов. Конференция: ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов. М., 1977.
- Соссюр Ф. де.* Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках. — В кн.: Труды по языкознанию. М., 1977.
- Топоров В. Н.* К вопросу о природе древнеиндийского локатива. — КСИНА 62, М., 1964.
- Топоров В. Н.* Ведийское *rad-* (значение, этимология, связи). — In: Księga pamiątkowa ku czci Eugeniusza Śluszkiewicza. Warszawa, 1974₁.
- Топоров В. Н.* О брахмане. К истокам концепции. — В кн.: Проблемы истории, языков и культуры народов Индии. М., 1974₂.
- Топоров В. Н.* Ведийское *ṛta-*: к соотношению смысловой структуры и этимологии. — В кн.: Этимология. М., 1981.
- Якобсон Р. О.* Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 3. М., 1963.
- Allen W. S.* Some prosodic aspects of retroflexion and aspiration in Sanskrit. — BSO(A)S, 1951, vol. 13, pt 4.

- Allen W. S.* Retroflexion in Sanskrit: prosodic technique and its relevance to comparative statement. — BSO(A)S, 1954, vol. 16, pt 3.
- Benveniste E.* Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. Paris, 1948.
- Birwé R.* Griechisch-Arische Sprachbeziehungen im Verbalsystem. Walldorf — Hessen, 1956.
- Burrow T.* «Shwa» in Sanskrit. — TPS, 1949 (1950).
- Burrow T.* The Sanskrit precativ. — Asiatica. Festschrift Friedrich Weller. Leipzig, 1954.
- Burrow T.* The Sanskrit language. London, 1955.
- Burrow T.* A note on the etymology of Sanskrit karmāra-, «smith». — The Adyar Library Bulletin, Adyar, 1961, vol. XXV, pts 1—4.
- Burrow T.* Spontaneous cerebrals in Sanskrit. — BSOAS, 1971, vol. 34, pt 3.
- Burrow T.* The problem of Shwa in Sanskrit. Oxford, 1979.
- Delbrück B.* Altindische Syntax. Halle, 1888.
- Deshpande M. M.* Genesis of ṛgvedic retroflexion. A historical and sociolinguistic investigation. — In: Aryan and Non-Aryan in India. Ed. by M. M. Deshpande and P. E. Hook. Ann Arbor, 1979.
- Ghatage A. M.* (ed.) An encyclopaedic dictionary of Sanskrit on historical principles, vol. I, II. Poona, 1979.
- Gonda J.* Notes on brahman. Utrecht, 1950.
- Gonda J.* La place de la particule négative na dans la phrase vieil indien. Leiden, 1951₁.
- Gonda J.* Remarks on the Sanskrit passive. Leiden, 1951₂.
- Gonda J.* Remarques sur la place du verbe dans la phrase active et moyenne en langue sanscrite. Utrecht, 1952.
- Gonda J.* Defining the nominative. — Lingua, 1956₁, vol. 5.
- Gonda J.* On nominatives joining or «replacing» vocatives. — Lingua, 1956₂, vol. 6.
- Gonda J.* The character of the Indo-European moods with special regard to Greek and Latin. Wiesbaden, 1956₃.
- Gonda J.* Attraction and co-ordination in the Veda. — BSOAS, 1957₁, vol. 20.
- Gonda J.* The character of the Sanskrit accusative. — In: Miscelánea homenaje a André Martinet «Estructuralismo e historia», t. 1. Canarias, 1957₂.
- Gonda J.* The use of the particle ca. — Vak, 1957₃, vol. 5.
- Gonda J.* Some notes on adverbial case forms in the Veda. — In: Jñānamuktāvalī. Commemoration volume in honour of Johannes Nobel. New Delhi, 1959.
- Gonda J.* The aspectual function of ṛgvedic present and aorist. The Hague, 1962₁.
- Gonda J.* The unity of the Vedic dative. — Lingua, 1962₂, vol. 11.
- Gonda J.* Old Indian. Leiden—Köln, 1971.
- Gonda J.* The medium in the ṛgveda. Leiden, 1979.
- Haudry J.* L'emploi des cas en védique. Introduction a l'étude des cas en Indo-Européen. Lyon, 1977.
- Havers W.* Zur Entstehung eines sogenannten sakralen u-Elementes in den indogermanischen Sprachen. — Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1947, 15.
- Havers W.* Zum Bedeutungsinhalt eines indogermanischen Suffixes. — Anthropos, 1954, vol. 49.

- Hoffmann K.* Idg. *sneig^{uh}. — MSS, 1965, Bd 18.
- Hoffmann K.* Der Injektiv in Veda. Eine synchronische Untersuchung. Heidelberg, 1967.
- Kuiper F. B. J.* Traces of laryngeals in Vedic Sanskrit. — In: IA, Leiden, 1947.
- Kuiper F. B. J.* Proto-Munda words in Sanskrit. Amsterdam, 1948.
- Kuiper F. B. J.* Two Rigvedic loan-words. — In: Sprachgeschichte und Wortbedeutung. Festschrift Albert Debrunner. Bern, 1954.
- Kuiper F. B. J.* Shortening of final vowels in the Rigveda. Amsterdam, 1955.
- Kuryłowicz J.* L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.
- Kuryłowicz J.* L'accentuation des langues indo-européennes. Wrocław—Kraków, 1958.
- Kuryłowicz J.* The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.
- Kuryłowicz J.* Indogermanische Grammatik, Bd 2. Heidelberg, 1968.
- Kuryłowicz J.* Problèmes de linguistique indo-européenne. Wrocław, 1977.
- Lehmann W. P.* Proto-Indo-European syntax. Austin — London, University of Texas Press, 1974.
- Leumann M.* Morphologische Neuerungen im altindischen Verbal-system. Amsterdam, 1952.
- Liebert G.* Das Suffix -ti- im Altindischen. Lund, 1949.
- Macdonell A. A.* Vedic grammar. Strassburg, 1910.
- Macdonell A. A.* A Vedic grammar for students. 4-th ed. London, 1955 (1-st ed. London, 1916).
- Manessy J.* Les substantives en-as-dans la Ṛk-Saṃhitā. Dakar, 1961.
- Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd I—IV. Heidelberg, 1956—1980.
- Mayrhofer M.* Über spontanen Zerebralnasal im frühen Indoarischen. — In: Mélanges d'indianisme à la mémoire de Louis Renou. Paris, 1968.
- Narten J.* Die sigmatischen Aoriste im Veda. Wiesbaden, 1964.
- Renou L.* (avec la collaboration de L. Silburn) Sur la notion de brahman. — JA, 1949.
- Renou L.* Grammaire de la langue védique. Lyon—Paris, 1952.
- Renou L.* Vocabulaire de rituel védique. Paris, 1954.
- Renou L.* Études védiques et pāṇinéennes, t. I—XVII. Paris, 1955—1969.
- Renou L.* Études sur le vocabulaire du Ṛgveda. Pondichéry, 1958.
- Renou L.* Remarques générales sur la phrase védique. — In: Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965.
- Schmidt H. P.* Vedisch vrata und awestisch urvāta. Hamburg, 1958.
- Schmitt R.* Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967.
- Speyer J. S.* Vedische und Sanskrit-Syntax. Strassburg, 1895.
- Strunk K.* Nasalpräsentien und Aoriste. Heidelberg, 1967.
- Thieme P.* Brahman. — ZDMG, 1952₁, Bd 102.
- Thieme P.* Studien zur indogermanischen Wortkunde und Wortgeschichte. Berlin, 1952₂.
- Thumb A., Hauschild R.* Handbuch des Sanskrit, Bd I, Teil 1, Heidelberg, 1958; Bd I, Teil 2. Heidelberg, 1959.
- Wackernagel J., Debrunner A.* Altindische Grammatik, Bd 1—3. Göttingen, 1896—1954.

- Watkins C.* Indogermanische Grammatik. Hrsg. von J. Kuryłowicz. Bd III: Formenlehre. 1. Teil: Geschichte der indogermanischer Verbalflexion. Heidelberg, 1969.
- Zwolanek R.* Vāyav índrac ca. — MSS, Beih. 5, 1970.

ХЕТТО-ЛУВИЙСКИЕ (АНАТОЛИЙСКИЕ) ЯЗЫКИ

- Баюн Л. С.* Глагольная редупликация в хетто-лувийских языках. — В кн.: VIII Всесоюзная конференция по Древнему Востоку, посвященная памяти акад. В. В. Струве. М., 1979.
- Баюн Л. С.* Позднеанатолийские языки как источник по хетто-лувийской дописьменной истории. — Вестн. древней истории, 1980, № 2.
- Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы, т. 1, 2. Тбилиси, 1981.
- Иванов В. В.* Общенидоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.
- Иванов В. В.* К типологии инфинитива в балканских языках. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976.
- Иванов В. В.* Сравнительно-исторический анализ категорий определенности—неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики. — В кн.: Категория определенности—неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
- Иванов В. В.* Анатолийские языки. — В кн.: Древние языки Малой Азии. М., 1980₁.
- Иванов В. В.* Праязыки как объекты описания в издании «Языки мира». — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980₂.
- Иванов В. В.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.
- Королев А. А.* Хетто-лувийские языки. — В кн.: Языки Азии и Африки, т. 1. М., 1976.
- Нерозник В. П.* Индоевропейские языки. — В кн.: Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. М., 1981.
- Bader F.* Le présent du verbe «être» en indo-européen. — BSL, 1976, t. 71, fasc. 1.
- Benveniste E.* Hittite et Indo-Européen. Etudes comparatives. Paris, 1962.
- Cowgill W.* More evidence for Indo-Hittite: the tense-aspect system. — In: Proceedings of the Eleventh International Congress of Linguists. Ed. by L. Heilmann, II. Bologna Società editrice il Mulino, 1975.
- Cowgill W.* Anatolian hi-conjugation and Indo-European perfect. Instalment II. — In: Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979.
- Соп В.* Indogermanica minora. Ljubljana, 1971.
- Eichner H.* Untersuchungen zur hethitischen Deklination. Diss. Erlangen, 1975.

- Hart G. R.* Some observations on plene-writing in Hittite. — BSOAS, 1980, vol. 43, pt 1.
- Haudry J.* L'emploi des cas en vedique. Introduction à l'étude des cas en indo-européen. Ed. L'Hermès. 2 ed. Lyon, 1978.
- Haudry J.* L'Indo-européen. Paris, 1979.
- Ivanov V. V.* [Иванов В. В.]. Syntactical archaisms of Old Hittite. — In: Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979.
- Josephson F.* Assibilation in Anatolian. — In: Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979.
- Justus C. F.* Syntactic changes: evidence for restructuring among coexistent variants. — The Journal of Indo-European Studies, 1978, vol. 6, N 1—2.
- Kammenhuber A.* Direktiv, Terminativ und/oder Lokativ im Hethitischen. — In: Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979.
- Laroche E.* Un «ergatif» en indo-européen d'Asie Mineure. — BSL, 1962, t. 57, fasc. 1.
- Laroche E.* Vocatif et cas absolu en anatolien. — Athenaeum, 1969, vol. 47.
- Laroche E.* Etudes de linguistique anatolienne. III. — Revue hittite et asiatique, 1970, v. 27, fasc. 84—85.
- Laroche E.* Anaphore et deixis en anatolien. — In: Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979.
- Lehmann W. P.* Proto-Indo-European syntax. University of Texas Press. Austin and London, 1974.
- Lindemann F. O.* Einführung in die Laryngaltheorie. Berlin, 1970.
- Lindemann F. O.* Remarques sur la flexion des verbes du type de *teḫḫi* en hittite. — In: Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979.
- Meid W.* Der Archaismus des Hethitischen. — In: Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979.
- Morpurgo-Davies A.* The Luwian languages and the Hittite — hi conjugation. — In: Festschrift for O. Szemerényi on the occasion of his 65th birthday, ed. by B. Bregyanyi (Amsterdam studies, IV. Current issues in linguistic theory, vol. 13, p. 1). Amsterdam, 1979.
- Neu E.* Überlegungen zu den hethitischen Kasusendungen. — In: Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979.
- Oettinger N.* Die Stammbildung des hethitischen Verbums. — Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kunstwissenschaft. Nürnberg, 1979, N 64.
- Rosenkranz B.* Vergleichende Untersuchungen der altanatolischen Sprachen. Heidelberg, 1978.
- Rosenkranz B.* Archaismen im Hethitischen. — In: Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979.
- Schiels K. Jr.* Some remarks concerning early Indo-European nominal inflection. — The Journal of Indo-European Studies, 1978, vol. 6, N 3—4.
- Schmalstieg W. R.* Indo-European linguistics. A new synthesis. The Pennsylvania University Press, 1980.
- Tchekhoff C.* Le double cas-sujet des inanimés: un archaïsme de la syntaxe hittite. — BSL, 1978, t. 73, fasc. 1.
- Villar F.* Hetita e indoeuropeo. — Emerita, 1979, t. 47, fasc. 1.

ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

- Андреев Н. Д.* Периодизация истории индоевропейского языка. — ВЯ, 1957, № 2.
- Барроу Ф.* Санскрит. М., 1976.
- Белецкий А. А.* Задачи дальнейшего сравнительно-исторического изучения языков. — ВЯ, 1955, № 2.
- Белецкий А. А.* Дієслівна система говірок с. Кременівка (Чердакли) і Куйбишево (Малоянісоль). — Вісник КДУ, 1959, № 2, вип. 2.
- Белецкий А. А.* Греческие диалекты юго-востока Украины и проблема их языка и письменности. — В кн.: Балканская филология. Л., 1970.
- Георгиев В.* Траките и техният език. София, 1977.
- Горнунг Б. В.* Греческий язык. — В кн.: История греческой литературы, т. 1. М.—Л., 1946.
- Журавлева Е. Ф.* Вокализм и некоторые особенности консонантизма греческого новокаракубского говора. — В кн.: Традиции московской школы и современные проблемы языкознания. «Фортунаговские чтения». М., 1980₁.
- Журавлева Е. Ф.* О фонологической трактовке твердости—мягкости в новогреческом говоре Донецкой области. — Вестн. МГУ, сер. 9. Филология, 1980₂, № 2.
- Лазарев Э.* Цалкинский диалект греческого языка. Тбилиси, 1950.
- Откупщиков Ю. В.* Карийские надписи Африки. Л., 1966.
- Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.
- Тронский И. М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973.
- Чернышева Т. Н.* Новогреческий говор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты. Киев, 1958.
- Чернышева Т. Н.* Греческий глоссарий Ф. А. Хартахая. — Вісник КДУ, 1959, № 2, вип. 2.
- Чернышева Т. Н.* Фонетический обзор урзуф-ялтинского говора новогреческого языка (система гласных). — Сб. филолог. ф-та КГУ, 1960, № 14.
- Чернышева Т. Н.* Развитие румейского языка на Украине. — В кн.: Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова», т. 1. Самарканд, 1964.
- Чэдвик Дж.* Дешифровка линейного письма Б. — В кн.: Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.
- Широков О. С.* Гипотеза о малоазийском происхождении греков. — В кн.: Конференция по классической филологии (Секция греческого и латинского языков). Тезисы докладов. Тбилиси, 1969.
- Широков О. С.* Диалект греков Алаверды. — В кн.: Сопещение по общим вопросам диалектологии и истории языка. Ереван, 1973.
- Широков О. С.* Развитие трех серий шумных согласных в диалектах общиндоевропейского праязыка и проблема индоевропейско-переднеазиатских фонологических контактов. — В кн.: Теория и история языкознания, вып. 1. Язык как процесс и система. М., 1975.
- Широков О. С.* Армяно-греческие этногенетические контакты по данным сравнительно-исторической фонологии. — Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1977, № 1.

- Широков О. С.* Греческо-грузинские и кавказско-индоевропейские контакты в фонологии (три серии шумных согласных). — В кн.: Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980₁.
- Широков О. С.* Место армянского языка среди индоевропейских и проблема армянской прародины. — Вестн. обществ. наук АН АрмССР, Ереван, 1980, № 5.
- Широкова А. В.* Территориальная дифференциация языка. Дифференциация латыни на территории Италии. М., 1979.
- Ahrens H. L.* De Graecae linguae dialectis, 1—2. Cottingae, 1839—1845.
- Anagnostopulos G.* Die Erforschung des mittelgriechischen und die neugriechischen Dialekte. — Byzantinische Zeitschrift, 1929/1930, Bd 30.
- Andriotis N.* Lexikon der Archaismen im neugriechischen Dialekten. Wien, 1974.
- Bartoněk A.* Zur Frage der Äolismen und Archaismen in der homerischen Sprache. — In: Minoica und Homer. Berlin, 1961₁.
- Bartoněk A.* Vývoji konsonantického systému v řeckých dialektech. Praha, 1961₂.
- Bartoněk A.* Mycenaean koine reconsidered. — In: Proceedings of the Cambridge Colloquium of Mycenaean Studies. Cambridge, 1966.
- Bechtel F.* Die griechischen Dialekte, Bd I—III. Berlin, 1921—1924.
- Blanken G.* Les grecs de Cargèse (Corse). Leyden, 1951.
- Boisacq E.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg—Paris, 1907—1916.
- Bomhard A.* An outline of the historical phonology of Indo-European. — Orbis, 1975, vol. 24, N 3.
- Brugmann K.* Griechische Grammatik. München, 1885.
- Brugmann K., Delbrück B.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1886—1892.
- Buck C. D.* Introduction to the study of Greek dialects. Boston, 1910; 1928.
- Buck C. D.* The Greek dialects. Chicago, 1959; 1968.
- Caratzas St. C.* L'origine des néogrecs de l'Italie Méridionale. — Collection de l'Institut d'Etudes byzantines et néo-helleniques de l'Université de Paris, 18. Paris, 1958.
- Carruba O.* Origini e preistoria degli indoeuropei d'Anatolia. — Rivista di filologia e di istruzione classica, (1969), vol. 97, fasc. 1.
- Chadwick J.* The Greek dialects and Greek pre-history. — Greece and Rome, 1956, vol. 23.
- Chadwick J.* The prehistory of the Greek language. — The Cambridge Ancient History, fasc. 15. Cambridge, 1963.
- Chantraine P.* Grammaire homérique. Paris, 1957.
- Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. vol. 1—4. Paris, 1968—1975.
- Collitz G., Bechtel F.* Sammlung der griechischen Dialektinschriften. Göttingen, 1883—1915.
- Curtius G.* Grundzüge der griechischen Etymologie. Leipzig, 1858—1862.
- Dawkins R. M.* Modern Greek in Asia Minor. Cambridge, 1916.
- Dawkins R. M.* The Greek dialect of Cargese and its disappearance. — In: Byzantinischen-neugriechischen Jahrbücher, V (1926/1927). Athen, 1927.

- Dawkins R. M.* Notes on the study of the modern Greek of Pontos. — In: Byzantion, VI. Bruxelles, 1931.
- Dieterich K.* Die Koine und die heutigen kleinasiatischen Mundarten. — In: Byzantinische Archiv. H. 1. Leipzig, 1898.
- Emonds J.* A reformulation of Grimm's law. — In: Contributions to generative phonology. London, 1972.
- Frisk H.* Griechisches Etymologische Wörterbuch. Heidelberg, 1960—1972.
- Georgakas J.* Dialektisches aus Rhodos. — Byzantinische Zeitschrift, 1951, N 444.
- Hatzidakis G. N.* Neugriechische Studien. — (Kuhn's) Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, Berlin, 1885, Bd 34.
- Hatzidakis G. N.* Einleitung in die neugriechische Grammatik. Leipzig, 1892.
- Hatzidakis G. N.* Zum neugriechischen Dialekt. — Indogermanische Forschungen, 1910, Bd 36.
- Hatzidakis G. N.* Einiges über das pontische Griechisch. — In: Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, VII. Athen, 1930.
- Hirt H.* Handbuch der Griechischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1902.
- Höeg G.* Les Saracatsans. Paris—Copenhagen, 1925.
- Hoffmann O.* Die griechischen Dialekte in ihrem Historischen Zusammenhange, I—III. Göttingen, 1891—1898.
- Hoffmann O.* Geschichte der griechischen Sprache. Leipzig, 1916.
- Hopper P. J.* Glottalised and murmured occlusives in indoeuropean. — Glossa, 1973, vol. 7, N 2.
- Householder F. W., Nagy G.* Greek. A survey of recent work. The Hague—Paris (Janua Linguarum. Series Practica, 211), 1972.
- Jeffery L. H.* The local scripts of archaic Greece. Oxford, 1961.
- Kalléris J. N.* Les anciens macédoniens. Études linguistiques et historiques. Athènes, 1954.
- Kieckers E.* Historische griechische Grammatik, 1. Lautlehre. Berlin—Leipzig, 1925.
- Kretschmer P.* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.
- Kretschmer P.* Der heutige lesbische Dialekt verglichen mit den übrigen nordgriechischen Mundarten. — Schriften der Balkankommission. Linguistische Abteilung, Wien, 1905, Bd VI (3), H. 1.
- Kretschmer P.* Zur Geschichte der griechischen Dialekte. Ionier und Achäer. — Glotta, 1909, Bd 1.
- Kühner R., Blass F.* Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Hannover, 1890—1892.
- Mann St.* Armenian and Indo-European (Historical Phonology). London, 1963.
- Meillet A.* Aperçu d'une histoire de la langue grecque. Paris, 1930.
- Merzdorf R.* Die sogenannten aeolischen Bestandteile des nordischen Dorismus. — In: Sprachwissenschaftliche Abhandlungen aus Curtius' grammatischen Gesellschaft. Leipzig, 1874.
- Meyer G.* Griechische Grammatik. Leipzig, 1896.
- Mirambel A.* Étude descriptive du parler maniote méridional. — In: Ecole Française d'Athènes. Travaux et mémoires, I. Paris, 1929.
- Mirambel A.* Du caractère chuintantes dans certains parlers néohelléniques. — BSL, 1952, t. 48.

- Normier R.* Indogermanischer Konsonantismus, germanische «Lautverschiebung» und Vernerisches Gesetz. — KZ, 1974, Bd 91, N 2.
- Pedersen H.* Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. København, 1938.
- Pedersen H.* Die gemeindoeuropäischen und die vorindoeuropäischen Verschlusslaute. — Det küniglige Danske Videnskabernes Selskab, København, 1951, Bd 32, N 5.
- Pernot H.* Études de linguistique néo-héllénique. Phonétique et morphologie des parlers de Chio, 1—2. Paris, 1907—1946.
- Pisani V.* Die Entzifferung der äglichen Linear B und die griechischen Dialekte. — Rheinisches Museum für Philologie, 1955, N 98.
- Pisani V.* Le lingue indoeuropee in Grecia e in Italia. — Rendiconti dell'Istituto Lombardese, 1956, 89.
- Porzig W.* Sprachgeografische Untersuchungen zu den griechischen Dialekten. — Indogermanische Forschungen, 1954, N 61.
- Rasmussen J.* Haeretica indogermanica. A selection of Indoeuropean and pre-Indoeuropean studies. København, 1974.
- Risch E.* Die Gliederung der griechischen Dialekte in neuer Sicht. — Museum Helveticum, 1955, N 12.
- Risch E.* La position du dialecte mycenien. — In: Études Myceniennes. Paris, 1956.
- Risch E.* Frühgeschichte der griechischen Sprache. — Museum Helveticum, 1959, N 16.
- Rix H.* Historische Grammatik des Griechischen. Laut- und Formenlehre. Darmstadt, 1976.
- Roehl H.* Inscriptiones Graecae antiquissimae. Ed. H. Roehl. Berolini, 1900.
- Rohlf G.* Etymologisches Wörterbuch der unteritalienischen Gräzität. Tübingen—Halle, 1930.
- Rohlf G.* Historische Grammatik der unteritalienischen Gräzität. — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, München, 1950, Jg. 1949, H. 4.
- Rohlf G.* Neue Beiträge zur Kenntnis der unteritalienischen Gräzität. — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse, München, 1962, Jg. 1962, H. 2.
- Ruijgh C. J.* Le traitement des sonantes voyelles dans les dialectes grecs et la position du mycenien. — Mnemosyne, 1961.
- Scaligeri Jos.* Justi, Julii Caesaris a Burden filii, Opuscula varia antehac non edita. Parisiis, 1610.
- Schmidt J.* Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1872.
- Schwyzler E.* Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora. Delectus inscriptionum Graecarum propter dialectum memorabilium. Lipsiae, 1928.
- Schwyzler E.* Griechische Grammatik, I—II. München, 1939—1950.
- Solmsen E., Fraenkel E.* Inscriptiones Graecae ad illustrandas dialectos selectae. Lipsiae, 1930.
- Solta G. R.* Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Wien, 1960.
- Specht F.* Sprachliches zur Urheimat der Indogermanen. — KZ, 1939, Bd 66, H. 1/2.
- Thumb A.* Beiträge zur neugriechischen Dialektkunde. Der Dialekt von Amorgos. — Indogermanische Forschungen, Strassburg, 1896, N 7.

- Thumb A.* Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Strassburg, 1901.
- Thumb A.* Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg, 1909; 1932; 1959.
- Thumb A.* Grammatik der neugriechischen Volkssprache. Berlin—Leipzig, 1928.
- Tsopinakis A. G.* Eine dorische Dialektzone im Neugriechischen. — Byzantische Zeitschrift, 1955, 18.
- Ventris M., Chadwick J.* Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives. — Journal of Hellenic Studies, 1953, vol. 73.
- Wilamowitz-Moellendorf U. von.* Der Glaube der Hellenen. Berlin, 1931.
- Wilamowitz-Moellendorf U. von.* Kleine Schriften. Berlin, 1971.

КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ

- Бенвенист Э.* Тохарский и индоевропейский. — В кн.: Тохарские языки. М., 1959.
- Дыбо В. А.* Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии. — ВСЯ, 1961, вып. 5.
- Ancient laws of Ireland, vol. 1—6. Dublin, 1865—1901.
- Bergin O.* On the syntax of the verb in Old Irish. — Ériu, 1938, vol. 12.
- Binchy D. A.* Bretha Crólige. — Ériu, 1934, vol. 12.
- Binchy D. A.* Críth Gablach. Dublin, 1941.
- Binchy D. A.* The linguistic and historical value of the Irish law tracts. Oxford, 1943.
- Binchy D. A.* Linguistic and legal archaisms in the Celtic lawbooks. — TPS, 1959.
- Binchy D. A.* Bretha Déin Chécht. — Ériu, 1966, vol. 20.
- Binchy D. A.* Celtic and Anglo-Saxon Kingship. Oxford, 1970₁.
- Binchy D. A.* Celtic suretiship, a fossilized Indoeuropean Institution. — In: Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970₂.
- Binchy D. A.* An archaic legal poem. — In: Celtica, Dublin, 1971, vol. 9.
- Binchy D. A.* Varia hibernica. — In: Indo-Celtica. Gedächtnisschrift für Alf Sommerfelt. München, 1972.
- Birkhan H.* Germanen und Kelten bis zum Ausgang der Römerzeit. Wien, 1970.
- Boling B. D.* Some problems of the phonology and morphology of the Old Irish verb. — Ériu, 1972, vol. 23.
- Bopp F.* Über die celtischen Sprachen vom Gesichtspunkte der vergleichenden Sprachforschung. Berlin, 1839.
- Campanile E.* Profilo etimologico del corno antico. Pisa, 1974.
- Carney J.* Studies in Irish literature and history. Dublin, 1955.
- Carney J.* Three Old Irish accentual poems. — Ériu, 1971, vol. 22.
- Coene A. de.* Some Notes on 'Italo-Celtic'. — BCS, 1974, vol. 25.
- Cowgill W.* Italic and Celtic superlatives and the dialects of Indo-European. — In: Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970.
- Dictionary of the Irish language. Dublin, 1913—1975.

- Dillon M.* Italic and Celtic. — *American Journal of Philology*, 1944, vol. 64.
- Dillon M.* Celtic and the other Indo-European languages. — *TPS*, 1947.
- Dillon M.* Celts and Aryans. Simla, 1975.
- Evans D. Ellis.* Gaulish personal names. Oxford, 1967.
- Evans D. Simon.* A grammar of Middle Welsh. Dublin, 1964, 2nd ed., 1970.
- Fleuriot L.* Dictionnaire des gloses en vieux breton. Paris, 1964.
- Fleuriot L.* Le vieux breton. Éléments d'une grammaire. Paris, 1964.
- Fleuriot L.* La grande inscription celtibère de Botorrita. — *ÉC*, 1975, vol. 14.
- Geiriadur prifysgol Cymry. A dictionary of the Welsh language. Caerdydd, 1950.
- Greene D.* The making of insular Celtic. — In: *International Congress of Celtic Studies*. Cardiff, 1966.
- Greene D.* Archaic Irish. — In: *Indogermanisch und Keltisch*. Wiesbaden, 1977.
- Hamp E.* Evidence in Keltic. — In: *Evidence for Laryngeals*. The Hague, 1965.
- Hamp E.* Barnu brawd. — *Celtica*, Dublin, 1976, vol. 9.
- Hamp E.* Some Italic and Celtic correspondences. — *KZ*, 1977, Bd 91.
- Hartmann H.* Das Impersonale im Keltischen und Indogermanischen. — In: *Indogermanisch und Keltisch*. Wiesbaden, 1977.
- Hemon R.* Geriadur istorel ar Brezhoneg. Dublin, 1958.
- Hemon R.* A historical morphology and syntax of Breton. Dublin, 1975.
- Jackson K. H.* Language and history in early Britain. Edinburgh, 1953.
- Jackson K. H.* The Gododdin. Edinburgh, 1969.
- Jackson K. H.* Historical phonology of Breton. Edinburgh, 1972.
- Krahe H.* Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954.
- Lejeune M.* Celtiberica. Salamanca, 1955.
- Lejeune M.* Lepontica. Paris, 1971.
- Lejeune M.* La grande inscription celtibère de Botorrita. — *CRAI*, 1973.
- Lejeune M.* Textes gaulois et gallo-latins. — *ÉC*, 1976/77, vol. 15.
- Lewis H.* The sentence in Welsh. London, 1942.
- Lewis H., Pedersen H.* A concise comparative Celtic grammar. Göttingen, 1961 (with corrections and a supplement).
- Lewy E.* Versuch einer kurzen Beschreibung des Altirischen. — In: *Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie*. Innsbruck, 1967.
- Lottner C.* Italic and Keltisch. — *Kuhn's Beiträge*, 1861, Bd 2.
- Macalister R. A. S.* Corpus inscriptionum insularum celticarum. Dublin, 1945—1949.
- MacCana P.* On the use of the term «Retoiric». — *Celtica*, Dublin, 1968, vol. 7.
- Mac Coisdealbha P.* Die Syntax des Satzes im Altirischen. — In: *Indogermanisch und Keltisch*. Wiesbaden, 1977.
- Marstrander C.* De l'unité italo-celtique. — *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskab*, 1929, Bd 3.
- Meid W.* Die sprachliche Form des Prohibitivsatzes im Altirischen. — *ZCP*, 1962, Bd 29.
- Meid W.* Die indogermanische Grundlagen der altirischen absoluten und konjunkten Verbalflexion. Wiesbaden, 1963.

- Meid W.* Zum Äquativ der keltischen Sprachen. — In: Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie. J. Pokorny zum 80. Geburtstag gewidmet. Innsbruck, 1967.
- Meid W.* Indogermanisch und Keltisch. Innsbruck, 1968.
- Meid W.* Dichtkunst, Rechtspflege und Medizin im alten Irland. — In: Antiquitates Indogermanicae. Innsbruck, 1974.
- Meid W.* Figura e funzioni dei poeti nella primitiva cultura indoeuropea. — In: Paleontologia Linguistica. Atti del VI convegno internazionale di linguisti. Brescia, 1977₁.
- Meid W.* Keltisches und indogermanisches Verbalsystem. — In: Indogermanisch und Keltisch. Wiesbaden, 1977₂.
- Meyer K.* Über die älteste irische Dichtung. Berlin, 1913—1914.
- Morris-Jones J.* Pre-aryan syntax in Insular Celtic. — In: J. Rhys, D. Brynmor-Jones. The Welsh People. London, 1902.
- Pedersen H.* Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. Bd 1—2. Göttingen, 1909—1913.
- Pictet A.* De l'affinité des langues celtiques avec le Sanscrit. Genève, 1837.
- Pokorny J.* Das nicht-indogermanische Substrat im Irischen. — ZCP, 1927—1930, Bd 16—18.
- Pokorny J.* Zum nicht-indogermanischen Substrat im Inselkeltischen. — Die Sprache, 1949, Bd 1.
- Pokorny J.* Keltische Urgeschichte und Sprachwissenschaft. — Die Sprache, 1959, Bd 5.
- Prichard J.* The Eastern origin of the Celtic nations. Oxford, 1831.
- Schmidt K.-H.* Die Komposition in gallischen Personennamen. Tübingen, 1957.
- Schmidt K.-H.* Zur keltiberischen Inschrift von Botorrita. — BCS, 1976, vol. 26.
- Schmoll U.* Die Sprachen der vorkeltischen Indogermanen Hispaniens und das Keltiberische. Wiesbaden, 1959.
- Sommer F.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947.
- Szemérenyi O.* A Gaulish dedicatory formula. — KZ, 1974, Bd 88.
- Thurneysen R.* Cōic Conara Fugill. Die fünf Wege zur Urteil. — Abh. Preus. Akad. Wiss., Jg. 1926, philos.-hist. Kl. N 7, Berlin, 1926.
- Thurneysen R.* Die Bürgerschaft im irischen Recht. Berlin, 1928.
- Thurneysen R.* Irisches Recht. Berlin, 1931.
- Thurneysen R.* Colmān mac Lēnēni und Seuchan Torpēist. — ZCP, 1932, Bd 19.
- Thurneysen R.* A grammar of Old Irish. Dublin, 1946.
- Tibiletti-Bruno M.* La nuova iscrizione epicorica di Vercelli. — Rendiconti Accademia dei Lincei, 1977, t. 31.
- Tovar A.* Die Bronze von Botorrita. — ZCP, 1975, Bd 34.
- Travis J.* Early Celtic versecraft. Shannon, 1973.
- Vendryes J.* La place du verbe en celtique. — MSL, 1912, t. 17.
- Vendryes J.* Les correspondances de vocabulaire entre l'indo-iranien et l'italo-celtique. — MSL, 1918, t. 20.
- Vendryes J.* Sur un archaïsme de la syntaxe irlandaise. — BSL, 1954, t. 50.
- Vendryes J.* Les graffites de Banassac. — CRAI, 1956.
- Vendryes J.* Lexique étymologique de l'irlandais ancien. A-M-N-O-P-R-S-T-U. Dublin, 1959—1978.
- Wagner H.* Das Verbum in den Sprachen der britischen Inseln. Tübingen, 1959.

- Wagner H.* Zur unregelmäßigen Wortstellung in der altirischen Alliterationsdichtung. — In: Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie. Innsbruck, 1967.
- Wagner H.* Wortstellung im Keltischen. — In: Indogermanisch und Keltisch. Wiesbaden, 1977.
- Watkins C.* The phonemics of Gaulish. — *Lingua*, 1955, vol. 31.
- Watkins C.* Indo-European origins of the Celtic verb. I. The sigmatic aorist. Dublin, 1962.
- Watkins C.* Preliminaries to a historical and comparative analysis of the syntax of the Irish verb. — *Celtica*, Dublin, 1963₁, vol. 6.
- Watkins C.* Indo-European metrics and archaic Irish verse. — *Celtica*, Dublin, 1963₂, vol. 6.
- Watkins C.* Preliminaries to the reconstruction of the Indo-European sentence. — In: Proceedings of the IX international congress of linguists. London, 1964.
- Watkins C.* The origin of the F-future. — *Ériu*, 1966₁, vol. 20.
- Watkins C.* Italo-Celtic revisited. — In: Ancient Indo-European Dialects. Berkeley—Los Angeles, 1966₂.
- Watkins C.* On the prehistory of the Celtic verb inflexion. — *Ériu*, 1969, vol. 21.
- Watkins C.* Language of gods and language of men. — In: Myth and law among Indo-Europeans. Berkeley—Los Angeles, 1970.
- Whatmough J.* The dialects of ancient Gaul. Cambridge, 1970.
- Watkins C.* The ethymology of Irish *dān*. — *Celtica*, Dublin, 1973, vol. 11.
- Williams I.* Canu Llywarch Hen. Cardiff, 1935.
- Williams I.* Canu Aneirin. Cardiff, 1938.
- Williams I.* The poems of Taliesin. Dublin, 1968.
- Zeuss I. C.* Die Deutschen und die Nachbarstämme. Leipzig, 1837.
- Zeuss I. C.* Grammatica Celtica. Leipzig, 1853.
- Zeuss I. C., Ebel H.* Grammatica Celtica. Ed. 2. Berlin, 1871.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Энгельс Ф. Франкский диалект. [Б. м.], Партиздат, 1935.

- Жирмунский В. М.* Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М., 1964.
- Жирмунский В. М.* Общие тенденции фонетического развития германских языков. — В кн.: Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Избр. труды. М.—Л., 1976₁.
- Жирмунский В. М.* Существовал ли общегерманский язык-основа? — В кн.: Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Избр. труды. М.—Л., 1976₂.
- ИТМГЯ — Историко-типологическая морфология германских языков: Фонеморфология. Парадигматика. Категория имени. М., 1977₁; Категория глагола. М., 1977₂; Именные формы глагола. Категория наречия. Монофлексия. М., 1978.
- Кацнельсон С. Д.* Сравнительная акцентология германских языков. М.—Л., 1966.
- Кацнельсон С. Д.* Очерк типологии германских просодических систем. — В кн.: Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. М.—Л., 1979.

- Макаев Э. А.* Понятие общегерманского языка. — В кн.: Вопросы германского языкознания. Материалы второй научной сессии по вопросам германского языкознания. М., 1961.
- Макаев Э. А.* Понятие общегерманского языка и его периодизация. — В кн.: Сравнительная грамматика германских языков, т. I. М., 1962.
- Макаев Э. А.* Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
- СГГЯ — Сравнительная грамматика германских языков, т. I. М., 1962; т. II. Фонология. М., 1962; т. III. Морфология. М., 1963; т. IV. Морфология (продолжение). М., 1966.
- Braune W.* Zur Kenntnis des Fränkischen und zur hochdeutschen Lautverschiebung. — PBB, 1874, N 1.
- Coetsem F. van.* Das System der starken Verba und die Periodisierung im älteren Germanischen. Amsterdam, 1956.
- Coetsem F. van.* Zur Entwicklung der germanischen Grundsprache. — In: Kurzer Grundriss der germanischen Philologie bis 1500, Bd 1. Berlin, 1970.
- Dieter F.* (hrsg.) Laut und Formenlehre der altgermanischen Dialekte von R. Bethge, O. Bremer, F. Dieter, F. Hartmann u. W. Schlüter. Leipzig, 1900.
- Frings Th.* Germania Romana. — Teuthonista, Halle a/S., 1932, Beiheft 4.
- Frings Th.* Engels als Philologe. — Tägliche Rundschau, Berlin, 1946, 18.VIII, N 191.
- Frings Th.* Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache. Berlin, 1948 (рус. пер. в кн.: Немецкая диалектография. М., 1955).
- GPG — Toward a grammar of Proto-Germanic. Ed. by Frans van Coetsem, Herbert L. Kufner. Tübingen, 1972.
- Hirt H.* Handbuch des Urgermanischen, T. 1. Laut- und Akzenlehre. Heidelberg, 1931; T. 2. Stammbildungs- und Flexionslehre, 1932; T. 3. Abriss der Syntax, 1934.
- Kluge F.* Vorgeschichte der altgermanischen Dialekte. — In: Grundriss der germanischen Philologie, Bd 1. Strassburg, 1889.
- Kluge F.* Ungermanisch. Strassburg, 1913.
- Kluge F.* Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. Halle a/S., 1926.
- Krahe H.* Germanische Sprachwissenschaft, I. Einteilung u. Lautlehre. Berlin, 1966 (6. Aufl.); II. Formenlehre, 1967 (6. Aufl.).
- Krahe H., Meid W.* Germanische Sprachwissenschaft, III. Wortbildungslehre, 1969. Sammlung Göschel.
- Krause W.* Handbuch des Gotischen. München, 1953.
- Markey T. L., Keys R. L., Roberge P. T.* Germanic and its dialects. A grammar of Proto-Germanic, III. Bibliography and indices. Amsterdam, 1977.
- Maurer F.* Nordgermanen und Alemannen. Studien zur germanischen und frühdeutschen Sprachgeschichte. Stammes- und Volkskunde. Bern, 1942; 3. Aufl. Bern, 1952.
- Meillet A.* Caractères généraux des langues germaniques. Paris, 1917 (рус. пер.: *Мейе А.* Основные особенности германской группы языков. М., 1952).⁵
- Neckel G.* Die Verwandtschaften der germanischen Sprachen untereinander. — PBB, 1927, N 51.

- Osthoff H., Brugmann K.* Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Bd 1. Leipzig, 1878.
- Prokosch E.* A comparative Germanic grammar. Philadelphia, 1939 (рус. пер.: *Прокош Э.* Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954).
- Streitberg W.* Urgermanische Grammatik. Heidelberg, 1896.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

- Алисова Т. Б.* Место итальянской школы в современной лингвистике. — В кн.: Современное итальянское языкознание. М., 1971.
- Алисова Т. Б.* Константы языкового развития и типология романских языков. — Изв. АН СССР, СЛЯ, 1980, № 1.
- Бородина М. А.* Анализ и синтез в современной и исторической грамматике французского языка. — В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.—Л., 1965.
- Бородина М. А.* Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Ретороманская подгруппа (энгадинские варианты). Л., 1973.
- Бородина М. А., Гак В. Г.* К типологии и методике историко-семантических исследований. Л., 1979.
- Будагов Р. А.* Этюды по историческому синтаксису французского языка. — Учен. зап. ЛГУ, сер. филолог. наук, 1949, вып. 14.
- Будагов Р. А.* Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса романских языков. — ВЯ, 1955, № 3.
- Будагов Р. А.* Рец.: I. Jordan. *Lingvistica romanică. Evoluție curente, metode.* București, 1962. — НДВШ, Филолог. науки, 1965, № 3.
- Вайнрайх У.* О совместимости генеалогического родства и конвергентного развития. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 6. М., 1972.
- Вартичан И. Н., Чиботару С. С., Бережан С. Г., Дырул А. М.* Молдавский язык — самостоятельный язык молдавской социалистической нации. — В кн.: Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев, 1976.
- Васильева-Шведе О. К.* К вопросу о галисийском языке (некоторые черты неличных форм глагола). — Учен. зап. ЛГУ, Сер. филолог. наук, 1966, вып. 70, № 328.
- Васильева-Шведе О. К.* К проблеме классификации романских языков. — В кн.: Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков, ч. 1. Минск, 1970.
- Гак В. Г.* Проблема соотношения между родственными языками в функциональном аспекте. — В кн.: Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев, 1976.
- ГСРЯ — Грамматика и семантика романских языков (к проблеме универсалий). М., 1978.
- Гурычева М. С.* Народная латынь. М., 1959.
- Гурычева М. С., Катагощина Н. А.* Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Галло-романская подгруппа. М., 1964.
- Домбровский О. А.* К вопросу о периодизации истории вульгарной латыни. — В кн.: Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков, ч. 2. Минск, 1970.

- Йордан Й.* Романское языкознание. М., 1971.
- Катагощина Н. А.* Понятие scripta и проблема языковой интерпретации старофранцузских текстов. — В кн.: Исследования по романской филологии. Л., 1978.
- Корлятяну Н. Г.* Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками. Л., 1974.
- Корлятяну Н. Г.* Вопросы молдавской лингвистики в трудах акад. В. Ф. Шишмарева. — В кн.: Наследие В. Ф. Шишмарева и вопросы молдавской филологии. Кишинев, 1979.
- Макаров В. В.* Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков. Минск, 1972.
- Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
- Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938.
- Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.
- Надаль Б. И., Пиотровский Р. Г.* О хронологических и стилистических поправках в диахронических исследованиях. — ВЯ, 1959, № 3.
- Петрович Э.* Унаследованное и приобретенное под иноязычным влиянием в фонетическом и фонологическом развитии румынского языка (в связи с инфлексией румынских гласных *é* и *ó*). — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 6. М., 1972.
- Пизани В.* Итальянские диалекты в историческом аспекте. — ВЯ, 1973, № 6.
- Пиотровский Р. Г.* Формирование артикля в романских языках. М.—Л., 1960.
- Пиотровский Р. Г.* Лингвистические оценки расхождения близкородственных языков (Еще раз о соотношении молдавского и румынского языков). — ВЯ, 1973, № 5.
- Репина Т. А.* Аналитизм романского имени (Склонение существительных на Западе и Востоке Романии). Л., 1974.
- Реферовская Е. А.* Развитие предложных конструкций в латинском языке позднего периода. М.—Л., 1964.
- Реферовская Е. А.* Истоки аналитизма романских языков. М.—Л., 1966.
- Сергиевский М. В.* Проблема диалектальности вульгарной латыни в свете данных романского языкознания. — Вестн. МГУ, 1946. № 1.
- Сергиевский М. В.* Введение в романское языкознание. М., 1952.
- Серебрянников Б. А.* Проблемы сравнительно-исторического изучения языков и вопросы молдавского языкознания. — В кн.: Вопросы молдавского языкознания. М., 1953.
- Степанов Г. В.* Объективные и субъективные критерии определения понятия «вариант языка». — В кн.: Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев, 1976.
- Сухачев Н. Л.* К проблеме языковой вариативности (на ретороманском материале). Автореф. канд. дис. М., 1978.
- Тронский И. М.* Очерки по истории латинского языка. М.—Л., 1953.
- Широкова А. В.* Территориальная дифференциация языка. М., 1979.
- Шишмарев В. Ф.* Курс «Введение в романское языкознание». . . — В кн.: М. В. Сергиевский. Введение в романское языкознание. М., 1952.

- Alonso A.* Substratum y superstratum. — In: Alonso A. Estudios lingüísticos. Temas españoles. Madrid, 1967.
- Avalle D'Arco Silvio.* Protostoria delle lingue romanze. Torino, 1965.
- Bahner W.* Die lexikalischen Besonderheiten des Frühromanischen in Südosteuropa. Berlin, 1970.
- Baldinger K.* La formación de los dominios lingüísticos en la península ibérica. Madrid, 1972.
- Catalán D.* Lingüística íbero-románica. Crítica retrospectiva. Madrid, 1974.
- Cazacu B.* Autour d'une controverse linguistique: langue ou dialecte (Le problème de la classification des idiomes romanes parlés au sud du Danube). — In: IX Congreso Internacional de Lingüística Románica. Lisboa, 1959.
- Coseriu E.* Sincronía, diacronía y tipología. — In: XI Congreso internacional de lingüística y filología románicas. Actas I. Madrid, 1968.
- Coseriu E.* El problema de la influencia griega sobre el latín vulgar. — In: E. Coseriu. Estudios de lingüística románica. Madrid, 1977.
- Devoto G.* Storia della lingua di Roma. Bologna, 1944.
- Diez F.* Grammatik der romanischen Sprachen. 5. Aufl. Bonn, 1882.
- Elcock W. D.* The Romance languages. London, 1960.
- Ferguson Th.* A history of the Romance vowel systems through paradigmatic reconstruction. The Hague—Paris, 1976.
- Francescato G.* Structural comparison, diasystems and dialectology. — ZRPh, 1965, Bd 81, H. 5/6.
- Francescato G.* A propos de l'unité du «rhétoroman». — Revue roumaine de linguistique, 1972, XVII, N 3.
- Granda G. de.* Sobre la actual problemática de la lingüística románica y de su enseñanza universitaria. — Thesaurus, 1977, N 3.
- Graur A.* Latin vulgaire? — In: Actele celui de-al XII—lea congres internațional de lingvistică și filologie romanică, vol. 1. București, 1970.
- Gulstad D. E.* Syntactico-semantic reconstruction in Romance. Problems and progress. — In: Diachronic studies in Romance linguistics. The Hague—Paris, 1975.
- Hall R. A. Jr.* The reconstruction of Proto-Romance. — In: Readings in linguistics. Ed. by M. Joos. Washington, 1957.
- Hall R. A. Jr.* Idealism in Roman linguistics. Ithaca—New York, 1963.
- Hall R. A. Jr.* Pidgin and Creole languages. Ithaca—New York, 1966.
- Hall R. A. Jr.* External history of the Romance languages. New York—London—Amsterdam, 1974.
- Hall R. A. Jr.* Proto-Romance phonology. New York—Oxford—Amsterdam, 1976.
- Harris M.* The evolution of French syntax. A comparative approach. London, New York, 1978.
- Haudricourt A. G., Juilland A. G.* Essai pour une histoire structurale du phonétisme français. Paris, 1949.
- Herman J.* Le latin vulgaire. Paris, 1967.
- Iordan I.* Problèmes généraux de la linguistique romane. — In: XI Congreso internacional de lingüística y filología románicas: Actas I. Madrid, 1968.
- Klein K. W.* Der romanische Anteil an den Reichenauer Glossen. — ZRPh, 1965, Bd 81, H. 3/4.

- Křepinský M.* Romanica II. La naissance des langues romanes et l'existence d'une période de leur évolution commune (latin vulgaire, période romane). Rozpravy Československé Akademie věd, 1958, roč. 68, seš. 13.
- Lausberg H.* Die Mundarten Südlukaniens. Halle (Saale), 1939.
- Lausberg H.* Romanische Sprachwissenschaft. I. Einleitung und Vokalismus. II. Konsonantismus. Berlin, 1956.
- Leumann M.* «Urromanisch» und «Vulgärlateinisch». — *Lingua Posnaniensis*, 1960, N 8.
- Lüdtké H.* Die strukturelle Entwicklung der romanischen Vokalismus. Bonn, 1956.
- Malkiel Y.* Essays on linguistic themes. Oxford, 1968.
- Malkiel Y.* Comparative Romance linguistics. — In: *Current trends in linguistics*, vol. 9, pt 2. The Hague—Paris, 1972.
- Malmberg B.* L'extention du Castillan et le problème des substrats. — Actes du Colloque international de civilisation, littératures et langues romanes. Bucarest, 1959.
- Malmberg B.* Linguistique générale et romane. The Hague—Paris, 1973.
- Menéndez Pidal R.* Orígenes del español. Madrid, 1950.
- Meyer-Lübke W.* Grammatik der romanischen Sprachen, Bd 1—4. Leipzig, 1890—1902.
- Meyer-Lübke W.* Einführung in das Studium der Romanischen Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1901.
- Meyer-Lübke W.* Historische Grammatik der französischen Sprache. I. Heidelberg, 1934.
- Mihăescu H.* Limba latină în provinciile dunărene ale imperiului roman. București, 1960.
- Mohl G.* Introduction à la chronologie du latin vulgaire. Paris, 1899.
- Mohrmann Ch.* Les formes du latin dit «vulgaire». Essai de chronologie et de systématisation de l'époque augustéenne aux langues romanes. — In: Actes du premier congrès de la Fédération internationale des Associations d'études classiques. Paris, 1951.
- Pighi G. B.* Les formes du latin dit «vulgaire». — In: Actes du premier congrès de la Fédération internationale des Associations d'études classiques. Paris, 1951.
- Politzer R. Z.* On the emergence of Romance from Latin. — *Word*, 1949, N 2.
- Posner R.* The Romance languages. New York, 1966.
- Posner R.* Positivism in historical linguistics. — In: *Readings in Romance linguistics*. The Hague—Paris, 1972.
- Pulgram E.* Spoken and written Latin. — *Language*, 1950, N 4.
- Pulgram E.* The tongues of Italy. Cambridge (Mass.), 1958.
- Ramat P.* Ricostruzione e tipologia linguistiche. — In: *Problemi della ricostruzione in linguistica*. Atti del convegno internazionale di studi. Pavia, 1—2 ottobre, 1975. Roma, 1977.
- Reichenkron G.* Historische Latein-Altromanische Grammatik. I. Wiesbaden, 1965.
- Remacle L.* Le problème de l'ancien wallon. Paris, 1948.
- Richter E.* Beiträge zur Geschichte der Romanismen: I. Chronologische Phonetik des Französischen bis zum Ende des 8. Jahrhundert. Halle/S., 1934.
- Robson C. A.* L'Appendix Probi et la philologie latine. — *Le Moyen Age*, 1963, t. 69, 4e série, t. 18.
- Rohlf G.* Romanische Sprachgeographie. München, 1971.

- Romeo L. The economy of diphthongization in early Romance. The Hague—Paris, 1968.
- Rosețti A. Istoria limbii române. I. De la origini pînă în secolul al XVII-lea. București, 1978.
- Schmeck H. Aufgaben und Methoden der modernen vulgärlateinischen Forschung. Heidelberg, 1955.
- Schmitt Ch. Die Sprachlandschaften der Galloromania. Frankfurt/M. 1974.
- Sofer J. Zur Problematik des Vulgärlateins. Ergebnisse und Anregungen. Wien, 1963.
- Straka G. La dislocation de la Romania et la formation des langues romanes à la lumière de la chronologie relative des changements phonétiques. — Revue de linguistique romane, 1956, vol. 20.
- Tagliavini C. Le origini delle lingue neolatine. Bologna, 1959.
- Togebly K. Comment écrire une grammaire historique des langues romanes? — Studia neophilologica, 1962, N 2.
- Tovar A. Linguistics and prehistory. — Word, 1954, N 2—3.
- Väänänen V. Introduction au latin vulgaire. Paris, 1967.
- Vârvaro A. Storia, problemi e metodi della linguistica romanza. Liguori—Napoli, 1968.
- Vârvaro A. Considerazioni sul problema del protoromanzo. — In: Problemi della ricostruzione in linguistica. Atti del convegno internazionale di studi, Pavia, 1—2 ottobre, 1975. Roma, 1977.
- Vidos B. E. Manual de lingüística románica. Madrid, 1973.
- Wartburg W. von. Die Entstehung der romanischen Völker. Halle/S., 1939.
- Wartburg W. von. Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume. Bern, 1950.
- Wartburg W. von. L'articulation linguistique de la Romania. — VII Congreso internacional de lingüística románica, t. 2. Actas y memorias. 1. Barcelona, 1955.
- Weinrich H. Phonologische Studien zur romanischen Sprachgeschichte. Münster, 1958.
- Wright R. Speaking, reading and writing Late Latin and early Romance. — Neophilologus, 1976, N 2.

АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК

- Десницкая А. В. Славянские заимствования в албанском языке. М., 1963.
- Десницкая А. В. Предисловие. — В кн.: Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.
- Десницкая А. В. Древние германо-албанские языковые связи в свете проблем индоевропейской ареальной лингвистики. — ВЯ, 1965, № 6.
- Десницкая А. В. Реконструкция элементов древнеалбанского языка и общепалланские лингвистические проблемы. М., 1966.
- Десницкая А. В. Албанский язык в истории сравнительного языкознания (Определение его принадлежности к индоевропейской лингвистической семье и начало его изучения). — В кн.: Балканская филология. Л., Изд-во ЛГУ, 1970.
- Десницкая А. В. Об интеграции албанских языковых данных в круг материалов палеобалканского языкознания. — В кн.:

- Езиковедски проучвания в чест на акад. В. И. Георгиев. София, 1980.
- Дъконов И. М., Герознак В. П. Очерк фригийской морфологии. — В кн.: *Baltistica II*. Priedas. Vilnius, 1977.
- Иванов В. В. Архаизмы в глагольных флексиях древнебалканских и албанского языков. — В кн.: *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979.
- Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.
- Герознак В. П. Палеобалканские языки. М., 1978.
- Герознак В. П. Индоевропейские языки. — В кн.: Сравнительно-историческое изучение языков разных семей (Современное состояние и проблемы). М., 1981.
- Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. Пер. с нем. М., 1964.
- Селищев А. М. Славянское население в Албании. София, 1931.
- Сытов А. П. Из истории албанской глагольной флексии. — В кн.: Грамматический строй балканских языков. Л., 1976. * *
- Широков О. С. Албанская палатализация и умлаут. — В кн.: Научный ежегодник Черновицкого гос. ун-та за 1957 год. Черновцы, 1958.
- Широков О. С. Албано-балто-славянское единство. — В кн.: Научный ежегодник Черновицкого гос. ун-та за 1959 год. Черновцы, 1960.
- Adelung J. Chr.* Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in beynabe fünfhundert Sprachen und Mundarten. Fortgesetzt und bearbeitet von Joh. Sev. Vater. III Teil. Berlin, 1809.
- Ajeti I. Studime leksikore shqiptare-slave. — *Gjurmime albanologjike*, 1968, N 2.
- Akten des Internationalen Albanologischen Kolloquiums. Innsbruck, 1972. Zum Gedächtnis Norbert Jokl. Innsbruck, 1977.
- Ascoli G. I. Kritische Studien zur Sprachwissenschaft. Weimar, 1878.
- Bardhi (Blanchus) F. Dictionarium Latino-epiroticum. Romae, 1635.
- Bopp Fr. Über das Albanesische in seinen verwandtschaftlichen Beziehungen. — *Abhandl. Akad. Wiss. zu Berlin*, 1855.
- Boretzky N. Der türkische Einfluss auf das Albanische. Bd 1—2. Wiesbaden, 1975—1976.
- Braun L., Camaj M. Ein albanischer Satz aus dem Jahre 1483. — *KZ*, 1972, Bd 86, N 1.
- Çabej E. Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipe I—XVIII. — *BUSHT* — St. Fil. Tiranë, 1960—1968.
- Çabej E. Disa probleme themelore të historisë së vjeter të gjuhës shqipe. — *BUSHT*, 1962, N 4.
- Çabej E. Einige Grundproblemen der älteren albanischen Sprachgeschichte. — In: *Studia Albanica*, I. Tirana, 1964.
- Çabej E. Keltisch-albanische Isoglossen. — In: *Studi linguistici in onore di Vittore Pisani*, I. Brescia, 1969.
- Çabej E. Studime gjuhësore, I—VI. Prishtinë, 1976—1977.
- Camarda Dh. Saggio di grammatologia comparata sulla lingua albanese. Livorno, 1864.
- Da Lecce F. M. Osservazioni grammaticali nella lingua Albanese. Roma, 1716.

- Daka P.* Kontribut për bibliografinë e gjuhësisë shqiptare (1883—1944). I—XV. — In: Studime filologjikë. Tiranë, 1964—1967.
- Daka P.* Bibliografi studimeve dhe e artikujve për gjuhën shqipe (1945—1974). Tiranë, 1975.
- Desnickaja A. V.* [Десницкая А. В.]. L'albanese primitivo nella sua appartenenza al domino indoeuropeo settentrionale. — In: Le lingue dell'Europa. Atti del V convegno internazionale di Linguisti. Brescia, 1972.
- Haarman H.* Der lateinische Lehnwörtertschatz im Albanischen. Hamburg, 1976.
- Hahn J. G.* Albanesische Studien. Jena, 1854.
- Hamp E.* Evidence for the laryngeals in Albanian. — In: Evidence for laryngeals. Austin, 1960.
- Hamp E.* The position of Albanian. — In: Ancient Indo-European dialects. Berkeley—Los Angeles, 1965.
- Hermann Ed.* Über das Rekonstruieren. — KZ, 1907, Bd 41.
- Jokl N.* Linguistische-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin—Leipzig, 1923.
- Jokl N.* Albanier. — In: Reallexikon der Vorgeschichte, Bd 1. Leipzig, 1924.
- Jokl N.* Ein Beitrag zur Lehre von der Albanischen Vertretung der idg. Labiovelare. Melanges H. Pedersen. — Acta Jutlandica, IX¹. København, 1937.
- Jokl N.* Die Verwandtschaftsverhältnisse des Albanischen zu den übrigen indogermanischen Sprachen. — Die Sprache, 1963, N 9.
- Kopitar W.* Albanische, walachische und bulgarische Sprache. — Jahrbücher der Literatur, Bd 46. Wien, 1829.
- Mann S. E.* An Albanian historical grammar. Hamburg, 1977.
- Meyer G.* Albanesische Studien, Bd I—V. Wien, 1883—1896.
- Meyer G.* Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891.
- Mihăescu H.* Les éléments latins de la langue albanaise. I—II. — RESEE, 1966, t. 4, N 1.
- Miklosich F.* Albanische Forschungen. I—II. — In: Denkschriften der phil.-hist. Cl. der Akad. der Wissenschaften, Bd XIX—XX. Wien, 1870—1871.
- Ölberg H.* Einige Überlegungen zur Laryngaltheorie. An Hand des Albanischen. — KZ, 1972₁, Bd 86, H. 1.
- Ölberg H. M.* Griechisch-albanische Sprachbeziehungen I. Untersuchungen zum altgriechischen Wortgut im Albanischen. — In: Serta philologica Aenaeopolitana II. Innsbruck, 1972₂.
- Ölberg H. M.* Zwei oder drei Gutturalreihen. Vom Albanischen aus gesehen. — In: Scritti in onore di Giuliano Bonfante. Brescia, 1976.
- Pedersen H.* Die Gutturale im Albanesischen. — KZ, 1900, Bd 36.
- Pisani V.* Lexikalische Beziehungen des Albanesischen zu den anderen Indogermanischen Sprachen. — Jahrbuch für kleinasiatische Forschung, 1955, Bd 3, H. 1.
- Roques M.* Le dictionnaire albanais de 1635. Paris, 1932.
- Schleicher A.* Die Sprachen Europas in systematischer Übersicht. — Linguistische Untersuchungen, II. Bonn, 1850.
- Schleicher A.* Compendium der vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd 1, Weimar, 1861.
- Solta G. R.* Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprache. Wien, 1960.

- Solta G. R.* Zur Stellung der lateinischen Sprache. Wien, 1974.
- Stier G.* Ist die albanesische Sprache eine indogermanische? — Allgemeine Monatsschrift für Wissenschaft und Literatur. Braunschweig, 1854.
- Tagliavini G.* La stratificazione del'lessico albanese. Elementi indoeuropei. Bologna, 1965.
- Vasmer M.* Studien zur albanesischen Wortforschung. Dorpat, 1921.
- Vater J. S.* Vergleichungstafeln der europäischen Stammsprachen und Süd-West-Asiatischer. Halle, 1822.
- Viri illustris Godefridi Gvil. Leibnitii Epistolae.* Lipsiae, 1734.
- Xylander J. R.* Die Sprache der Albanesen oder Schkipetaren. Frankfurt a. M., 1835.

ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ ЯЗЫКИ

- Аврорин В. А.* Грамматика нанайского языка, т. 1. М.—Л., 1959; т. 2. М., 1961.
- Баскаков Н. А.* Предисловие. — В кн.: Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Бойцова А. Ф.* Категория лица в эвенкийском языке. Л., 1940.
- Болдырев Б. В.* Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. М., 1976.
- Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
- Василевич Г. М.* К вопросу о классификации тунгусо-маньчжурских языков. — ВЯ, 1960, № 2.
- Горелова Л. М.* Категория вида в эвенкийском языке. Новосибирск, 1979.
- Горцевская В. А.* Формы отрицания в эвенкийском языке. Л., 1941.
- Горцевская В. А.* Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1959.
- Захаров И. И.* Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.
- Захаров И. И.* Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879.
- Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: t, d, δ. — ВЯ, 1963, № 6.
- Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские гуттуральные: *k', *k, *g. — В кн.: Этимология. 1964. М., 1965.
- Кормушин И. В.* Каузативные формы глагола в алтайских языках. — В кн.: Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978.
- Лебедева Е. П.* Наречия места в эвенкийском языке. Л., 1936.
- Насилов Д. М.* Об алтайской языковой общности (К истории проблемы). — В кн.: Тюркологический сборник. 1974. М., 1977, № 3.
- Насилов Д. М.* Из истории алтаистики. — Сов. тюркология, 1977, № 3.
- Насилов Д. М.* Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках (В связи с проблемой глагольного вида). — В кн.: Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978.
- Робек В. А.* Виды глагола в эвенском языке. Автореф. канд. дис. Л., 1974.
- Сем Л. И.* Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурйский) диалект. Л., 1976.
- Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Высочайшей особы, ч. 1. СПб., 1787.

- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. 1. Л., 1975; т. 2. Л., 1977.
- Суник О. П. О категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1947, т. 4, вып. 5.
- Суник О. П. О языке нанайцев на р. Куре. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1948, т. 7, вып. 6.
- Суник О. П. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958.
- Суник О. П. Тунгусо-маньчжурские языки. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.—Л., 1959.
- Суник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.—Л., 1962.
- Цинциус В. И. Сравнительные таблицы по морфологии тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1936.
- Цинциус В. И. Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках. — Учен. зап. ЛГУ, сер. филолог. наук, 1946, т. 69, вып. 10.
- Цинциус В. И. Проблемы сравнительной грамматики тунгусо-маньчжурских языков. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1948, т. 7, вып. 6.
- Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
- Цинциус В. И. К сравнительному изучению основного словарного фонда тунгусо-маньчжурских языков. — Учен. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1954, т. 101.
- Шмидт П. Этнография Дальнего Востока. — В кн.: Vivat Academia. Владивосток, 1915.
- Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, т. 1. СПб., 1883; т. 2. СПб., 1899; т. 3. СПб., 1903.
- Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы. Хабаровск, 1933.
- Abel-Rémusat.* Recherches sur les langues tartares, ou Mémoires sur différents points de la grammaire et de la littérature des Mandchous, des Mongols, des Ouigoures et des Tibétains, t. 1. Paris, 1820.
- Adelung J. Chr.* Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. . . , Bd I—IV. Berlin, 1806—1817.
- Benzing J.* Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1955 (см.: Abhandlungen der Geistes- und Socialwissenschaftlichen Classe, 1955, N 11, S. 955—1099).
- Castren M.-A.* Grundzüge einer Tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. SPb., 1856.
- Doerfer G.* Der Numerus im Mandschu. Wiesbaden, 1963.
- Doerfer G.* Ist Kur-Urmisch ein nanaischer Dialekt? — Ural-Altäische Jahrbücher, 1975, Bd 47.
- Doerfer G.* Classification Problems of Tungus. — In: Tungusica. Bd 1. Wiesbaden, 1978.
- Grube W.* Die Sprache und Schrift der Jūčen. Leipzig, 1896.
- Grube W.* Goldisch-Deutscher Wörterverzeichnis mit vergleichender Berücksichtigung der übrigen tungusischen Dialekte. — In: Reisen und Forschungen im Amur-Lande von Schrenck, t. 3. SPb., 1900.
- Klaproth J.* Asia Polyglotta. Paris, 1823.

- Ligeti L.* Note préliminaire sur le déchiffrement des «petits caractères» jou-tchen. — Acta Orientalia Hungarica, 1953, t. 3.
- Ligeti L.* Les inscriptions djurtchen de Tyr. La formule om mañi padme hüm. — Acta Orientalia Hungarica, 1961, t. 12.
- Schott W.* Versuch über die tatarischen Sprachen. Berlin, 1836.
- Strahlenberg Ph. I.* Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. . . Stockholm, 1730.
- Wiedemann F. I.* Über die früheren Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandschaft mit den Völkern Mittelhochasiens. Reval, 1838.
- Witsen N. W.* Noord en Oost Tartarye bonding Ontwerp wan eenige dier Landen en Volken ets. Amsterdam, 1692.
- Yamaji H.* A Jucen-Japanese-English glossary. Tokyo, 1956.

СИНО-ТИБЕТСКИЕ И АВСТРО-ТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ

- Головастиков А. Н.* О происхождении тона в бирманском языке. — В кн.: Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». Тезисы докладов. М., «Наука», 1977.
- Оно Т.* Протокукичинские реконструкции, I. Начальные согласные. — Гэнго кэнкю, 1965, № 47 (на япон. яз.).
- Пейрос И. И., Старостин С. А.* О генетическом сравнении китайского и тибетского языков (фонетические соответствия). — В кн.: Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977.
- Старостин С. А.* Проблемы реконструкции древнекитайской фонологической системы. Канд. дис. М., 1979.
- Яхонтов С. Е.* Фонетика китайского языка I тысячелетия до н. э. — Проблемы востоковедения, 1959, № 2; 1960, № 6.
- Яхонтов С. Е.* Языки Восточной и Юго-Восточной Азии в IV—I тысячелетиях до н. э. — В кн.: Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977₁.
- Яхонтов С. Е.* В защиту аустротайской гипотезы. — В кн.: Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». Тезисы докладов. М., 1977₂.
- Яхонтов С. Е.* Типы реконструируемых тональных систем слоговых языков Азии. — В кн.: Конференция «Проблемы реконструкции». М., 1978.
- Яхонтов С. Е.* Классификация сино-тибетских языков. Л., 1979.
- Яхонтов С. Е.* Соответствия заднеязычных согласных в дун-шуйских языках. — Востоковедение, 1980, № 7.
- Чжоу Фагао.* Шангу ханьюй хэ ханьцанюй. — Journal of the Institute of Chinese Studies of the University of Hong-kong, 1972, vol. 5, N 1 (на кит. яз.).
- Чжунго кэсюэ юаньшаошу миньцзу юйянь яньцзюсо чжубянь.* Чжунго шаошу миньцзу юйянь изьяньчжи. Мяояо юйцзу буфэнь. Пекин, 1959 (на кит. яз.).

- Bauman J. J.* Pronouns and pronominal morphology in Tibeto-Birman. Diss. University of California. Ann Arbor, 1975.
- Benedict P. K.* Thai, Kadai and Indonesian: a new alignment in Southern Asia. — American Anthropologist, n. s., 1942, vol. 44.
- Benedict P. K.* Sino-Tibetan. A conspectus. Cambridge, 1972₁.

- Benedict P. K.* The Sino-Tibetan tonal system. Languages et techniques, nature et société, t. 1. Paris, 1972₂.
- Benedict P. K.* Tibeto-Birman tones with a note on teleo-reconstruction. — Acta Orientalia, 1973, vol. 35.
- Benedict P. K.* Austro-Thai. Language and Culture. New Haven, 1975.
- Burling R.* Proto-Bodo. — Languages, 1959, vol. 35.
- Burling R.* Proto-Lolo-Burmese. — Indiana Publications in Anthropology and Linguistics, 1967, vol. 43.
- Burling R.* Proto-Karen. A Reanalysis. — OPWS, Ann Arbor, 1969, vol. 1.
- Chang Kun.* A comparative study of the Southern Ch'iang dialects. Li Fang-kuei Festschrift. — Monumenta Serica, 1967, vol. 26.
- Conrady A.* Eine indochinesische causativ-denominativ-Bildung. Leipzig, 1896.
- Egerod S.* Benedict's Austro-Thai hypothesis and the traditional views on Sino-Thai relationship. — CAAAL, 1976, vol. 6.
- Glover W. W.* Semantic and Grammatical structures in Gurung (Nepal). Norman, 1974.
- Hanson O.* A dictionary of the Kachin language. Rangoon, 1906.
- Haudricourt A. G.* Le vocabulaire Bê de F. Savina. — Publications de EFEO, Paris, 1965, t. 57.
- Haudricourt A. G.* La langue Lakkia. — BSL, 1967, t. 62, N 1.
- Jones R. B.* Karen linguistic studies. — University of California Publications in Linguistics, 1961, vol. 25.
- Karlgren B.* Grammata Serica. — BMFEA, 1940, vol. 12.
- Karlgren B.* Grammata Serica. — BMFEA, 1957, vol. 29.
- Li Fang-kuei.* The Tai and the Kam-Sui languages. — Lingua, 1965, vol. 14.
- Li Fang Kuei.* A handbook of comparative Tai. — Oceanic Linguistic Special Publications, 1977, vol. 15.
- Maspero H.* Études sur la phonétique historique de la langue annamite. — BEFEO, 1912, t. 12, f. 1.
- Matisoff J.* The Loloish tonal split revisited. — Center for South and Southeast studies. Research monograph, 1972, N 7 (Berkeley).
- Matisoff J.* The tones of Jinghpaw and Lolo-Burmese. — Acta Linguistica Hafniensia, 1974, vol. 15, N 2.
- Matisoff J.* Austro-Thai and Sino-Tibetan: an examination of body-part contact relationships. — In: Genetic relationship, diffusion and typological similarities of East and Southeast Asian languages. Tokyo, 1976.
- Matisoff J.* Variational semantics in Tibeto-Burman. — OPWS, Philadelphia, 1978₁, vol. 6.
- Matisoff J.* Stars, moon and spirits. — In: Paper presented at 11-th Sino-Tibetan conference. Tucson, 1978₂.
- Miller R. A.* Tibeto-Burman ablaut system. — Transactions of the International Conference of Orientalists in Japan, 1956, vol. 1.
- Miller R. A.* The Tibeto-Burman infix system. — JAOS, 1958, vol. 78, N 3.
- Nagano Y.* Preliminary remarks to rGyarong dialectology. — Paper presented at 11-th Sino-Tibetan conference. Tucson, 1978.
- Nagano Y.* A historical study of rGyarong initials and prefixes. — LTBA, 1979, vol. 4, N 2.

- Nishida T.* Mak-Sui languages and common Thai. Gengo Kenkyu, 1955.
- Prapin M.* Thai and Chinese — are they genetically related? — CAAAL, 1976, vol. 6.
- Pulleyblank E. G.* The consonantal system of Old Chinese. — Asia Major, 1962, N 9.
- Pulleyblank E. G.* Close/open ablaut in Sino-Tibetan. — Lingua, 1965, vol. 14.
- Shafer R.* (ed.) Bibliography of Sino-Tibetan Linguistics, pt 1. Wiesbaden, 1957; pt 2, 1963.
- Shafer R.* Introduction to Sino-Tibetan, pt 1. Wiesbaden, 1966; pt 2, 1967; pt 3, 1968; pt 4, 1970; pt 5, 1974.
- Stübel H.* Die Li-Stämme der Insel Hainan. Berlin, 1937.
- Wolfenden S. N.* Outlines of the Tibeto-Burman linguistic morphology. London, 1929.
- Wulff K.* Chinesisch und Tai. Sprachvergleichende Untersuchungen. Copenhagen, 1934.
- Wulff K.* Über das Verhältnis des Malayo-Polynesischen zum Indonesischen. Copenhagen, 1942.

ДРАВИДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

- Андронов М. С.* Разговорный тамильский язык и его диалекты. М., 1962.
- Андронов М. С.* О соотношении письменного тамильского языка с разговорным и о хронологии тамильских языковых форм. — КСИНА 62, М., 1964.
- Андронов М. С.* Грамматика тамильского языка. М., 1966.
- Андронов М. С.* Сравнительная грамматика дравидийских языков. М., 1978.
- Пизани В.* Этимология. М., 1956.
- Agesthialingom S., Shanmugam S. V.* The language of Tamil inscriptions (1250—1350 A. D.). Annamalainagar, 1970.
- Andronov M.* [Андронов М.] Borrowed structures in language systems. — IJL, Calcutta, 1979, vol. 6.
- Bloch J.* Les consonnes intervocaliques en tamoul. — MSL, Paris, 1914, t. 19.
- Bloch J.* Une tournure dravidienne en marathe. — BSL, 1932, Paris, t. 33.
- Bloch J.* L'indo-aryen du Véda aux temps modernes. Paris, 1934.
- Bloch J.* La forme négative du verbe dravidien. — BSL, 1935, Paris, t. 36.
- Bloch J.* Emprunts dravidiens à l'aryen moyen. — In: A volume of Eastern and Indian studies presented to prof. F. W. Thomas. Bombay, 1939.
- Bloch J.* Structure grammaticale des langues dravidiennes. Paris, 1946.
- Burrow T.* Dravidian studies I: notes on 'convertibility of surds and sonants'. — BSO(A)S, London, 1938, vol. 9.
- Burrow T.* Dravidian studies II: notes on the interchange of short *e* and *o* with *i* and *u* in South Dravidian. — BSO(A)S, London, 1940, vol. 10.

- Burrow T.* Dravidian studies III: two developments of initial k in Dravidian. — BSO(A)S, London, 1943, vol. 11.
- Burrow T.* Dravidian studies IV: the body in Dravidian and Uralian. — BSO(A)S, London, 1944, vol. 11.
- Burrow T.* Dravidian studies V: initial y- and ñ- in Dravidian. — BSO(A)S, London, 1945, vol. 11.
- Burrow T.* Dravidian studies VI: the loss of initial c-/s- in South Dravidian. — BSO(A)S, London, 1947, vol. 12.
- Burrow T.* A sketch of Manda grammar in comparison with Pengo. — In: *Dravidian Linguistics*, V. Annamalainagar, 1976.
- Burrow T., Bhattacharya S.* The Parji language. Hertford, 1953.
- Burrow T., Bhattacharya S.* A comparative vocabulary of the Gondi dialects. — JAS, Calcutta, 1960, N 2.
- Burrow T., Bhattacharya S.* Some notes on the Kui dialect as spoken by the Kuṭṭia Khands of North-East Koraput. — IJ, The Hague, 1961, vol. 5.
- Burrow T., Bhattacharya S.* Notes on Kuvi with a short vocabulary. — IJ, The Hague, 1963, vol. 6.
- Burrow T., Bhattacharya S.* The Pengo language. Oxford, 1970.
- Burrow T., Emeneau M. B.* A Dravidian etymological dictionary. Oxford, 1961.
- Burrow T., Emeneau M. B.* A Dravidian etymological dictionary: supplement. Oxford, 1968.
- Caldwell R.* A comparative grammar of the Dravidian or South-Indian family of languages. London, 1856; 2nd ed. London, 1875; 3rd ed. London, 1913.
- Centre of Advanced Study in Linguistics. Year Book: 1976—1978. Annamalainagar, [s. a.].
- Chandrasekhar A.* Evolution of Malayalam. Poona, 1953.
- Chatterji S. K.* The origin and development of the Bengali language. Calcutta, 1926.
- Chatterji S. K.* Old Tamil, ancient Tamil and primitive Dravidian. — IL, Poona, 1954, vol. 14.
- Chidambaranatha Pillai V.* Phonology of Kasaba with vocabulary. Annamalainagar, 1976.
- Chidambaranatha Pillai V.* A grammar of the Kasaba language. Annamalainagar, 1978.
- Das R. P.* Bhāṣavidyādharaṣanapratiṣādaḥ. Köln, 1979 (mimeo).
- Emeneau M. B.* Kota texts, pt I. Berkeley, 1944; pts II—IV. Berkeley, 1946.
- Emeneau M. B.* The Dravidian kinship terms. — *Language*, 1953, vol. 29.
- Emeneau M. B.* Kolami, a Dravidian language. Berkeley, 1955.
- Emeneau M. B.* India as a linguistic area. — *Language*, 1956, vol. 32.
- Emeneau M. B.* Toda, a Dravidian language. — TPS, London, 1957₁.
- Emeneau M. B.* Numerals in comparative linguistics (with special reference to Dravidian). — BIHP, Taipei, 1957₂, vol. 29.
- Emeneau M. B.* Brahui demonstrative pronouns. — JAS, Calcutta, 1961₁, vol. 3.
- Emeneau M. B.* North Dravidian velar stops. — Te. Po. M1. Maṇi Viḷa Malar. Coimbatore, 1961₂.
- Emeneau M. B.* Brahui and Dravidian comparative grammar. Berkeley, 1962₁.
- Emeneau M. B.* New Brahui etymologies. — In: *Indological Studies in Honour of W. Norman Brown*. Philadelphia, 1962₂.

- Emeneau M. B.* Bilingualism and structural borrowing. — PAPS, Philadelphia, 1962₃, vol. 106.
- Emeneau M. B.* India and historical grammar. Annamalainagar, 1965.
- Emeneau M. B.* The South Dravidian languages. — JAOS, New Haven, 1967, vol. 87.
- Emeneau M. B.* A Kota vowel shift. — JTS, Madras, 1969, vol. 1.
- Emeneau M. B.* Dravidian comparative phonology. Annamalainagar, 1970₁.
- Emeneau M. B.* Kodagu vowels. — JAOS, New Haven, 1970₂, vol. 90.
- Emeneau M. B.* Kodagu and Brahui development of PDr 1. — IJ, The Hague, 1971, vol. 13.
- Gai G. S.* Historical grammar of Old Kannada. Poona, 1946.
- Kittel F.* A grammar of the Kannada language. Mangalore, 1903.
- Krishnamurti Bh.* The history of vowel-length in Telugu verbal bases. — JAOS, New Haven, 1955, vol. 75.
- Krishnamurti Bh.* Alternations i/e and u/o in South Dravidian. — Language, Baltimore, 1958₁, vol. 34.
- Krishnamurti Bh.* Proto-Dravidian *1. — IL, Poona, 1958₂, vol. 19.
- Krishnamurti Bh.* Telugu verbal bases: a descriptive and comparative study. Berkeley, 1961.
- Krishnamurti Bh.* (Ed.) Telugu bhāṣā caritra. Hyderabad, 1974.
- Kuiper F. B. J.* Zur Chronologie des Stimmtonverlusts im dravidischen Anlaut. — BSO(A)S, London, 1938, vol. 9.
- Kumaraswami Raja N.* Post-nasal voiceless plosives in Dravidian. Annamalainagar, 1969.
- Kushalappa Gowda K.* A grammar of Kannada based on the inscriptions of Coorg, South Kanara and North Kanara districts (1000—1400 A. D.). Annamalainagar, 1972.
- Linguistic Survey of India, vol. 4. Calcutta, 1906.
- Mahadeva Sastri K.* Historical grammar of Telugu. Anantapur, 1969.
- Master A.* Intervocalic plosives in Dravidian. — BSO(A)S, London, 1938, vol. 9.
- Narasimha A. N.* A grammar of the oldest Kanarese inscriptions. Mysore, 1941.
- Panneerselvam R.* Tamil inscriptions of 7th, 8th and 9th centuries A. D. Trivandrum, 1979.
- Ramachandra Rao B.* A descriptive grammar of Pampa Bharata. Mysore, 1972.
- Ramachandran P.* Language of Middle Malayalam. Trivandrum, 1973.
- Ramaswami Aiyar L. V.* Ancient Dravidian initial surd k- and its modern derivatives. — ERM, 1931, vol. 36.
- Ramaswami Aiyar L. V.* Aphaeresis and sound displacement in Dravidian. — QJMS, Bangalore, 1932, vol. 22.
- Ramaswami Aiyar L. V.* Initial fricatives and affricates in Dravidian. — IA, Bombay, 1933, vol. 62.
- Ramaswami Aiyar L. V.* Dravidic sandhi. — QJMS, Bangalore, 1934—1935, vols 25—28.
- Ramaswami Aiyar L. V.* Tamil 1. — JORM, Madras, 1935, vol. 9.
- Ramaswami Aiyar L. V.* The evolution of Malayalam morphology. Ernakulam, 1936.
- Ramaswami Aiyar L. V.* The morphology of the Old Tamil verb. — Anthropos, 1938, vol. 33.
- Retnamma K.* A linguistic study of early Manipravalam. Trivandrum, 1976.

- Sambasiva Rao G.* A comparative study of Dravidian noun derivatives. Ph. D. thesis. Cornell University, Ithaca, 1973₁.
- Sambasiva Rao G.* On Proto-Dravidian morphophonemics. — IJDL, Trivandrum, 1973₂, vol. 2.
- Shanmugam S. V.* Dravidian noun: a comparative study. Annamalainagar, 1971.
- Sōmasēkharan Nāyar P.* Paṇiyabhāṣa. Kōṭṭayam, 1977.
- Subbayya K. V.* A primer of Dravidian phonology. — IA, Bombay, 1909, vol. 38.
- Subbayya K. V.* A comparative grammar of the Dravidian languages. — IA, Bombay, 1910—1911, vols 39—40.
- Subbayya K. V.* The history of the first personal pronoun in various Dravidian languages. — Dravidic Studies, Madras, 1923, vol. 2.
- Subrahmanyam P. S.* Dravidian verb morphology (a comparative study). Annamalainagar, 1971.

АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

- Сирк Ю. X.* Рец. на кн.: G. Kahlo. Die Bedeutung der indonesisch-polynesischen Silben (1962). — Народы Азии и Африки, 1966, № 2.
- Сирк Ю. X.* О классификации австронезийских языков. — В кн.: Языки Юго-Восточной Азии. М., 1967.
- Сирк Ю. X.* Рец. на кн.: A. V. Hudson. The Barito isolects of Borneo (1967). — Народы Азии и Африки, 1968, № 4.
- Сирк Ю. X.* Рец. на кн.: T. A. Llamzon. A subgrouping of nine Philippine languages (1969). — Народы Азии и Африки, 1973₁, № 4.
- Сирк Ю. X.* Вопросы сравнительно-исторического исследования австронезийских языков. — В кн.: Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. Тезисы докладов (дискуссия в Ин-те востоковедения, декабрь 1973). М., 1973₂.
- Сирк Ю. X.* Южносулавесийская группа как единица генетической классификации. — В кн.: Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. Тезисы докладов. . . М., 1973₃.
- Членов М. А.* Опыт классификации языков Юго-Восточной Индонезии. — В кн.: Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. Тезисы докладов (дискуссия в Ин-те востоковедения, декабрь 1973). М., 1973.
- Членов М. А.* Население Молуккских островов. М., 1976.

Alieva N. [Алиева Н.]. Observations on typological evolution in Indonesian languages. — In: Second International Conference on Austronesian Linguistics: Proceedings (=Pacific Linguistics series C, N 61). [Canberra], 1978*.

Blust R. A. Proto-Austronesian addenda. — Oceanic Linguistics, 1970, vol. 9, N 2.

Blust R. A. Proto-Austronesian syntax: the first step. — Oceanic Linguistics, 1974, vol. 13.

Blust R. A. Dempwolff's reduplicated monosyllables. — Oceanic Linguistics, 1976, vol. 15.

* Далее везде — SICAL Proc. 1978.

- Blust R. A.* The Proto-Austronesian pronouns and Austronesian sub-grouping: A preliminary report. — Working Papers in Linguistics University of Hawaii. Department of Linguistics, 1977, vol. 9, N 2.
- Blust R. A.* The Proto-Oceanic palatals. Wellington, 1978.
- Brandes J. L. A.* Bijdrage tot de vergelijkende klankleer der Westersche afdeling van de Maleisch-Polynesische taalfamilie. Utrecht, 1884.
- Brandstetter R.* Wurzel und Wort in den indonesischen Sprachen. Luzern, 1910.
- Brandstetter R.* Gemeinindonesisch und Urindonesisch. Luzern, 1911.
- Brandstetter R.* Das Verbum: dargestellt auf Grund einer Analyse der besten Texte in vierundzwanzig indonesischen Sprachen. Luzern, 1912.
- Brandstetter R.* Die Lauterscheinungen in den indonesischen Sprachen. Luzern, 1915.
- Brandstetter R.* Introduction to Indonesian linguistics being four essays. London, 1916.
- Charles M.* Problems in the reconstruction of Proto-Philippine phonology and the subgrouping of the Philippine languages. — Oceanic Linguistics, 1974, vol. 13.
- Chlenov M. A., Sirk Ū.* [Членов М. А., Сирк Ю.] Merger of labial phonemes in Ambonese languages. — Труды по востоковедению II. Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, 1973, вып. 309.
- Dahl O. C.* Malgache et maanjan: une comparaison linguistique. Oslo, 1951.
- Dahl O. C.* Proto-Austronesian. 1st ed. Lund, 1973. 2nd revised ed. Lund, 1977₁.
- Dahl O. C.* La subdivision de la famille barito et la place du malgache. — Acta Orientalia, (Copenhagen), 1977₂, vol. 38.
- Dahl O. C.* The fourth focus. — SICAL Proc., 1978.
- Dempwolff O.* Die L-, R- und D-Laute in austronesischen Sprachen. — Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen, 1924—1925, Jg. 15.
- Dempwolff O.* Vergleichende Lautlehre des austronesischen Wortschatzes. Berlin—Hamburg, 1934—1938 (Bd 1: Induktiver Aufbau einer indonesischen Ursprache, 1934; Bd 2: Deduktive Anwendung des Urindonesischen auf austronesische Einzelsprachen, 1937; Bd 3: Austronesisches Wörterverzeichnis, 1938).
- Dyen I.* The Proto-Malayo-Polynesian laryngeals. Baltimore, 1953.
- Dyen I.* A lexicostatistical classification of the Austronesian languages. Baltimore, 1965.
- Dyen I.* Comment on: G. W. Grace. Austronesian lexicostatistical classification: a review article. — Oceanic Linguistics, 1966, vol. 5, N 1.
- Dyen I.* The Austronesian languages and Proto-Austronesian. — In: Current trends in linguistics, vol. 8. The Hague—Paris, 1971.
- Ferrell R.* Paiwan phonology and Proto-Austronesian doublets. — SICAL Proc., 1978.
- Gonda J.* Opmerkingen over de toepassing der comparatieve methode op de Indonesische talen, voornamelijk in verband met hun woordstructuur. — Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië, 1940, dl. 99.
- Gonda J.* The comparative method as applied to Indonesian languages. — Lingua, 1952, vol. 1, N 1.
- Hervas y Panduro L.* Catalogo delle lingue. Cesena, 1784.
- Hervas y Panduro L.* Aritmetica delle Nazioni. Cesena, 1786.

- Hudson A. B.* The Barito isolects of Borneo: a classification based on comparative reconstruction and lexicostatistics. Ithaca—New York, 1967.
- Humboldt W. von.* Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Java. Bd 1—3. Berlin, 1836—1839.
- Kern H. A.* De Fidji-taal vergeleken met hare verwanten in Indonesië en Polynesië. Amsterdam, 1886₁.
- Kern H. A.* Klankverwisselingen in de Maleisch-Polynesische talen. Amsterdam, 1886₂.
- Latham R. G.* On general affinities of the languages of the Oceanic Blacks. — In: Jukes J. B. Narrative of the surveying voyage of H. M. S. Fly. London, 1847.
- Mills R. F.* The reconstruction of Proto South Sulawesi. — Archipel, Paris, 1975, N 10.
- Nothofer B.* Reconstruction of Proto-Malayo-Javanic. 's-Gravenhage, 1975.
- [*Ogawa N., Asai E.*] Gengo-ni yoru Taiwan-takasago-zoku-densetsushū. 1-e изд. Taihoku, 1935; 2-e изд. (с подзаголовком: The myths and traditions of the Formosan native tribes (Texts and notes)). [Tokyo], 1967.
- Pätsch G.* Die Tradition der austrischen Sprachvergleichung und G. Kahlos indonesisch-polynesisches Silbenwörterbuch. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität. Jena. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, 1965, Jg. 14, H. 3.
- Ray S. H.* A comparative study of the Melanesian island languages. Cambridge, 1926.
- Reid L. A.* Problems in the reconstruction of Proto-Philippine construction markers. — SICAL Proc., 1978.
- Reland H. Hadriani Relandi* Dissertationum Miscellaneorum pars tertia e ultima. Dissertatio de linguis Insularum quarundam Orientalium. Trajecti ad Rhenum, 1708.
- Sirk Ū.* [Сирк Ю.] Problems of high-level subgrouping in Austronesian. — SICAL Proc., 1978.
- Sirk Ū.* [Сирк Ю.] The South Sulawesi group and neighbouring languages. — In: XIV Pacific Science Congress. Committee L. Abstracts of Papers, vol. 2. Moscow, 1979.
- Sneddon J. N.* Proto-Minahasan: phonology, morphology and wordlist. [Canberra], 1978.
- Stresemann E.* Die Lauterscheinungen in den ambonischen Sprachen. Berlin—Hamburg, 1927.
- Tsuchida S.* Reconstruction of Proto-Tsouic phonology. Tokyo, 1976.
- Tuuk H. N. van der.* Outlines of a grammar of the Malagasy language. — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1865, vol. 1.
- Tuuk H. N. van der.* 't Lampongsch en zijne tongvallen. — Tijdschrift voor Indische Taal-, Land- en Volkenkunde, 1872, dl. 18.
- Wolff J. U.* Verbal inflection in Proto-Austronesian. — In: Parangal kay Cecilio Lopez. Quezon City, 1973.
- Wolff J.* Proto-Austronesian *r and *d. — Oceanic Linguistics, 1974, vol. 13.
- Zorc D. P.* The Bisayan dialects of the Philippines: subgrouping and reconstruction. [Canberra], 1977.
- Zorc R. D.* Proto-Philippine word accent: innovation or Proto-Hesperonesian retention? — SICAL Proc., 1978.

ОКЕАНИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

- Аракин В. Д.* Некоторые проблемы изучения океанийских языков. — ВЯ, 1975, № 2.
- Беликов В. И.* Полинезийская именная конструкция в диахронии. — В кн.: Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания», ч. 1. М., 1977.
- Беликов В. И.* К вопросу об основаниях генеалогической классификации. — В кн.: Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980.
- Беликов В. И.* Происхождение и миграции полинезийцев (по лингвистическим данным). — В кн.: Пути развития Австралии и Океании. М., 1981.
- Перцов П. Н.* О реконструкции правосточноокеанийского языка. — В кн.: Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов. М., 1977.
- Allen J., Hurd C.* Languages of the Bougainville district. [S. 1.], [s. a.].
- Beaumont C. H.* New Ireland languages: a review. — In: Papers in Linguistics of Melanesia, Canberra, 1972, N 3.
- Beaumont C. H.* Austronesian languages: New Ireland. — In: Wurm S. (ed.), 1976.
- Bender B.* Micronesian languages. — Current Trends in Linguistics, The Hague, 1971, vol. 8, pt 1.
- Biggs B.* Direct and indirect inheritance in Rotuman. — Lingua, 1965, vol. 14.
- Biggs B.* The history of the Polynesian phonology. — In: Wurm S., Carrington L. (eds.), 1978.
- Biggs B., Walsh D., Waqa J.* Proto+Polynesian reconstruction with English to Proto-Polynesian finder list. Auckland, 1970.
- Blust R.* Proto-Oceanic addenda with cognates in Non-Oceanic Austronesian languages. — Working Papers in Linguistics, Univ. of Hawaii, 1972, vol. 4.
- Blust R.* The Proto-Oceanic palatals. Wellington, 1978₁.
- Blust R.* Eastern Malayo-Polynesian: a subgrouping argument. — In: Wurm S., Carrington L. (eds.), 1978₂.
- Bradshaw J.* Notes on subgrouping Huon Gulf Austronesian languages. — Working Papers in Linguistics, Univ. of Hawaii, 1978, vol. 10.
- Capell A.* A linguistic survey of the South-Western Pacific. Noumea, 1962.
- Capell A.* Lexicostatistical study of the languages of Choiseul Island, British Solomon Islands. — Papers in Linguistics of Melanesia, Canberra, 1968, N 1.
- Capell A.* Features of Austronesian languages in the New Guinea area in general in contrast with other Austronesian languages of Melanesia. — In: Wurm S. (ed.), 1976.
- Cashmore C.* Some Proto-Eastern-Oceanic reconstruction with reflexes in South-East Solomon Islands languages. — Oceanic Linguistics, 1969, vol. 8.
- Cashmore C.* Vocabularies of the Santa Cruz Islands, British Solomon

- Islands protectorate. — Working Papers, Dept. of Anthropology, Univ. of Auckland, 1972, N 17.
- Chowning A.* Austronesian languages of New Britain. — In: Wurm S. (ed.), 1976.
- Chowning A.* Comparative grammars of five New Britain languages. — In: Wurm S., Carrington L. (eds.), 1978.
- Clark R.* Transitivity and case in Eastern Oceanic languages. — *Oceanic Linguistics*, 1973, vol. 12.
- Clark R.* Aspects of Proto-Polynesian syntax. Auckland, 1976.
- Cochran A.* A comparative study of Milne Bay phonology. — In: Wurm S., Carrington L. (eds.), 1978.
- Codrington R. H.* The Melanesian languages. Oxford, 1885.
- Dempwolff O.* Vergleichende Lautlehre des austronesischen Wortschatzes, Bd 1—3. Berlin, 1934—1938.
- Elbert S. H.* Internal relationships of Polynesian languages and dialects. — *Southwestern Journal of Anthropology*, Albuquerque, 1953, vol. 9.
- Ezard B.* Classificatory prefixes of the Massim Cluster. — In: Wurm S., Carrington L. (eds.), 1978.
- Goodenough W. C.* Migrations implied by relationships of New Britain dialects to Central Pacific languages. — *The Journal of Polynesian Society*, 1961, vol. 70.
- Grace G.* Subgrouping of Malayo-Polynesian: a report of tentative findings. — *American Anthropologist*, 1955, vol. 62.
- Grace G.* The position of the Polynesian languages within the Austronesian (Malayo-Polynesian) language family. — *IJAL*, Mem. Suppl., 1959, N 16.
- Grace G.* A Proto-Oceanic finder list. — *Working Papers in Linguistics*, Univ. of Hawaii, 1969, vol. 4
- Grace G.* Notes on the phonological history of the Austronesian languages of the Sarmi Coast. — *Oceanic Linguistics*, 1971, vol. 10.
- Guy J. B. M.* Proto-North New Hebridean reconstructions. — In: Wurm S., Carrington L. (eds.), 1978.
- Hale H.* Ethnology and philology. — In: *United States exploring expedition, 1838—1942*, vol. 6. Washington, 1848.
- Haudricourt A.* New Caledonia and the Loyalty Islands. — *Current Trends in Linguistics*, The Hague, 1971, vol. 8, pt 1.
- Healey A.* Austronesian languages: Admiralty Islands area. — In: Wurm S. (ed.), 1976.
- Hooley B.* Austronesian languages of the Morobe district, Papua New Guinea. — *Oceanic Linguistics*, 1971, vol. 10.
- Hooley B.* Austronesian languages: Morobe province. — In: Wurm S. (ed.), 1976.
- Humboldt W. von.* Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Java, Bd 1—3. Berlin, 1836—1839.
- Laycock D. C.* Austronesian languages: Sepik provinces. — In: Wurm S. (ed.), 1976.
- Lincoln P. C.* Austronesian languages: Bougainville province. — In: Wurm S. (ed.), 1976.
- Lincoln P. C.* Reef — Santa Cruz as Austronesian. — In: Wurm S., Carrington L. (eds.), 1978.
- Lithgow D.* Austronesian languages: Milne Bay and adjacent islands. — In: Wurm S. (ed.), 1976.

- Lynch J.* Proto-South Hebridean and Proto-Oceanic. — In: Wurm S., Carrington L. (eds.), 1978.
- Milke W.* Zur inneren Gliederung und gesichtlichen Stellung der ozeanisch-austronesischen Sprachen. — Zeitschrift für Ethnologie, 1958, Bd 3.
- Milke W.* Beiträge zur ozeanische Linguistik. — Zeitschrift für Ethnologie, 1961, Bd 86.
- Milke W.* Proto-Oceanic addenda. — Oceanic Linguistics, 1968, vol. 7.
- Pawley A.* Polynesian languages: a subgrouping based on shared innovations in morphology. — The Journal of the Polynesian Society, 1966, vol. 75.
- Pawley A.* The relationship of Polynesian outlier languages. — The Journal of the Polynesian Society, 1967, vol. 76.
- Pawley A.* Grammatical reconstruction and change in Polynesia and Fiji. — In: Pacific linguistics studies in honour of A. Capell. Canberra, 1970.
- Pawley A.* On the internal relationships of the Eastern Oceanic languages. — In: Studies in Oceanic culture history, vol. 3. Honolulu, 1972.
- Pawley A.* Some problems in Proto-Oceanic grammar. — Oceanic Linguistics, 1973, vol. 12.
- Pawley A.* Austronesian languages: Western part of the South-East Mainland Papua. — In: Wurm S. (ed.), 1976, vol. 2.
- Pawley A., Green R.* Dating the dispersal of the Oceanic languages. — Oceanic Linguistics, 1973, vol. 12.
- Pawley A., Sayaba T.* Fijian dialect division: Eastern and Western Fijian. — The Journal of the Polynesian Society, 1971, vol. 80.
- Ray S.* A comparative study of the Melanesian Island languages. Cambridge, 1926.
- Rivierre J.-C.* Phonologie comparée des dialectes de l'extrême sud de la Nouvelle Calédonie. Paris, 1973.
- Todd E. M.* A sketch of Nissan (Nehan) grammar. — In: Wurm S., Carrington L. (eds.), 1978.
- Tregear E.* The Maori-Polynesian comparative dictionary. Wellington, 1891.
- Tryon D. T.* New Hebrides languages: an internal classification. Canberra, 1976.
- Tryon D. T.* The Languages of New Hebrides: internal and external classification. — In: Wurm S., Carrington L. (eds.), 1978.
- Walsh D. S., Biggs B.* Proto-Polynesian word list I. Auckland, 1966.
- Wurm S.* Language distribution in the New Guinea areas. — In: Wurm S. (ed.), 1975.
- Wurm S.* (ed.) New Guinea area languages and language study. Canberra, 1975, vol. 1; 1976, vol. 2.
- Wurm S.* Reef — Santa Cruz: Austronesian, but. . . — In: Wurm S., Carrington L. (eds.), 1978.
- Wurm S., Carrington L.* (eds.) Second International Conference on Austronesian Linguistics. Proceedings, fasc. 1—2. Canberra, 1978.
- Z'graggen J.* Austronesian languages: Madang province. — In: Wurm S. (ed.), 1976.

АФРАЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Белова А. Г., Дьяконов И. М., Милитарев А. Ю., Порхомовский В. Я., Столбова О. В., Четверухин А. С. Сравнительно-исторический словарь афразийских языков, вып. 1. р-р-б-ф. М., 1981.

Дьяконов И. М. Семитохамитские языки. М., 1965.

Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

Дьяконов И. М. Лингвистические данные к истории древнейших носителей афразийских языков. — В кн.: Africana. Африканский этнографический сборник X. Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. 53. Л., 1975.

Дьяконов И. М., Порхомовский В. Я. О принципах афразийской реконструкции (в связи с работой над сравнительно-историческим словарем). — В кн.: Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979.

Милитарев А. Ю. О предполагаемом прасемитском *р. — В кн.: История и филология Древнего Востока. XI годичная науч. сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1976.

Наумкин В. В., Порхомовский В. Я. Сокотрийские материалы для общесемитской реконструкции. — В кн.: Конференция «Проблемы реконструкции» (Тезисы докладов). М., 1978.

Порхомовский В. Я. Проблемы генетической классификации языков Африки. — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. М., 1982.

Столбова О. В. Сравнительно-историческое исследование фонетики западночадских языков. Канд. дис. М., 1977.

Actes du premier congrès international de linguistique sémitique et chamito-sémitique. Paris, 16—19 juillet 1969. Réuni par A. Caquot et D. Cohen (Janua Linguarum. Series Practica, 159). The Hague—Paris, 1974.

Andrzejewsky B. W. Verbs with vocalic mutation in Somali and their significance for Hamito-Semitic comparative studies. — In: Hamito-Semitic. The Hague—Paris, 1975.

Armbruster C. H. Dongolese Nubian: a grammar. London, 1960.

Atti del Secondo Congresso Internazionale di Linguistica Chamito-Semítica. Firenze, 16—19 aprile 1974. Raccolti da P. Fronzaroli (Quaderni di Semitistica, 5). Firenze, 1978.

Bender M. L. Omotic: A new Afroasiatic language family. — University Museum Studies, 3. Southern Illinois University. Carbondale (Ill.), 1975.

Bergsträsser G. Einführung in die semitischen Sprachen. München, 1928.

Brockelmann C. Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. Bd 1—2. Berlin, 1908, 1913.

Calice F. Grundlagen der ägyptisch-semitischen Wortvergleichung. Wien, 1936.

Cohen D. Alternances vocaliques dans le système verbal couchitique et chamito-sémitique. — In: Actes du premier congrès international de linguistique sémitique et chamito-sémitique. The Hague—Paris, 1974.

Cohen M. Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique. Paris, 1947.

- Cohen M.* Ouverture. — Actes du premier congrès international de linguistique sémitique et chamito-sémitique. The Hague—Paris, 1974.
- Diakonoff I. M.* [Дьяконов И. М.] Semito-Hamitic languages. Moscow, 1965.
- Diakonoff I. M.* Problems of root structure in Proto-Semitic. — Archiv orientální, 1970, vol. 38, N 4.
- Diakonoff I. M.* Hamito-Semitic languages. — In: Encyclopaedia Britannica, 1974 (15th ed.).
- Diakonoff I. M.* The early Semites in Asia. — Altorientalische Forschungen, 1981, IX.
- Fleming H. C.* Classification of West Cushitic within Hamito-Semitic. — In: Eastern African History. New York, 1969.
- Garbini G.* La position du sémitique dans le chamito-sémitique. — In: Actes du Premier Congrès International de Linguistique Sémitique et Chamito-Sémitique. The Hague—Paris, 1974.
- Gelb I. J.* Sequential reconstruction of Proto-Akkadian. Chicago, 1969.
- Greenberg J. H.* Hamito-Semitic. — Southwestern Journal of Anthropology, 1950, vol. 6.
- Greenberg J. H.* Studies in African linguistic classification. New Haven, 1955.
- Greenberg J. H.* The languages of Africa. Bloomington, 1963.
- Hamito-Semita, ed. by J. and Th. Bynon (Janua Linguarum. Series Practica, 200). The Hague—Paris, 1975.
- Hetzron R.* The verbal system of Southern Agaw (Near Eastern Series, 12). Berkeley—Los Angeles, 1969.
- Hockett Ch. F.* A course in modern linguistics. New York, 1958.
- Hodge C. T.* Afroasiatic: an overview. — In: Current trends in linguistics, vol. 6. Linguistics in South West Asia and North Africa. The Hague—Paris, 1970.
- Hodge C. T.* Lisramic (Afroasiatic): an overview. — In: The Non-Semitic languages of Ethiopia. Ed. by M. L. Bender. East Lansing, 1976.
- Hohenberger J.* The nominal and verbal affirmatives of Nilo-Hamitic and Hamito-Semitic. Wiesbaden, 1975.
- Johnstone T. M.* Contrasting articulations in the Modern South Arabian languages. — In: Hamito-Semita. The Hague—Paris, 1975.
- Meillet A., Cohen M.* Les langues du monde. Paris, 1952.
- Meinhof C.* Die Sprachen der Hamiten. Hamburg, 1912.
- Moscatti S.* Indirizzo di apertura. — In: Atti del Secondo Congresso Internazionale di Linguistica Camito-Semita. Firenze, 1978.
- Moscatti S., Spitaler A., Ullendorf E., Soden W.* An introduction to the comparative grammar of the Semitic languages. Wiesbaden, 1964.
- Ullendorf E.* Comparative Semitics. — In: Current trends in linguistics, vol. 6. The Hague—Paris, 1970.
- Vergote J.* Egyptian. — In: Current trends in linguistics, vol. 6. The Hague—Paris, 1970.
- Vycichl W.* Was sind Hamiten Sprachen? — Africa, 1935, Bd 8, N 1.
- Zimmern H.* Vergleichende Grammatik der Semitischen Sprachen (Porta Linguarum Orientalium, 17). Berlin, 1898.

ЧАДСКИЕ ЯЗЫКИ

- Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
- Дьяконов И. М., Порхомовский В. Я. О принципах афразийской реконструкции (в связи с работой над сравнительно-историческим словарем). — В кн.: *Balcanica*. Лингвистические исследования. М., 1979.
- Иллич-Свитыч В. М. Из истории чадского консонантизма: лабиальные смычные. — В кн.: Языки Африки. М., 1966.
- Ольдерогге Д. А. Хамитская проблема в африканистике. — Сов. этнография, 1949, № 3.
- Ольдерогге Д. А. Западный Судан в XV—XIX вв. Л., 1960.
- Осницкая И. А. История изучения семито-хамитских языков бассейна оз. Чад. — В кн.: *Africana*. Африканский этнографический сборник, IX. Л., 1972.
- Порхомовский В. Я. Исторический консонантизм языков котоко. М., 1973.
- Порхомовский В. Я. Языковая ситуация в Северной Нигерии. — В кн.: Языковая ситуация в странах Африки. М., 1975.
- Порхомовский В. Я. О чадско-сахарских языковых контактах. — В кн.: История и филология Древнего Востока. XI Годичная научная сессия ЛО ИВ АН (Краткие сообщения). М., 1976.
- Порхомовский В. Я. Проблема ранних этнических контактов в Северной Нигерии по данным сравнительно-исторического языкознания. — В кн.: Нигерия: прошлое и настоящее (Материалы нигерийских чтений). М., 1981.
- Порхомовский В. Я. Проблемы генетической классификации языков Африки. — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. М., 1982.
- Столбова О. В. Сравнительно-историческое исследование фонетики западночадских языков. Канд. дис. М., 1977.
- Сенур Э. Язык. М., 1934.
- Barreteau D.* Le Mofu-Gudur, langue tchadique du Nord-Cameroun. — AM, 1977, vol. 10, N 1.
- Bender M. L.* Omotic: a new Afroasiatic language family. — In: University Museum Studies, 3. Southern Illinois University. Carbondale (Ill.), 1975.
- Cohen M.* Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique. Paris, 1947.
- Cohen D.* Alternances vocaliques dans le système verbal couchitique et chamito-sémitique. — In: Actes du premier congrès international de linguistique sémitique et chamito-sémitique. The Hague—Paris, 1974.
- Frajzyngier Z.* The plural in Chadic. — In: Papers in Chadic Linguistics. Leiden, 1977.
- Gouffé C.* Compléments et précisions concernant le haoussa dans le cadre de «L'Essai comparatif» de M. Cohen. — Comptes rendus du groupe linguistique d'études chamito-sémitiques, 1969/70, N 14.
- Gouffé C.* Contacts de vocabulaire entre le haoussa et le touareg. — Actes du premier congrès international de linguistique sémitique et chamito-sémitique. The Hague, 1974.

- Greenberg J.* Internal a- plurals in Afroasiatic (Hamito-Semitic). — In: *Afrikanistische Studien*. Berlin, 1955.
- Greenberg J.* The labial consonants in Proto-Afroasiatic. — *Word*, 1958, vol. 14.
- Greenberg J.* The languages of Africa. Bloomington, 1963.
- Greenberg J.* The evidence for *|mb| as a Proto-Afroasiatic phoneme. — In: *Symbolae linguisticae in Honorem Georgii Kurylowicz*. Krakow, 1965.
- Hodge C.* Some Afroasiatic etymologies. — *Anthropological Linguistics*, 1968, vol. 10, N 3.
- Hodge C.* Afroasiatic. An overview. — In: *Current Trends in Linguistics*, vol. 6. Linguistics in South West Asia and North Africa. The Hague, 1970.
- Hoffmann C.* Ancient Benue-Congo loans in Chadic. — *AM*, 1970, vol. 3, N 2.
- Hoffmann C.* Provisional check list of Chadic languages. — In: *Chadic Newsletter*. Special issue. Marburg, 1971.
- Jungraithmayr H.* The Hamitosemitic present-habitative verb stem in Ron and Mubi. — *JWAL*, 1968, vol. 4, N 2.
- Jungraithmayr H.* Die Ron-Sprachen: Tschadohamitische Studien in Nordnigerien. Glückstadt, 1970.
- Jungraithmayr H.* The Tangale vowel harmony system reconsidered. — *JAL*, 1971, vol. 10, N 1.
- Jungraithmayr H.* Das Imperfectivstamm in Migama. — *Folia Orientalia*, 1975₁, vol. 16.
- Jungraithmayr H.* Types of conjugational forms in Chadic. — In: *Hamito-Semitica*. The Hague—Paris, 1975₂.
- Jungraithmayr H.* Apophony and grammatical tone in the tense system of Chadic languages. — *AÜ*, 1977₁, vol. 60, N 1/2.
- Jungraithmayr H.* Sprachhistorische Schichtstufen in Tschadraum. — *Paideuma*, 1977₂, vol. 2, 3.
- Jungraithmayr H.* Das Verb im Mokulu und das altschadohamitische Aspektsystem. — In: *Zur Sprachgeschichte und Ethnohistorie in Afrika*. Berlin, 1977₃.
- Jungraithmayr H.* Grundzüge des Verbal systems des Mokilko, der Sprache von Mokoulou (Guéra, Tschad). — *AM*, 1977₄, vol. 10, N 1, 2.
- Jungraithmayr H.* The Zime dialect cluster («Kado», «Dari») in Southern Chad: its verbal aspect system. — *AÜ*, 1978, vol. 51, N 1.
- Jungraithmayr H., Shimizu K.* Chadic lexical roots. Marburg—Lahn, 1978.
- Klingenheben A.* Die Silbenauslautgesetze des Hausa. — *Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen*, 1928, Bd 18.
- Lukas J.* The linguistic situation in the Lake Chad area in Central Africa. — *Africa*, 1936, vol. 9.
- Lukas J.* Zentralsudanische Studien. Hamburg, 1937.
- Lukas J.* Der Hamitische Gehalt der Tschadohamitischen Sprachen. — *Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen*, 1938, Bd 28.
- Meillet A., Cohen M.* Les langues du monde. Paris, 1924.
- Müller W.* Beiträge zur hamito-semitischen Wortvergleihung. — In: *Hamito-Semitica*. The Hague—Paris, 1975.
- Newman P.* A Chadic language bibliography (excluding Hausa). — *JAL*, 1971, vol. 10, N 1.
- Newman P.* Historical sound laws in Hausa und in Dera (Kanakuru). — *JWAL*, 1970, N 7.

- Newman P.* Chadic classification and reconstruction. — AL, 1977₁, vol. 5, N 1.
- Newman P.* Lateral fricatives (hlaterals) in Chadic. — In: Papers in Chadic linguistics. Leiden, 1977₂.
- Newman P.* Chadic extensions and pre-dative verb forms in Hausa. — SAL, 1977₃, vol. 8, N 3.
- Newman P.* The formation of the imperfective verb stem in Chadic. — AM, 1977₄, vol. 60, N 3.
- Newman P., Ma R.* Comparative Chadic: phonology and lexicon. — JAL, 1966, vol. 5, N 3.
- Newman P., Schuh R.* The Hausa aspect system. — AL, 1974, vol. 1, N 1.
- Schuh R.* The Chadic verbal system and its Afroasiatic nature. — AL, 1976, vol. 3, N 1.
- Schuh R.* West Chadic verb classes. — In: Papers in Chadic linguistics. Leiden, 1977₁.
- Schuh R.* Bade/Ngizim determiner system. — AL, 1977₂, vol. 4, N 3.
- Skinner N.* North Bauchi Chadic languages common roots. — AL, 1977, vol. 4, N 1.
- Shimizu K.* The Southern Bauchi group of Chadic languages. — AM, 1978, N 2.
- Terry R.* Chadic. — In: Current trends in linguistics, vol. 7. Linguistics in Sub-Saharan Africa. The Hague—Paris, 1971.
- Westermann D., Bryan M.* Languages of West Africa. London, 1952 (2 ed. 1970).
- Wolff E.* Die sprachliche Situation in Gwoza-Distrikt (Nordostnigeria). — JAL, 1971, vol. 10, N 1.
- Wolff E.* Patterns in Chadic (and Afroasiatic) verb base formations. — In: Papers in Chadic linguistics. Leiden, 1977.

ЯЗЫКИ БАНТУ

- Ольдерогге.* Хамитская проблема в африканистике. — Сов. этнография, 1949, № 3.
- Топорова И.* Типология фонологических систем в языках банту. М., 1975.
- Bleek W. H. J.* A comparative grammar of South African languages, pt 1, 2. London, 1862, 1869.
- Boyce W. B.* Grammar of the Kaffir language. London, 1834.
- Brayant J. C.* The Zulu languages. — Journal of the American Society, 1849, vol. 1.
- Bryan M.* The Bantu languages of Africa. Oxford, 1959.
- Doke C. M.* A comparative study in Shona phonetics. Johannesburg, 1931.
- Doke C. M.* Bantu. Modern grammatical, phonetical and lexicographical studies since 1860. London, 1945.
- Doke C. M.* The Southern Bantu languages. London, 1954.
- Greenberg J.* The tonal system of Proto-Bantu. — Word, 1948, vol. 4.
- Greenberg J.* Studies in African linguistic classification. New Haven, 1955.
- Greenberg J.* The languages of Africa. Bloomington, 1966,

- Guthrie M.* The classification of the Bantu languages. London, 1948.
- Guthrie M.* The Bantu languages of Western Equatorial Africa. London, 1953.
- Guthrie M.* Comparative Bantu. Introduction to the Comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages. London, vol. 1, 1967; vol. 2, 1971; vol. 3, 1970; vol. 4, 1970.
- Homburger L.* Étude sur la phonétique historique du bantu. Paris, 1913.
- Johnston H. H.* A comparative study of the Bantu and Semi-Bantu languages. Oxford, vol. 1, 1919; vol. 2, 1922.
- Meinhof C.* Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Berlin, 1906.
- Meinhof C.* Grundriss einer Lautlehre der Bantusprachen. Berlin, 1910.
- Meinhof C.* Die Sprache der Suaheli in Deutsch Ost-Afrika. Berlin, 1928₁.
- Meinhof C.* Die Sprache der Herero in Deutsch Süd-Westafrika. Berlin, 1928₂.
- Meinhof C.* Introduction to the phonology of the Bantu languages. Berlin, 1932.
- Meinhof C.* Entstehung der Bantusprachen. — Zeitschrift für Ethnologie, 1939, Bd 70.
- Meinhof C.* Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Hamburg, 1948.
- Růžička K. F.* Locative formation in Bantu languages. — Archiv Orientalni, 1959, vol. 27/2, 27/4.
- Schreuder H. C. S.* Grammatik for Zulu Sproget. Hrestiania, 1850.
- Torrend J.* A comparative grammar of the Southafrican Bantu languages. London, 1891.
- Tucker A. N.* The comparative phonetics of the Sotho-Chuana group of Bantu languages. London, 1929.
- Tucker A. N., Bryan M. A.* Linguistic survey of the Northern Bantu borderland. London, 1957.
- Werner A.* The language families in Africa. London, 1925.
- Westphal E. O. J.* An introductory comparative study of negation in Bantu. — Mitteil. des Inst. for Orientforsch., 1958, Bd 6.
- White C. M.* A comparative survey of the verb forms in four languages of the West Central Bantu group. — African Studies, 1947, vol. 6.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

КСИНА — КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИН-ТА НАРОДОВ
АЗИИ И АН СССР.

- AL — Afroasiatic Linguistics.
AM — Africana Marburgensia.
AÜ — Africa und Übersee.
BBCS — Bulletin of the Board of Celtic Studies.
BEFEO — Bulletin de L'Ecole Française d'Extrême-Orient.
BIHP — Bulletin of the Institute of History and Philology.
BMFEA — Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities,
Stockholm.
BSL — Bulletin de la Société de linguistique de Paris.
BSO(A)S — Bulletin of the School for Oriental and (the African) Studies.
BUSHT — Bulletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës.
CAAAL — Computational Analyses of Asian and African Languages,
Tokyo.
CRAI — Comptes Rendues de l'Académie des l'Inscriptions.
ÉC — Études Celtiques.
ERM — Educational Review, Madras.
IA — Indian Antiqua, Leiden.
IJJ — Indo-Iranian Journal.
IJAL — International Journal of American Linguistics.
IJDL — International Journal of Dravidian Linguistics.
IJL — Indian Journal of Linguistics.
IL — Indian Linguistics.
JA — Journal Asiatique.
JAL — Journal of African Languages.
JAOS — Journal of the American Oriental Society.
JAS — Journal of the Asiatic Society.
JORM — Journal of Oriental Research, Madras.
JTS — Journal of Tamil Studies.
JWAL — Journal of West African Languages.
KZ — (Kuhn's) Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung.
LTBA — Linguistics of Tibeto-Burman Area, Berkeley.
MSL — Mémoires de la Société de linguistique de Paris.
MSS — Münchener Studien für Sprachwissenschaft.
NTS — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap.
OPWS — Occasional Papers of the Wolfenden Society on Tibeto-
Burman Linguistics, Urbana.
PAPS — Proceedings of the American Philosophical Society.
PBB — Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und
Literatur.
QJMS — Quaterly Journal of the Mythic Society.
RESEE — Revue des études Sud-Est-Européenes.
SAL — Studies in African Linguistics.
TPS — Transactions of the Philological Society, London.
ZCP — Zeitschrift für celtische Philologie.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.
ZRPb — Zeitschrift für Romanische Philologie

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ *

авар.	— аварский	дарг.	— даргинский
авест.	— авестийский	дор.	— дорийский
адыг.	— адыгские	др.-англ.	— древнеанглийский
аккад.	— аккадский	др.-инд.	— древнеиндийский
алб.	— албанский	др.-ирл.	— древнеирландский
англ.	— английский	др.-исл.	— древнеисландский
араб.	— арабский	др.-нем.	— см. д.-в.-н.
арам.	— арамейский	др.-прусск.	— древнепрусский
арм.	— армянский	др.-рус(ск).	— древнерусский
арч.	— арчинский	др.-уйг(ур).	— древнеуйгурский
атт.	— аттический	др.-хеттск.	— древнехеттский
балт.	— балтийские	занск.	— занский
бацб.	— бацбийский	и.-е.	— индоевропейский (-ские)
беж.	— бежитинский	инг.	— ингушский
бенг.	— бенгали	индоарийск.	— индоарийские
беот.	— беотийский	ион.	— ионийский
бур.	— бурятский	иран.	— иранские
вед.	— ведийский	итал.	— италийские
венет.	— венетский	каб.	— кабардинский
галл.	— галльский	казах.	— казахский
гег.	— гегский	калм.	— калмыцкий
герм.	— германские	канн.	— каннада
гин.	— гинухский	кв.-письм.	— памятники квад-
гот(ск).	— готский	ратного письма	монгольских
греч.	— греческий	языков	
греч. гом.	— греческий гомеров-	кельт.	— кельтские
ский		кельтибер.	— кельтиберский
греч. крит.	— греческий крит-	кипр.	— аркадо-кипрский
ский		кирг.	— киргизский
греч. микен.	— греческий микен-	кит.	— китайский
ский		кол.	— колами
груз.	— грузинский	куч.	— кучанский
гудж.	— гуджарати	лак.	— лакский
гунз.	— гунзибский	лат.	— латинский
д.-в.-н., др.-нем.	— древневерх-	лезг.	— лезгинский
ненемецкий		лесб.	— лесбийский

* Данный список включает и сокращения, принятые в монографии: Сравнительно-историческое изучение языков разных семей (Современное состояние и проблемы). М., 1981.

лик. — ликийский
лит(овск). — литовский
лтш. — латышский
лув(ийск). — лувийский
лув. иер. — лувийский иерогли-
фический
мал. — малаялам
малайск. — малайский
маньчж. — маньчжурский
мар. — марийский
марат. — маратхи
мессап. — мессапский
мокша-морд. — мокша-мордов-
ский
монгольск. — монгольский
(-ские)
морд. — мордовский
н.-инд. — новоиндийские
нем. — немецкий
общедаг. — общедагестанский
общетюрк. — общетюркский
ойр.-письм. — ойратский пись-
менный
ордосск. — ордосский
осет. — осетинский
оск. — оскский
пал(айск). — палайский
пандж. — панджаби
пеласг. — пеласгийский
перс. — персидский
польск. — польский
праавстр. — праавстронезий-
ский
прагерм. — прагерманский
праок(сан). — праокеанийский
прасл. — праславянский
прусск. — прусский
рус(ск). — русский
санскр. — санскрит
сван. — сванский
серб.-хорв. — сербскохорватский

слав. — славянские
ср.-алб. — среднеалбанский
ср.-в.-нем. — средневерхнене-
мецкий
среднехеттск. — среднехеттский
ст.-лит. — старолитовский
ст.-письм. монг. — старопись-
менный монгольский
ст.-сл(ав). — старославянский
табас. — табасаранский
таг. — тагальский
там. — тамильский
татарск. — татарский
тел. — телугу
тиб. — тибетский
тох. — тохарские
тув. — тувинский
тунг.-маньчж. — тунгусо-маньч-
журские
туран. — туранский
туркм. — туркменский
тюрк(ск). — тюркские
умб. — умбрский
ф.-угор. — финно-угорские
фесс. — фессалийский
фриг. — фригийский
халх. — халхаский
хварш. — хваршинский
хет. — хеттский
хин. — хиналугский
хурр. — хурритский
цез. — цезский
цейл. там. — цейлонский та-
мильский
чеч. — чеченский
чешск. — чешский
чжур. — чжурчжэньский
чув. — чувашский
эвенк. — эвенкийский
яв. — яванский
якутск. — якутский

СОДЕРЖАНИЕ

САНСКРИТ (Т. Я. Елизаренкова)	3
ХЕТТО-ЛУВИЙСКИЕ (АНАТОЛИЙСКИЕ) ЯЗЫКИ (В. В. Иванов)	31
ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК (О. С. Широков)	49
КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ (В. П. Калыгин, А. А. Коро- лев)	71
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (Н. С. Чемоданов)	91
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (Б. П. Нарумов)	116
АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК (В. П. Нерознак)	135
ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ ЯЗЫКИ (И. В. Кор- мушин)	153
СИНО-ТИБЕТСКИЕ И АВСТРО-ТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ (И. И. Пейрос)	168
ДРАВИДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ (М. С. Андронов)	186
АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ (Ю. Х. Сирк)	203
ОКЕАНИЙСКИЕ ЯЗЫКИ (В. И. Беликов)	221
АФРАЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ (В. Я. Порхомовский)	233
ЧАДСКИЕ ЯЗЫКИ (В. Я. Порхомовский)	257
ЯЗЫКИ БАНТУ (Н. В. Охотина)	274
ПОСЛЕСЛОВИЕ (Н. З. Гаджиева)	291
ЛИТЕРАТУРА	300
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ	340
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ	341

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ
РАЗНЫХ СЕМЕЙ

Задачи и перспективы

Утверждено к печати Институтом языкознания
АН СССР

Редактор издательства В. С. Матюхина
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технические редакторы
Т. А. Калинина, Н. Н. Кокина
Корректоры Ф. А. Дебабов, Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 25051

Сдано в набор 08.02.82.

Подписано к печати 28.07.82.

Формат 84×108^{1/32}.

Бумага типографская № 1.

Гарнитура обыкновенная.

Печать высокая.

Усл. печ. л. 18,06. Усл.-кр. отт. 18,1.

Уч.-изд. л. 20,3. Тираж 2300 экз.

Тип. зак. 1162.

Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени

Первая типография издательства «Наука»

199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12